

ДВЕСТИ ЛЕТ
НОВОЙ СЕРБСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Серия
«BIBLIOTHECA SERBICA»

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Редколлегия серии
«Bibliotheca Serbica»

член-корреспондент РАН *В. К. Волков*
(председатель)

к. и. н. *А. В. Карасев*

д. и. н. *К. В. Никифоров*

д. и. н. *А. Л. Шемякин*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ДВЕСТИ ЛЕТ
НОВОЙ СЕРБСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

---

*К юбилею начала
Первого сербского восстания
1804–1813 гг.*

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2005

УДК 94(100)•18/20•
ББК 63.3(0)52/64
Д23

*Издательство благодарит
за финансовую поддержку
Мирко Раденовича,
президента Объединенной Сербской диаспоры
Северо-Запада России*

Д23 Двести лет новой сербской государственности: К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг. / Отв. ред. В. К. Волков. — СПб.: Алетейя, 2005. — 406 с.; ил. — (Серия «Bibliotheca Serbica»).

ISBN 5-89329-751-2

Сборник посвящен 200-летию юбилею начала сербской революции — первого национально-освободительного движения на Балканах Нового времени, — открывшей для населения Белградского пашалыка и вассального Сербского княжества перспективы самостоятельного социально-политического и культурного развития. В книгу включены статьи российских историков-сербистов, охватывающие все периоды формирования и эволюции сербской государственности — со времен Первого сербского восстания (1804–1813) и до начала XXI в. Впервые в отечественной науке, в виде единого труда, исследуется важнейшая и магистральная тема истории Сербии.

Для специалистов, преподавателей, аспирантов и студентов вузов, а также всех, интересующихся историей и современным развитием Сербии и Балкан.

УДК 94(100)•18/20•
ББК 63.3(0)52/64

ISBN 5-89329-751-2

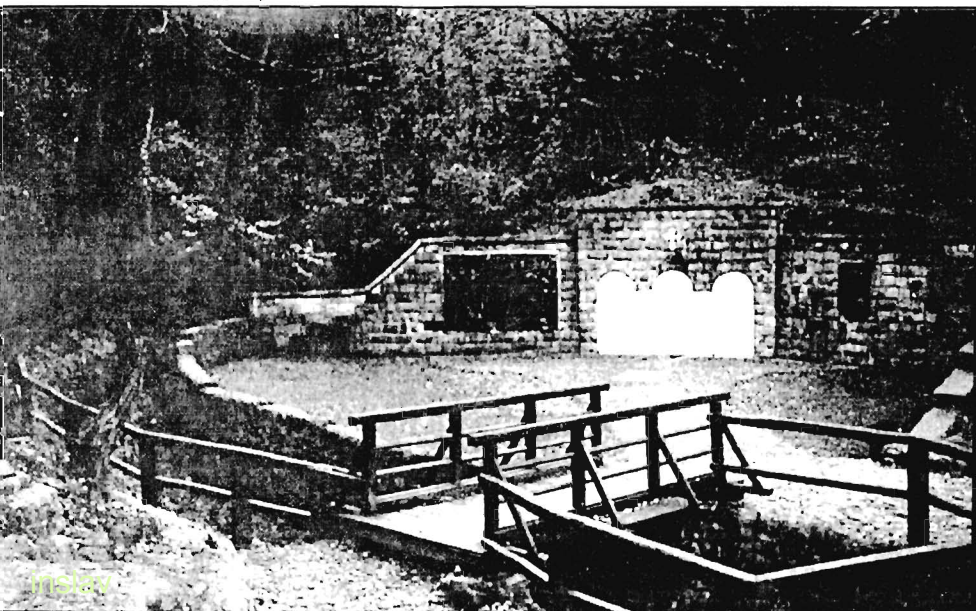
© Коллектив авторов, 2005
© Институт славяноведения РАН, 2005
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2005
© «Алетейя. Историческая книга», 2005

ДВЕСТИ ЛЕТ НОВОЙ СЕРБСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

*Карагеоргий — верховный вождь
народа сербского*

*Оравац — место проведения скупщины восставших,
на которой Карагеоргий был избран вождем Первого сербского
восстания (февраль 1804 г.)*

Герб династии Карагеоргиевичей
над порталом церкви св. Георгия на Опленаце

Герб династии Обреновичей

Введение

В европейской истории трудно найти примеры такого длительного и тяжкого порабощения, какое испытал на себе сербский народ. И также трудно найти примеры столь вдохновенного героизма, какие явил он, поднявшись за свою свободу и воссоздав затем новую сербскую государственность. События Первого сербского восстания 1804–1813 гг. привлекли к себе внимание всей Европы. И не будет преувеличением сказать, что именно те события вернули сербов в Европу.

Но особенное внимание и всемерную поддержку они нашли в единоплеменной и единой России. Возрождение зарубежных славянских народов привело к тому, что как раз в то время, как отдельная научная дисциплина, в России начало зарождалось историческое славяноведение.

С тех пор, несмотря на все сложности в российско-сербских отношениях, вплоть до 1917 г. Россия продолжала помогать братской Сербии. Октябрьский переворот прервал на официальном уровне этот процесс взаимного тяготения двух народов. А несколько позже, в 20–30-е гг. XX в., была разгромлена и дореволюционная школа отечественной славистики. Ее возрождение пришлось в основном уже на период после Великой Отечественной войны. Оно было связано с работой академического Института славяноведения и славяноведческих кафедр МГУ и других вузов страны. При всем идеологическом диктате, жестких цензурных ограничениях формально благоприятные организационно-финансовые условия для развития науки не могли не сказаться на ее судьбе. В итоге славяноведение заняло достойное место среди других гуманитарных дисциплин.

Во многом на заделе, сделанном в советское время, и продолжает развиваться сегодня отечественное славяноведение, в ряды которого вливается уже четвертое послевоенное поколение исследователей. В настоящее время только историей Сербии в различных научных и научно-учебных центрах профессионально занимается более 50 специалистов. Далеко не каждая «великая держава» может похвастаться столь пристальным к себе вниманием. Хотя бы только в силу этого такую славную дату, как 200-летний юбилей начала Первого сербского восстания, не могли не отметить в России.

Главным научным событием в дни юбилея стала представительная конференция «Двести лет новой сербской государственности», состоявшаяся

в Институте славяноведения РАН 15–16 июня 2004 г.* Материалы конференции и легли в основу предлагаемого читателю сборника. Как и сама конференция, сборник разбит на три проблемно-хронологические части — «Первое сербское восстание и возрождение сербской государственности»; «Сербская государственность в XIX — начале XX в.» и «Эволюция сербской государственности в XX в. Три Югославии. Современные проблемы».

В определенной степени сборник дает представление о современном состоянии исторической сербистики в России. В нем опубликованы труды разных поколений историков-сербистов — от признанных ветеранов до вчерашних аспирантов. Авторы сборника представляют не только Москву, но и Нижний Новгород, Самару, Тверь и даже Белград.

Сборник открывают вступительное слово директора Института славяноведения РАН, члена-корреспондента РАН В. К. Волкова и приветствие Его Превосходительства, Чрезвычайного и Полномочного посла Сербии и Черногории в Российской Федерации господина Милана Рочена.

Следует отметить, что предлагаемый сборник появился не на пустом месте — в октябре 2003 г. вышел специальный тематический номер российского исторического иллюстрированного журнала «Родина» «Россия и Сербия: веки истории»**, где были опубликованы материалы многих участников настоящего издания. «Русско-сербский» номер «Родины» посвящен юбилею начала Сербской революции.

Празднование 200-летия начала Первого сербского восстания в России было бы неполным без тех торжественных мероприятий, которые провело в Москве Посольство Сербии и Черногории.

---

* Конференция «Двести лет новой сербской государственности» не прошла незамеченной не только в России, но и в Сербии. См.: *Влаховић Б.* Карађорђе у Русији // Вечерње новости. 18. јуна 2004.

Родина. 2003. № 10. «Россия и Сербия: веки истории».

Сербия — 200 лет борьбы

Вступительное слово директора Института
славяноведения РАН, члена-корреспондента РАН
В. К. Волкова

В среде историков существует мнение, что история счастливых народов, как правило, довольно скучная. Продолжая эту мысль, можно сказать, что история сербского народа — исключительно интересна. Это летопись побед и поражений, политических и экономических достижений и срывов, взлетов и падений. Конечно, другие народы также знали дни горя и радостей. Но на долю сербского народа, особенно в последние 100 лет, выпало слишком много испытаний.

Начало новой сербской государственности положило восстание 1804 г. под руководством Карагеоргия (Георгия Пётровича). Отмечая его двухсотлетие, мы с высоты исторической дистанции видим, что Первое сербское восстание дало толчок борьбе за освобождение других балканских народов, находившихся под османским игом. Борьба была упорной. Она вскоре получила поддержку со стороны России, которая с тех пор неизменно отстаивала сербские интересы на международной арене, но вначале — в отношениях с Османской империей. Вслед за Первым (1804–1813) последовало Второе сербское восстание (1815) под руководством Милоша Обреновича. В конечном итоге борьба, которую многие исследователи справедливо называют национальной революцией, увенчалась обретением Сербским княжеством автономии в составе Оттоманской империи. Потребовались долгие годы новых войн и дипломатических усилий, чтобы после Русско-турецкой войны 1878–1878 гг. оно обрело полную независимость.

В середине 40-х гг. XIX столетия зародилась и программа объединения всех сербских земель в единое государство. Эта программа, ставшая известной как «Начертание» (одним из ее создателей был И. Гарашанин, давший ей свое имя); стала на долгие десятилетия основой практической деятельности сербской дипломатии. К этой цели стремились и политические течения тех частей сербского народа, которые оказались за пределами страны. А их, этих частей, было много. Турецкое завоевание Балканского полуострова разбросало сербов по многим землям. Значительное число их

проживала на территориях, принадлежавших Габсбургской монархии — в Воеводине, вдоль Военной границы, созданной монархией против турецких нападений, в хорватских землях. В течение XVIII и XIX вв. сербы составляли большинство населения в Боснии и Герцеговине, принадлежавшей до Берлинского конгресса 1878 г. Османской империи, а затем оккупированной Австро-Венгрией (в 1908 г. — аннексированной), и на территории Косова и Метохии (Старой Сербии), бывшей в Средние века центром сербской государственности. Все это уже на ранних этапах выдвинуло на международную арену сербский национальный вопрос, который стал объективно одним из факторов Восточного вопроса, вокруг которого вращалась европейская политика того времени.

Национальные проблемы резко обострились на Балканах в начале XX в. Возникшие на Балканском полуострове при огромной помощи со стороны России молодые национальные государства — Сербия и Греция, Болгария и Румыния, а также Черногория уже не собирались мириться с тем, что населенные их народами территории оставались еще под османским господством. Одновременно оживились национальные движения славянских народов Австро-Венгрии. Возникшая в югославянских землях Габсбургской монархии Хорватско-сербская коалиция, в которую входил ряд политических партий, в 1906 г. получила на выборах большинство в хорватском саборе. Аннексия Австро-Венгрией в 1908 г. Боснии и Герцеговины усилила политическую борьбу. В повестку дня стал вопрос о преобразовании монархии на основах триализма. Ответом австрийских властей стали попытки подавить деятельность оппозиционных партий хорватов и сербов путем фальсифицированных судебных процессов с обвинениями в государственной измене. Наиболее известным стал так называемый процесс Фридъюнга в декабре 1909 г. и названный так по имени австрийского историка-публициста, опубликовавшего провокационные статьи с ложными обвинениями в адрес руководства Хорватско-сербской коалиции (особенно одного из ее лидеров — Ф. Супило) в сговоре с сербским правительством с целью отрыва югославянских земель от монархии и образования единого государства. Следствием этих действий стало возникновение на международной арене югославянского вопроса среди других проблем европейской политики.

Цепь кровавых событий на Балканах началась с Балканских войн 1912–1913 гг. Каждая из балканских стран стремилась завершить процесс национального объединения, причем их интересы часто были несовместимы. Сербия неизменно находилась в центре всех этих событий. Они стали прологом Первой мировой войны, изменившей лицо не только Европы, но и всего мира. Именно к этому периоду относится появление в публицистике, а затем и в политическом лексиконе определения Балкан как «порохового погреба Европы». События того времени были изучены и описаны по горя-

чим следам международной комиссией ученых, организованной американским Фондом Карнеги. Объемный труд комиссии, добрая половина которого принадлежала перу П. Н. Милюкова, был завершен ранней весной 1914 г., а опубликован в самом начале Первой мировой войны. Это обстоятельство не дало ему войти своевременно в научный и политический оборот. Между тем в нем дан не только серьезный анализ причин войны и хода военных действий, но и сопровождавшего их взрыву националистических настроений, шовинизма, преступлений против гражданского населения, а также явлений, которые много десятилетий спустя получили название «этнических чисток». Наблюдатели были шокированы, ибо Европа уже успела позабыть о своей средневековой истории. Когда же после Первой мировой войны те же явления проявились в самих европейских странах, заговорили о «балканизации Европы». В данном случае Балканы были оболганы. Просто они стали местом, где явления Нового времени проявились до того, как они охватили «цивилизованные страны». Просто Балканы на несколько лет опередили Европу. С тех пор они не раз становились как бы своеобразной политической лабораторией, чуть-чуть опережавшей свое время. Балканские войны породили национальное соперничество, а также посеяли семена ксенофобии, которые дали зловещие всходы позднее, уже в ходе Первой и Второй мировых войн.

Существует расхожее мнение, будто Первая мировая война началась на Балканах, а Россия вступила в нее из-за Сербии. С внешней стороны факты как будто подтверждают такие суждения. Действительно, поводом для начала военных действий Австро-Венгрии против Сербии стало убийство в июне 1914 г. в Сараево престолонаследника Франца-Фердинанда, а затем Россия объявила мобилизацию: в стране были широко распространены чувства симпатии к сербскому народу. Однако между поводом и причиной — дистанция огромного размера. Как можно упускать из виду, что к тому времени на европейском континенте сложилось два противостоявших друг другу военно-политических блока — Тройственный союз и Антанта? Исследования последнего времени, особенно профессора Ф. Фишера и возглавляемой им школы немецких историков, на ставших доступными документах убедительно показали, что инициатором развязывания войны стала кайзеровская Германия, стремившаяся к достижению статуса мировой державы. Она исходила из той оценки развития событий, что время работает против Тройственного союза. Входившая в него Австро-Венгрия слабела, тогда как входившая в Антанту Россия быстро развивалась. Прогнозы показывали, что уже в скором времени чаша весов будет склоняться в сторону Антанты. Отсюда — необходимость превентивных мер. Они виделись в скорейшем развязывании войны, чтобы пресечь неблагоприятные тенденции. Так возникла «балканская калькуляция», исходившая из постула-

та, что если повод к войне возникнет на Балканах, то существуют шансы расколоть Антанту, используя имевшиеся между входившими в нее державами противоречия на Балканах. К тому времени отношения между Австро-Венгрией и Сербией достигли уже стадии «холодной войны», так что за поводом дело не встанет. И он пришел в виде сараевского покушения.

Старый марксистско-ленинский тезис, будто в развязывании Первой мировой войны повинны все империалистические государства, не выдерживает критики. Однако даже в рамках этой системы взглядов война Сербии с самого начала была оборонительной и справедливой. Она боролась против врага, во много раз более сильного и лучше технически оснащенного. В течение года с лишним отбивала она все атаки и сама переходила в наступление, чтобы вернуть утраченные территории. Так продолжалось до осени 1915 г., когда войска Болгарии, вступившей в войну на стороне Тройственного союза, ударили в тыл сербской армии. Началось ее длительное отступление через горы к Адриатическому морю и эвакуация на остров Корфу (Сербская Голгофа). Страна была оккупирована австро-венгерскими войсками. Оккупационный режим проводил политику геноцида против сербского населения, причем не только на ее государственной территории, но и на территории Боснии и Герцеговины и в Косово, положив начало демографическим изменениям, менявшим этнический состав этих земель. Военные потери, массовые эпидемии и голод вели к огромным потерям. Сербская армия продолжила борьбу на Салоникском фронте. Отсюда она осенью 1918 г. начала вместе с союзными войсками наступление, приведшее к освобождению страны и к победе. Хотя Сербия вышла из войны победителем, сербский народ понес, по-видимому, самые большие (в процентном отношении) потери из всех, участвовавших в войне.

В годы войны в югославянских землях проходил процесс, получивший название национальной революции. Этот процесс завершился сразу же после окончания войны созданием 1 декабря 1918 г. нового государства — Королевства сербов, хорватов и словенцев. Решение о вхождении в это государство было принято законодательными собраниями и местными народными вече всех вошедших в него земель. Была ли Югославия (так называли эту страну с самого начала неофициально, а с 1929 г. — официально) искусственным государством? Такой вопрос ставился вначале в публицистике, а затем и в ряде исторических работ, публиковавшихся в новых государственных образованиях, возникших после 1991 г. Ответ на него носил густой налет политического заказа и националистической мотивации. «Исторической ошибкой» назвали создание Югославии некоторые хорватские историки. Близки по смыслу были и оценки ряда историков Словении. Но тогда надо признать «историческими недоумками» тех их политических деятелей, которые поддержали образование этого государства, например, А. Трум-

бича или А. Корошеца, хотя они оцениваются в нынешних трудах весьма положительно. Для каждого из народов, вошедших в Югославию, ее создание принесло ряд позитивных последствий. Словенские земли (за исключением Каринтии [Корушки] и некоторых других районов) освободились от многовекового немецкого господства и получили возможность развивать свою культуру. Вместе с хорватскими землями они избежали опасности подпасть под иностранную оккупацию (в то время им угрожала Италия). Сербские земли оказались в рамках единого государства. В югославских границах нашел решение сербский национальный вопрос. История показала, что другого решения просто не существовало.

Другое дело, что в новом государстве утвердилась централистская модель во главе с сербской королевской династией. Она не учитывала особенностей исторического развития и политического положения всех входивших в него народов и регионов. Национальный вопрос стал доминирующим в жизни страны в течение всего межвоенного периода. В самый канун Второй мировой войны (август 1939 г.) был сделан первый шаг на пути федерализации страны: была образована «Хорватская бановина», объединившая все хорватские земли. В рамках одной административной единицы оказались также все словенские земли, реально пользовавшиеся автономией без официально утвержденного статуса. Однако война не дала возможности развиваться этой тенденции, и о ней приходится судить априорно, в условном наклонении.

Гитлеровская агрессия в апреле 1941 г. положила конец «первой Югославии». Нацисты установили на югославских землях террористический оккупационный режим. С самого начала они взяли курс на искоренение югославской государственности. Территория страны была расчленена на девять частей с сознательным нарушением их экономических, этнических и культурных связей. Оккупанты делали ставку на разжигание национальных противоречий при культивировании антисербского шовинизма. Главным инструментом такой политики должно было стать так называемое «Независимое Государство Хорватия» (НГХ), а несколько позднее к ней присоединилась «Великая Албания».

Средневековые алхимики верили в возможность химическим путем получить в колбе живое существо — гомункулус, а фантасты многократно описывали в своих произведениях — страшилках злых карликов-гомункулусов, способных на чудовищные злодеяния. Таким политическим гомункулусом, созданным в нацистской реторте, стало «Независимое Государство Хорватия». Во главе этого марионеточного образования нацисты поставили хорватских фашистов-усташей. История Европы в годы войны — это бесчисленное количество преступлений, массовые зверства фашистов, уничтожение людей в лагерях смерти, расстрелы мирного населения.

Но даже на этом фоне НГХ выделялось садизмом и бесчеловечностью установленного там режима. В это марионеточное «государство» помимо «Хорватской бановины» были включены территории Боснии и Герцеговины, а также Санджака. Оно охватило примерно 40% территории и населения довоенной Югославии, причем сербы составляли треть его населения (из 6,3 млн чел.). За короткий срок на его территории было создано 24 концентрационных лагеря, превратившихся в инструмент массового уничтожения людей. Особенно страшным был лагерь в Ясеноваце, который стоит в одном ряду с такими чудовищными лагерями смерти, как Майданек, Освенцим, Бухенвальд. В Ясеноваце было истреблено почти 700 тыс. человек — главным образом сербов, евреев и цыган. Практика геноцида сербского населения получила благословение самого Гитлера, который летом 1941 г. дал усташам совет «в течение 50 лет проводить политику национальной нетерпимости». Совет был подхвачен с энтузиазмом. Наряду с лагерями смерти усташаи принялись с помощью католического клира рьяно принуждать сербов к переходу в католичество, применяя в качестве основного аргумента массовые расстрелы населения.

Ответом на усташский геноцид и террор оккупантов стало начало вооруженного восстания, принявшего вскоре характер национально-освободительной борьбы, которую возглавили коммунисты. Первыми поднялись на борьбу населенные сербами районы Лики и Кордуна в Хорватии. В борьбе приняли участие все народы Югославии, она охватила всю страну, все ее регионы. Ее история хорошо известна. Освобождение территории страны от оккупантов и их пособников проходило при участии сил Советской Армии, которая в совместной с югославскими партизанскими силами операции осенью 1944 г. освободила Белград и восточную часть страны. Приняв, особенно на заключительном этапе войны, характер народной революции, национально-освободительная борьба привела к установлению коммунистического режима, а также к восстановлению единства страны, но уже на иных, федеративных началах.

«Вторая Югославия», как называют сейчас возрожденную после Второй мировой войны страну, с самого начала строилась как федеративное государство по советскому образцу; исходя из постулатов ленинско-сталинской национальной политики. Было создано шесть республик — Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Черногория, Македония и Сербия, причем только в составе Сербии имелись две автономные области — Косово и Метохия (Космет) и Воеводина. Административные границы между республиками проводились бюрократическим путем. Никаких опросов населения не было. В адрес установившегося режима в Югославии можно сказать все слова критики, что и в адрес любой другой коммунистической страны. Но одного нельзя отрицать: он сделал все возможное для сглаживания

национальной розни, посеянной и усиленно раздувавшейся оккупационными властями и их марионетками в годы войны. Первые 15–20 лет истории «второй Югославии» прошли под лозунгом «братства и единства».

Последующее возрождение и оживление национализма в Югославии связано уже с особенностями развития коммунистического строя, с его социальной структурой, с пороками его теоретических конструкций и политической практикой. Национально-территориальное размежевание республик и автономных областей привело к появлению в них этнобюрократических кланов. Однотипные явления, порожденные одинаковой практикой, проявились как в Югославии, так и в Советском Союзе. Однако в Югославии, вставшей на путь построения своей модели социализма («самоуправляющийся социализм») и децентрализации государственной власти они проявились в политической жизни даже раньше. Бюрократический централизм был спущен с федерального уровня на республиканский. Национальная партократия вела себя в «своих» республиках как в мононациональных государственных образованиях, оттирая на второй план представителей других этносов. С середины 60-х гг. XX в. страна вступила в полосу нарастающих национальных противоречий. Они особенно остро проявились в 1971 г. в Хорватии, вызвав политический кризис: Аналогичные процессы набирали силу и в других регионах (например, в Косово с конца 60-х гг., где впервые был выдвинут националистический лозунг «этнически чистого» края). С начала 80-х гг. начался государственный кризис, в ряде республик стали нарастать сепаратистские настроения.

Для сербов, помимо «косовского комплекса» (практики сознательного выдавливания сербов с территории края, которая некогда была колыбелью сербской государственности), было характерно широко распространенное убеждение, что во «второй Югославии» коммунистический режим сознательно стремился расчленить сербский народ, растащить населявшиеся им территории по разным республикам и областям. Острой критике такая политика подверглась в проекте меморандума Сербской академии наук и искусств. Этот проект не был закончен и никогда официально не обсуждался и не был принят даже за основу. Однако содержание его неоконченного текста было выкрадено и опубликовано в 1986 г., вызвав ожесточенные нападки как со стороны официальных органов Сербии, так и других республик, особенно Хорватии.

«Бархатные революции» 1989 г. в ряде стран Восточной Европы, события «перестройки» в Советском Союзе и его распад в 1991 г. — все это оказало самое непосредственное влияние на судьбу югославского государства, где практически одновременно с ними проходили аналогичные процессы. Они подверглись анализу и освещению в многочисленных трудах, хотя трактовки в них содержатся разные. Отметим только, что распад Югосла-

вии сопровождался этногражданскими конфликтами, ставшими особенно кровопролитными на территории Боснии и Герцеговины. В данном случае следует особо подчеркнуть: в Югославии эти события проходили при прямом вмешательстве в ее внутренние дела из-за рубежа, причем это вмешательство сразу же приняло антисербский характер. Прежние республики были признаны независимыми государствами, а установленные коммунистическим режимом по своему усмотрению административные границы внутри федерации оказались государственными, причем они были гарантированы как неприкосновенные «мировым сообществом», а точнее, западными странами.

Еще в 1992 г., после распада страны, Сербия и Черногория, сохранившие федеративные отношения, образовали Союзную Республику Югославию (СРЮ). Распад прежней югославской федерации означал объективно появление вновь (реставрацию!) сербского национального вопроса, ибо сербский народ снова оказался разделенным. Западные государства (прежде всего страны НАТО) встали на путь дискриминации СРЮ (конкретнее — Сербии), введя против нее экономические и политические санкции и добиваясь (как некогда Австро-Венгрия!) установления контроля за ее внутренней и внешней политикой.

Этапы этой политики известны. Вскоре после Дейтонского диктата (декабрь 1995 г.), завершавшего долгий период этногражданских конфликтов на территории Боснии и Герцеговины и превращавшего ее в протекторат НАТО, последовала новая волна нажима на СРЮ. Эскалация требований завершилась в марте 1999 г. прямой агрессией НАТО против Сербии, территория которой 78 дней подвергалась «гуманитарным бомбардировкам». В ходе этих действий были попораны все нормы международного права. Принятая 14 декабря 1974 г. Генеральной ассамблеей ООН резолюция, содержащая определение агрессии, оказалась нарушенной во всех ее пунктах. Косово было оккупировано войсками НАТО и выведено из-под контроля сербского правительства. Вслед за этим были предприняты усилия по свержению прежнего правительства. В октябре 2000 г. к власти пришли новые силы, вначале устраивавшие Запад. Однако вскоре нажим на СРЮ был возобновлен. Были предприняты попытки подорвать союзные отношения между Сербией и Черногорией. Они завершились (при участии НАТО) подписанием нового договора об отношениях между двумя странами, а их новое объединение получило название «Сербия и Черногория» (СЧ). Имя «Югославия», бывшее в употреблении 85 лет, ушло в историю. Сама же Сербия оказалась зажатой в границах, примерно соответствующих состоянию, существовавшему в начале XX в., до Балканских войн.

Действиями НАТО на Балканах была создана и существует кризисная зона, получившая в кабинетах брюссельской бюрократии наименование

«Западные Балканы», под которой подразумевается территория бывшей Югославии «минус Словения и плюс Албания». Кризисное состояние поддерживается существованием здесь трех национальных проблем — сербской, албанской и македонской. Каждая из них имеет свою историю и особенности, а также перспективы развития. Как будет решен сербский вопрос на этом последнем этапе? Эта задача стоит ныне перед правительством и страной. К такому итогу пришло Сербское государство к своему 200-летнему юбилею...

Однако жизнь продолжается. История еще скажет свое слово.

Приветствие

Его Превосходительства, Чрезвычайного и Полномочного посла Сербии и Черногории в России Милана Рочена

Старая и гордая балканская и европейская держава Сербия, которая имеет тысячелетнюю историю, отмечает в 2004 г. два века своей новой государственности.

15 февраля 1804 г. началось Первое сербское восстание против очень мощной в то время Османской империи, и в тот день в Сербии зажглась неугасимая искра свободы. В истории каждого народа и каждого государства есть даты и события, которые они считают поворотными в своем духовном, культурном и государственном возрождении, развитии и становлении. В славной свободолюбивой истории сербского народа есть много значительных и великих дат. И в их ряду 15 февраля 1804 г. явилось предвестником Нового времени и связующим звеном Сербии и сербов с современными европейскими и мировыми тенденциями. Сербия и сербский народ своим героизмом и выдержкой внесли весомый вклад в европейскую и мировую историю и цивилизацию, обогатили сокровищницу мировой культуры и принесли огромные жертвы на алтарь общечеловеческого прогресса и справедливости. 15 февраля 1804 г. превосходит по своему значению национальные границы. Первое сербское восстание означает еще и начало организованной борьбы за независимость и государственность остальных народов Балкан.

Немало выдающихся сербов того времени увенчали себя ореолом бессмертия. Много времени потребовалось бы для перечисления их имен и подвигов. Помимо вождя Карагеоргия, которого среди других воспел и великий Пушкин, я бы сегодня вспомнил и великана сербской культуры Вука Караджича. В своих трудах он осмыслил и сделал интернациональным духовное и культурное значение героических действий сербского народа начала XIX в. Он принадлежит к плеяде признанных в мире основателей, просветителей и защитников национальных культур. Он был одновременно и служащим тогдашней сербской администрации, но в первую очередь Вук Караджич был просветителем и реформатором культуры, который через

свои связи с лучшими умами того времени — в Европе и в России — сделал сербскую культуру общеевропейским культурным достоянием.

Своего рода соавторами презентации великого сербского культурного наследия были такие великаны культуры того времени, как словенский филолог Ерней Копитар или немецкий историк Леопольд фон Ранке. Со всей душой принимали Вука Караджича и в элитных научных и культурных кругах великой братской России, которая в событиях тех лет играла особую роль. Впрочем, и во всей истории сербского народа Россия занимает особо почетное место. Вука Караджича принимали тогдашний президент Российской академии наук адмирал Шишков, великий меценат Румянцев, Карамзин, Жуковский, Александр Тургенев, Калайдович, Строев, Дмитриев и многие другие писатели, филологи, министры. Неслучайно, что празднование двухсотлетия современной сербской государственности совпадает с двумя веками изучения сербского языка в России.

Это лишь небольшая часть свидетельств тех корней, которые сербские культура и государственность пустили в Европе и мире.

Свое величие сербский народ продемонстрировал не только героической борьбой за свободу и самостоятельность, но и тем, что смог подняться против несправедливости и исправить ошибки и заблуждения своих интеллектуальных и политических правящих кругов. После трагического и потеряннного почти на всей территории бывшей Югославии десятилетия, нынешние поколения Сербии несут крест ответственности за содеянное и за осмысление будущего. Только великие народы и государства, наученные горьким опытом, могут найти в себе силы, чтобы в решающий момент освободиться от исторических заблуждений и сделать решительный поворот. Сербия снова смогла сделать это на пороге третьего столетия своей государственности. И на сей раз конфликт между старым и новым не обошелся для сербского народа без огромных мучений и великих жертв. И это цена ясного европейского будущего Сербии в начале нового века и нового тысячелетия. Сегодня подавляющее большинство жителей Сербии твердо приверженно современным ценностям и стандартам развитых демократических стран. В Сербии подрастают поколения, которые поведут свой народ и свою страну к новой интеграции в регионе, Европе и мире, которые способны найти ответ на вызовы современной интернет-цивилизации и всеобщей глобализации.

Я не случайно говорю все это о Сербии и сербском народе. Я могу себе это позволить, поскольку принадлежу к самому близкому и братскому Сербии и сербам народу — черногорскому.

Сербия и Черногория сегодня входят в одно государственное образование и связаны едиными европейскими целями. Независимо от конечного решения вопроса о будущих взаимоотношениях, которое, без сомнения,

будет цивилизованным и демократическим, и независимо от того, подключатся ли Сербия и Черногория к современным интеграционным процессам самостоятельно или сообща, место этих двух держав — в современной Европе и современной мировой интеграции. Причем не только исторически и географически, но и с точки зрения культуры, политики и цивилизации.

Точно так же и место России в сфере внешнеполитических приоритетов Сербии и Черногории не может занять никто другой — ни Евросоюз, ни НАТО. Это место не может занять никто другой прежде всего в сердцах сербского и черногорского народов и их чувствах в отношении к дружественной России и к братскому русскому народу.

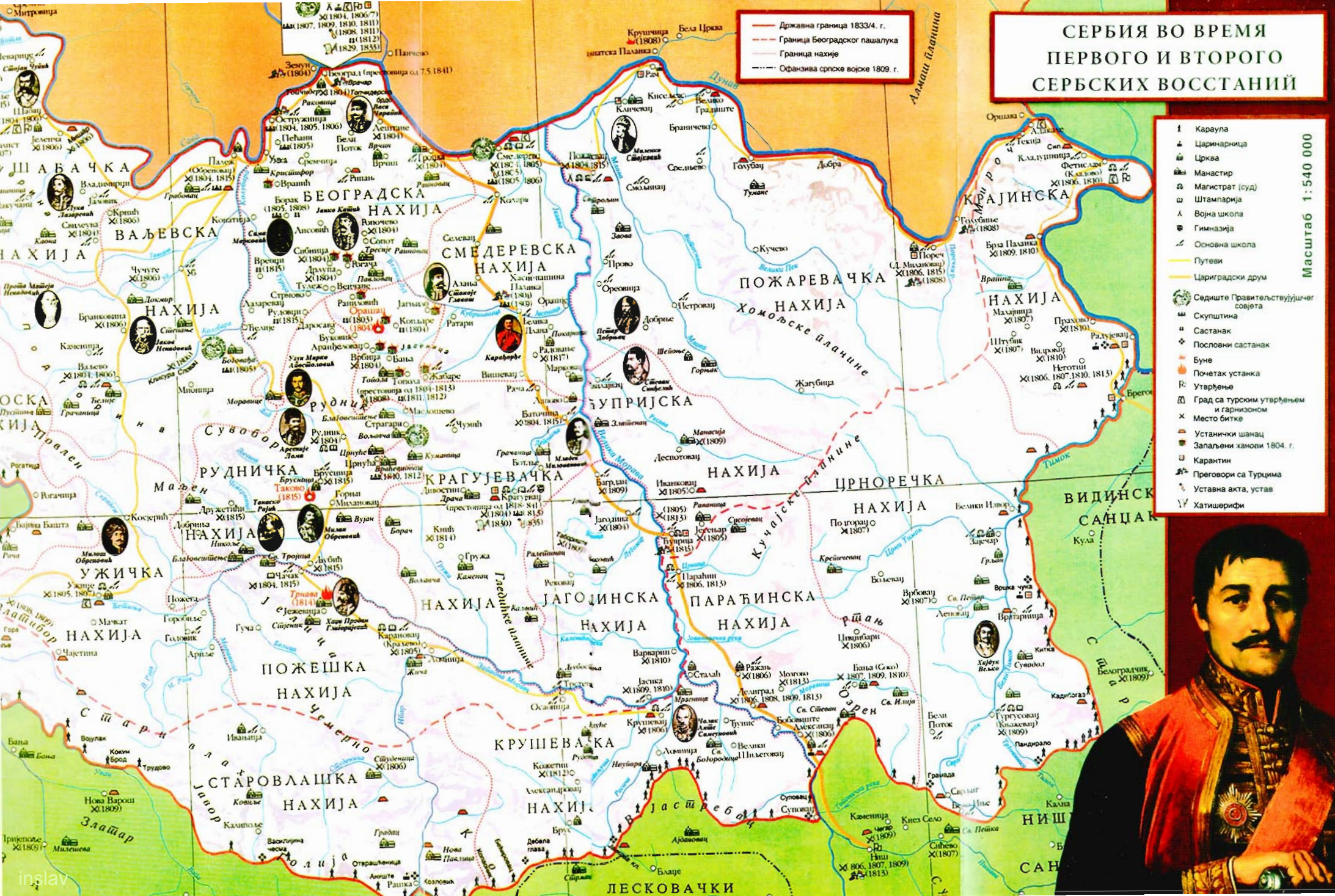
Я благодарен директору Института славяноведения РАН господину Владимиру Константиновичу Волкову за приглашение присутствовать на конференции российских историков, посвященной юбилею Первого сербского восстания, и желаю ее участникам плодотворной работы.

СЕРБИЈА ВО ВРЕМА ПЕРВОГО И ВТОРОГО СЕРБСКИХ ВОССТАНИЙ

— Државна граница 1833/4. г.
 - - - Граница Београдског пашалука (1808)
 - - - - Граница нахије
 - - - - - Офанзива српске војске 1809. г.

- 1 Караула
- Црква
- Манастир
- Магистрат (суд)
- Штампариа
- Војна школа
- Гимназија
- Основна школа
- Путеви
- Цариградски друм
- Седиште Правителствујућег совета
- Скупштина
- Састанак
- Пословни састанак
- Буне
- Почетак устанка
- Утврђење
- Град са турским утврђењем и гарнизоном
- Место битке
- Устанички шанак
- Запалени хаџови 1804. г.
- Карантин
- Преговори са Турцима
- Уставна акта, устав
- Хатишерифи

Масштаб 1:540 000

князь Александр Карагеоргиевич
(1842-1858)

король Петр I Карагеоргиевич
(1903-1921)

король Александр Карагеоргиевич
(1921-1934)

король П
Караге
(1934-1

князь Милош Обренович
(1815-1839, 1858-1860)

князь Михаил Обренович
(1839-1842, 1860-1868)

Милан Обренович
князь (1868-1882)
король (1882-1889)

король Александр Обренови
(1889-1903)

Часть I

**ПЕРВОЕ СЕРБСКОЕ ВОССТАНИЕ
И ВОЗРОЖДЕНИЕ СЕРБСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Идейно-психологическая атмосфера у сербов в конце XVIII в.

Первое сербское освободительное восстание 1804–1813 гг., это великое событие в истории сербского народа, имеет большую научную литературу. Наука много внимания уделяла исследованию социально-экономических и политических обстоятельств начала и развития восстания, что было необходимо и неизбежно. Этот анализ целесообразно дополнить изучением духовного климата на территории расселения сербов накануне восстания, идейно-психологических предпосылок народного выступления в Белградском пашалыке, получившего общенациональное и всебалканское значение. Настоящая статья посвящена факторам, которые формировали чувства, настроения, симпатии и антипатии сербов во второй половине XVIII в. Они существенно повлияли на ход событий.

В XVIII в. сербский народ населял территорию, которая разными частями входила в состав Австрийской монархии, Османской империи и Венецианской республики. Тем не менее между сербами разных земель поддерживались родственные, торговые, культурные связи. Непоседливые зографы и богомольные монахи разносили информацию о жизни соплеменников, балканские и местные сербские купцы составляли торговые компании с местопребыванием в австрийских городах. Но эти живые связи не были стабильными. Австрийские власти часто закрывали границу: то война, то карантин, то кровавые мятежи на турецкой территории. В такой ситуации первостепенное значение для национального развития сербов имело сохранение ими единого культурного пространства на всей территории их проживания. Неколебимую его основу составляли православная религия, язык и этноним «сербь», сбереженные в темные времена иноземного господства как общее достояние народа. В XVIII в. на этом пространстве доминировали сербы, проживавшие под властью Габсбургов. От них шла диффузия культурных новшеств по всему сербскому миру.

В рамках целостного культурного пространства духовную атмосферу у сербов во второй половине XVIII в. формировали на основе глубинных социально-экономических и политических процессов вместе с другими факторами фольклор церковная культура и национальное Просвещение.

Особое место и значение в духовной жизни сербов имел фольклор. Это была вечно живая традиция. Ее сохранению и развитию, в первую очередь на Балканах, способствовали отсутствие здесь аристократической культуры, консервация патриархальных устоев жизни, удаленность от центров Запада и Востока с их культурным влиянием и, как следствие, живучесть социальных идеалов героического эпоса. Народные певцы были уважаемыми людьми. В первой половине XVIII в., когда масса сербов переселилась в Австрийскую монархию, вместе с нею шло перемещение и наиболее известных певцов-сказителей в Срем. Это оживило фольклорную среду и в Среднем Подунавье¹.

XVII и XVIII вв. были временем расцвета сербской народной поэзии. Песни, вошедшие в фольклорные сборники В. Караджича, возникли, кроме песен о Первом сербском восстании, не в XIX в., но уходили в прошлые времена. Облик, в котором записал их Караджич, сложился, по крайней мере, в XVIII в.²

Сопровождая крестьянскую жизнь с колыбели, народные песни отражали мечты и предрассудки, этические нормы и моральные ценности трудового народа. Наиболее характерной частью устного народного творчества сербов была эпическая поэзия. Она создавалась и бытовала в условиях их постоянного сопротивления чужеземному угнетению. Поэтому ее пафос составляли ненависть к поработителям, мечта о свободе, беспредельная любовь к родной земле. Трагические песни Косовского цикла с их вечным призывом к отмщению, юнацкие песни, прославлявшие народных героев, цикл песен о богатыре Марко-кравеличе передавали страдания, надежды и героизм народа³.

Эпические песни показывали стабильность исторической памяти неграмотного населения. Переходившие изустно из поколения в поколение поэтические сказания о делах и подвигах предков, о постигшем сербов историческом несчастье, о смертной борьбе с завоевателями раскрывали крестьянское толкование сербской истории. Вместе с тем через фольклор выражалось и неприятие простыми людьми современности.

Особенность существования народных песен в сербской среде состояла в том, что они пронизывали сознание и быт разных слоев сербского населения на всей территории его проживания. В условиях жизни сербов в разных государствах фольклор играл этносвязующую роль. Народная поэзия, несущая героические идеалы, была понятна и близка всем сербам. Она постоянно поддерживала вольнолюбивый дух сербства.

В XVIII в. у сербов сохранялась свежесть восприятия эпических песен. А. Пишчевич, сын С. Пишчевича, сербского офицера и писателя, переехавшего в начале 50-х гг. из Австрийской монархии в Россию, вспоминал, как он в 1783 г. в Шклове, имении генерала С. Зорича, серба по происхождению, оказался в обществе соплеменников. Среди них был монах, прибывший из Австрийской монархии. По словам мемуариста, собравшиеся пели сербские песни, «к которым присовокупил монах одну весьма жалостную о падении Сербского царства и рассказывал сие происшествие так, как будто бы он сам был оному очевидцем»⁴. Народно-поэтическое творчество, помогая сохранению в памяти сербов их истории, поддерживало в них чувство сопричастности к ней.

Другой сферой духовного бытия сербов была православная церковная культура. Ее значение определялось особым положением и авторитетом православной церкви в сербском мире. До 1766 г. на Балканах существовала Печская патриархия, которая была единственной организующей институцией у сербов. После ее ликвидации османскими властями местная православная церковь на Балканах продолжала играть связующую роль и выражать через свою культуру ментальность сербов. Карловацкая митрополия в Австрийской монархии, осуществляя ограниченную церковно-школьную автономию православного населения, выступала как конфессионально-политическая организация, обеспечивавшая особое положение сербского народа в габсбургском государстве. Она находилась в постоянной самообороне, сдерживая натиск на сербов католического духовенства, венгерского дворянства и австрийского двора. В Черногории православная церковь была организатором противостояния народа османскому господству. Особая роль сербской православной церкви наложила печать на создаваемую в ее лоне культуру: пределы ее потенциала, идейное наполнение и внешние связи.

В XVIII в. комплекс церковной архитектуры, культовой живописи, обслуживавшего богослужение декоративно-прикладного искусства, а также устных проповедей, наставлявший в вероучении и раскрывавший христианские ценности, оказывал сильное и многоплановое воздействие на общество.

Сербская церковная культура была нацелена прежде всего на сохранение и упрочение православия, которое в умах и душах сербов, помимо идеологической основы, сжилось с этническим самосознанием, и ограждение своей религии в условиях постоянной угрозы со стороны католицизма и ислама, сбережение в чистоте веры было в массовом сознании равнозначно обеспечению самого существования народа.

В условиях разделения территории, которую населяли сербы, между разными государствами и притом проживания их в ряде земель вперемеш-

ку с другими, большей частью ближайше родственными народами, в обстановке исламизации и германизации православная культура выполняла важную функцию по поддержанию у сербов этнического самосознания, чувства общности исторической судьбы, ощущения целостности народа.

Местная сербская церковь на Балканах, православная церковь в Австрийской монархии, в Черногории занимали антиосманскую позицию, хотя высшее духовенство на землях с сербским населением с установлением в 1766 г. здесь верховенства фанариотских греческих архиереев было настроено протурецки. В общем и целом сербская церковная культура давала населению антиосманские ориентиры.

Церковная культура была проникнута идеей прерванной государственности сербов. Она хранила косовские традиции — традиции героического сопротивления иноземному нашествию и угнетению, ведущие свое начало с трагической битвы объединенных сербских сил против османских завоевателей в 1389 г. на Косовом поле. В середине 70-х гг. XVIII в. монах Амвросие Янкович в трапезной монастыря Врдник, расположенного в Среме, написал настенную историческую композицию «Бой на Косове». Своим пафосом, обращенным к историческому событию, ставшему символом страдания народа и источником надежд, это произведение точно отвечало духовной атмосфере у сербов во второй половине XVIII в.

Церковные фрески на сербские темы, иконы с изображением «своих» святых, разного рода реликвии особым образом выражали и поддерживали воспоминания о величественной старине. Тиражированные в гравюрной технике «иконы на бумаге» обслуживали религиозный быт широких слоев населения, напоминая через образы канонизированных сербских средневековых властителей о былой свободе и значимости народа.

Культурное достояние церкви в XVIII в. заключало творческие достижения сербов разных времен. Это касалось как изобразительного искусства, так и литературы. В монастырях создавались смешанные сборники, в которые входили, в частности, средневековые отечественные памятники. Во второй половине XVIII в. переписывались и издавались сочинения, написанные в далекие времена. Среди них был «Србляк» — сборник оригинальных церковных песен, посвященных сербским святым, с краткими житиями и прозаическими текстами. Он вышел в Римнике в 1761 г., был переиздан в Венеции в 1765 г., наконец, третье, последнее, издание увидело свет в 1861 г.⁵ Редкая судьба книги, свидетельствующая о специфическом интересе сербской читающей публики к истории. Так в лоне церковной культуры поддерживалась преемственность историко-культурного развития сербского народа.

Актуальный общественный смысл средневекового культурного достояния сербов осознавался и турецкими властями. Османы периодически ра-

зоряли и опустошали сербские монастыри и церкви не только с целью грабежа, но и уничтожения народных святынь. Репрессиям и гонениям подвергались также переписчики книг. В связи с прекращением деятельности в XVII в. сербских типографий, гибелью книжных сокровищ Средневековья и вместе с тем постоянной потребностью в книгах у сербов получило распространение и бытовало даже в XVIII в. переписывание книг. Переписывались церковные сочинения, памятники старой сербской книжности, летописи, генеалогии, новые сочинения. Перепиской книг занимались монастырские писари, монахи, священники, но все больше мирские люди, в том числе и с целью приработка⁶. Турецкие власти считали переписчиков книг причастными к сохранению исторической памяти народа. Из-за преследований турок переписка сербских книг была делом патриотичным и опасным.

Проникнутая исторической традицией православная церковная культура по ряду аспектов выражала общесербские интересы. Она давала в условиях неустойчивой анархии, бесконечных кровавых мятежей и произвола турок утешение простым людям и помогала выжить.

Церковная культура была скована устоявшимися канонами и характеризовалась конфессиональной замкнутостью. Но именно в церковной и околоцерковной культуре у сербов в Австрийской монархии в первой половине XVIII в. прежде всего происходило наращивание общего объема духовного достояния и появлялись формы, нарушавшие привычный строй представлений, творчества, повседневности. С течением жизни эта сфера медленно приспособлялась к веяниям времени.

С церковью был связан выход в 1741 г. в Вене первой светской печатной книги у сербов. Это была «Стематография. Изображение оружия иллирических». Она была выполнена в технике резцовой гравюры на меди. «Стематография» опиралась на одноименный геральдический сборник хорватского историка Павле Ритера Витезовича (Загреб, 1700, 1702; Вена, 1701), поборника идеи единения сербов, хорватов и словенцев. Однако в нее были внесены существенные изменения, придавшие оригинальность содержанию книги.

Идейным вдохновителем «Стематографии» выступил глава Карловацкой митрополии Арсение IV Йованович Шакабента, возглавивший в качестве печского патриарха в 1739 г. массовое переселение сербов в связи с поражением Австрии в войне с Турцией и угрозой массовых расправ османов над сербами из султанских пределов в габсбургское государство. Графическая часть книги была выполнена зографом и живописцем Х. Жефаровичем, выходцем из Македонии, и венским гравером Т. Мессмером в мастерской последнего. Автором переводов с латинского языка на русский церковнославянский язык с сербизмами и оригинальных стихотворений был патриарший секретарь Павле Ненадович Младший⁷.

Книга включала в себя 29 изображений южнославянских святых и царствующих лиц, гербы с сопроводительным текстом, портреты Арсение IV и царя Душана, при котором средневековое Сербское государство достигло наибольших размеров и мощи, две песни в честь патриарха и Жефаровича.

Это была первая книга, отмеченная политической тенденцией и нацеленная на решение актуальных проблем жизни сербов. Возвеличивая сербскую историю, она утверждала законность стремления сербов быть самостоятельным народом. По существу, «Стематография» апеллировала, хотя об этом и не говорилось в книге, к историческому праву сербов, корнями уходившему в глубь Средневековья. Вместе с тем делались ссылки и на активную борьбу сербов против турок в настоящем. В книге была выражена мысль об определенной целостности православной части южных славян независимо от государственных границ.

Велико было идейное значение книги. Она напоминала сербам о прерванной государственной традиции и временах процветания и могущества южных славян. Подчеркивая ратные заслуги сербов, книга будила в них сознание собственной значимости как народа и вселяла уверенность в способность добиться улучшения положения. О направленности и активизирующем влиянии этой книги на развитие политического и исторического сознания сербов свидетельствовал тот факт, что с началом Первого сербского восстания она была австрийскими властями запрещена. В XIX в. геральдический материал из «Стематографии» лег в основу сербских эмблем, печатей и герба. Он использовался также в болгарской геральдике, живописи и графике⁸.

В 60–70-х гг. XVIII в. общая обстановка в Австрийской монархии (реформы просвещенного абсолютизма), куда с конца XVII в. направлялись миграционные потоки сербов с Балкан, изменения в толще самой сербской жизни, социальная активизация средних слоев населения — все это усилило тяготение продвинутых сербов в государстве Габсбургов к европейской цивилизации. Следствием этого стали принципиальные изменения в сербской культуре. Они выразились в заметном развитии светской профессиональной культуры, хотя ее проявления имели место и раньше, возрастании числа светских лиц в творческой среде, возникновении новых видов культурной деятельности, изменении взгляда на действительность.

Перемены в настроениях продвинувшихся сербов в Австрийской монархии, тревожные раздумья о судьбах своего народа, осмысление путей выживания раньше всего и наиболее отчетливо проявились в творчестве одного из самых значительных представителей сербской культуры XVIII в. Захарии Орфелина (1726–1785).

Любознательный и активный, Орфелин проявил себя в разных отраслях культуры, явившись у сербов основоположником некоторых из них. Он

был каллиграфом, рисовальщиком, гравером на меди, поэтом, историком, педагогом, журналистом. Жажда познания жизни, возделывания самого себя и самопроявления были приметами человека наступающей новой культурной эпохи. В истории сербской культуры Орфелину принадлежала роль зачинателя преобразования системы ценностей, идеалов и видов деятельности, свойственных Средневековью.

В 1762 г. Орфелин выпустил в Венеции поэтическое произведение на народном языке «Плач Сербии»⁹. Уже один факт издания стихотворения на народном языке, свидетельствующий о стремлении автора говорить с широкими слоями читателей, имел историческое значение. Оно многократно усиливалось его содержанием и эмоциональным накалом. Родолубивая тема так или иначе и раньше звучала в сербской книжности. Но никогда до Орфелина с такой болью не противопоставлялось блистательное прошлое и бесславное настоящее Сербии, никогда с такой силой не поднимался вопрос, как жить дальше. Стихотворение Орфелина имело подзаголовок «ея же сини в различия государства расеялися». Понятие «Сербия» поэт распространял на весь сербский народ, расторгнутый и задавленный.

Стихотворение было проникнуто трагическим чувством всей истории Сербии, начиная с Косовской битвы. Орфелин создал впечатляющий образ современной ему Сербии, поработенной, страдающей и неграмотной. Страшно положение сербского народа:

Чада частью в Турции, повсюду другая —
Стонут тяжко, жалостно, прегорько рыдая!

Орфелин видел причины беспредельного страдания народа не только во внешних обстоятельствах, но и в отсутствии подлинно заинтересованного в его судьбах «вождя», в погоне за «славой» «пророков», погрязших в мелочных интересах. Но мир жив людьми. И взволнованный голос поэта вызвал к современникам, выражая боль за несчастную родину: «Ах, бедная Сербия! Где твоя надежда?» В поэтически бедной сербской литературе «Плач Сербии» явился заявкой на поэзию нового идейно-художественного типа, способную стать призывным колоколом к народному пробуждению, первоочередному исходному условию выживания.

Но главным трудом этого деятеля сербской культуры было знаменитое двухтомное сочинение «Житие и славные дела... Петра Великого» (Венеция, 1772). Еще со времени Прутского похода Петра I, хотя и неудачного для России, но тем не менее пробудившего у южных славян надежды на освобождение с ее помощью от османского ига и потому оставившего глубокий след в сознании, стала расти в их среде популярность Петра I: Это происходило в атмосфере общего укрепления связей России с балканскими народами. Жизнь и деятельность Петра I стали темой сербской книжности

и фольклора. Народно-поэтическая и письменная традиции представляли русского царя как военного героя и щедрого благотворителя и покровителя. Сочинение Орфелина явилось выражением культа Петра I у сербов и ответом на общественную потребность больше узнать о России. Труд был написан на русском языке с небольшими сербизмами.

Орфелин разработал в своем труде рационалистическую концепцию исторического развития России — возвышения великой славянской страны путем овладения знаниями и использования опыта продвинувшихся европейских народов под водительством гениального преобразователя Петра I. В монографии был представлен масштабный образ российского просвещенного монарха. Труд был проникнут сознанием бессмертия его дела.

Орфелин был первым сербским автором, который обстоятельно познакомил соплеменников с современной им Россией. Он показал могущество и величие Российского государства, одного из крупнейших в Европе, его высокое международное положение, важную роль в судьбах Европы. В труде проводилась мысль о том, что обновленная Россия находилась на одном уровне с другими европейскими странами. Тем самым Орфелин внушал своим читателям уважение к ней, гордость за успехи и достижения славянского государства, важность для сербов его исторического опыта. Правда, по ряду аспектов его характеристика не была свободна от идеализации и преувеличений, находясь на уровне знаний середины XVIII в.

Созданный в труде Орфелина образ современной ему России при всей ограниченности понимания действительности имел значение не только в плане формирования сербского общественного мнения о ней, но и в плане пробуждения духовных сил сербов для решения собственных задач. Основные вопросы, которые Орфелин поднимал в своей монографии, имели актуальное значение для самих сербов. Это касалось хозяйственного развития и положения отдельного народа в полиэтнической структуре государства, веротерпимости и свободы отправления культа, статуса церкви и состояния светской науки и образования, связей с другими народами. Современная Россия представала в труде Орфелина как реальная, конкретная модель решения проблем, животрепещущих и больных для сербского общества. Раскрывая перед сербами возможность их разрешения, Орфелин будоражил умы и души сербов. Политическая окраска этого труда не ускользнула от официальной Вены. Цензура запретила его распространение в монархии¹⁰.

Орфелин создал вариант труда под названием «История о житии и славных делах... Петра Перваго». Его украшением стали 72 первоклассные гравюры, выполненные автором в своей мастерской. Орфелин был лучшим сербским гравером в стиле барокко в XVIII в. Он раскрыл и языком графики идею величия России и грандиозности дела Петра I.

Орфелин издал свой труд в разгар Русско-турецкой войны. В предисловии к «Житию» он характеризовал успешные действия России как «предприятие», «которое ныне всю вселенную в несказанном удивлении, а Малую Азию и всю Турецкую империю в крайнем трепете и ужасе содержит». Далее автор писал, что «все единовѣрные хотя в неволе не явно, однакож в тайне, а паче сердечныя свои молитвы к богу о успехе оружия благочестиваго государства над злочестивыми и человекопоклонниками, ради освобождения своего и своего утесненнаго благочестия непрестанно возсылают»¹¹. Орфелин отметил масштабность успешной политики Екатерины II на Балканах и широкий резонанс, этой политикой вызванный.

Энциклопедически разностороннее торчество Орфелина, отмеченное публичной постановкой вопроса о трагическом положении сербов, что само по себе имело общественное значение, знаменовало собой начало самоосознания сербами и было направлено на пробуждение соплеменников к общественной жизни. Орфелин связывал будущее сербов с обновлением мира по законам европейской цивилизации и освобождением части народа от турецкого ига. Своей тягой к духовному преображению сербов он стал предтечей национального Просвещения.

Потребности развитой части сербов в Австрийской монархии в новых духовных ценностях, общественной ориентации и идеалах вызвали к жизни сербское Просвещение. Оно окрасило развитие культуры с начала 80-х гг. до Первого сербского восстания.

Просвещение вывело светскую литературу в широком значении слова на ведущее место в сербском культурном процессе по степени выражения запросов общества на переходе из позднего Средневековья в Новое время. Но по влиянию на население просвещенческая литература уступала фольклору и церковной культуре, охватывая часть читающей публики.

В 1783 г. в печати выступил мыслитель, писатель, педагог Досифей Обрадович (ок. 1740–1811). Он стал главой сербского Просвещения и одним из самых ярких и крупных представителей этого направления на Балканах. Рядом с ним сложилась плеяда сербских интеллектуалов в Австрийской монархии. Сторонниками новых идей были Йован Мушкатирович, первый серб-адвокат, писатель, собиратель и издатель фольклора; Эмануил Янкович, лучший сербский переводчик XVIII в., популяризатор естественно-научных знаний; Атанасие Стойкович, видный писатель, физик, с 1803 г. профессор Харьковского университета; Павле Соларич, ближайший соратник Обрадовича, автор первых у сербов работ по истории литературы и географии.

Сербское Просвещение представляло сложную идейную систему, вобравшую в себя основополагающие принципы прогрессивных западных учений и рационалистические положения русской литературы. Идейный

облик сербского Просвещения получил выражение прежде всего в сочинениях Обрадовича — «Письмо Харлампию», «Жизнь и приключения Димитрие Обрадовича, нареченного в монашестве Досифеем, им самим написанные и изданные» (Лейпциг, 1783, 1788), «Советы здравого разума» (Лейпциг, 1784), «Басни» (Лейпциг, 1788), «Собрание разных нравоучительных вещей на пользу и увеселение» (Вена, 1793), «Этика» (Венеция, 1803) и др., а также в произведениях последователей писателя. Философскую, социологическую и теоретико-политическую основу сербского Просвещения составляли деистическая философия, рационалистическая теория «естественного здравого разума» как основы бытия, развития человеческой истории и жизни, «естественно-правовая» доктрина с ее равенством людей от природы, постулат «общей пользы», веротерпимость, идея «просвещенной» монархии.

Доминантой учения Обрадовича была великая идея Свободы. Она трактовалась в философско-нравственном смысле как свобода мысли и духа, но применительно к Сербии и в государственно-политическом значении. Творчество Обрадовича было проникнуто страстным протестом против суеверий, предрассудков, традиционализма как типа социального мышления Средневековья. «Думай, суди, рассуждай и познай!» — с этими словами глава сербского Просвещения обращался к своему читателю, будучи убежденным в торжестве совершенного просвещенного разума¹².

Составной частью глобальной концепции раскрепощения духовного мира человека и воспитания общества была критическая позиция деятелей Просвещения в отношении существующей православной церкви. Отстаивая христианские ценности как нравственную основу человеческой жизни, они в то же время выступали за ограничение функций церкви строго религиозной сферой, удешевление культовой практики и ее приближение к пониманию простых людей, нравственное оздоровление белого духовенства, ликвидацию монастырей. Все это означало упразднение средневековой регламентации церковными канонами реальной жизни и приспособление церкви к запросам Нового времени с его всеобщей тягой к свободе. Национальное Просвещение отразило недовольство сербов, прежде всего в Австрийской монархии, всевластием, поборами и диктатом высшего православного клира. Но при этом европеизированный взгляд Обрадовича на церковь упустил из виду особое, национально-воспитательное значение икон, житий, мощей и других реликвий, запечатлевших сербскую историю в ее церковной версии.

Центральное место в системе взглядов Обрадовича занимали судьбы национальной культуры, хотя этого понятия писатель не употреблял. Особенностью сербского Просвещения было его обращение к крестьянству. И позитивная программа Обрадовича была направлена на повышение ин-

теллектуального и нравственного потенциала широких масс. Он призывал современников писать «для сербов-крестьян... потому что в каждом народе крестьян большинство и сверх большинство»¹³. Содержание культурной программы Обрадовича состояло в развитии светского направления в духовной жизни, переходе литературы, кроме церковной, на народный язык, общей демократизации культуры. Деятели Просвещения положили начало реформе литературного языка сербов — отказу от разноязычия и переходу литературы на народный язык и гражданскую азбуку. Это стало самым крупным событием в культурном развитии сербов в XVIII в., возвестившим о самосознании нации.

Носители сербского Просвещения обратили внимание на важную роль национального самосознания в развитии народа. Обрадовичу принадлежат крылатые слова: «Пребывает и будет вечно пребывать в рабстве тот народ, сердце которого не знает, что такое национальная гордость»¹⁴. Ему вторил Эм. Янкович, объяснявший читателям свой выбор «материнского», а не церковнославянского языка для перевода комедии Гольдони «Торговцы» словами: «...Я не славянин, а серб и пишу не для славян, а для сербов»¹⁵. Обрадович и его сторонники стали у сербов первыми мыслителями и деятелями общенационального масштаба.

Обрадович писал о «противоестественности» турецкого ига и признавал правомерность его ликвидации на Балканах с помощью военной силы. Писатель приветствовал освобождение русской армией территорий от власти Порты¹⁶. В 1789 г. в «Песне об избавлении Сербии» Обрадович воспел победы русского и австрийского оружия над османами. В то время он связывал избавление Сербии, Боснии и Герцеговины от турецкого господства с военными успехами Австрии и России.

Первое сербское восстание изменило представления Обрадовича о путях национального освобождения сербов и их союзнике. В стихотворении «Песня на инсurreкцию сербов», написанном в связи с началом восстания в Сербии, писатель выразил идею национального государства. Путь к его возрождению он видел теперь в борьбе самого народа за свободу в опоре на Россию.

Присутствие в сербском Просвещении насильственного начала в решении вопроса об освобождении сербского народа от власти Турции выходило за рамки классического облика этого культурного феномена, предполагавшего облагораживание мира и установление гармонии через интеллектуальное и нравственное совершенствование отдельного человека и общества в целом. В 1807 г. Обрадович переехал в повстанческую Сербию и, закончив писательскую деятельность, включился в ее государственное строительство. Это стало завершением сербского Просвещения, хотя его отголоски проявлялись и позднее. Оно свою миссию выполнило. Впер-

вые в истории сербов в тягостной обстановке существования народа прозвучал гимн свободной Личности, была выражена вера в способность человека изменить мир и понимание его высочайшего предназначения в земной жизни — быть счастливым. Обрадович положил начало развитию сербской освободительной мысли.

Имя Досифея Обрадовича было в сербской среде общеизвестно. В 1801 г. А. Стойкович в предисловии к своей книге «Физика» отмечал, что «серб книги г. Досифея с большой охотой читает»¹⁷. Сочинения писателя пользовались почитанием прежде всего среди сербских торговцев и интеллигенции в Австрийской монархии. Купец Д. Маркович из Буды писал Обрадовичу в 1800 г., что рассматривает его книги, служащие «украшению сердца, ума и души», как «самое большое богатство». Темишварский житель П. Лазаревич, обращаясь в письме от 1804 г. к Обрадовичу со словами «многолюбимый вразумитель сербского народа», сообщал, что он его книги «повседневно с великим наслаждением читает»¹⁸. Среди молодых образованных сербов в монархии был подлинный культ писателя. Часть духовенства также выражала дружеские чувства к нему при всей его критике церковных порядков.

Почти поголовная неграмотность сербского населения на Балканах была существенным препятствием для распространения здесь передовых идей, выработанных и приспособленных для крестьянского восприятия национальными деятелями Просвещения. В руководстве Первого сербского восстания вначале практически не было грамотных, а тем более высокообразованных лиц. И тем не менее в Сербию разными путями проникали книги, в основном церковные и учебные, но также и сочинения Досифея Обрадовича. В 1800 г. Лукиан Мушички, в то время студент в Пеште, впоследствии видный поэт, отмечал, что книги «нашего милого Обрадовича» «рассеяны по Венгрии, Славонии, даже до Смедерева и Черногории»¹⁹. И все же сельские торговцы Сербии не столько посредством литературы, сколько благодаря личному общению с партнерами в Австрийской монархии были осведомлены о национальных культурных явлениях «за Савой». Иначе нельзя объяснить ту популярность, которую Обрадович снискал в повстанческом Белграде.

Сербское Просвещение взбудоражило внутренний мир грамотных сербов. И сама общественная потребность в книгах Досифея Обрадовича свидетельствовала о переменах в умонастроении сербского населения, особенно его средних городских слоев в Австрийской монархии.

В светской культуре сербов последних десятилетий XVIII в. наряду с литературой Просвещения были и другие явления, близко стоявшие к нему или соприкасавшиеся с ним. В 1789 г. архимандрит Й. Раич, непререкаемый у сербов авторитет в области богословия, издал на народном языке

аллегорическую поэму «Бой змея с орлами». Написанная в разгар военных событий на Балканах, она воспевала победы русской и австрийской армий над Турцией. Проникнутая антиосманским пафосом поэма вселяла в сербов уверенность в неизбежном освобождении от власти Порты.

Новым открытием своей истории стал для сербов четырехтомный труд Й. Раича «История разных славенских народов наипаче болгар, хорватов и сербов из тмы забвения изытая и во свет исторический произведенная» (Вена, 1794–1795). Исторические факты говорили о единстве территории сербов в прошлом, их независимом средневековом государстве, видной исторической роли народа. Труд Раича, раскрывая прошлое сербов, был нацелен на упрочение их положения в настоящем. Он давал мощный импульс развитию национального самосознания и осмыслению современниками дальнейших судеб народа.

Трудно переоценить общественный резонанс, вызванный этим сочинением. Сербские политические деятели разных направлений черпали из него аргументацию для доказательства исторической роли сербского народа и его права на достойное положение. Художники обращались к нему в поисках тем и сюжетов для своих произведений. «История» Раича, целиком или в урезанном и переработанном виде, неоднократно переиздавалась в XIX в. Живой общественный интерес к ней вплоть до 60-х гг. XIX в. был показателем того, что это сочинение, при всей его философско-концепционной слабости, своей фактологической стороной, богатством источникового материала было способно удовлетворять исторические запросы сербского общества и на более высокой стадии развития, чем это было в момент его появления, и что оно активно участвовало в национальной жизни сербов.

Существенное влияние на духовную атмосферу у сербов во второй половине XVIII в. оказывали внешние факторы, прежде всего войны России и Австрии против Турции. Действия добровольческих отрядов, включавших в себя нередко население с той и другой стороны Савы и Дуная, поддержка жителями Северной Адриатики действий русского флота, неоднозначные по своему характеру выступления гайдуков, одним из руководителей которых был будущий вождь Первого сербского восстания Карагеоргий, миграция населения в зависимости от хода военных действий, напряженное ожидание сербским населением освобождения от османского ига — все эти обстоятельства создавали психологический фон, без которого невозможно представить национальное сплочивание сербов, укрепление их самосознания, зарождение и развитие освободительной мысли и, наконец, общественный взрыв в Сербии, потрясший все Балканы.

Результаты последней Русско-турецкой и австро-турецкой войны 1787–1791 гг. имели и другой психологический аспект. Они породили у сербов разочарование в политике Габсбургов на Балканах, пожертвовавших Сер-

бийей и Боснией, значительная часть территории которых была освобождена силами сербских фрайкоров, при заключении мира с Турцией оставивших сербов в Посавье на милость торжествующих османов и признавших Черногорию в составе султаната. И одновременно окрепли надежды сербского народа на Россию. В середине 1790-х гг. епископ Бачки Йован Йованович, который в годы войны трижды объезжал Сербию с целью поднять народ на восстание в поддержку австрийских войск, полагая реальным освобождение Сербии и Боснии с помощью Габсбургов от власти турок, обратился теперь с просьбой о помощи к России²⁰. Принципиальный психологический перелом в пользу России пережил и Досифей Обрадович.

Важным фактором, воздействовавшим на идейно-психологическое состояние сербов в XVIII в., была Россия. Прежде всего имели значение генетическое родство русского и сербского народов, их религиозная общность, единые византийские истоки культуры, традиционность русско-сербских связей. Все это составляло историческую основу восприятия сербами России как родственной единой державы, способной стать опорой существования и развития сербов в трудных условиях выживания. С началом внешнеполитической деятельности Петра I в сербской среде стало складываться понимание возрастающей роли России в противостоянии и ослаблении Турции. Масштабные победоносные войны России против Османской империи во второй половине XVIII в. окончательно закрепили в сознании сербов ее решающее значение как надежды и опоры в деле освобождения от власти турок и улучшения положения в габсбургском государстве. Военная мощь и высокое международное положение России вселяло сербам веру в будущее и придавало силы в преодолении жизненных трудностей.

Доверие к России подкреплялось той реальной помощью, которую сербы из разных земель в ответ на свои просьбы на протяжении XVIII в. получали из России. Это была прежде всего дипломатическая поддержка российского правительства, насколько позволяла ему выступать в пользу сербов международная обстановка. Постоянным было присутствие России в развитии культуры сербского народа.

В условиях отсутствия у сербов типографии и из-за опасений местной церкви скрытой униатской пропаганды сербские иерархи пользовались богослужебной литературой только из России. Нехватка церковных книг была постоянной. И из России шел поток церковных изданий, охватывая все земли с сербским населением. Это были царские дарственные книги отдельным церквям и монастырям, частные пожертвования, но в большей части книги поступали к сербам торговым путем. Торговля русскими церковными книгами, особенно на территории Османской империи, была прибыльной, но и крайне опасной. Австрийские власти периодически перекрывали границу для ввоза российских книг. Но контрабандная доставка книг сер-

бам из России никогда не прекращалась. На протяжении XVIII в. рос также объем русской светской книжной продукции, поступающей в земли с сербским населением. В конце столетия на сербском книжном рынке обращались тысячи российских изданий, не только церковных, но и светских.

Столь же активно снабжались сербские церкви и население вообще иконами российского происхождения. Это были в основном иконы знаменитых русских иконописных центров — Мстеры, Палеха, Холуя. География распространения русских церковных книг и икон охватывала все земли с сербским населением.

Периодическое разграбление турками православных церквей и монастырей вызывало постоянную потребность их в утвари. И в этом отношении Россия безвозмездно помогала сербским церквам, снабжая их священническими одеждами, подчас весьма дорогими, сосудами и прочими предметами, необходимыми в богослужении.

Большим подспорьем бедным и полуразоренным монастырям была «милостыня», которую российское правительство один раз в несколько лет разрешало монахам собирать в России. В отдельных случаях монастырям предоставлялись денежные субсидии и т. д. Материальная помощь из России обеспечивала жизнедеятельность сербской церкви и укрепляла ее позиции.

При поддержке России в Карловацкой митрополии в конце 20-х гг. XVIII в. началось развитие школьного дела. В российских учебных заведениях, духовных академиях и кадетских корпусах сербы получали высшее образование. Во второй половине XVIII в. отдельные сербы, проживавшие в Австрийской монархии, учились также в высших учебных заведениях Вены, Пешта и Германии.

В первой половине XVIII в. Россия оказывала монопольное внешнее влияние на развитие сербской культуры. Россия содействовала увеличению общего объема духовных ценностей сербов, повлияла на их литературный язык, оказала воздействие на образный строй литературы, живописи и прикладного искусства. Из Греции и России в сербское искусство на начальной стадии шла диффузия барокко, означавшая приобщение сербской художественной культуры к общеевропейскому течению. Во второй половине XVIII в. с расширением культурных связей сербов русское присутствие в их духовной жизни сочеталось с западным, в первую очередь немецким. Российский фактор в XVIII в. существенно продвинул развитие сербской культуры, посредством России в значительной степени протекал процесс ознакомления и освоения сербами общеевропейских достижений²¹.

Все указанные обстоятельства, связанные с Россией, окрашивали духовный мир сербов постоянным вниманием к ней, устойчивыми симпатиями к русскому народу, сопереживанием ему и восхищением.

На исходе XVIII в. фольклор, православная церковная культура и сербское Просвещение при всем различии их истоков, содержания и сферы функционирования, поддерживая целостность культурного пространства социально и политически раздробленного народа, действовали в одном направлении — оживления у сербов исторической памяти, укрепления чувства общности судьбы, обострения неприятия османского господства и поддержания пронзительного желания лучшего. Первое сербское восстание было вызвано крайним обострением общественных противоречий. При этом его программная, психологическая и нравственная высота в немалой степени объяснялась его идейно-психологической подготовкой. Постоянное позитивное присутствие России в духовной жизни сербов, помимо политических обстоятельств, в свою очередь создало предпосылки на уровне душевного склада, образа мышления для установления в решающий период сербской истории, каким было Первое сербское восстание, русско-сербского военно-политического союза.

Примечания

- ¹ *Самарацкић Р.* Писци српске историје. Београд, 1976. С. 39.
- ² *Остојић Т.* Историја српске књижевности. Београд, 1923. С. 132.
- ³ Об эпической поэзии сербов см.: *Голенищев-Кутузов И. Н.* Эпос сербского народа. М., 1963; *Кравцов Н. И.* Сербскохорватский эпос. М., 1985.
- ⁴ Жизнь Александра Пишчевича, им самим описанная. 1764–1787. Ч. 1 // ЧОИДР. 1885. Кн. 1. Январь—март. С. 30.
- ⁵ *Чурчић Л.* Српске књиге и српски писци 18. века. Нови Сад, 1988. С. 32–62.
- ⁶ *Драгојловић Д.* Штампанье и преписивање ћирилских књига у балканским градовима Турског царства XV–XVIII века // Градска култура на Балкану (XV–XIX век). Београд, 1984. С. 173–177.
- ⁷ *Давидов Д.* Предговор // Стематографија: Изображеније оружја илирских. Изрезали у бакру Христофор Жефаровић и Тома Месмер. 1741. Нови Сад, 1972. Фототип. изд.
- ⁸ *Давидов Д.* Предговор... С. 12, 14, 15.
- ⁹ *Гавриловић З.* Антологија српског родољубивог песништва (XIV–XX век). Београд, 1967.
- ¹⁰ *Чурчић Л.* Захарија Орфелин и српска књига // Споменица о 250-годишњици рођења Захарије Орфелина. Београд, 1976. С. 26.
- ¹¹ Житие и славныя дела... Петра Великаго. Венеция, 1772. Т. I. Предисловие, б/с; Т. II. С. 22.
- ¹² *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Т. I–III. 1811–1961. Београд, 1961. Т. I. С. 164.

- ¹³ Там же. Т. II. С. 281.
- ¹⁴ Там же. Т. I. С. 323.
- ¹⁵ *Јанковић Е.* Терговци. У Лаипсигу, 1787. С. 4.
- ¹⁶ *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Т. I. С. 303, 306, 424.
- ¹⁷ *Стойкович А.* Фисика. В Будиме, 1801. Ч. I. Предисловие к читателю, б/с.
- ¹⁸ *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Т. III. С. 347, 348.
- ¹⁹ *Костић М.* Доситеј Обрадовић у историској перспективи XVIII и XIX в. Београд, 1952. С. 260, 262.
- ²⁰ Историја српског народа. Београд, 1986. Књ. IV. Т. I. Срби у XVIII веку. С. 373, 386, 392.
- ²¹ О месте и роли России в сербском культурном процессе в XVIII в. подробно см. в кн.: *Лециловская И. И.* Сербская культура XVIII века. М., 1994.

Сербская повстанческая государственность и ее идейное обоснование*

Свою главную монографию в серии работ, посвященных столетию Первого восстания (1804–1813), известный историк, политик и дипломат Стоян Новакович назвал «Возрождение Сербского государства». Как следует уже из заголовка, формирование основ современной государственности он считал центральным содержанием повстанческой эпохи. Культ сильной государственной власти вообще характерная черта европейской историографии 2-й половины XIX — начала XX в. Завершающаяся стадия формирования наций-государств сопровождалась взаимными территориальными претензиями и конфликтами, при этом историки активно участвовали в обосновании правоты «своих» правительств. Новакович не случайно употребил термин «возрождение», отсылая читателя к временам средневековой Сербской державы (ср.: «национальное возрождение»). В монархической Сербии «государство» почти полностью заменило «нацию» в идеологической редакции мифов о «золотом веке» и «вечном возвращении».

Динамику повстанческой борьбы и периодизацию той эпохи Новакович смоделировал в соответствии с развитием сербской национально-государственной идеи. Историк опроверг точку зрения, согласно которой она существовала еще до восстания в виде готового плана действий (Л. Арсениевич—Баталака), утверждая, что «идея освобождения» вызревала постепенно, благодаря успехам в борьбе, и передавалась от «священников и других образованных людей» к необразованным народным массам. Однако именно мысль о восстановлении сербской государственности превратила стихийную «буну против дахийцев» в освободительное восстание, райю в на-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 04-01-00047а.

род, а Белградский пашалык в Новую Сербию¹. Элементарная схема Новаковича являлась продуктом решения стоявших перед ним идеологических задач и в целом соответствовала тогдашнему уровню развития исторической науки. Современный исследователь найдет в ней больше вопросов, чем ответов.

Каковы были источники сербской национальной идеи? Как они взаимодействовали между собой? Почему и в какой степени новые лозунги были приняты рядовыми повстанцами? Насколько они соответствовали складывающейся реальности? Вот лишь некоторые из вопросов, которые требуют комплексного изучения. Проблема усугубляется тем, что идейная среда в самом Белградском пашалыке, где началось восстание, была чрезвычайно бедна, а преобладающая культура — глубоко архаична. «Фабрикой идей» для повстанцев, безусловно, являлись населенные сербами земли Габсбургской монархии по ту сторону Савы и Дуная. Однако культурный разрыв между ними и турецкими провинциями затруднял адаптацию новых веяний, накладывая отпечаток на весь процесс идеологического творчества. По тем же причинам был затруднен процесс создания самих основ повстанческой государственности. Столь раннее возникновение радикального национального движения в одном из отсталых уголков Османской империи до сих пор ставит исследователей в тупик.

Будущий академик Васа Чубрилович книгой о связях повстанцев с боснийскими сербами, вышедшей еще в довоенной Югославии, легко преодолел это противоречие: «Тесная связь церкви и государства, народа и церкви, — писал он, — сделала возможным возникновение общности с мощной духовной связностью и сильным самосознанием. Когда держава Неманичей погибла, от нее осталась идея национально, духовно уравновешенной общности...»². В сложившейся ситуации «...широкие народные массы земледельцев и скотоводов приняли на сохранение неманичскую государственную традицию. <...> Во второй половине XVIII века сербы — уже полностью сформированная нация, которая имела перед глазами цель и средства, чтобы к той цели прийти»³. Народ, берущий на сохранение религиозно-политическую традицию, чтобы затем возродить ее вновь, формально делался главным героем исторической драмы, но, чудо, государственная доминанта от этого ни капельки не пострадала. Идеологические ценности представлялись Чубриловичу вечными, в равной степени — государственными и народными. В этом смысле его ранние взгляды были отступлением назад от эволюционизма С. Новаковича. В коммунистической Югославии Чубрилович отказался от некоторых элементов прежней концепции («святославская» этика, цементирующая роль православной церкви, «идеализм»), приспособив ее к революционно-демократическому прочтению в духе С. Марковича. Это привело, если пользоваться лексиконом веховцев,

к «обожению» народа как носителя трансцендентной истины, постигаемой с приходом социализма. Большинство историков-марксистов пошло за оппонентом Чубриловича Д. Перовичем, который делал акцент на социально-экономической и социально-политической истории, а «идеями» интересовался мало.

Предложенное в свое время Чубриловичем и некоторыми другими авторами традиционалистское понимание сербской истории реставрировано и растиражировано в минувшие полтора десятилетия⁴. Югославская трагедия, крушение интернациональной идеологии и подъем национализма диктовали возврат к «вечным ценностям». Они же сужали исследовательский потенциал исторической науки, резервируя за ней строго идеологические функции. Историки вернулись, по существу, к национально-просветительскому этапу познания. Тезис о едином, однородном и неизменном народе, целенаправленно несущем свою историческую миссию, противоречит не только современному уровню развития науки, но и уровню развития вековой давности, зафиксированному у Новаковича. Как это ни странно, и по сей день, спустя два столетия с начала Первого восстания, ранний этап формирования сербской нации и связанные с этим идейные феномены остаются недостаточно изученными. Идеология в этой области знания до сих пор доминирует над наукой.

Разумеется, сербская православная церковь внесла огромный вклад в поддержание памяти о средневековой державе Неманичей, культивируя (через житийную литературу, службы, хранение мощей и храмовые изображения) святых правителей прошлого — сербских королей и царей. Именно церковь, как показали исследования филологов, стояла у истоков «косовской легенды», которая существенным образом трансформировалась, пройдя через века, в фольклорном творчестве, бумерангом возвратилась в письменную культуру, а из нее вновь и вновь проникала в фольклор⁵. Однако все те картины прошлого, что создавала церковь или эпическая традиция, имели статус сакральной и легендарной истории, находящейся по ту сторону обыденной жизни. Они занимали особую область сознания, не подчиняясь течению времени, поскольку их сюжеты, подвиги и деяния, совершались не когда-то конкретно, даже если они сопровождались датами, а были, образно говоря, погружены в безбрежное море вечности. Иными словами, прошлое житийной литературы и эпоса не было актуализировано, не имело исторической перспективы. Чтобы сделать историю орудием политической борьбы и материалом для национальной идеологии, ее необходимо было «снизить», приблизив к повседневности, хронометрировать и упорядочить, а значит, подвергнуть анализу. Только эти операции, разработанные в просветительской культуре, позволяли обосновать необходимость возврата к тому, что уже было когда-то. Речь не идет о разрушении

легенд. Следовало лишь приоткрыть дверь в доселе герметичный и застывший мир прошлого, заставив поверить: легенды могут ожить — стать реальностью.

Вторая половина XVIII в. отмечена рядом попыток использования сербской истории в политических целях. Первой по времени из них является небольшая по объему книга митрополита В. Петровича «История Черной Горы», изданная в Москве в 1754 г. с посвящением вице-канцлеру М. И. Воронцову⁶. Рассматривая Черногорию как часть исторической Сербии, ее автор надеялся убедить правительство России в необходимости оказать помощь «славено-сербским народам», один из которых составляют его соплеменники. В 1765 г. в Вене было опубликовано «Краткое введение в историю происхождения славено-сербского народа» П. Юлинаца, составленное по рукописи Г. Бранковича, который ранее безуспешно пытался доказать перед Габсбургами свои исторические права на управление сербским народом. В свою очередь Юлинац стремился своей книгой защитить привилегии сербов на церковно-культурную автономию, поэтому поместил в приложениях ряд соответствующих документов, принятых в свое время Леопольдом I и Марией-Терезией. В период подготовки Темишварского сабора (1790) пештанский адвокат Й. Мушкатирович предлагал обосновать уравнение сербов в правах с венграми на материале истории⁷. Не дождавшись позитивного отклика, он сам составил набросок «сербского меморандума», в котором применил историческую аргументацию: древность, автохтонность, благородство происхождения и родство сербов с венграми⁸.

Все перечисленные авторы решали в основном политические, а не исторические задачи, руководствовались моментом, поэтому не стремились к созданию объемной и целостной версии прошлого, ценного самого по себе. Заслуга в создании такой версии принадлежит архимандриту Й. Раичу, чей труд «История разных славянских народов» в четырех частях вышел в Вене в 1794–1795 гг. (первая часть одновременно была выпущена и в Санкт-Петербурге). Как заметил в свое время Н. Радойчич, «История» Раича «...стала основой для построения сербских политических устремлений немногим после ее опубликования. Всякая политическая идеология, — продолжал Радойчич, — ищет свое оправдание в прошлом. Так, наверное, и сербская. Из документов, которые касаются Первого сербского восстания, а особенно из писем, проглядывают не только мысли Раича, но и слова. Скромные планы сербской автономии в Белградском пашалыке выросли под влиянием «Истории» Раича в страстное стремление к освобождению Сербии, сербов и всех южных славян. Именно так, как значится в заголовке «Истории», который составляет сжатую политическую программу. Первые сербские политические партии затем стремились привести свои политические программы в согласие с давним прошлым»⁹.

Сочинение Раича представляет собой, помимо прочего, идеологический текст с ярко выраженной пропагандистской направленностью. Автор откровенно высказывался о его прагматической и воспитательной функции, и лишь конечная цель — восстановление сербской государственности — камуфлировалась под лояльность Габсбургам. Рассказ об истории сербского народа, занимающий центральное место в четырехтомном повествовании Раича, тесно связан, можно сказать, взаимозаменяем с историей сербского государства, правящей династии и т. п. Просветитель доказывал историчность сербов в ряду других европейских народов, являющихся носителями древнейшей государственной традиции. Хотя историк, как правило, не употреблял термин «нация», понятие «народ» тесно приблизилось к нему, получив политическое звучание. Органическая модель народа/нации конструируется у Раича с помощью нескольких тавтологически используемых ценностных определений: «слава», «кровь», «отечество», «верность» и пр. Подробно описывая границы сербского государства на разных этапах его существования, автор обосновал историческое право нынешних сербов, которые ничем не отличаются от далеких предков, на территории, обильно политые их кровью.

В «Истории» Раича легко обнаруживаются основополагающие этнополитические мифы, выделенные исследователями в результате сопоставительного анализа национальных доктрин¹⁰. Миф об автохтонности: отнесение первой славянской и, следовательно, сербской «славы» к временам Александра Македонского, если не ранее¹¹. «...Сербь наши не поздних веков прорашение, но древний язык и народ той же есть», — подчеркивает Раич¹². Миф о лингвистической преемственности: идентификация языка древних сербов с современным «славенским» языком, который был присущ им изначально. Миф о славных предках, которые во время военных походов одерживали победы и над греками, и над римлянами¹³. Миф об этническом единстве: этноним сербы (собры) Раич выводит из слова «собрание», что означает, по его мнению, сплоченность «обильного и многолюдного» народа¹⁴. Но самый главный, концептуализирующий всю «Историю» сюжет — это миф об обретенном и потерянном земном рае, каким являлось средневековое Сербское государство. Трагедия поражения — речь идет о трагедии на Косовом поле — может сплачивать сильнее, чем радость побед. Мотив утраты тесно связан с темой поиска и возврата. В таком случае гибель предвещает неизбежное возрождение.

Как известно, Раич негативно относился к эпическим песням, в том числе, очевидно, и песням «косовского цикла». Народное предание, по его мнению, искажало подлинные события: «Другой ряд поведателей их есть слепой и лживый... кои по торгам, стогнам и улицам, в струни бряцающе, припевают дела их (сербских царей и деспотов. — М. Б.) ложно и развра-

шенно»; при этом «...стыдом и слезами облиется всяк той, кого ревность отечества и рода своего снедает»¹⁵. Из «косовской легенды», которую он изучал по письменным источникам, тем не менее испытывшим то или иное влияние фольклора, просветитель стремился извлечь дидактику единства во имя победы. «Воистину, аще бы тогда в сербских велможах согласие было, не точию в безопасие привели бы Отечество свое и прославили Царство Сербское, но и прочая восточныя государства и страны от ига Турскаго освободили бы и удобнее прогнати могли всепагубнаго неприятеля», — утверждал Раич, тем самым призывая современных сербов к сплочению для новой борьбы, которая свергнет турецкий гнет¹⁶.

«История разных славянских народов» стимулировала разработку сербской национальной идеологии. Ее значение было сразу же высоко оценено патриотами. Один из них написал о Раиче: «Вечная ему будет слава, / По-сербски РАИЧ есть забава, / Ибо он писал о прошлом, / Но думал о нынешнем, / Сербский наш ревнитель / И искренний питатель...»¹⁷ Однако могли ли рядовые сербы — это «безмолвное большинство» — усвоить наставления Раича в первоизданном виде? Какое число читателей одолело четыре тома «Истории»? Ответы очевидны. Их было немного, а в турецких провинциях — единицы. Даже столь распространенная «косовская легенда» воспринималась представителями разных культур — устной и письменной — по-разному. «Косово Карагеоргия, — пишет литературовед М. Попович, — очевидно, было другим, нежели то, о котором писали и говорили в Сремских Карловцах. Для него оно было не только поэтическим символом сербского поражения и величия, но, прежде всего, реальное поле боя, на котором дикие полуязыческие войны вели борьбу против турков»¹⁸. Необходимо было сблизить два образа Косово и в форме народных песен преподать дидактику. Эта задача блестяще решена в поэме Г. Ковачевича (1805), не случайно выдержавшей до 1879 г. добрый десяток изданий¹⁹. Но и этому, затем столь популярному произведению во времена восстания еще предстояло найти путь к широкому читателю.

Если же отвлечься от «косовской легенды», то перед сербской национальной идеологией вообще стояла задача найти такие образы, такие формы, такой язык, которые были бы максимально понятны и близки носителям народной культуры и в то же время оказывали на них мобилизующее воздействие. Пути сближения искали порой интуитивно, порой сознательно или полусознательно, и эти поиски были типичны для всей культуры европейского Предромантизма²⁰.

Одна из первых попыток объяснить прописные истины национальной идеологии понятным народу языком — стихотворение «Плач Сербии» (1761) известного просветителя З. Орфелина²¹. Содержание стихотворения составляет все тот же сюжет утраченной благодати — «славы» в терми-

нологии патриотов, не изменившейся и спустя столетия²². Героиня стихотворения Мать-Сербия сокрушается о поражении на Косовом поле, где пали «все цари и вожди великие» с «храбрыми витязями и сынами столькими», и о нынешнем ее рабстве. Сербия корит своих старейшин, пошедших служить другим господам, и простых сыновей, ставших «упрямыми, свирепыми», терзающими материнскую утробу. Шокирующая мольба возымеет мощный воспитательный эффект, если вложить ее в уста измученной матери-родины, — так, наверное, рассуждал Орфелин. Он апеллировал к простым человеческим чувствам и кровнородственным связям, основополагающим в архаическом сербском обществе, расширяя их до чувств и связей национальных.

Стихотворец вывел на авансцену саму Сербию, образ пластичный, допускающий разную конкретизацию, и осуществил таким образом значимый идейный прорыв. Династическая фиксация церковно-исторической традиции приводила все чаянья о будущем в тупик: лоза Неманичей пресеклась. «Ах! Сербия пребедная! Где надежда твоя?!» — восклицал Орфелин и как добрый христианин пенял на Бога. Но он же подсказывал вполне земной путь выхода из тупика. Перед Матерью-Сербией по большому счету все равны, все ее сыновья (эгалитарно-демократический потенциал этого образа трудно переоценить), и она зывала: «...но не имею своего вождя, никак не нахожу». А ведь таким вождем может стать теперь каждый, кем бы он ни был по происхождению! Старая «слава» Сербии уничтожена, пора уже поискать новой. Решение проблемы разрыва и преемственности в сербской истории было идейно намечено.

Во второй половине XVIII века «семейное» понимание сербской общности, сближающее элитарную мысль с бытовым «родолюбием», становится общим местом первых национальных манифестов, включая «Историю» Раича. Термины «сыны сербские» и «братья» используются постоянно. «Родолюбие» трактуется как патриотизм и верность «роду сербскому», трансформируясь со временем в «народолюбие».

Образ Матери-Сербии был повторно использован в стихотворении Д. Обрадовича «Песня на инсурецию сербиянов» (1804), появившемся в связи с восстанием в Белградском пашалыке. Начинается оно следующими словами: «Восстань, Сербия! Восстань, царица! / Дай чадам твоим увидеть твое лицо! / Обрати сердца их и очи на себя / И дай услышать сладкий твой голос. / Восстань, Сербия! / Давно ты спала, / Во мраке лежала; / Теперь пробудись / И сербов возбуди!»²³ Стихотворение написано с оглядкой на более раннее произведение Орфелина, но тональность его полярная — вместо вопля отчаяния ликующий оптимизм. Мать-Сербия в «Песне» именована «царицей», что является знаком преемственности по отношению к средневековому Царству. Пусть уже нет царей, но у сербов осталась роди-

на. При этом сюжет «спящей царевны» имеет фольклорное происхождение и относится к числу «бродячих» сюжетов мировой литературы (он хорошо известен, к примеру, по сказкам Ш. Перро и А. С. Пушкина). Поэтому мотив сна и пробуждения (смерти и возрождения), повторяющийся в рефрене, замечательным образом связал национальную пропаганду со стихией народной культуры, ее глубинными мифологическими слоями. Неслучайно стихотворение Обрадовича и до сих пор используется в Сербии как патриотический гимн.

В последних куплетах «Песни» упоминается Босния, названная сестрой Сербии, а также Герцеговина и Черногория, которые, как и «далекие державы и острова в морях», желают ей божьей помощи. Обрадович наметил первостепенные географические ориентиры, которые следует иметь в виду повстанцам, опять же по принципу кровного родства. Однако он был пока весьма осторожен в оценке перспектив повстанческой географии. В других своих произведениях, начиная с «Письма Харлампию» (1783), просветитель неоднократно высказывался о границах сербской нации как языковой и кровнородственной общности гораздо более масштабно и определенно²⁴.

И наконец, необходимо обратить внимание на посвящение «Песни»: «Сербии и храбрым ее витязям и чадам и богопомогаемому их воеводе господину Георгию Петровичу». Обрадович перечисляет практически все персонажи стихотворения Орфелина, но если тот в свое время не нашел вождя, то в 1804 г. он был уже найден и отмечен особым образом. Вождь должен стать, пользуясь теми же семейными аналогиями, «старшим братом» для всех сербов и заменить отца при воскресшей матери. Именно эта линия рассуждений получила развитие в обосновании единовластия верховного вождя в дальнейшем.

Восстание в Белградском пашалыке вызвало целую волну песенного творчества, в которое включились народные сказители вроде знаменитого Ф. Вишнича и представители интеллектуальной элиты из австрийских земель²⁵. Творения последних имели, как правило, вполне определенную пропагандистскую направленность. После «Песни» Обрадовича в этом ряду следует назвать сочинение Г. Ковачевича «Песнь о случайном возмущении в Сербии приключившемся и о изображении дел Сербанов в действии произведенных» (1804). Здесь главным героем становится Карагеоргий, а заключительное четверостишие поэмы закрепляет за ним высший статус в повстанческой иерархии: «Честь и хвала сербским кнезам / и остальным сербским витязям, / Особенно вождю Петровичу / Георгию храброму племичу». Ковачевич, пожалуй, первым из воеводинских авторов включился в строительство карагеоргиевской легенды, присвоив верховному вождю титул дворянина.

По мере развития движения в Белградском пашалыке и в связи с необходимостью сформулировать его программные требования, термины и образы сербского возрождения проникают в документы, составленные при участии повстанческого руководства. В их создании были задействованы грамотные священники, которые, как, например, самый известный из них протоиерей Матвей Ненадович, обучились владеть не только пером, но и оружием. Именно они, здесь прав С. Новакович, являлись первоначально — до переезда в повстанческую Сербию отдельных представителей воеводинской интеллигенции — главными, если не единственными проводниками адаптированного варианта национальной идеологии.

М. Ненадович был, по-видимому, одним из составителей документов, предшествовавших отправлению первой сербской депутации в Россию (1804). Письмо, датированное 27 августа, адресовалось пивскому архимандриту Арсению Гаговичу и всем герцеговинцам²⁶. В обращении к ним авторы широко использовали «братскую» терминологию, в наиболее полном виде представленную в формуле: «...любезные братья мои, сербы». К такому отнесены не только православные жители Герцеговины, но и черногорцы. Все братья-сербы, по мысли авторов письма, должны объединиться в борьбе «за веру христианскую, за святые церкви и монастыри и свободу Отечества своего», то есть за восстановление исторической Сербии.

(В дальнейшем обращение «братья» к православным жителям турецких провинций и аргументация кровного родства становятся общим местом повстанческой переписки. Наиболее показательны в этом отношении письма Карагеоргия и Совета, направленные черногорскому митрополиту Петру I Негошу в 1806 г.²⁷)

На следующий день, 28 августа 1804 г. были составлены полномочия депутатам «от всего сербского народа»²⁸, формулирующие идею его суверенитета, скорее всего, вне всякой зависимости от политической теории западноевропейских просветителей. Сделать источником власти народ заставляли не господствующие убеждения, а конкретные обстоятельства, сложившиеся в лагере повстанцев после свержения дахийской диктатуры. Разрыв в исторической легитимности между Старой и Новой Сербией необходимо было чем-то восполнить, а категория «народ» при отсутствии словесной структуры и династического претендента была в этом смысле наиболее пригодной.

Манера высказываться от имени всех сербов, всего народа характерна для многих документов конца XVIII — начала XIX в., хотя их авторы нередко руководствовались своими собственными, порой корыстными, соображениями, по-разному понимаемым патриотическим долгом. Полномочия от 28 августа отличаются от предшествующих документов и писем тем, что в этом тексте раскрывается содержание суверенитета («полновластитель-

но творити, делати, совершати и заключати»), а его делегирование осуществляется посредством волеизъявления «поглаварей и комендантов», к которым присоединяются священнослужители. Сербский народ, претендующий стать полновесной политической единицей, структурирован уже имеющимися инстанциями военной, светской и духовной власти.

Одновременно с «изобретением» народного суверенитета, сделанным внутри повстанческого лагеря, по ту сторону границы некоторые представители воеводинской интеллигенции выдвинули более или менее обоснованные проекты воссоздания «славено-сербского государства»²⁹. Их так соблазнительно было выдать за истинную волю народа. Вероятно, сербские депутаты, побывавшие в России, имели возможность ознакомиться хотя бы с одним из этих проектов — «Запиской» карловацкого митрополита С. Стратимировича. По возвращении депутатов на родину он выступил в роли их наставников. Кроме того, на сербских посланцев повлияло общение с русскими чиновниками и дипломатами, конкретизировавшими требование о предоставлении сербам Белградского пашалыка полной внутренней автономии и подсаказавшими мысль о необходимости организации «административного совета» как института законной власти³⁰. Уже в России к депутации присоединился большой знаток права Ф. Филиппович, взявший после переезда в Сербию в 1805 г. имя Б. Груйовича (1770–1807). Занявшись разработкой основ повстанческой государственности, он сознательно пытался привнести в ее идейное обоснование элементы естественно-правовой доктрины. Понятно, что таковую необходимо было максимально приблизить к сербским условиям.

Результатом беседы Б. Груйовича со С. Стратимировичем стало известное письмо от 10 августа 1805 г.³¹, где в развернутом виде излагалась позиция карловацкого митрополита как по вопросу об организации власти в Белградском пашалыке, так и по ее идеологической проекции. Стратимирович советовал сделать начальное устройство власти «простым, незапутанным, но таким, какое может всякий употребить». Его должен понять и принять каждый рядовой серб. Принцип справедливости, заимствованный не из просветительской премудрости, а из арсенала христианских добродетелей, выдвигался в качестве основного в государственном управлении: «Не стремитесь к собственной каждой своей частной пользе, но заботьтесь об общем деле, чтобы всякий и самый малый одинаково защищен был и помощь получил, тогда и благословением божьим преуспеете». Повстанческое государство Стратимирович мыслил по образу и подобию патриархальной семьи во главе с домочином, поэтому советовал: «Будьте все в согласии и почитайте, и слушайте, и защищайте вашего поглаваря первейшего — господаря Георгия Петровича, средоточие вашей власти; в нем вы — только члены, а он — голова». Духовенство должно сложить себя не свойствен-

ные ему функции, перестать начальствовать «саблей и пушкой», возвратиться к проповеди и всячески возбуждать в прихожанах «жар народолюбия». Одной из главных задач митрополиту виделось «заведение школ, чтобы народ научить: 1-е, Богу молиться, а 2-е, читать и писать, чтобы свои книги и письма распространять насколько возможно дальше». Хотя первой задачей образования признавалось религиозное обращение, митрополит понимал пользу знаний, предлагал отказаться от использования в языке турецких слов, заменив их славянскими, и поддержал идею написания истории восстания как нового рубежа сербской «славы». Итогом усердной работы светских и духовных властителей станет национальное преобразование Сербии: «Если так будете поступать, можете быть уверены, что в скором времени с божьей помощью весь народ в других людей божьих преобразите, то есть из нерадивых и бездельников трудолюбивых сынов отечества, из робких и неорганизованных храбрых и дисциплинированных воинов, из простоватых и диких людей благомысленных и воспитанных людей сделаете», — убеждал Стратимирович.

«Домашние» представления митрополита о государственном устройстве и его планы строительства системы национального воспитания на базе православной церкви и христианской морали могли иметь лишь некоторые точки соприкосновения с воззрениями Б. Груйовича. Краеугольным камнем его концепции, сформулированной в произнесенной речи для скупщины в Боговадже (август 1805 г.)³², являлся «закон», который «разумен и справедлив быть должен». Путь к преобразению виделся Груйовичу не в религиозно-нравственном очищении, но в заведении порядка, воплощенного в конституции, правовом равенстве и неукоснительном соблюдении юридических норм, прежде всего самими представителями власти. «Естественность» права разъяснялось бытовым языком через эмоциональную формулу «правды»: «Этому нас и сердце и душа научить могут. Чему всякий разумный, честный и почтенный человек покорен и чего он до смерти своей слушать желает? Всякий скажет, я сам покорен *разуму и правде*. Этого до смерти-моей и голодный и жаждущий, и голый и босый верно слушаюсь». Сведение «закона» к «правде» — нравственному чувству и здравому смыслу — было необходимым упрощением, компромиссом с преобладающим типом сознания.

От «закона» Груйович вел нить рассуждений к другой фундаментальной ценности — «свободе», которая обеспечивается безопасностью жизни, чести и имущества. Ее значимость выражена столь же простым, эмоциональным и образным языком. Антитезой свободы в речи Груйовича является «рабство», «пустыня» и «гайдучество», а ее синонимами — «вольность» и «добро». Свобода представляется волшебным качеством человека, данным ему от природы и отличающим от «зверя». Она преобразует повсе-

дневную жизнь: «В свободной земле и поля больше родят, и скот лучше плодится, вкуснее хлеб делается и слаще вино. Одним словом, где нет свободы, там жизни нет». В концепции Груйовича Бога заменило естество, Отечество — «вилает», а церковную школу — «закон» и «конституция». В его программной речи не нашлось место идее персонифицированного единовластия с ее органической метафорой и вообще не упоминался Карагеоргий.

Речь Груйовича и письмо Стратимировича следует рассматривать как две конкурирующие между собой идеологические модели, рассчитанные на пропагандистское использование. Каждая из них стремилась найти линии сопряжения с наивным мировосприятием, и это составляет их основное сходство. Какая же стратегия пропаганды из двух была более жизнеспособна? Хотя речь Груйовича так и не была произнесена и оставалась в рукописи более полувека, пока не была напечатана в приложении к «Мемуарам» М. Ненадовича, ее положения легли в основу ряда документов, принятых Советом и скупщиной осенью 1805 г. Один из них назывался «Сербская свобода». В других провозглашалось всеобщее равенство перед «законом». Верховная власть передавалась выборному коллективному органу — Народному совету, который концентрировал законодательные, распорядительные и судебные полномочия³³.

Как известно, сербская демократия начала с нарушения выдвинутых ею принципов. Постановления осени 1805 г. в большинстве своем так и не вступили в силу, главным образом из-за сопротивления воевод. Причины неудачи Б. Груйовича и его единомышленников уже рассматривались в историографии. Повстанческая Сербия не имела достаточных материальных, социальных и интеллектуальных ресурсов для строительства правового государства³⁴. Очевидно, сторонники «конституции» надеялись получить поддержку народной массы на скупщине сначала в августе, а затем в ноябре 1805 г. Но все дело в том, что у сербских «демократов» отсутствовал кадровый состав пропаганды. Груйович и сам понимал: делом просвещения в повстанческой Сербии могут заняться только служители церкви. В первоначально подготовленном проекте Совета он, следуя советам Стратимировича, так определил функции попечителя просвещения и духовенства: «Этот пускай следит за порядком у священников, исполняют ли службу; под ним будут монастыри, церкви, школы, учителя и все, что для воспитания нужно. Он ученых людей приглашает, церкви устраивает и школы; и владыкам для посвящения в сан юношей представляет»³⁵. Впрочем, решение Смедеревской скупщины (ноябрь 1805 г.) о полномочиях Народного совета не формулировало его задачи по управлению церковью и в области образования³⁶. Неясно, свидетельствует ли это об утрате надежд на пропагандистское обеспечение демократического правления посредством духо-

венства. Так или иначе для священников идеологическая модель, предложенная митрополитом Стратимировичем, была и ближе и понятней.

Кроме того, проект Груйовича не учитывал патриархальные и вождистские настроения рядовых повстанцев, которых, вероятно, следует считать главными творцами карагеоргиевской легенды. Образованные современники или участники событий лишь следовали за этими настроениями, фиксируя, порой в исправленном виде, слагавшиеся молвой истории о страшном и непобедимом вожде. Литератор-летописец Сима Милутинович Саралия, служивший во время восстания писарем в Совете, уведомлял читателя в предисловии ко второй части авторского эпоса «Сербиянка», что он неоднократно слышал рассказы о Карагеоргии от его земляков — жителей Шумади, — охранявших Совет, а особенно часто от одного старого топольца³⁷. Центральным в ряду этих историй является эпизод отцеубийства, известный в разных вариантах³⁸.

В соответствии с логикой мифа, совершив страшный грех, Карагеоргий сломал и свою собственную жизнь, и весь старый патриархальный миропорядок сербской райи, обрек ее на разрыв с прежним, покорным состоянием. Отцеубийство вызвало «хаос» восстания, результатом которого должно стать новое мироустройство, а его потенциальным созидателем — герой-освободитель, заменивший в поздней эпике героя-защитника «классического» периода. Эпическая репутация Карагеоргия является, таким образом, сложным переплетением глубоко архаических и совершенно новых фольклорных мотивов.

Фигура отца ассоциирована со стабильностью во всех вариантах предания. В одном случае (в рассказе Д. Н. Бантыш-Каменского³⁹) он проявляет заботу обо всех сербах, которых сын обрекает на страдания и гибель от гнева турок, во всех остальных вариантах — о своем собственном благополучии, что, по существу, не меняет дела. Бегство сына — это путь в никуда, которое так страшит отца, но это бегство чревато возвращением с тем, чтобы принести освобождение соплеменникам. Убив родного отца или по сниженному варианту — отчима, согласно представлениям эпической аудитории, Карагеоргий мог стать отцом для всех сербов.

Если об отце (отчине) источники сохранили лишь смутное воспоминание, то мать Карагеоргия, напротив, запечатлена в исторических преданиях и в рассказах мемуаристов достаточно ярко. Квинтэссенция ее характеристики, заимствованная из них, дана М. Вукичевичем: «...была она подвижна, прилежна и трудолюбива, рассудительна и отважна. Мыслила и действовала как мужчина. Готова ко всему и вынослива, как и всякая сербская крестьянка, <...> умела обращаться с конем лучше, чем какой мужчина <...>, и потому ее многие звали “Марица-наездник”. У Марицы, по-видимому, душа пылала ненавистью к туркам, ибо во время когда Карагеоргий

юношей стал убивать отдельных турок, она не только его не отговаривала, но и помогала ему

И эта сербиянка родилась под Рудником, на левой стороне Ясеницы, выросла в ясеницких лесах и лугах, в удалении от больших дорог, на свежем и здоровом горном воздухе, вдохновленная свободой горцев и ненавистью к туркам, родила сербам и воспитала великого Карагеоргия»⁴⁰. В этом отрывке особенно красноречивым выглядит последний пассаж: соотношение матери Карагеоргия — простой крестьянки, которая тем не менее даст фору любому мужчине, — с географическим ландшафтом — сербскими лесами, лугами и горами, воздухом свободы, наконец. Вукичевич, не понимая того, по существу, вскрывает здесь символику фольклорного мышления. Мать Карагеоргия — это сама сербская земля. В таком случае активная роль матери в эпизоде отцеубийства следует истолковывать как стремление Сербии быть освобожденной. Когда мать закликает сына своим молоком и обнажает перед ним грудь⁴¹, она тем самым одновременно и повелевает им, и вручает ему власть над собой. Условием обретения верховной власти становится ужасное преступление, но в то же время жертвоприношение, инициация, открывающая длинную цепь других преступлений, неизбежных на пути к освобождению. Карагеоргий заранее получает индульгенцию на них. Национально-государственная конструкция, вызревавшая в умах образованной элиты сербского общества, поиски вождя (отца нации) совпали с поздней мутацией эпического сознания и обрели идентичность с ней в легендарной фигуре Карагеоргия. Это замечательное совпадение было использовано при обосновании монархической (вождистской) модели государственной власти на заключительном этапе восстания.

Первая попытка утвердить единовластие Карагеоргия относится к осени — началу зимы 1808 г. Хотя развернутое идеологическое оформление политической реформы не было первоначально подготовлено, а сами преобразования потерпели крах, тенденции, проявившиеся позднее, легко обнаруживаются уже в кратком тексте «конституционного акта», разосланного нахийским военачальникам. В его первом пункте, в частности, говорится: «Совет народный, все коменданты, воеводы, кнезы и весь народ признает Господаря Карагеоргия Петровича и его законное потомство за первого и верховного сербского предводителя, коему все обещаем верными и его командованию покорными быть; а он, Господарь Георгий Петрович, обещает обо всем народе по-отечески заботиться и Совет Народный за верховный в земле Суд признавать»⁴². «Семейные» отношения правителя со своим народом, как следует из приведенной формулировки, становятся основой государственной власти. В эту модель авторы реформы привнесли видимость «общественного договора», предлагавшегося в свое время Б. Груйовичем. Однако если он вел речь о правах и законности, то теперь их

заменили покровительство и забота, не требующие никакой документальной регламентации. Сохранение Народного совета в качестве посредника между вождем и народом при отсутствии правовой базы было чревато превращением его в орудие произвола.

Установление новой династии связывалось с программой обретения полной независимости (введением регулярной армии, самостоятельной дипломатии, национальной валюты) и восстановления Сербского царства в границах времен Стефана Душана. Данная программа была изложена перед русским военным командованием в Яссах в первые месяцы следующего, 1809 г. двумя сербскими депутациями во главе с И. Юговичем. Знарок наук, как и Б. Груйович, переселившийся в Сербию из австрийской Воеводины, Югович играл в это время роль главного повстанческого идеолога⁴³. Тем временем, пока велись переговоры, в самой Сербии был составлен (и распространен?) текст «Проглашения»⁴⁴, где Карагеоргиев избрался наследником дела Неманичей, собравшим «сербской матери сынов», чтобы залечить рану Косова поля и вернуть былую сербскую славу. Документ призывал повстанцев: «...покорны и послушны будем как истинные сыны верховному нашему господарю и прочим старейшинам, а он нас как благий отец сынов своих всех одинаково любит...» Патриархальное понимание равенства не допускало сочетания с принципом свободы. Взамен предлагались вера, любовь и надежда, которые вольются в сердца повстанцев с проповедью духовенства. Те же ценностные принципы легли в основу более удачной второй «конституционной реформы» (1811 г.)⁴⁵.

Итак, возобладавшая в ходе восстания модель «патриархальной монархии» была выработана в результате своеобразного диалога между «просвещенным» сознанием образованных идеологов и наивным эпическим мировосприятием большинства сербского общества, испытавшего трансформацию в условиях вооруженной борьбы. Эта идеологическая модель в принципе сопрягалась, с одной стороны, с бытовым опытом бывшей райи, а с другой — с новыми интерпретациями исторической традиции, возникшими в предшествующий период или во время восстания, а также с нормами религиозной морали. Однако усложнение элементарной модели «государственной семьи» требовало кропотливой пропагандистской работы, институционально-территориального закрепления успехов, достигнутых в борьбе, а главное — времени.

Идейное ядро повстанческой эпохи было востребовано на следующих этапах развития сербского государства.

Примечания

¹ *Новаковић С.* Устанак на дахије 1804. Оцена извора, карактер устанка, војевање 1804. Београд, 1904. С. 60–61, 64; *Он же.* Васкрс државе српске. Београд, 1954. С. 70–71, 83, 85, 93.

² *Чубриловић В.* Први српски устанак и босански срби. Београд, 1939. С. 8–9.

³ Там же. С. 9–10.

⁴ См., на пример: *Митровић Ј. Д.* Народна свест у Срба. Београд, 1989; *Самарац Р.* Косовско одређење: историјски огледи. Београд, 1990; *Он же.* На рубу историје. Београд, 1994.

⁵ *Радојичић Ђ. С.* Почетак косовске легенде // Он же. Књижевне збивања и стварања код Срба у средњем веку и у турско доба. Нови Сад, 1967. С. 214–218; *Павловић Л.* Култови лица код Срба и Македонаца. (Историјско-етнографска расправа). Смедерево, 1965. С. 116–126; *Љубинковић Н.* Косовска битка у своме времену и у виђењу потомака или логика развоја епских легенди о косовскоме боју // Косово у памћењу и стваралаштву / Приред. Н. Љубинковић. Београд, 1989. С. 127–164; *Ређеп Ј.* Развитак косовске легенде // Бој на Косову — старија и новија сазнања / Ред. Р. Михаљчић. Београд, 1992. С. 527–588.

⁶ Репринт: *История Черной Горы.* Београд, 1951.

⁷ *Темišvarski sabor 1790 / Izbor i objašnjenja S. Gavrilovič i N. Petrovič.* Novi Sad, Sremski Karlovci, 1972. № 7. С. 8–10.

⁸ Ibid. № 114. С. 155–181.

⁹ *Радојичић Н.* Српски историчар Јован Рајић. Београд, 1952. С. 148–149.

¹⁰ *Шнирельман В. А.* Ценность прошлого: этноцентрические исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. М., 2000. С. 22–23.

¹¹ *Раич И.* История разных славенских народов... Ч. 1. С. 3.

¹² Там же. Ч. 2. С. 124.

¹³ Там же. Ч. 1. С. 37–39 и др.

¹⁴ Там же. Ч. 2. С. 154–155.

¹⁵ Там же. Ч. 2. С. 122. См. также: Ч. 1. С. 61.

¹⁶ Там же. Ч. 3. С. 42, 69.

¹⁷ *Стаматовић Н.* Славеносербском роду и обществу от народлюбца со усердием посвященно. Будим, 1798. С. 12.

¹⁸ *Поповић М.* Видовдан и часни крст. Оглед из књижевне археологије. Београд, 1977. С. 93–94. Ср.: *Љушић Р.* Косовска традиција у ратном периоду српске револуције (1804–1815) // Он же. Србија 19. века. Изабрани радови. [Књ. 1.] Београд, 1994. С. 24–47.

¹⁹ *Поповић М.* Историја српске књижевности. Романтизам. Београд, 1985. Књ. 2. С. 14.

²⁰ См.: *Drndarski M.* Između prosvetiteljstva i predromantizma. (Usmena tradicija u Dalmaciji). Beograd, 1994. S. 7–27 (I. Uvod).

²¹ Републикована во многих антологиях. См., например: Антологија старије српске поезије / Саст. М. Лесковац. Нови Сад, 6. г. С. 5–8.

²² О термине «слава» в древнерусских текстах см.: *Лотман Ю. М.* Об оппозиции «честь» — «слава» в светских текстах киевского периода. Еще раз о понятиях «слава» и «честь» в текстах киевского периода // Он же. О русской литературе. СПб., 1997. С. 84–101. Полемиическая статья А. А. Зимина дана в приложении: Там же. С. 101–106.

²³ *Обрадовић Д.* Собрана дела. Београд, 1961. Т. 3. С. 17–19.

²⁴ *Лециловска И. И.* Взгляды Досифея Обрадовича по национальному вопросу // Славяне и Россия. М., 1972. С. 89–98.

²⁵ *Стевановић П.* Савременици-книжевници о првом устанку и Карађорђу // Зборник Матице српске за књижевност и језик. Нови Сад, 1956 (1955). Књ. 3. С. 35–47.

²⁶ Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 1. М., 1980. Док. № 16. С. 42–44.

²⁷ *Перовић Р.* Први српски устанак. Акта и писма на српском језику. Књ. 1, 1804–1808. Београд, 1978. Док. № 125. С. 175–177. Док. № 140. С. 188–190. Док. № 146. С. 194–196. Ср.: *Грачев В. П.* Сербь и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807 гг.). М., 2003. С. 47–49.

²⁸ Первое сербское восстание... Док. № 17. С. 44–45.

²⁹ См.: *Достян И. С.* Планы основания славяно-сербского государства с помощью России // Славяне и Россия. С. 98–107; *Грачев В. П.* Планы создания славяно-сербского государства на Балканах в начале XIX в. и отношение к ним правительства России // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. — 1878 г.). М., 1995. С. 4–40; *Гавриловић С.* План Сорфронија Југовића о српско-руској сарадњи 1804 // Он же. Личности и догађаји из доба Првог српског устанка. Нови Сад, 1996. С. 76–80; *Белов М. В.* Обоснование сербской национальной идеи в «Записке» (1804) митрополита С. Стратимировича // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Вып. 5. Брянск, 2003. С. 45–52.

³⁰ О влиянии российских чиновников и дипломатов на процесс выработки сербской национальной идеологии см.: *Белов М. В.* К вопросу о роли России в возрождении идеи Великой Сербии в период восстания 1804–1813 гг. // Мининские чтения. Н. Новгород, 2003. С. 138–146.

³¹ *Перовић Р.* Први српски устанак. Док. № 78. С. 134–137.

³² *Ненадовић М.* Мемоари. Београд, 1867. С. 291–294.

³³ См.: Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII — 70-е гг. XIX в.). М., 1986. С. 101–103; *Грачев В. П.* Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. (Внутреннее положение, предпосылки национально-освободительных движений). М., 1990. С. 181–185. *Љушић Р.* Српска слобода // Он же. Указ. соч. С. 209–222.

³⁴ Иная позиция характерна для той линии в историографии, которая ведет свое начало от книги С. Марковича «Сербия на Востоке». Он, а вслед за ним В. Чубрилович, Р. Гузина и некоторые другие историки были убеждены в том, что демократическая

альтернатива в восстании 1804–1813 гг. была вполне реальной, и лишь случайные обстоятельства в виде затянувшихся военных действий или вмешательства России во внутренние дела Сербии воспрепятствовали ей. См.: *Белов М. В.* Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. События, документы, историография. Н. Новгород, 1999. С. 101–104.

³⁵ *Ненадовић М.* Указ. соч. С. 291–294.

³⁶ *Грачев В. П.* Балканские владения... С. 183–185.

³⁷ *Милутиновић С. С.* Сербанка. Ч. 2. Липисци, 1826. С. 186. Топола — деревня, где располагалось имение Карагеоргия.

³⁸ Подробный анализ источников, в которых изложена легендарная биография Карагеоргия, выходит за рамки настоящей статьи. Однако следует подчеркнуть, что эпическое отражение реальности имело в сербском обществе того времени вполне самостоятельную регуляторную роль, недооцениваемую порой историками.

³⁹ *Бантыш-Каменский Д. Н.* Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию. М., 1810. С. 120–121.

⁴⁰ *Вукићевић М.* Карађорђе. Књ. 1. Београд, 1986. С. 17–18.

⁴¹ Казивања о српском устанку / Саст. Д. Самарацић. Београд, 1980. С. 15–16, 78–81.

⁴² *Новаковић С.* Уставно питање и закони карађорђева времена. Београд, 1988. С. 57–58; *Перовић Р.* Први српски устанак. Док. № 431–433. С. 405–406.

⁴³ См.: *Белов М. В.* Восстание 1804–1813 гг. и развитие сербской национальной идеи // *Славяноведение*. 2004. № 2. С. 3–18.

⁴⁴ *Савић В. Б.* Карађорђе. Документи. Књ. 1. 1804–1809. Док. № 284. С. 468–469.

⁴⁵ Документы см.: *Новаковић С.* Уставно питање... С. 99–110.

План создания «нового порядка» на Балканах и негативные последствия его неудачной реализации в первой половине 1807 г.

Мысль о создании «нового порядка» на Балканах впервые была открыто высказана 6(18) февраля 1806 г. в инструкции П. А. Строганову, которой отправлялся в Лондон для согласования взаимодействия России и Англии, в обстановке, сложившейся после заключения Прессбургского мира 14(26) декабря 1805 г. между Францией и Австрией.

Анализ этого широкомасштабного плана позволяет обнаружить в нем идеи, выдвигавшиеся в 1804 г. иерархами сербской православной церкви в Австрии митрополитом Ст. Стратимировичем и епископом И. Йовановичем, а также депутатами сербских повстанцев, прибывших в Петербург осенью 1804 г.

Поскольку для реализации предлагаемых планов в 1804–1805 гг. еще не было более или менее подходящих условий, то петербургский двор принял решение придерживаться в этом вопросе политике «активного негласного влияния». Суть ее заключалась в том, что сербские повстанцы передают свои требования Порте, а А. Я. Италинский, как посланник союзной державы, активно убеждает ее в целесообразности удовлетворения этих требований.

Между тем в конце 1805 г. геополитическая ситуация в Европе и на Балканах резко изменяется в результате этих перемен появляется уникальная возможность сочетать реализацию предложенных в 1804 г. планов создания сербского и черногорского государств с внешнеполитическими интересами России.

Для большей ясности я кратко в общих чертах напомню об этих событиях.

Так, 20 ноября (2 декабря) 1805 г. русско-австрийские войска под Аустерлицем потерпели поражение, а Австрия 14 (24) декабря 1805 г. в Прессбурге заключила сепаратный мир с Францией. По условиям Прессбургского мира Австрия уступала Франции так называемые бывшие владения Венецианской республики: Боку Которскую и другие районы Адриатического побережья. Франция становилась непосредственной соседкой Османской империи. Не желая переходить под власть Наполеона I, население Боки Которской через неделю после подписания Прессбургского мира обратилось к митрополиту Черногории Петру I Негошу и представителю России в Черногории С. А. Санковскому с просьбой принять их в подданство России. Санковский, в свою очередь, поставил об этом в известность представителя России в Королевстве Обеих Сицилий Д. П. Татищева и просил его прислать с острова Корфу несколько русских кораблей для поддержки операции по занятию Боки Которской силами бокезцев и черногорцев. По прибытии 17 февраля 1806 г. трех российских кораблей, на борту которых было всего 140 десантников, митрополит Черногории во главе 7 тыс. вооруженных черногорцев и бокезцев 21 и 22 февраля 1806 г. беспрепятственно вошел в Кастельново, Котор, Будву; потребовал от австрийского командования ключи от городов и вывесил там российские флаги. Эскадра Д. Н. Сивявина вошла в Боку Которскую только 16 (28) марта 1806 г.

Правительства России и союзной ей Турции по-разному отреагировали на заключение Прессбургского мира и занятие черногорцами, бокезцами и русскими районов Адриатического побережья, отходивших по условиям мира к Франции.

В Константинополь копия Прессбургского договора была доставлена 10 января 1807 г. представителем Франции — Ру. Вручая ее министрам, Ру заявил, что Франция не будет вводить свои войска в пределы своей соседки и хотела бы установить с ней дружественные и торговые отношения. Поверенный в делах Франции П. Рюсрен позднее убеждал Порту отказаться от союза с Англией и Россией, а также задушить в зародыше освободительные движения сербов и греков, которые поддерживаются Россией.

Порта, в свою очередь, вопреки договоренности со своими союзниками в 20-х числах января 1806 г. признала за Бонапартом титул императора, предписала пограничным пашам поддерживать дружественные связи с французами и активизировала карательные акции против славян Герцеговины и Сербии.

В связи с усилившимися карательными акциями против сербов и других христиан балканских владений Турции сербы в конце 1805 г. направили в Вену депутацию в надежде добиться поддержки со стороны венского двора. В начале 1806 г. эти же депутаты через А. К. Разумовского передали обращение сербских повстанцев к царю Александру I. Авторы обращения писа-

ли, что карательные акции турок распространились не только на Сербию, но и на другие области, где живет до одного миллиона христиан. Они готовы начать второе сербское восстание. В связи с этим депутаты просили прислать оружие, боеприпасы и деньги для 50 тысяч человек, 200 пушек с опытными артиллеристами, а главное — ввести русские войска в Сербию. При появлении российских войск, уверяли авторы, к ним присоединятся до 200 тысяч христиан Сербии, Боснии, Герцеговины, Черногории, Далмации и даже Албании. Они помогут русским победить всемирного супостата, т. е. Наполеона, а русские помогут христианам освободиться от многовековой зависимости.

В Петербурге в конце декабря 1805 г. — в январе 1806 г. состоялось несколько заседаний Государственного совета России, на которых обсуждалась ситуация, сложившаяся после подписания Прессбургского мира. Члены совета пришли к заключению, что, приобретя Далмацию, Франция получила «средства переменить отношения», которые до этого существовали между Россией и Турцией. Чтобы воспрепятствовать этому, было решено следующее: оставаться в союзе с Англией, «стараться сохранить доверенность» Порты к России, «иметь полезные сношения и связи со славянским населением и греками, под турецким правлением находящимися», держать в готовности сухопутные и морские силы» России.

Для координации действий по этим вопросам МИД России в феврале 1806 г. направил в Лондон П. А. Строганова. В данной ему инструкции говорилось, чтобы Бонапарт не смог продвигаться в глубь балканских владений Турции, петербургский двор предлагает установить на Балканах «совершенно новый порядок вещей»: «Образовать из всех славянских народов от Боки Которской до Сербии единое независимое государство под господством Порты и под покровительством России. Другое государство могло бы быть образовано из всех греческих народностей, объединенных с Ионической Республикой. Оба государства получили бы независимую форму правления, подобную Рагузинской республике или Республике Семи Островов. Первичной их обязанностью было бы использовать все имеющиеся средства, чтобы помешать французам проникнуть в Турцию». До подхода российских и английских войск местное население вполне могло бы сдерживать агрессию французов.

В феврале же 1806 г. МИД России подготовил для царя «Записку о Турции», авторы которой предлагали Александру I предпринять более решительные меры: ввести Днестровскую армию И. И. Михельсона в Молдавию и Валахию, по вступлении в княжества закрепиться на Дунае и «протянуть руку помощи» сербам, болгарам и другим христианским народам балканских владений Турции.

Господарь Валахии К. Ипсиланти в марте 1806 г. также просил петербургский двор «вызволить самые прекрасные страны и несчастные народы на Земле из-под страшного ига, которое калечило их столетиями».

А. Чарторыйский 25 апреля 1806 г. предписал А. Я. Италинскому убедить Порту в целесообразности создания на Балканах промежуточного славяно-сербского государства под верховной властью Порты. Оно смогло бы лучше отстаивать интересы Порты на Балканах и в Европе.

В ответ на это Порты, с одной стороны, усилила карательные меры против сербов и, с другой стороны, дала согласие принять в июле 1806 г. сербского депутата Петра Ичко, который провел переговоры с уполномоченными Порты без предварительных консультаций с Италинским. В августе 1806 г. Порты поручила бейлербею Румелии заключить с сербами перемирие. Тогда же, то есть в августе 1806 г., султан подписал фирман о смещении господарей Молдавии и Валахии. 2 сентября 1806 г. в Смедереве бейлербей Румелии заключил с сербами перемирие. Однако посланец сербов Т. Демелич 26 октября сообщил русскому консулу в Бухаресте, что сербы ведут переговоры с турками с целью выиграть время, на самом же деле сербы ждут сигнала от русских, чтобы начать штурм Белграда и послать войско в Неготинскую Краину для взаимодействия с русскими. Если сербам дадут оружие и боеприпасы, то они смогут воевать не только с турками, но и противостоять французам.

Продолжая следовать намеченным курсом, сербы 5 ноября 1806 г. на Народной скупщине в Смедереве постановили согласиться с условиями «Ичкова мира» и направили в Константинополь депутатов для его ратификации султаном.

В Петербурге тем временем разрабатывался план операции по «устрашению» Порты и прелиминарный договор о мире с Турцией. Князь А. Чарторыйский считал, что успех переговоров с Портой на предлагаемых петербургским двором условиях мог бы зависеть от двух главнейших обстоятельств:

- а) от эффективных военных действий российских войск на Ионических островах, в Боке Которской и Далмации, в Дунайских княжествах, а также от атаки флотом черноморских портов Турции с севера и юга;
- б) от массового восстания христианского населения балканских владений Турции и их взаимодействия с российскими войсками.

14 (26) ноября 1806 г. А. Я. Будберг утвердил проект прелиминарного договора о мире с Турцией, состоявший из семи статей. Статья пятая договора предусматривала: «Превратить Сербию в вассальное и зависимое от Порты княжество, управляемое князем, избранным пожизненно, в соответствии с волей и свободным выбором народа, который будет утвержден султаном».

Ведение переговоров и заключение мира с Турцией поручалось корсиканцу на русской службе полковнику К. Поццо-ди-Борго. С этой миссией он должен был отправиться в Вену для разъяснения причин ввода российских войск в Дунайские княжества, а затем — в Триест, откуда удобнее было попасть на эскадру Д. Н. Сенявина. Чтобы турецкие министры не смогли уклониться от переговоров с Поццо-ди-Борго и были более сговорчивыми, Сенявину было приказано «навести на них страх» решительными действиями эскадры т. е. обстрелять Константинополь. После этого Поццо-ди-Борго мог спокойно вручать «трусливым» министрам Порты проект нового договора. 15 ноября 1806 г. А. Я. Будберг отправил А. Я. Италинскому в Константинополь инструкцию с поручением объявить Порте о том, что российской армии на Днестре уже отдан приказ вступить в пределы Молдавии, чтобы «побудить Порту при помощи чрезвычайных потрясений вернуться к принципам, которых требуют интересы России».

В соответствии с планом намеченных операций по «устрашению», передовой отряд российских войск Днестровской армии 11 (23) ноября 1806 г. вошел в Молдавию и 16 ноября занял Яссы. В ответ на это рушукский аял Мустафа-паша Байрактар 30 ноября занял Бухарест и арестовал российского консула Л. Г. Кирико. Сербские повстанцы в тот же день, т. е. 30 ноября, штурмом овладели Белградом, изгнали из него кирджалиев Кусанджали-Халима и освободили находившегося в заложниках у кирджалиев бывшего белградского визиря Сулейман-пашу.

После официального объявления войны Портой главнокомандующий Молдавской армией И. И. Михельсон получил новый приказ: идти к Дунаю и установить связь с сербами на правом фланге его армии. Сербы же, согласно договоренности, двигаясь через Герцеговину, должны соединиться с черногорцами и русскими войсками в Далмации, которые будут действовать со стороны Черногории. «В результате такого взаимодействия, — писал Будберг Михельсону, — мы... зайдем непрерывно всю линию, начиная от Черного моря до Адриатического». Это позволит установить связь с эскадрой Д. Н. Сенявина. Большая часть его эскадры пойдет к Константинопольскому каналу, а ее меньшая часть останется защищать Котор, побережье Далмации и Ионическую республику. Она же обеспечивает связь между Дунайской армией и основной эскадрой. Митрополит Черногории Петр I Негош должен установить связь и взаимодействие с белградскими сербами. «Не сомневаюсь отнюдь в приверженности к нам сербов и искренности их с нами содействия», — писал Будберг Михельсону 7 января 1807 г.

Михельсон, в свою очередь, 11 января 1807 г. в послании Карагеоргию выражал беспокойство по поводу отсутствия ответа на его письма и просил сообщить, что происходит в Сербии после занятия Белграда, готовы ли сербы взаимодействовать с русскими. Карагеоргий 13 января 1807 г. писал,

что он готов с радостью прислушаться к советам Михельсона, но народ сербский желал бы видеть русское войско в Сербии и как можно скорее. 18 февраля верховный вождь вновь предлагал как можно скорее установить непосредственную связь с русскими и обсудить вопрос, как лучше соединиться с черногорцами. Пока Михельсон и Карагеоргий вели затянувшуюся переписку, сербские депутаты П. Ичко и Ж. Константинович находились в Константинополе по поводу ратификации «Ичкова мира». Французский посол Г. Себастиани рекомендовал султану ратифицировать договор, но при условии, что сербы разорвут отношения с русскими и будут воевать против России на стороне Турции. Получив на это согласие депутатов, Селим III 15 января 1807 г. ратифицировал «Ичков мир». По возвращении депутатов в Сербию Сулейман-паша потребовал от сербских повстанцев вывести войско из Белграда, разоружиться и ждать султанского фирмана, где будут точно определены права и все привилегии сербов. Сербские отказались выполнять это требование и 23 февраля 1807 г. убили Сулейман-пашу и его свиту. Окончательно разорвав все отношения с Портой, сербы 6 марта 1807 г. направили депутацию к Михельсону для согласования совместных действий.

Между тем английская эскадра под командой вице-адмирала Дакуорта, не дожидаясь подхода эскадры Д. Н. Сенявина, 9 февраля 1807 г. вошла в Константинопольский канал, и Дакуорт потребовал от Порты безоговорочно выполнить следующие требования английского правительства: прекратить отношения с Францией, передать под контроль Англии Босфор и Дарданеллы, сдать англичанам весь военный флот Турции и т. д. Турки, попросив для обсуждения десятидневный срок, за это время с помощью французов подготовили к бою береговую и корабельную артиллерию и 17 февраля 1807 г. неожиданно для англичан обрушили на их эскадру шквал артиллерийского огня. С большими повреждениями и людскими потерями эскадра с трудом вышла из Константинопольского канала и 23 февраля встретилась с эскадрой Сенявина. На предложение Сенявина вернуться и вместе с русскими атаковать Константинополь Дакуорт ответил категорическим отказом. На военном совете эскадры Сенявина было решено отказаться от повторной атаки турецкой столицы и ограничиться блокадой Дарданелл, которая продолжалась до 25 августа 1807 г.

После неудавшейся атаки на Константинополь Поццо-ди-Борго писал из Триеста, что решительный разрыв сербов с Портой приобретает исключительно важное значение для успешной реализации намеченного плана по устрашению Порты. Если Карагеоргий имеет возможность и силы двигаться через горы на соединение с черногорцами и выйти к Адриатическому морю, то этот выдающийся вождь, по словам Поццо-ди-Борго, «действительно является нашим единственным искренним союзником в войне с турками».

Операция по «устрашению» Порты, замышлявшаяся как поход черногорцев и русских войск в Далмацию через Герцеговину для соединения с сербами, была намечена на 21 марта 1807 г., но по ряду причин задержалась. Готовясь к походу, митрополит Черногории отправил в Сербию посланца — С. Б. Пламенца, который должен был сообщить Карагеоргию о сроке и маршруте похода. Петр I Негош просил верховного вождя послать навстречу черногорцам часть своего войска, проводником которого будет Пламенец. Однако Карагеоргий 14 апреля 1807 г. извещал Петра I Негоша, что сербы со всех сторон окружены турками и не смогут послать своего войска навстречу черногорцам.

Второго посланца, архимандрита Симеона Ивковича, митрополит Черногории отправил с проектом создания «славяно-сербского царства» к русскому царю, который вместе с А. Я. Будбергом в середине апреля — начале мая 1807 г. находился в Бартенштейне по поводу заключения конвенции с Пруссией. Петр I Негош предлагал «соединить воедино» Черногорию, Герцеговину, Далмацию с Боккой Которской и тремя албанскими городами: Подгорицей, Спужем и Жабляком. Во главе славяно-сербского царства, по замыслу автора проекта, мог бы стать природный россиянин, а вице-президентом — митрополит Черногории.

Сама же операция по соединению группировки черногорско-русских войск с сербами с самого начала складывалась неудачно. Она началась не 21 марта, а 12 апреля 1807 г. Население Герцеговины, обещавшее поднять восстание и присоединиться к походу, отказалось от всего. Попытка черногорцев и русских овладеть с ходу пограничной турецкой крепостью Никшич не удалась, а на более длительную осаду крепости у осаждавших не хватило ни боеприпасов, ни провианта. 14 апреля 1807 г. было решено снять осаду крепости и возвратиться в исходные пункты. С. А. Санковский был вынужден признать: «Экспедиция против турок Герцеговины с целью соединиться с Черным Георгием... не имела желаемого успеха, ибо у герцеговинцев не нашлось ни рвения, ни обходимой энергии, чтобы сбросить турецкое иго».

Две последующие попытки организовать поход на встречу сербам оказались еще менее удачными. В мае месяце 1807 г. участники похода, а также черногорцы и приморцы, воевавшие с французами, начали самовольно расходиться по домам для ведения полевых работ. К июню 1807 г. стало очевидным, что и эта операция по устрашению Порты завершена, не достигнув намеченной цели. Русский посол в Австрии А. К. Разумовский писал по этому поводу, что после того, как предприятие в Герцеговине оказалось бесполезным, важность соединения русских с сербами на Дунае приобретает первостепенное значение. «Хорошо нанесенный внезапный удар... решит все последующие операции» по устрашению Порты.

Этот удар необходим потому, настаивал посол, что Порта приняла окончательное решение не заключать мира с Россией. Турки вместе с французами готовятся к нападению на русских и черногорцев в Далмации, а Порта уговаривает англичан отделить их дело от дела России. С. А. Санковский 19 июня 1807 г. сообщил, что совместные атаки турок и французов в Далмации уже начались, и русские с черногорцами вынуждены отступить для защиты Боки Которской.

Между тем в Пруссии под Фридлиндом русские войска 2(14) июня 1807 г. потерпели поражения от французов.

Провал «не созревших ко времени» операций по устрашению Порты и поражение в Пруссии явились весомыми факторами, которые поставили Александра I перед необходимостью принять предложение Наполеона I заключить с Францией 9 (21) июня 1807 г. перемирие на всех фронтах, в том числе и в Далмации, а 25 июня (7 июля) 1807 г. Тильзитский мир.

В условиях новой геополитической ситуации в Европе и затянувшихся русско-турецких переговоров о мире идея создания «нового порядка» на Балканах была отодвинута на задний план, но еще не утратила окончательно своей привлекательности¹.

Примечание

¹ Подробнее см.: *Грачев В. П. Сербь и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807 гг.). М., 2003; Он же. Планы создания славяно-сербского государства на Балканах в начале XIX века и отношение к ним правительства России // Россия и Балканы. М., 1995. С. 4–10.*

Сербская революция и развитие русско-югославянских общественных связей

Конец XVIII и начало XIX в. ознаменовались значительным расширением международных связей на всем европейском континенте. Под влиянием идей Великой французской революции в общественное сознание входили представления о правах человека и целых народов, о национальной свободе и самобытности. Заметно оживились в это время общественные контакты России с югославянскими народами, преимущественно с сербами и черногорцами. Этому способствовала активизация российской политики в отношении Османской империи и балканских народов, Русско-турецкие войны и расширение национально-освободительного движения подданных султана, а конкретно — фактическое освобождение Черногории от турецкой власти и особенно Первое сербское восстание. На повестку дня международной жизни была практически поставлена задача создания на Балканах автономных или даже полностью независимых государств¹. Такая перспектива не только привлекала внимание правительства Александра I, но вызывала сочувствие российской дворянской общественности. Этому содействовала и политическая обстановка после начала Наполеоновских войн и не в меньшей мере идеологические факторы. Некоторые сановники, близкие к царю считали, что, сделав подданных султана своими союзниками, легче будет одолеть грозного врага — наполеоновскую Францию, а возможно, и Османскую империю. Поэтому строились планы создания на Балканах независимых или автономных государств, находящихся в сфере политического влияния России. Сербия и Черногория рассматривались как центры таких государств¹. Но эти славянские народы, обладавшие высокими боевыми качествами, привлекали внимание русской общественности не только в корыстных целях. Ведь среди просвещенного дворянства христиан-

ский догмат о взаимопомощи единоверцев, о мессианской роли России на Балканах как единственной великой православной державы оставался незыблемым, а общность между собой славянских народов в культурной сфере осознавалась все более ясно. Это при сохранении эллинофильских тенденций в русской общественной мысли вызывало симпатии и интерес к сербам и черногорцам как народам, близким по религии и этнической принадлежности, первыми начавшим массовую организованную борьбу за свое освобождение и государственную самостоятельность².

Под воздействием всех этих причин складывалось и стало своего рода стереотипом несколько романтическое представление о сербах и черногорцах как народах хотя еще отсталых и непросвещенных, но сохраняющих лучшие черты «праотцов славянских», готовых жертвовать всем ради блага своего отечества и освобождения от ига «агарян». Такой идеализированный образ сербов и черногорцев предстает в русской публицистике первых десятилетий XIX в., а также во всевозможных трактатах, записках, донесениях людей, общавшихся с ними³. Формирование национального самосознания как у русских, так и у южных славян вызывало стремление самоутвердиться, занять свое место в общеевропейском историческом процессе. Это порождало героизацию и идеализацию своего прошлого, близости между собой всех славян в древности. Такие явления были сходными в русской и сербской общественной мысли. Подобные тенденции наблюдались, например, в произведениях Ломоносова и Радищева, как и у Доситея Обрадовича при описании «славено-сербского» народа⁴.

Среди российских деятелей, проявлявших интерес к сербам и черногорцам, к революционным событиям, разворачивавшимся на Балканах, лично содействовавших развитию общественных связей с этими народами, были люди очень различные по положению, взглядам, как оставившие след в нашей истории, так и мало кому известные.

Широкий круг связей с сербами и черногорцами в первом десятилетии XIX в. имел протоиерей Самборский — «законоучитель» будущего императора Александра I и его братьев, человек образованный, не чуждый идей Просвещения и поборник сильной политики России в Восточном вопросе. Когда великая княжна Александра Павловна была в 1801 г. выдана замуж за венгерского палатина, Самборский отправился с ней в качестве духовника и провел несколько лет в Вене и Офене, побывал в Триесте, Далмации и, вероятно, в Черногории. Александра Павловна вскоре умерла при неясных обстоятельствах, после чего протоиерей приложил немало усилий, чтобы создать среди сербов культ сестры российского императора как великомученицы и защитницы православия в Австрии. Он сблизился с рядом воеводинских культурных деятелей, установил переписку с духовными лицами из Сербии, Герцеговины, Далмации. В сохранившемся личном

архиве Самборского немало писем известных югославянских политических и культурных деятелей — карловацкого митрополита Стефана Стратимировича, составителя проекта государственного устройства и законов повстанческой Сербии Божидара Груйовича, иереев, близких к черногорскому владыке Петру Негошу, и многих других. Вероятно, не без влияния протоиерея сложилась прорусская ориентация известного деятеля сербского восстания Новаковича-Чардаклия, много сделавшего для установления политических контактов повстанцев с российским правительством. Он покровительствовал сербским культурным деятелям, эмигрировавшим в Россию, — Григорию Терланчу и Афанасию Стойковичу. Именно благодаря содействию Самборского митрополит Стратимирович обратился в 1804 г. к Александру I с просьбой оказывать содействие восставшим и выдвинул проект создания «славено-сербского царства». После возвращения в Россию в 1806 г. он использовал свое былое влияние при дворе, доказывая необходимость оказывать помощь восставшим сербам, поддерживать у них «дух преданности» России⁵. Благодаря своим широким знакомствам и связям, Самборский способствовал распространению в российском обществе сведений и представлений о сербах и черногорцах, их нуждах и чаяниях. Не без его влияния Державин написал оду «Эродий над гробом праведницы», в которой, в частности, высказывалась мысль о близости русских и сербов по своим национальным особенностям — героизму, — о возможности их сближения⁶. Такого рода настроения усиливались под впечатлением известий об упорной борьбе сербов за национальное освобождение.

Выдающийся просветитель и демократ В. Ф. Малиновский, доказывавший право каждого народа, большого и маленького, на национальную и государственную самостоятельность, увидел в восстании в Белградском пашалыке начало возрождения сербской государственности. «Независимость Белграда, — писал он, — должна быть весьма равнодушна для России», ибо тем самым «полагается основание бытия нового народа славено-сербского»⁷.

В год начала сербского восстания югославянские земли Австрии посетили первые русские путешественники с научными целями А. И. Тургенев, и А. С. Кайсаров, намеревавшиеся собрать славянские рукописи и книги, записать народные песни. В Воеводине они общались со многими представителями сербской интеллигенции, проявляли большой интерес к событиям за Дунаем. Либерально настроенные юноши прониклись горячей симпатией к борьбе сербов за освобождение. Затем они отправились в Триест, познакомились там с Доситеем Обрадовичем, который подарил им несколько своих книг, в том числе только что изданную «Пијесну на инсурекцију Сербјанов». «Это необыкновенный человек», — писал о Доситее после этого Кайсаров. Под впечатлением восстания сербов русские студенты были увлечены перспективой политического и национального освобождения всех

славянских народов с помощью России, претерпевшей прогрессивные преобразования⁸.

Сремски Карловци, Нови Сад и другие города Воеводины в годы сербского восстания стали как бы идеологическими центрами югославян. Представители сербской духовной и светской интеллигенции разрабатывали политическую программу повстанцев; направляли их дипломатическую деятельность. При этом многими предполагалось, что именно правительство Александра I заинтересовано и будет содействовать образованию самостоятельного сербского государства. Это порождало особую заинтересованность в установлении личных контактов с российскими государственными и культурными деятелями.

Начиная с осени 1804 г. представители сербских повстанцев периодически отправлялись в Петербург, а в годы Русско-турецкой войны и в штаб российской армии, с дипломатическими миссиями, вели различные переговоры, что, несомненно, расширяло их личные контакты. Примечательно, что это побуждало некоторых российских государственных и общественных деятелей не только выдвигать свои смелые предложения решения сербского вопроса и направлять их в МИД, но и изъявлять желание принять личное участие в дипломатической и военной деятельности в Сербии. Правда, такие предложения обычно не имели последствий. В Сербию посылались дипломаты и военные по выбору правительства.

Лишь одному из энтузиастов; предшественнику будущих панславистов подполковнику А. Полеву удалось заинтересовать правительство Александра I планами привлечения к войне с Францией и Турцией балканских славян, идеей основания сербского государства. Весной 1812 г. его послали в Белград, чтобы подготовить военную диверсию против наполеоновской Франции, через Сербию к Адриатическому побережью. Он сблизился с Карагеоргием, с некоторыми сербскими воеводами и в своих рапортах высказывал живую заинтересованность в оказании Россией военной помощи повстанцам. Полев наблюдал национальные особенности сербов, а в патриархальном строе их жизни находил черты, некогда присущие своим соотечественникам и писал: «Читающим древнюю российскую историю о жизни и поведении с чиновниками и воинством великих князей киевских должно только приехать в Тополь к Георгу Черному и видеть живую оной картину за его столом и с его дружиною»⁹.

Немалое участие в расширении российско-сербских связей в период Наполеоновских войн принимали балканские эмигранты, в том числе сербы и черногорцы. Среди них были люди образованные, знавшие местные условия жизни и языки, имевшие широкие личные связи на родине. Некоторые из них поступали на дипломатическую и военную службу, ездили с всевозможными миссиями и поручениями в турецкие владения.

Среди таковых можно назвать Петра Никича, участвовавшего в ряде сражений с Францией и Турцией, в формировании казачьего сербского полка, в составе которого его отправили в Сербию в 1810 г., а позднее в Черногорию для организации там военных сил. Монах Спиридон Филипович оказывал помощь российским войскам при взятии Котора, а затем уехал в Россию, где «был употреблен по делам сербским», не раз выступал посредником в отношениях между царским правительством и повстанцами, возил их прошения и письма в Петербург¹⁰.

Среди просвещенных сербов, ученых и педагогов, которые жили и работали в России в начале XIX в., были люди, внесшие свой вклад в развитие российской науки и культуры. Среди них Ф. И. Янкович, издавший ряд учебников и занимавшийся преобразованием обучения по европейскому образцу; Григорий Терлаич — профессор Педагогического института в Петербурге; физик Афанасий Стойкович — профессор Харьковского университета; юрист Константин Павлович и другие.

Примечательным эпизодом в развитии русско-сербских культурных связей начала XIX в. явилось издание в 1806 г. небольшой книжечки под названием: «Песна об избавлении Сербие. Сочинено в Велеграде».

За текстом на сербском языке следовало «изложение российским наречием». Стихотворение с таким названием было написано Доситеем Обрадовичем в 1789 г. и посвящено войне России и Австрии с Османской империей. В русском издании 1806 г. текст был изменен — речь шла о войне с Францией и прославлялись не Екатерина II и Иосиф II, а Александр I — «великий славянский царь», «витель Константин»; его младший брат, и русские полководцы. Содержание стихотворения было изменено путем простой замены имен и слов, и в результате такого рода переделок стихи Обрадовича оказались не только приспособленными к международной ситуации конца 1806 г., но и получили ярко выраженную пропагандистскую направленность. В них как бы обещалась помощь России своим «братьям и сестрам», борющимся за национальное освобождение, звучал как призыв к восставшим сербам и другим югославянским народам объединиться вокруг России, помогать ей в войне «со злым галаком» — с французами. К тексту Доситея было добавлено два новых четверостишия: «Сва Росийско-Славенска сила / Морем, сушем на супостат иде / Под вожденю Каменског Михаила, / Сестр све от тиранства да изведе!» Издателем и переводчиком с сербского стихотворения Обрадовича был публицист и не очень квалифицированный историк А. И. Антоновский, который, как можно предположить, получил этот переделанный текст с приписанными к нему четверостишиями от какого-то сербского эмигранта, причастного к литературному творчеству, имевшему стихотворение Доситея. Возможно это был Григорий Терлаич, друг Обрадовича, живший в 1806 г. в Петербурге¹¹. В России

начала XIX в. такие переделки иностранных произведений, приспособление их к потребностям момента были нередкими. Но это единственный случай использования произведения на сербском языке — примечательный эпизод в истории русско-сербских культурных связей. Вскоре после окончания Наполеоновских войн в штабе Второй армии, стоявшей на границе с Молдавией, началось изучение Русско-турецких войн, и в первую очередь недавно окончившейся войны 1806–1812 г. Офицеры и чиновники, занимавшиеся этим нелегким делом, случайно обнаружили ценнейшие материалы по истории этих войн в крепостях Перекопе, Хотине и Измаиле. В последнем обнаружили настоящий клад документов о последней войне, в том числе 13 обширных папок с названием «Дела о сербах». Все эти документы могли погибнуть, если бы офицеры Второй армии не «вырыли их из крепостных амбаров». Организатор этих работ генерал П. Д. Киселев писал: «Покрасневшие от пыли, забытые, эти памятники нашей славы и нашего невежества были приговорены к вечному забвению. Я их возвращаю истории или скорее историкам, которым стоит ими воспользоваться»¹². Действительно, историки использовали эти ценные материалы, особенно в изданной нашим институтом 25 лет назад двухтомной публикации «Первое Сербское восстание и Россия».

Нами рассмотрена лишь одна сторона русско-сербских связей времени сербской революции, но на основе приведенных, хотя и неполных данных можно сделать заключение, что вооруженная борьба сербов и черногорцев за национальное освобождение, за создание своих государств находила живой отклик и сочувствие в российской культурной среде, вызвала особый интерес к этим народам, стремление оказать им поддержку и помощь. Примечательно, что уже в это время выявилась определенная общность взглядов на политическое будущее находившихся под властью Турции народов у некоторых российских и югославянских деятелей, что отражало наличие идеологического взаимодействия между ними. Общественно-политические проблемы, касавшиеся этих народов, иногда рассматривались некоторыми деятелями в связи с задачами, стоявшими перед Россией.

Примечания

¹ Александр I, Наполеон и Балканы // Балканские исследования. Вып. 18. М., 1997. С. 77–95.

² Достян И. С. Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских связей первой трети XIX в. М., 1972. С. 36–62.

³ *Достян И. С.* Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980. С. 6–22.

⁴ Там же. С. 23–37.

⁵ Там же. С. 38–49.

⁶ *Державин Г. Р.* Сочинения. СПб., 1868. Т. II. С. 63.

⁷ РГАЛИ. Ф. 244. Оп. 25. Д. 318. Л. 2.

⁸ *Достян И. С.* Русско-югославянские общественные связи в период сербской революции 1804–1813 гг. // *Југословенске земље и Русија за време првог српског устанка 1804–1813 гг.* // *Научни скупови Српске академије наука и уметности.* Књ. XVII. Београд, 1983. С. 17.

⁹ *Достян И. С.* Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. С. 81–92; *Внешняя политика России XIX и начала XX вв. Документы российского министерства иностранных дел. Серия первая.* М., 1962. Т. VI. С. 185.

¹⁰ *Достян И. С.* Русско-югославянские общественные связи в период сербской революции 1804–1813 гг. // *Југословенске земље и Русија за време првог српског устанка 1804–1813 гг.* С. 152.

¹¹ Там же. С. 153–156.

¹² *Достян И. С.* Участие декабристов в изучении Балкан и русско-турецких войн XVIII — начала XIX в. // *Советское славяноведение.* 1975. № 6. С. 23–35.

Начальный этап изучения Первого сербского восстания в русской историографии: Н. А. Попов

На вопрос, кто и когда в русской исторической науке впервые упомянул восстание сербов 1804–1813 гг., ответить можно сразу. А. Н. Михайловский-Данилевский в 1843 г. работе «Описание турецкой войны 1806–1812 гг.» излагал факты о деятельности российских дипломатов в Сербии и о совместных русско-сербских военных действиях. В начале 1860-х гг. вышло несколько работ военного историка Н. Ф. Дубровина. В 1863 г. в «Русском вестнике» он напечатал большую статью «Сербский вопрос в царствование императора Александра I», а позднее опубликовал отдельные архивные документы. Первое же системное изложение восстания предложил Н. А. Попов в 1869 г. в книге «Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 год».

На вопрос, какова была концепция Первого сербского восстания в русской историографии, ответить не просто. Для ее выяснения необходимо определить, какие исторические источники анализировались русскими историками, как проводился отбор материала и подвергался ли он критике, на основе каких принципов характеризовались события, какие факты и явления из истории сербской жизни времени восстания интересовали историков и что осталось за пределами их внимания.

Сосредоточимся с этой целью на трудах Н. А. Попова. Нил Александрович Попов (1833–1891) — выпускник Московского университета, ученик и последователь С. М. Соловьева, автора концепции русской истории как процесса формирования и развития государственных институтов. Работы Н. А. Попова по истории зарубежных славянских народов следует относить к «государственной школе», или, как писали в XIX в., к «историко-юридической школе». Этот тезис обосновывается мною в книге, анализирующей научное творчество историка, и в ряде статей¹.

Книга Н. А. Попова «Россия и Сербия» — его докторская диссертация, она публично обсуждалась, получила отзывы в печати, в том числе В. Богишича. Н. А. Попов вступил в полемику со своими оппонентами, опубликовав в 1871 г. книгу «Сербия после Парижского мира», где конкретизировал свои взгляды на сербскую историю начала XIX столетия. Пропагандировал он свою концепцию и на лекциях по славянской истории в Московском университете, и в Славянском благотворительном комитете, секретарем которого был более 10 лет. Таким образом, аудитория Н. А. Попова была значительной и авторитетной в русской науке. Его представления о сербской истории Нового времени легли в основу исследований последующих поколений отечественных историков, поэтому стоит рассмотреть их обстоятельно и серьезно.

Структура книги «Россия и Сербия» довольно проста. Весь материал распределен по двум частям. Первая, охватывающая события с начала века и до принятия устава 1839 г., составляет 4 главы; вторая характеризовала события с 1839 г. до Святоандреевской скупщины 1858 г. и возвращения Милоша Обреновича в Сербию и составила 3 главы. Общий объем книги — более 1000 страниц. Каждой главе предпослан подробный план. Рубризатор построен по предметно-хронологическому принципу. Тематика глав первой части: сербы до русского вмешательства, до Венского конгресса, до Адрианопольского мира, до отречения Милоша Обреновича. Вторая часть имела несколько иную разбивку: борьба уставобранителей против княжеской власти, Венская война, Восточная война. Книга снабжена развернутыми примечаниями, в приложении опубликованы тексты документов.

Авторский стиль изложения характерен для научных трудов того времени. Текст изобилует длинными цитатами из документов, иногда занимающими целые страницы. Тем не менее диссертация — не хрестоматия по истории Сербии, а монографическое исследование. Комментарии автора в ней развернуты, логичны, рассудительны. События излагались в энергичной манере, сюжеты связывались между собой вводными оборотами типа: «как бы то ни было», «между тем как», «в то время как», «прежде чем перейти к вопросу», «мы оставили Сербию в ту минуту» и др. Попов часто цитировал документы, где разговоры между сербскими деятелями переданы прямой речью, не указывая при этом, что в реальности они не могли быть запротоколированы. Возможно, он пытался не только придать изложению достоверность, но и сделать текст увлекательным: ведь он был рассчитан на широкий круг читателей. Однако такие художественно-публицистические приемы не всегда регулярны. Порой текст перегружен частными подробностями, лишними деталями. Автор буквально следует за документом, его собственное отношение к описываемому событию можно определить лишь по употребляемым эпитетам.

Интересующая нас проблема «История Первого сербского восстания» излагалась в двух главах первой части книги и занимала около ста страниц. Для Попова она была значимой. На университетском диспуте он заявлял, что главный предмет его исследования — история политического возрождения сербов, при этом основное внимание сосредоточено на следующих вопросах: «Кровавая борьба задунайских сербов с их вековыми угнетателями, освобождение их при содействии России, образование сербского княжества, вмешательство дипломатии в сербский вопрос, соперничество между великими державами за влияние на внутренние дела Сербии и борьба правительственных партий в последней между собой»².

По мнению Попова, «для русских вопрос о существовании Сербии важен потому, что с нею тесно связана судьба всех южных славян, а через то и Восточный вопрос»³. Соединяя впервые сербскую историю с Восточным вопросом, докторант Попов подчеркивал, что Россия всегда поддерживала христиан, «стремившихся освободиться из-под мусульманского ига. Первые восстают сербы... новое восстание сербов дает им право независимости в деле внутреннего управления, и новая помощь со стороны России навсегда обеспечивает сербский край от воинственных покушений не только Порты, но и Австрии»⁴.

Задача, которую решал Попов в диссертационном исследовании, состояла в конкретизации этой помощи, определении отдельных этапов русского покровительства, его эволюции, выявлении причин ошибок и просчетов, допущенных дипломатией на этом пути: «Ныне история русского покровительства Сербии может быть предметом хладнокровного изучения. Людям нашего времени, отделенным от прежнего вмешательства русской дипломатии в сербские дела столькими великими событиями... никогда не лишне ознакомиться с теми ошибками, которые были сделаны в предшествовавшие десятилетия. Но эти ошибки не могут иметь влияния на справедливую оценку тех существенных услуг, которые были оказаны Россией освобождающейся Сербии»⁵. Попов отрицал завоевательные намерения со стороны России, но настаивал на необходимости активной политики на Балканах с целью освобождения христианских народов, которым следует помочь в создании независимых государств.

Историк напоминал, что со времен Петра Великого Россия постоянно оказывала южным славянам помощь и ходатайствовала за них даже перед австрийским правительством. В период Первого сербского восстания сочувствие России и ее дипломатическая помощь также имели место, хотя и в скромных размерах. В своей книге Попов повторил уже известное в России к тому времени предложение митрополита Ст. Стратимировича о создании славяно-сербского государства под русским покровительством и, ссылаясь на мемуары М. Ненадовича, рассказал о сербской делегации в Россию в 1804 г.

Не будучи знаком с архивными материалами МИД, он не мог оценить размер финансовой и военной помощи повстанцам, выявленный современными российскими историками⁶. Тем не менее Попов впервые сформулировал концептуальные положения о роли России в освободительной борьбе сербского народа, и эта его заслуга признана современными историками⁷.

О поиске исторических документов для своего исследования в Белграде Попов сообщал следующее: «Я не мог ограничиться только печатным материалом, но должен был обратиться к собиранию материалов не изданных, но по краткости времени и по некоторым другим причинам пришлось ограничиться лишь отрывочным знакомством с одним официальным архивом и тремя собраниями документов у частных лиц»⁸. Архивохранилища в Сербии и в России им не были планомерно изучены.

Это обстоятельство тотчас же было отмечено в отзыве, который по поручению Академии наук составлял В. Богишич⁹. Рецензенту предложили проверить состояние русских архивов, и он обследовал архив МИД в Петербурге и Военно-ученый архив Главного штаба. О работе Богишича опубликовано интересное сообщение В. П. Грачева, где указано и на документы, опубликованные в 1872 г. В. Богишичем, и на те, которые до сих пор хранятся в копиях в его личной коллекции¹⁰. Хорватский историк работал в архиве всего несколько недель, он только записал номера необходимых текстов, а копии с них в дальнейшем снимали его помощники. Тем не менее разыскания Богишича показали, что в русских архивах имеется множество материалов по сербской истории, которые необходимо детально описать и исследовать.

Почему же Попов, зная о «сербских делах», не обратился к архивам МИД? В предисловии к работе «Сербия после Парижского мира» он писал: «Богишич, как иностранец, недавно прибывший в Россию, конечно, не знал, что архив этот не принадлежит к числу открытых для частных занятий, подобно публичным библиотекам... Быть может, потому наша литература и не имеет до сих пор таких сочинений, что люди, знающие кое-что по этой части, ждут открытия государственного архива для частных занятий в нем, о чем ближе всего было бы похлопотать Петербургской академии»¹¹. И продолжал: «...получить разрешение для работы в государственных архивах с материалами XVIII–XIX вв. русскому историку почти невозможно»¹². Не исключено, что негативный опыт общения с архивом имелся у Соловьева, когда тот писал «Историю падения Польши», и Попов не решился адресоваться в Азиатский департамент МИД. По крайней мере, мы не располагаем фактами такого обращения. Возможно, историк считал, что изученных им документов достаточно для написания первоначального труда, а в дальнейшем надеялся на дополнения своих коллег: ведь требовалось изучение архивов Парижа, Вены, Лондона, Константинополя.

Источниковая база диссертации Попова видна из его обширных примечаний к книге. Он изучил документы русского и сербского происхождения, прочитал вышедшие к тому времени труды на немецком и французском языках. Закономерно, что число использованных документов возрастает по мере приближения в описании событий к 1850-м гг. Они не только лучше сохранились, но и чаще фиксировались на бумаге. В начале же века основное население Сербии было неграмотным, и даже сербский князь Милош Обренович не умел писать и читать. Первая в княжестве газета вышла только в 1834 г.

В такой ситуации в сербских землях велико было значение устной передачи информации. Как известно, сербские народные песни имели историческую тематику и выполняли функции сохранения традиции и воспитания патриотизма¹³. Со времен публикаций Вука Караджича сербский эпос рассматривали как основной источник изучения народной жизни сербов. Заметим, что даже во второй половине XIX в. сербы упорно заставляли детей учить собственную историю по песням. Вспомним на этот счёт сатирические рассказы Бранислава Нушича о школьных уроках¹⁴.

На защите диссертации Попова в роли официального оппонента выступал доцент А. Л. Дювернуа, славист-филолог. Он обратил внимание «на сербские народные песни как источник для истории Кара-Георгия», который не использовал автор¹⁵. Претензии Дювернуа повторил В. Богишич¹⁶. Члены Академии наук (скорей всего, это мнение И. И. Срезневского), подводя итоги присуждения Уваровской премии, развивали этот тезис: «Попов, к сожалению, не воспользовался некоторыми важными источниками, а именно народными песнями, характер которых, благодаря их оригинальности и обилию, уже и теперь достаточно выяснен и определен отчасти даже научным образом»¹⁷.

Докторант, как сказано в опубликованном отчете с диспута, «признавая за песнями значение исторического источника, говорил, что для его цели они не могут служить, тем более что и в сербской литературе до сих пор не подвергнуты исторической критике»¹⁸. Позднее, в ответе Богишичу, он повторил ту же аргументацию¹⁹. Попов как историк довольно осторожно относился к фольклорным текстам. В лекциях перед студентами университета он неоднократно заявлял: «В произведениях народного творчества историк должен изучать первоначальные народные воззрения на явления природы, исторические события и на остальные эпохи, а не сами явления и события»²⁰. Разъясняя студентам особенности памятников народного творчества (легенд, преданий) как исторических источников, он заключал: «Повторяю, источник самый труднейший для этнографического исследования; чтобы пользоваться им, надо быть хорошим филологом и критиком»²¹. Отметим, ссылаясь на современных фольклористов, что юнацкие

песни Нового времени действительно воспевали подлинные события, но они по-эпически расцвечивались с использованием типических мест, характерных для сербской традиции²².

В книге Попова несколько раз упоминаются песни, посвященные вождю сербского восстания Карагеоргию, даже есть указание на их публикацию в России²³. Тексты песен историк привлекал для того, чтобы показать необычайные военные способности Карагеоргия и мудрость Милоша, его отношение к врагам-туркам²⁴. Но этот вид источника все же имел для Попова характер иллюстрации. В современных монографиях по истории Первого сербского восстания юнацкие песни вообще не упоминаются, хотя их можно было бы исследовать с целью выяснения изменений в народном сознании. Такую задачу ставил еще А. С. Будилович в рецензии на книгу Попова²⁵. Он посвятил целый раздел «характеристике идеалов и стремлений сербских народных масс», считая, что для изучения народа лучший источник — словесность. Однако Будилович в то время не владел методикой интерпретации фольклорного текста, его очерк получился в романтическом стиле, автор не вычленил эпические клише и не смог объяснить народные представления сербов периода Возрождения.

Больше внимания Попов уделил историческим преданиям, рассказам о восстании, слухам, анекдотам, сохранившимся в народной памяти, о которых он узнал от самих сербов. В примечаниях часто встречаются ссылки: «из рассказов очевидцев» или «как рассказывали современники». Его интересовала мемуарная традиция в самом общем ее значении — как закрепленная на письме, так и транслируемая устно. Будучи в Белграде, он стремился опросить очевидцев событий, а по возвращении просил своих корреспондентов пересылать ему записки и воспоминания, хранящиеся в личных архивах. В предисловии к книге историк писал, что ему помогала «живость исторических преданий в сербском народе и возможность не только беседовать с участниками в делах Сербии за последние десятилетия, но и встретить в их руках богатый рукописный материал»²⁶.

Однако Попов стремился не только выявить тексты и ознакомиться с ними, но и понять характер и способы изучения не отделенного от современности прошлого, которое уже тогда было принято назвать «новым» или «новейшим» периодом европейской истории. Сделать это было трудно, так как возможности познания уже по одной его близости к настоящему ограничивались и осложнялись обстоятельствами внеучного порядка. Как отмечает исследователь русской мемуаристики А. Г. Тартаковский, в дореформенную пору даже XVIII в. не воспринимался как история в подлинном смысле слова²⁷. Критерием историчности была Древняя Русь, граница же между историей и текущей действительностью проходила через петровское время. Начало XIX в. воспринималось не сколько-нибудь удаленной

эпохой, а только что ушедшей или уходящей в прошлое современностью. Внимание к тем или иным событиям и людям «нового» периода обуславливалось не отстоявшимся историческим взглядом, а актуальными побуждениями настоящего и даже «злойбой дня». При таком восприятии «нового» периода непосредственная живая память, воплощенная в мемуарах, неизбежно выдвигалась на передний план и как средство его познания, и как явление культуры.

Особенность сербской мемуаристики состояла в ее сопричастности национально-освободительному движению, что выявлено отечественными филологами²⁸. Мемуарно-автобиографическая проза быстрее, чем беллетристика, реагировала на процессы национальной жизни в политическом, историческом, культурном проявлениях.

Какие же мемуары изучил и проанализировал Попов? При описании событий Первого сербского восстания он пользовался записками протоиерея Матии Ненадовича (1777–1854), непосредственного и активного участника двух антиосманских восстаний,²⁹ и несколькими книгами Вука Караджича: Привлекались также записи Йована Хаджича (литературный псевдоним Милош Светич) — литератора и политического деятеля, автора гражданских и уголовных законов для Сербии; Михаила Обреновича, сына князя Милоша; Лазаря Арсениевича-Баталаки, который собирал исторические материалы; Якова Живановича. С Хаджичем и Арсениевичем Попов встречался лично в Белграде.

Материалы Я. Живановича к тому времени не были опубликованы, Попов приобрел их в мае 1864 г. в Белграде у его родственников. Живанович, предки которого переселились в Австрию, получил хорошее образование и как ученый человек был приглашен в княжество в качестве директора княжеской канцелярии, оставшись в Сербии до отречения Милоша. Рукопись Живановича — замечания, которые он написал на тенденциозное сочинение Киприана Роберта, но, по мнению Попова, рукопись «вполне заслуживает названия мемуаров»³⁰.

Чаще всего встречаются ссылки на книгу Б. С. Кюнибера, врача князя Милоша, изданную в Лейпциге в 1855 г. и названную издателями «Сербская революция...». В ней подробно излагались события с 1804 по 1850 г. Для освещения военных событий Попов привлекал дневники и воспоминания русских военных и политиков И. П. Липранди, Н. Н. Муравьева, Ф. П. Фонтана.

Прежде чем выяснить, как Попов работал с мемуарами, обратим внимание на замечание, высказанное В. Богишичем: «Чтобы убедиться в достоверности отдельных, особенно же главных фактов, излагаемых в имеющихся источниках, историк, конечно, должен прежде всего выслушать всех свидетелей и для того, чтобы извлечь истину из разнородных показаний, необ-

ходимо оценить личность свидетелей и их показания, и необходимо при этом выделить объективное от примесей субъективных, надо рассмотреть отношения лица к факту, чтобы решить, мог ли свидетель знать истину, а затем — мог ли и хотел ли ее разыскать. Из некоторых мест г. Попова видно, что автор не пренебрег указаниями историографического требования и хотел их выполнить»³¹. Похвалив Попова, рецензент все же заметил, что «иногда автор безразборчиво относится к источникам как первой, так второй и третьей руки, ставя на одну доску каких-нибудь Таля, Рихтера, Поссарта, Сора с Кюнибером или Вуком Караджичем, которые были большею частью очевидцами и стояли весьма близко к описываемым событиям».

Это суждение Богишича, основанное на недоразумении или невнимательном чтении книги Попова, повторено в отчете о присуждении награды графа Уварова как главный недостаток книги, который не позволил автору получить большую премию. В дальнейшем фраза Богишича перешла в литературу и цитировалась в тех случаях, когда следовало отметить недостатки книги Попова³². Замечание безосновательно: перечисленные Богишичем немецкие историки подвергаются в книге Попова резкой критике, их работам противопоставлены сочинения Караджича и Кюнибера. Попов имел четкое представление об исторической критике, что доказывают его примечания к основному тексту книги.

Сербским мемуарам как источникам историк знал цену. Матия Ненадович, чьи записки часто цитировал Попов, признавался: «Если напишешь истину — потеряешь голову, так как ее отсечет господарь Милош; если же напишешь ложь, то твоя голова останется целой, но зато ты потеряешь свою честь»³³. Сербский историк Ст. Новакович замечал, что «династическая вражда Обреновичей и Карагеоргиевичей весьма отрицательно отразилась не только на судьбах сербского народа, но и причиняла вред трудам по истории»³⁴.

В книге Попова можно обнаружить важные источниковедческие наблюдения над историческими сочинениями Вука Караджича. Караджич — очевидец и участник деятельности Карагеоргия и Милоша, его публикации, по мнению Попова, имели мемуарный характер, но не всегда были искренними. Современные исследователи по-разному определяют характер исторической прозы Караджича: повстанческая проза, историко-литературные сочинения; мемуарная проза³⁵. Сербский историк Р. Люшич настаивает, что Караджич был историком-самоучкой, и его сочинения — хроника, редко мемуары, Вук не часто писал о том, что сам видел³⁶. Люшич полагает, что Караджич использовал принцип Л. Ранке «писать как это было», оставаясь хронистом событий.

Историкам известно, что Караджич часто писал публицистические статьи с целью расположить к себе сербских правителей и получить от них

деньги для издания своего собрания песен и словаря. Анализируя статью Караджича 1828 г. «Первая годовщина сербского восстания против дахий», Попов замечал: «В этом рассказе видна неполнота, он составлен на основании преданий и свидетельств очевидцев, знавших только ту сторону дела, которая им лично известна. А потому в дополнение к этой статье Вука Стеф. Караджича необходимо пользоваться также свидетельствами других современников тех же событий, например, первыми страницами записок протоиерея Матвея Ненадовича, рассказом Янкия Дюрича, бывшего секретарем Карагеоргия»³⁷. Таким образом, Попов пытался собрать как можно больше фактов о случившемся, не проверяя Караджича, а лишь дополняя его.

При этом Попов считал весьма важным источником книгу Караджича «Милош Обренович, князь Сербии, или Материалы для сербской истории Нового времени» (1828). Книга имела целью угодить князю Милошу и была так же тенденциозна³⁸, как и работа Караджича «Правительствующий Совет Сербский за времена Карагеоргия» (1860). Попов об этом умалчивал, однако не оставил без внимания и прокомментировал известное письмо Караджича Милошу Обреновичу в апреле 1832 г. из Австрии. Это письмо — программа возможных преобразований в Сербии и жесткая критика княжеской политики. Караджич требовал введения какого-либо устава, определяющего отношения князя к остальным властям страны, считал это более важным, чем даже издание гражданских и уголовных законов Сербии. Попов подчеркивал, что «он был совершенно прав в этом отношении»³⁹.

Относясь к большинству сочинений Караджича как к мемуарам, Попов постоянно сопоставлял излагаемые в них факты с книгой Б. Кюнибера, для которой он пытался применить элементы исторической критики⁴⁰. Он писал: «Сочинение Кюнибера, изданное после восточной войны, может служить одним из полезнейших источников для истории Сербии под управлением Милоша. Оно есть не что иное, как самые подробные и пересмотренные автором мемуары, в начале, впрочем, составленные по сочинениям Караджича; ибо Кюнибер был из медиков Милоша, участвовал в его переговорах с английским консулом Ходжесом и был очевидцем всех событий по 1838 год... Но при этом сочинением Кюнибера должно пользоваться осторожно, ибо он сам был горячим сторонником Милоша»⁴¹.

Посмотрим, как проявлял осторожность сам историк, читая мемуары Кюнибера. Он часто ссылался на них, но нередко приводил двойную ссылку: К примеру, описывая военные действия сербов в 1813 г., Попов указывал номер страницы в сочинении Кюнибера и в книге Караджича «Милош Обренович». Рассказывая о событиях 1835 г. по принятию устава, он замечал: «И Хаджич и Кюнибер свидетельствуют, что Милош, принимая присягу на сохранение этого устава, говорил невнятно и даже изменял ее форму к своей выгоде»⁴². Есть и другие примеры источниковедческой работы По-

пова с мемуарами: «О сопротивлении Австрии, Турции и России против нового устава говорят согласно Кюнибер, Живанович и Хаджич»⁴³; «Вообще волнения в Албании и Боснии изложены у Кюнибера превосходно; бледное же изложение Розена в его "Истории Турции" не объясняет толково ни одного события в этих движениях»⁴⁴; О русском «базисе», кроме мемуаров Живановича, говорится у Хаджича и Кюнибера. И. С. Достян, сопоставив мемуары Кюнибера с запиской князя В. Л. Долгорукого, бывшего со специальной миссией в Сербии, сочла более убедительной версию последнего, свидетельствовавшую об активности русской дипломатии⁴⁵. Рассуждения И. С. Достян можно верить, но она не подвергала мемуары Кюнибера убедительной источниковедческой проверке, и, следовательно, задача остается нерешенной.

Попов, следуя методу Л. фон Ранке, проводил в диссертации «перекрестный допрос» свидетелей. Если он обнаруживал отсутствие факта у Ненадовича или Кюнибера, то такие сведения разыскивались у Караджича, и ссылка делалась на книгу последнего. Прием простой, но эффективный, дающий возможность увидеть информационный потенциал текста. Именно таким образом историк получил достаточную информацию о деятельности сербского совета при Карагеоргии, сопоставляя тексты Караджича и Ненадовича.

О своем отношении к мемуарам Кюнибера Попову пришлось публично и обстоятельно высказаться после получения в 1871 г. письма от председателя Государственного совета Сербии Йована Мариновича, который начал свою службу в годы первого правления Милоша и, естественно, имел свой взгляд на прошлые события. В письме Маринович привел дополнения и опровержения фактов, приводимых Кюнибером, и таковых оказалось немало. Маринович был убежден, что «Кюнибер вообще придает себе более важности и значения, чем имел»⁴⁶. Попов довольно ловко отвечал своему оппоненту: «Сочинение Кюнибера вышло 15 лет назад и лишь теперь стало обращать на себя внимание сербской критики. Будем надеяться, что пересмотренное его издание делается еще более важным и несомненным источником для новой сербской истории, хотя и до сих пор ставилось в число первых пособий по этой части»⁴⁷. Как видим, историк остался при своем мнении.

Во второй части книги, описывающей события в Сербии после 1839 г., часто перекрещиваются мемуары Л. Арсениевича-Баталаки; Я. Живановича и Й. Хаджича. К мемуарным запискам Лазаря Арсениевича-Баталаки (1795–1868), современника Первого сербского восстания, государственного советника с 1842 г., Попов относился с большим доверием. Эти записки он получил в Белграде и впервые вводил источник в научный оборот. Под названием «История сербского устанка» они были изданы только в 1898 г. Современная сербская историография согласна с высокой оценкой

Поповым этого текста и считает сочинение Баталаки по жанру «мемуарно-научным трудом»⁴⁸. Видимо, Попов был такого же мнения. Он вставлял в свой текст обширные цитаты из сочинения Баталаки, приводя слова действующих лиц в прямой речи, чтобы его собственное изложение выглядело более убедительным.

Итак, Попов сопоставлял и сравнивал факты в изложении разных мемуаристов, пытаясь воссоздать, как ему казалось, действительную картину прошлого. Но достаточно ли этого для научного исследования? Требуется знать причины расхождений в текстах, особенности авторской позиции того или иного мемуариста, мотивы их обращения к созданию воспоминаний. Возникает ряд источниковедческих вопросов, на которые мы не находим ответа в книге Попова. Представляется, что он порой преувеличивал познавательные возможности мемуарного жанра.

Складывается впечатление, что Попов больше доверял мемуарам тех людей, с кем лично был знаком (Хаджич, Живанович, Баталака, Ристич). В подтверждение можно привести историю публикации известного послания славянофилов к сербам, изложенную им в книге «Вторичное правление Милоша Обреновича в 1859–1860 г.». Свое исследование Попов предложил для издания редактору «Русской мысли» С. Ю. Юрьеву и по этому поводу вел с ним переписку. По его мнению, «Послание к сербам» задумано было в «самую удачную минуту: народная жизнь сербов получила сильное возбуждение вследствие святоандреевского переворота»⁴⁹. Однако оно не имело столь сильного воздействия на сербский народ потому, что это было обращение литераторов, а не правительства. Кроме того, в нем не упоминались проблемы, глубоко волновавшие всех сербов, а именно борьба партий за будущий путь развития Сербии. Сербов хотели услышать «приговор над их распрей со стороны русских людей». Но авторы «Послания» слабо знали ситуацию в сербском обществе и оказались не понятыми.

Попов впервые разъяснял историю со славянофильским посланием. Он, видимо, боялся ошибиться и потому прочитал текст в рукописи И. С. Аксакову как одному из авторов послания. Попов писал Юрьеву 1 ноября 1880 г.: «Эта последняя глава наиболее интересная... по разбору отношения московских славянофилов к тогдашнему сербскому обществу, получившему от них "Послание". Разбор этот я читал в рукописи И. С. Аксакову и возражений не встретил»⁵⁰. Как видим, для проверки своей версии историк обратился к современнику и участнику событий, заслушивая его воспоминания, причем это был человек, которого он знал лично многие годы и в чьей беспристрастности мог быть уверен.

Такому отношению к мемуарам как к источнику есть объяснение. Попов-историк формировался в то время, когда мемуаристика признавалась способом закрепления исторической памяти, характерным для Нового

времени, подобно летописи для глубокой древности. Приведем суждения Н. Д. Чечулина, чтобы увидеть восприятие мемуарной литературы исторической мыслью XIX в.: «Записки современников, мемуары издавна и совершенно основательно считались в ряду важнейших исторических источников. Можно даже сказать, что прежде им придавали громадное, почти исключительное значение», тогда казалось, что «они повествуют полную настоящую историю своего времени»⁵¹. Преувеличенно некритическое отношение к мемуарам русские историки начали преодолевать только в пореформенную эпоху. Но и в XX в. источниковедческая оценка сербских мемуаров, которыми историки продолжают активно пользоваться, в русской исторической науке отсутствует. Можно сказать, что Попов — единственный российский историк, столь тщательно изучавший мемуары по данной теме и устанавливавший достоверность фактов с помощью доступных ему методов критики.

Большое внимание историки XIX в. уделяли запискам путешественников, с доверием к ним относился и Попов. В его диссертации приведен ряд фактов, полученных из описания немца О. Пирха и серба И. Вуича. По словам историка, «оба путешественника представлялись Милошу и описали быт князя и народа». Более подробно он сообщал о сведениях Вуича, считая их особенно интересными: «К его сочинению приложены даже рисунки народных одеяний, впрочем, весьма плохие. Вуич занес в свое сочинение описание церквей и монастырей, которые он видел в Сербии, старинных актов, которые в них находил, надписей, поместил разговоры, которые привелось иметь с сербами и турками, а в конце сочинения представил краткий очерк управления и судопроизводства в Сербии»⁵². Правдивостью, по мнению Попова, отличались сочинения известного путешественника по Востоку Ами Буе «Европейская Турция», изданные в Париже в 1840 г.⁵³

В круг исследованных Поповым источников вошли и опубликованные письма сербских государственных деятелей, русских дипломатов, процитировано письмо императора Николая I. Именно эта группа документов менее всего была известна историку при написании диссертации, но он стремился разыскать письма хотя бы в частных коллекциях. В 1866 г. Попов опубликовал переписку Г. А. Строганова с сербским князем Милошем Обреновичем⁵⁴. Цитировались в книге и неизданные письма Я. Живановича.

В книге «Сербия после Парижского мира» Попов сообщал о местонахождении такого рода документов. Он считал, что «теперь уже могли быть напечатаны: дневник и переписка первого русского дипломатического агента в Сербии Родофиникина, хранящаяся в Петербургском государственном архиве; переписка Г. А. Строганова с Милошем Обреновичем, хранящаяся у его потомков и напечатанная мной лишь по имевшимся в моих руках отрывочным письмам; дела и письма, без сомнения, сохранившиеся у нынеш-

них членов Государственного совета В. П. Титова и барона В. К. Ливена, бывших в Турции и находившихся в личных сношениях с сербами»⁵⁵. Важно отметить, что после издания «России и Сербии» корреспонденты Попова (а это видно по письмам сербского митрополита Михаила) стали пересылать русскому историку новые документы. Так, он получил копии переписки Стояна Симича и Вучича от мая 1839 г., решавшей судьбу князя Милоша.

Для исторических построений Попов использовал и факты, извлеченные из различных официальных документов. Прежде всего, это тексты законодательных актов Порты, мирных договоров России с Турцией, постановлений сербского князя и Совета, материалы заседаний скупщины и ее решения, документы сербской церкви. Однако в диссертации не уделено пристального внимания толкованию статей Адрианопольского мирного договора, есть лишь ссылка на книгу сербского юриста Дм. Матича.

Странно, что, анализируя прессу, Попов ни разу не обратился к русским газетам и журналам. Трудно понять, почему, выясняя значение русского покровительства в Сербии, он не задался вопросом об отношении общественного мнения к проблеме.

Итак, историк привлекал для составления своего труда разные типы документов, сравнивал и сопоставлял полученные факты, источниковедческие же этюды встречаются в книге редко. В этом отношении примечательны его критические наблюдения над мемуарами. В то же время заметна доверчивость Попова к путевым заметкам и письмам современников. Источниковая основа диссертации, видимо, представлялась ему достаточной для того, чтобы открыть русскому читателю историю политического возрождения сербов.

Стоит обратить внимание на заключительную фразу из факультетского отзыва, которая раскрывает методологические требования к историческому исследованию, предъявляемые в середине XIX в.: «Автор имеет свой определенный взгляд на события, на роль России в истории новорожденной Сербии, но этот взгляд не навязывается читателю; в чрезвычайности обилия фактов, добросовестно изложенных, читатель может найти поверку мнениям автора и возможность образовать собственный взгляд»⁵⁶.

Такова была методологическая установка, которой пытались придерживаться русские историки, стремясь отделить себя таким образом от писателей-беллетристов. Этот принцип активно защищал и Н. А. Попов, будучи еще начинающим исследователем. Он настаивал, что нельзя впадать в «недостойную историка роль уголовного судьи своего героя». Для подтверждения своих слов он цитировал С. М. Соловьева: «Историк не должен быть адвокатом того или другого исторического лица; его обязанность при описании подобной борьбы состоит в том, чтобы, основываясь на актах несомненных, уяснить смысл борьбы, ее значение в истории народа»⁵⁷. Сту-

дентам университета Попов разъяснял: «История не производит судебного следствия, не обвиняет и не оправдывает; она только объясняет — и, лишь оставаясь на высоте такого призвания, она достойна носить почетное имя науки»⁵⁸. Вряд ли кто из современных историков усомнится в верности этих слов. Другое дело, всегда ли ученый выдерживал этот принцип в своих конкретных исследованиях. Сербские оппоненты Попова как раз обвиняли его в поддержке одной из групп правящей сербской элиты. Действительно, Попов, как и любой историк любой эпохи, не мог быть свободен от политических реалий. Как верно заметил в своем отзыве В. Богишич, объяснения у Попова часто не хватало. Правда, высказав замечания и сомнения, Богишич пришел к заключению: «Труд Попова является первым полным прагматическим изложением новой истории Сербии»⁵⁹. Что же понималось в то время под термином «прагматическая история»? Уяснив это, мы сумеем понять методы исторического исследования, применявшиеся Поповым.

Наиболее четко развитие исторического знания как движения по пути создания прагматической русской истории разъяснил Н. Г. Устрялов в докторской диссертации «О системе прагматической русской истории» (1836). С его точки зрения, для прагматического, то есть критически осмысленного, сочинения необходимы два условия. Первое — знание фактов и событий на основе источников и дополняющей их литературы, второе — соединение полученных фактов в целое, создание их системы. Для этого исследователю необходимо: вникнуть в общий смысл истории и найти нить, связующую все явления; определить те точки, где общий ход исторических событий получает иной, отличный от прежнего, характер; разместить все явления сообразно общему историческому ходу. В прагматическом рассказе требовалось объяснение влияния одного события на другое, с указанием причин и следствий, и к тому же современным языком. Следовательно, если Богишич определил диссертацию Попова как «прагматическое сочинение», значит, можно утверждать, что автор сумел системно объединить и объяснить все полученные им факты, представить историю Сербии не как собрание биографий, а как картину постепенного развития общественной жизни, переходов гражданского общества из одного состояния в другое.

Следуя концепции государственной школы, Попов обращал внимание на воздействие географической среды на развитие общества. В университетских лекциях он подчеркивал: «Давно уже утвердилось в исторической науке убеждение, что природа страны имеет необратимое влияние на судьбу народа»⁶⁰. Отыскивая причины восстания сербов в Белградском паша-лыке, на сербской окраине, историк писал: «Тому способствовала отчасти сама природа этих земель»⁶¹. Дав четкую географическую характеристику, он выделил особенности здешних ландшафтов: почти девственный лес, горная местность, большая река, разделившая страну на две неравные части.

Немногочисленное здесь население слабо владело навыками земледелия, основой жизни являлось скотоводство, «народная жизнь скрывалась в селах, рассыпанным по лесам», церковей почти не было. По этим причинам «народная жизнь в Сербии сохраняла в себе более старины, дедовских обычаев и преданий, чем в других сербских землях». Здесь сохранилось общинное самоуправление, в каждой общине выбирали кнеза, но когда турки лишили кнезов власти над народом и развернули террор, те бежали в шумадии, превратившись в гайдуков. В этих-то лесах и скрывался от дахийев вождей сербов Карагеоргий. Стало понятно, как самая неразвитая в экономическом и социальном отношении часть сербских земель стала центром восстания. Так с помощью логического метода приобреталось новое знание.

Основным объектом исследования Попова стало оформление государственных институтов в борьбе со старыми родовыми и участие в этой борьбе народного представительства. Придерживаясь взгляда на государство как на выразителя всех проявлений народной жизни, историк сосредоточился на анализе взаимоотношений княжеской власти, правительственного совета и народной скупщины. Скупщину как форму общественной самодеятельности он считал обязательным элементом сербской государственности, споря с Соловьевым о ее вековом возрасте. Он признавал объективные законы развития и усматривал главное противоречие, присущее историческому развитию Сербии, в борьбе родовых и государственных отношений. Действующими персонажами его исторического повествования были те люди, которые укрепляли и совершенствовали государственные институты. Их действия и поступки рассматривались с точки зрения выгоды и целесообразности всего государства. Пользуясь методами и приемами Ранке (ведь он изучил его книгу о Сербии в оригинале), Попов рисовал психологические портреты сербских политиков. Они ему удались. Так отбился материал для авторских построений.

Специфика Сербии, в отличие от России, состояла в том, что здесь прежде архаические, родовые институты еще действовали, в народном сознании сохранилось множество пережитков. Эти обстоятельства хорошо понимались Поповым, он использовал их для объяснения причин борьбы старых институтов власти с новыми.

Изучение этнической культуры сербов позволило ученому понять особенности их быта и традиций. Мировидение православных сербских крестьян, неграмотных и находившихся долгое время под турецким гнетом, во многом определяло социальное поведение членов общества. Попов обращал внимание на то, что архаичный обряд побратимства существовал не только внутри сербского этноса, были известны случаи побратимства между сербами и мусульманами. Например, некий Ибрагим был побратимом Карагеоргия, два раза спасавшего ему жизнь⁶². Милош состоял в отноше-

ниях побратимства с албанским Мустафой-пашой и, пользуясь этим, отговорил пашу от военных действий против русской армии в 1828 г.⁶³

Сохранялся среди сербов и обычай кровной мести, объяснявший их вооруженные выступления. Попов в подробностях привел рассказ М. Ненадовича о том, как тот поднимал крестьян на борьбу против турок, мотивируя это необходимостью отомстить за убитого отца. Ненадович упоминал свидетельство одного турка, доказывавшего, что султан позволил ему мстить за убийство его отца дахиям-янычарам. Причем к этой выдумке добавлялось, что султан разрешил особым фирманом и сербам принять участие в борьбе с дахиями. Попов замечал: «Сербы поверили, что султан с ними против дахий», и это «народное верование вошло в предание и сыграло свою роль в истории сербского народа»⁶⁴. На наивность и доверчивость сербов историк обращал внимание, рассказывая о событиях Первого сербского восстания. Так, для объявления султанского приказа достаточно было переодеть глашатая в турецкие одежды — и ему верили.

Наличием отрицательного стереотипа, зафиксированного народными преданиями, Попов объяснял взаимоотношения сербов с жителями Боснии: «Хотя те и другие говорили одним и тем же языком, принадлежали к одному и тому же племени, но православные сербы не могли забыть, что босняки приняли магометанство ради сохранения за собой своей власти и своей поземельной собственности. Народные песни напоминали сербам, что даже битва на Косовом поле была проиграна вследствие измены босняков и их бана... Сербы считали босняков заклятыми врагами, и даже убийство босняка не считалось грехом»⁶⁶. Босняки видели в «сербх вечных свидетелей той черной измены народному делу, которая совершена была их предками». Этим объяснялась, по мнению Попова, невозможность общей борьбы с турецкой армией. Эту вражду использовал и султан, когда в 1814 г. послал в Белград бывшего сараевского пашу.

Особенностями сербского национального характера, сформировавшегося во время турецкого правления, объяснял Попов и причины падения авторитета князя Милоша к 1832 г. Милош управлял сербами, как паша, «он не мог отрешиться от примеров самовластия, виденных им с детства»⁶⁶. И все же главную причину историк видел не в воспитании Милоша, а в том, что тот не сумел создать новые институты власти, не увидел социальных изменений в обществе. Так, он не отменил кулук — общественную натуральную повинность по постройке зданий, обработке государственных полей и домашнего хозяйства княжеской фамилии. Это очень важное наблюдение, но не стоит преувеличивать понимание историком происшедших в сербском обществе изменений. Он описывал их довольно бегло, скороговоркой, внимание читателя не акцентировалось на столь важном выводе. Для разъяснений предлагались наиболее заметные внешние факты. Так, возникно-

вание группы новой сербской торговой буржуазии «великашей» историк объяснял личной дружбой с князем, а не экономической ситуацией, в частности, торговлей солью и скотом.

Попов нередко сводил причины разногласий к мелким личным мотивам сторонников двух враждовавших княжеских династий, хотя порою и приближался к пониманию социальной основы столкновений. Однако дальше этого наблюдения историк не пошел. Приходится констатировать, что социально-экономическая подоплека действий сербского общества им не обнаруживалась, высказывались лишь отдельные наблюдения и намеки. Интерес к социально-экономической жизни европейского общества, который будет проявляться в трудах русских историков по всеобщей истории в конце 1870-х гг., в частности, в медиевистических работах, и который связывают с позитивистским направлением историографии⁶⁷, в трудах Попова не заметен.

Анализ исторических построений Попова обнаруживает применение историком метода наблюдения и описания, то есть дескриптивного метода. В нашем случае описание предполагает изучение государства как объекта. Государственный феномен Сербии описывался и наблюдался Поповым, в нем выявлялись качественные особенности, они интерпретировались, а результаты исследования излагались в форме исторического повествования. Попов был убежден, что каждый народ проходит определенные стадии развития, на каждой из которых возникает и укореняется один из основных элементов политической жизни, что проявляется в установлении трех основных формаций: род, община и государство. Отсюда объяснимо применение сравнительного метода, которым историк постоянно пользуется.

Более высокой ступенью познания считается формирование социологического знания, то есть знания законов общественного развития, которые возникли из изучения аналогий между отдельными родами исторических фактов. Применение социологического метода исследования становилось знаменем времени для историков-новистов. Однако Попов не использовал социологический метод, вряд ли он был ему известен или понятен. Признавая закономерность исторического процесса, историк ориентировался на натуралистическую методологическую парадигму, считая ее общенаучной. Современные отечественные науковеды называют такую методологию позитивистской⁶⁸.

Для диссертационного исследования Попов не случайно выбрал историю Сербии Нового времени. Очевидно, это связано с его пониманием предмета и задач истории как науки народного самопознания, что давало ученому возможность не столько описывать конкретные факты, сколько выявлять взаимосвязи событий и явлений. Полагая, что государство — цель и смысл общественного развития, выразитель всех проявлений народной

жизни, «высшее назначение народа и его исторического призвания», Попов мог увидеть в истории сербов начала XIX в. борьбу старых, архаичных форм жизни и новых, государственных. История политического возрождения сербов давала возможность проверить и подтвердить концепцию государственников.

Примечания

¹ Воробьева И. Г. Профессор-славист Нил Александрович Попов. Тверь, 1999; *Она же*. Изучение Н. А. Поповым сербской историографии // Проблемы славяноведения. Вып. 3. Брянск, 2001. С. 106–115; *Она же*. История российского славяноведения в трудах Н. А. Попова // Вопросы истории славян. Вып. 15. Воронеж, 2001. С. 134–154.

² См.: Московские университетские известия (далее — МУИ). 1869. № 7. С. 417.

³ Попов Н. А. Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 г. Ч. 1. М., 1869. С. VII.

⁴ МУИ. 1869. № 7. С. 419.

⁵ Попов Н. А. Россия и Сербия... Ч. 1. С. VII.

⁶ Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. М., 1980; Југословенске земље и Русија за време првог српског устанка 1804–1813. Београд, 1983.

⁷ Белов М. В. Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия: историография проблемы: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1997; *Он же*. О некоторых тенденциях в историографии сербского восстания 1804–1813 годов // Славяноведение. 2001. № 1. С. 18–27.

⁸ Попов Н. А. Сербия после Парижского мира // Беседа. 1871. № 6. С. 174.

⁹ Богишич В. Разбор сочинения Н. А. Попова «Россия и Сербия». СПб., 1872. С. 8–9.

¹⁰ Грачев В. П. История Первого сербского восстания 1804–1813 гг. в собрании В. Богишича // Центральная и Юго-Восточная Европа в Новое время. М., 1974. С. 271–291.

¹¹ Попов Н. А. Сербия после Парижского мира // Беседа. 1871. № 6. С. 177.

¹² Там же. С. 189.

¹³ См.: Лещиловская И. И. Сербская культура XVIII века. М., 1994. С. 40–42.

¹⁴ См.: Нушич Б. Сатира и юмор. М., 1987. С. 95–103. В автобиографии Нушич вспоминал, что «стихами нам разрешалось говорить только о восстании». Здесь же говорится, как будущий писатель остался на второй год в школе, рассказав учителю, что король Вукашин убил царя Уроша на Косовом поле, но при этом царь Урош умер после битвы при Марице, т. е. за несколько лет до Косово. Такова была эпическая традиция. Этот комичный случай яснее академических рассуждений показывает цену народной поэзии как исторического свидетельства.

- ¹⁵ МУИ. 1869. № 7. С. 425.
- ¹⁶ *Богишич В.* Указ. соч. С. 5–7.
- ¹⁷ Отчет о тринадцатом присуждении наград графа Уварова, читанный в публичном заседании Императорской Академии наук 25 сентября 1870 г. // Записки Императорской Академии наук. Т. 18. СПб., 1871. С. 15.
- ¹⁸ МУИ. 1869. № 7. С. 425.
- ¹⁹ *Попов Н. А.* Сербия после Парижского мира // Беседа. 1871. № 6. С. 176.
- ²⁰ *Попов Н. А.* Лекции по древней русской истории. 1878/9 г. Б. г., б. м. С. 20.
- ²¹ Там же. С. 29.
- ²² *Смирнов Ю. И.* Вук Караджич и его фольклорное собрание // Сербские народные песни и сказания из собрания Вука Стефановича Караджича. М., 1987. С. 495.
- ²³ В частности, Попов назвал: Пьсна о избавленію Сербіе, сочинена въ Българѣ. Изложение российским нарѣчіем. СПб., 1806. См.: *Попов Н. А.* Россия и Сербия... Ч. 1. С. 482.
- ²⁴ *Попов Н. А.* Россия и Сербия... Ч. 1. С. 137; 494.
- ²⁵ *Будилович А. С.* Сербия и сербы в период возрождения // Заря. 1870. № 10. С. 143–160.
- ²⁶ *Попов Н. А.* Россия и Сербия... Ч. 1. С. XVIII.
- ²⁷ *Тартаковский А. Г.* Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М., 1997. С. 336.
- ²⁸ *Беляева Ю. Д.* Сербская мемуарная проза конца XVIII–XIX в. // Развитие прозаических жанров в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991. С. 112.
- ²⁹ При жизни Ненадович издал часть своих мемуаров в альманахе «Голубица» в 1843–1844 гг. под названием «Войны с боснийскими турками». Наиболее полное издание под названием «Мемуары» вышло в Белграде в 1867 г. Часть записок Ненадовича опубликовала «Русская беседа» в 1859 г. в переводе Х. Даскалова.
- ³⁰ *Попов Н. А.* Россия и Сербия... Ч. 1. С. 499.
- ³¹ *Богишич В.* Указ. соч. С. 9–10.
- ³² См.: *Гуськова Е. Ю.* Правление уставобранителей в Сербии (историография вопроса) // Проблемы Новой и новейшей истории. М., 1978. С. 181–196.
- ³³ *Ненадовић М.* Мемоари. Београд, 1963. С. 6.
- ³⁴ Цит. по: *Грачев В. П.* Новый взгляд на проблему формирования предпосылок сербского восстания 1804–1813 годов // Славяноведение. 1993. № 1. С. 4.
- ³⁵ См.: *Беляева Ю. Д.* Сербская мемуарная проза... С. 126.
- ³⁶ *Љушић Р.* Вук Караџић о српској револуцији. Београд, 1990. С. 85–111.
- ³⁷ *Попов Н. А.* Россия и Сербия... Ч. 1. С. 480.
- ³⁸ Составляя жизнеописание Милоша Обреновича, Вук Караджич сожалел, что не может в полный голос сказать о подлинном лице князя и его жестокостях. См.: *Беляева Ю. Д.* Сербская мемуарная проза... С. 117.
- ³⁹ *Попов Н. А.* Россия и Сербия... Ч. 1. С. 293.

⁴⁰ Заметим, что сербы, плохо зная французский язык, перевели фамилию V. S. Cunitbert, как Куниберт, под этим написанием имя мемуариста вошло в советскую историографию. В статье я придерживаюсь транскрипции Попова.

⁴¹ Попов Н. А. Россия и Сербия... Ч. 1. С. 492.

⁴² Там же. С. 501.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 497.

⁴⁵ См.: Формирование национальных независимых государств на Балканах. С. 130.

⁴⁶ Попов Н. А. Сербия после Парижского мира // Беседа. 1871. № 6. С. 181.

⁴⁷ Там же. С. 184.

⁴⁸ Стојанчевић В. Баталакина историја првог српског устанка // Арсенијевић-Баталака Л. Иторија српског устанка. Београд, 1988. Књ. 2. С. 1032.

⁴⁹ Попов Н. А. Вторичное правление Милоша Обреновича // Русская мысль. 1881. № 7. С. 31.

⁵⁰ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 636. Оп. 1. Д. 418. Л. 12.

⁵¹ Цит. по: Тартаковский А. Г. Указ. соч. С. 338.

⁵² Попов Н. А. Россия и Сербия... Ч. 1. С. 497.

⁵³ Там же. С. 493.

⁵⁴ Попов Н. А. Переписка Г. А. Строганова с Милошем Обреновичем в 1817–1826 гг. // МУИ. 1866. № 2. С. 67–95.

⁵⁵ Попов Н. А. Сербия после Парижского мира. С. 179.

⁵⁶ Там же. С. 426.

⁵⁷ Попов Н. А. О биографическом и уголовном элементе в истории // Атеней. 1858. № 46. С. 140.

⁵⁸ Попов Н. А. Лекции по древней русской истории, читанные в 1881/82 уч. г. С. 54.

⁵⁹ Божишич В. Указ. соч. С. 4.

⁶⁰ Попов Н. А. Лекции по древней русской истории, читанные в 1881/82 уч. г. С. 101.

⁶¹ Там же. С. 8.

⁶² Попов Н. А. Россия и Сербия... Ч. 1. С. 16.

⁶³ Там же. С. 223.

⁶⁴ Там же. С. 480–482.

⁶⁵ Там же. С. 123, 222–223.

⁶⁶ Там же. С. 287.

⁶⁷ Мягков Г. П. «Русская историческая школа»: Методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988; Рамазанов С. П. Методологический кризис в российской историографии начала XX века: сущность и основные этапы. Томск, 1995.

⁶⁸ См.: Иллерицкая Н. В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века. М., 1998; Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003.

К истории изучения Первого сербского восстания в отечественной историографии второй половины XX в.

Первое сербское восстание 1804–1813 гг. стало для славянских народов Балканского полуострова, находившихся в начале XIX в. под гнетом Османской империи, началом их борьбы за национальное возрождение, создание национальной государственности. Вместе с героической борьбой греческого народа за свободу пример сербского восстания вдохновлял угнетенные балканские народы в их стремлении к освобождению.

Дух повстанцев Первого сербского восстания пронизывает всю новую сербскую историю, именно в ходе этого восстания выкристаллизовались лучшие национальные качества сербского народа — неприятие любого угнетения, негибкая воля к борьбе за национальную свободу, героизм и самопожертвование. Восстание оказало огромное влияние на развитие сербского общества во всех его аспектах — экономическом, социальном, политическом и идеологическом.

Не случаен поэтому большой интерес, проявляемый отечественными учеными к изучению Первого сербского восстания.

В 70–80-е гг. прошлого века отечественные историки начинают активно разрабатывать проблематику Первого сербского восстания и исследовать политику России по отношению к Сербии в начале XIX в. В этом плане большое научное значение имеет вопрос об отношении русского правительства к Первому сербскому восстанию. В борьбе с Османской империей сербы обращались за помощью к великим державам, прежде всего к России и Австрии. Отечественные историки, глубоко изучившие этот вопрос, отмечают, что политика России, в отличие от Австрии, склонявшейся к нейтралитету, сыграла объективно положительную роль в ходе событий на Юго-Востоке Европы. В работах И. И. Яковкиной, И. С. Достян, Н. И. Каза-

кова, В. В. Зеленина по этой проблематике¹ показано, как в период Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. царское правительство и военное командование поддерживало связи с сербами. Россия оказывала постоянную помощь Сербии на протяжении всех лет восстания, предоставляя повстанцам значительные суммы денег, оружие, поддерживая их по дипломатической линии. Кроме того, на отдельных этапах военные действия русских против Османской империи велись при содействии сербов. Как показано в работах отечественных историков, контакты руководителей восстания с правительством Александра I, обращения сербских вождей в Петербург, сербские делегации в Россию играли важную роль на всех этапах Первого сербского восстания. Исследователями сформулировано важное положение о том, что в эти годы русской дипломатией неоднократно ставился вопрос о будущем политическом статусе Сербии, а в мирных переговорах с Портой она настаивала на введении широкой автономии Сербии, что привело бы к созданию фактически независимого сербского государства, уплачивающего Порте лишь умеренную дань.

В работах И. С. Достян по проблеме развития государственности на Балканах в первой трети XIX в.² документально доказано, что в период Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Россия принимала непосредственное участие в разработке основ государственного устройства Сербии, в разграничении власти Карагеоргия, Правительствующего совета, местных органов власти. И. С. Достян разработала вопрос о составлении российским дипломатическим представителем в Сербии К. К. Родофиникиным проекта «Основание правительства сербского» (1807), который в известной мере опирался на предложения сербской стороны и предусматривал ограничение власти князя Советом как высшим органом администрации и суда. Хотя правительство Александра I впоследствии устранилось от непосредственного участия в разработке основ государственного устройства Сербии, идеи, сформулированные в записках Родофиникина, оказали влияние на создание органов власти в повстанческой Сербии.

Особенности политики России в отношении Первого сербского восстания на его начальном этапе (1804–1807) изучил В. П. Грачев³. Автор делает вывод: «Основная идея разработанного в Петербурге плана заключалась в том, чтобы сербские повстанцы, ведя легальную борьбу с непослушными турецкому правительству янычарами и кирджалиями, исподволь и незаметно для Порты накапливали бы такие значительные силы, которые нельзя было бы игнорировать самой Порте при предоставлении Сербии автономного управления»⁴. На основе обширного документального материала ученый показал, что для осуществления задуманного плана русское правительство предоставило сербам финансовые средства и использовало свои дипломатические каналы в Турции и Австрии.

В другой статье по этой же проблематике⁵ В. П. Грачев выделил в политике России в отношении Первого сербского восстания 4 периода, характеризующиеся некоторыми особенностями ее внешнеполитического курса, что обуславливалось изменениями международной обстановки, характером русско-турецких и русско-французских отношений. Автор документально обосновывает важный вывод о том, что на протяжении всего восстания политика России по отношению к повстанцам была благожелательной, им оказывалась значительная помощь; все это дает основание считать, что без всесторонней поддержки России возрождение и формирование сербского национального государства в тогдашних международных условиях было бы невозможным.

В. П. Грачев изучил также вопрос о роли сербского иерея Матии Ненадовича⁶ в установлении русско-сербских отношений в период Первого сербского восстания. Проанализировав найденные им новые документы в архивах СССР, ученый показал, что во время первой сербской депутации в России в 1804 г., членом которой являлся Ненадович, в Петербурге был разработан план финансовой и дипломатической помощи повстанцам, а также основные принципы государственного устройства будущей автономной Сербии.

В отечественной историографии общепризнанной является точка зрения, что условия Бухарестского мира 1812 г., положившего конец Русско-турецкой войне, далеко не полностью удовлетворяли требованиям правительства Александра I к Порте, в том числе и содержание статьи о Сербии (ст. VIII), включенной в договор, несмотря на упорное сопротивление турецких уполномоченных. Однако, как подчеркивают отечественные историки, сам факт внесения в международный договор обязательства Порты предоставить сербам внутреннюю автономию имел важное значение для дальнейшей борьбы за политическую и национальную самостоятельность.

Некоторые вопросы истории русско-сербских отношений в период Первого сербского восстания рассмотрены также в работах акад. А. Л. Нарочницкого и Н. И. Казакова⁷.

Весомым вкладом в изучение этой темы явилось издание советскими и югославскими историками (Институт славяноведения и балканистики АН СССР и Институт балканистики Сербской академии наук и искусств) дипломатических документов из архивов СССР по истории Первого сербского восстания⁸. Двухтомная публикация содержит материалы, которые впервые систематизировано освещают политику России в сербском вопросе в этот период. Широко представлены документы об отношении русских правящих кругов к повстанцам, о русской военной помощи; значительная их часть характеризует некоторые формы общественных связей России и Сербии, например, поездки сербских депутатов в Петербург и штаб Мол-

давской армии. Представленные в издании материалы позволяют сделать вывод о том, что Россия на протяжении всего хода национально-освободительной борьбы сербов оказывала им всестороннюю дипломатическую, военную и материальную помощь, сыграв тем самым большую положительную роль в деле создания национального сербского государства.

Первое сербское восстание 1804–1813 гг. было одним из первых событий национально-освободительного движения балканских народов, получивших отклик общественности России.

Связи с сербами и другими югославянскими народами в первом тридцатилетии XIX в. освещены в ряде статей И. С. Достян и ее монографии «Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов»⁹.

Автор отмечает, что развивавшиеся в этот период общественные связи между Россией и югославянскими народами тесно смыкались со связями политического характера. В их развитии с югославянской стороны участвовали главным образом деятели национально-освободительного движения, патриотически настроенное православное духовенство, а также воеводина-ская светская и духовная интеллигенция. С русской стороны эти связи осуществляли прежде всего люди, соприкасавшиеся с югославянскими делами в силу служебных обязанностей — дипломаты, чиновники, военные, а также научные и культурные деятели, югославянские эмигранты, обосновавшиеся в России.

В монографии И. С. Достян история развития связей между Россией и югославянскими народами в конце XVIII — 1-й четверти XIX в. рассматривается с точки зрения их значения для самой России, развития русской общественной мысли. И. С. Достян показала личный вклад в развитие русско-югославянских общественных и культурных связей ряда русских деятелей — А. А. Сомборского, В. Ф. Малиновского, А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова и др. Укреплению контактов с черногорцами способствовала деятельность «специального представителя» Александра I — С. А. Санковско-го в 1805–1806 гг.

Проведенное исследование позволило автору сделать вывод, что уже в период Первого сербского восстания 1804–1813 гг. выявилась определенная общность взглядов на политическое будущее находившихся под властью Османской империи народов у российских и югославянских деятелей, что отражало наличие идеологического взаимодействия между ними. Приведенные в работах И. С. Достян факты позволяют сделать вывод, что в начале XIX в. среди дворянских кругов России не только значительно возрос интерес к сербам, их национально-освободительному движению, но и появилось немало приверженцев оказания действенной помощи повстанцам, создания самостоятельного Сербского государства под покровительством

России. Характерным являлось то обстоятельство, что в конкретных предложениях, касавшихся политики русского правительства в отношении югославянских народов, нередко учитывались и поддерживались политические требования, выдвигавшиеся самими сербскими деятелями, рассчитывавшими получить поддержку со стороны России,

Различные аспекты проблематики русско-сербских общественных связей в период Первого сербского восстания стали предметом изучения отечественных историков в конце 1980-х гг. Так, Е. П. Наумов¹⁰ пришел к выводу, что уже в это время (т. е. в начале XIX в.) заметна неоднозначность в отношении сербских деятелей к внешней политике русского царизма, появление критических замечаний в адрес правящих кругов России.

И. И. Лещиловская¹¹ рассмотрела вопрос о русских связях Досифея Обрадовича в период Первого сербского восстания. Автором приведен ряд новых материалов, свидетельствующих о прорусских симпатиях Обрадовича, выразившихся как в его поэтическом творчестве, так и в политической деятельности. И. И. Лещиловская делает вывод о том, что во время Первого сербского восстания он был одним из тех сербских деятелей, благодаря усилиям которых формировался и поддерживался русско-сербский военно-политический союз. Ряд интересных исследований по истории русско-сербских общественных связей в начале XIX в. отечественные ученые — В. П. Грачев, И. С. Достян, А. П. Бажова, Н. И. Хитрова, Н. И. Казаков — представили на международной конференции в Белграде в декабре 1980 г. по случаю 175-летия Первого сербского восстания¹².

В 1990-е гг. продолжилось изучение истории Первого сербского восстания.

В. П. Грачев продолжил свои научные изыскания по истории восстания. В 1990 г. вышла в свет его монография «Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв.»¹³. Эта книга стала началом серии исследований, которые, по замыслу автора, должны охватить всю историю Первого сербского восстания, начиная с его предпосылок и вплоть до 1813 г. В первой книге этой серии основное внимание автора сосредоточено на исследовании событий, предшествовавших началу восстания. Автор исследует положение сербских земель в составе Османской империи, взаимоотношения сербов турецких и сербов — жителей Австрийской империи (Воеводина), процессы зарождения сербской национальной идеологии.

Следующая книга этой серии В. П. Грачева — «Сербы и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия» посвящена начальному периоду Первого сербского восстания, взаимоотношениям сербов и черногорцев и анализу российской политики в этом регионе. Главными источниками для написания этого исследования стали богатейшие фонды Архива внешней политики Российской империи.

Автор рассматривает балканскую политику России, Франции, Австрии и Турции после Прессбургского мира; обострение кризиса в балканских владениях Османской и Австрийской империй; события в Далмации, Боке Которской, Черногории, Герцеговине, Сербии и Валахии в 1805–1807 гг.; начальный период Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. и его влияние на развитие освободительного движения балканских народов; замыслы петербургского двора установить «новый» порядок на Балканах, предусматривавший создание сербского, черногорского и греческого государств в составе Османской империи; планы по взаимодействию российских войск с силами освободительного движения на Балканах.

Отечественная историография достигла значительных успехов в изучении истории Первого сербского восстания. Однако научная разработка этой проблематики должна продолжаться. До сих пор еще недостаточно исследованы проблемы экономического развития тогдашнего сербского общества, необходимо продолжить изучение развития национальной идеологии в ходе Первого сербского восстания, проблемы взаимоотношений повстанцев и европейских держав, прежде всего Австрии и России. Требуется дальнейшего изучения и вопрос о социально-экономической характеристике Первого сербского восстания и его воздействии на дальнейший ход сербской истории.

Примечания

¹ Яковкина Н. И. Русско-сербские отношения. 1804–1812 гг. Л., 1951. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук; Казаков Н. И. Из истории русско-сербских отношений в начале XIX в. // Доклады и сообщения (Ин-т истории АН СССР). М.; Л., 1954. Вып. 3; Достян И. С. Россия и балканский вопрос. М., 1972; Зеленин В. В. Русская политика в сербском вопросе и борьба сербского народа за автономию в конце XVIII — начале XIX в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1953; Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг. М., 1983.

² Достян И. С. Россия и балканский вопрос. М., 1972;

³ Грачев В. П. Начальный этап русской политики в отношении Первого сербского восстания 1804–1813 гг. (1804–1807 гг.) // Југословенске земље и Русија за време првог српског устанка 1804–1813. — Научни скупови Српске академије наука и уметности. Књ. XVII. Одељење историјских наука. Књ. 4. Београд, 1983.

⁴ Грачев В. П. Указ. соч. С. 200.

⁵ Грачев В. П. Некоторые вопросы политики русского правительства в отношении Сербского восстания 1804–1813 годов // Советское славяноведение. 1987. № 2.

⁶ Грачев В. П. Матия Ненадович и первая сербская депутация в Россию в 1804 г. // Прота Матија Ненадовић и његово доба. Београд, 1985.

⁷ Казаков Н. И. Из истории русско-сербских отношений в начале XIX в.; *Он же*. Внешняя политика России перед войной 1812 года // 1812 год. К столетию Отечественной войны. М., 1962; *Он же*. Проект привлечения народов Балканского полуострова к борьбе против наполеоновской агрессии в 1812 году // Там же; Нарочницкий А. Л., Казаков Н. И. К истории Восточного вопроса (О целях России и Франции на Балканах в 1807–1808 гг. // Новая и новейшая история (далее — НИИ). 1969. № 6; Нарочницкий А. Л. Россия, Сербия и Черногория в начале XIX в. // НИИ. 1980. № 3; *Он же*. Характер и значение Первого сербского восстания 1804–1813 гг. // НИИ. 1981. № 4.

⁸ Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. М., 1980–1983. Кн. 1–II.

⁹ Достян И. С. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980; *Она же*. Русско-югославянские общественные связи в период сербской революции 1804–1813 гг. // Югословенске земље и Русија за време првог српског устанка 1804–1813...; *Она же*. Из истории русско-сербских связей в начале XIX в. // Советское славяноведение. 1970. № 5; *Она же*. Национально-освободительное движение южных славян и русская общественная мысль первой четверти XIX в. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII международный съезд славистов. Загреб—Любляна. Сентябрь 1978. Доклады советской делегации. М., 1978; *Она же*. Српска тематика у руској публицистици прве трећине XIX века // Зборник за историју Матице Српске. Нови Сад, 1982. № 26; *Она же*. Балканские проблемы в русской общественной мысли (конец XVIII — первая четверть XIX в.) // Балканские исследования. Вып. 9. М., 1984.

¹⁰ Наумов Е. П. Из истории русско-сербских культурных связей конца XVIII — первой трети XIX в. // Балканские исследования. Вып. 10. М., 1987.

¹¹ Лециловская И. И. Русские связи Досифея Обрадовича в годы Первого сербского восстания // Там же; *Она же*. Досифей Обрадович // Вопросы истории. 1986. № 9.

¹² Бажова А. П. Карагеоргий в России; Достян И. С. Русско-югославянские общественные связи в период сербской революции 1804–1813 гг.; Хитрова Н. И. Из истории русско-черногорских отношений в начале XIX в.; Казаков Н. И. Проект адриатической экспедиции адмирала П. В. Чичагова в 1812 г. и русско-сербские взаимоотношения в период ее подготовки // Югословенске земље и Русија за време првог српског устанка 1804–1813...

¹³ Грачев В. П. Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. М., 1990.

Часть II

**СЕРБСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ
В XIX — НАЧАЛЕ XX В.**

Русская дипломатия и планы государственного устройства Сербии в первой половине XIX в.*

Первое сербское восстание 1804–1813 гг. дало мощный импульс к возрождению сербской государственности, созданию планов по устройству автономии. После Второго сербского восстания 1815 г., когда между османскими властями и сербским князем Милошем Обреновичем возник новый тип отношений, имевший в своей основе пока лишь устную договоренность, процесс государственного строительства приобрел более конкретные черты.

Еще в начале XIX в. в России появились достаточно многочисленные планы по созданию так называемого славяно-сербского государства. Такие проекты были разработаны видными деятелями русской общественной мысли А. А. Самборским, В. Н. Каразиным, В. Ф. Малиновским¹. Однако все эти проекты имели гипотетический характер, являясь не более чем отражением политических симпатий определенной части русского просвещенного общества.

Ситуация коренным образом изменилась после 1815 г. Князь Милош заключил с Портой ряд договоров. К тому же развитие русско-турецких отношений привело к тому, что новый российский посланник в Константинополе Г. А. Строганов получил возможность начать дискуссию с османским правительством по сербскому вопросу. Основу сербских и русских требований составила VIII статья Бухарестского договора, на выполнении которой могла с полным основанием настаивать российская сторона.

---

* Статья публикуется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект «Геополитические факторы во внешней политике России»

Григорий Александрович Строганов прибыл в Константинополь в 1816 г., к тому времени уже имея опыт дипломатической службы. Он был выходцем из старинного дворянского рода и по своему воспитанию и кругу дружеского общения Строганов принадлежал к либерально настроенной части российского дворянства. Достаточно упомянуть его двоюродного брата П. А. Строганова — одного из «молодых друзей» императора Александра I. В российском Министерстве иностранных дел Строганов имел покровителя — второго статс-секретаря И. Каподистрию, который, будучи сторонником решительных действий на Балканах, выдвигал идею мессианистской роли России среди славянских народов и полагал, что ниче́го не добиваются от Порты только с помощью слов.

Значительной помощью в выработке программы политического устройства будущего Сербского государства явилось составление российским посланником текста прошения сербских депутатов Порте и непосредственное руководство депутацией в Константинополе. При составлении прошения Строганов исходил из полученных им инструкций российского МИД, которые содержали примерное изложение основных принципов устройства автономного государства. Одновременно посланник старался учитывать особенности местной обстановки, а также конкретные предложения сербов, приславших ему свои разработки аналогичного плана.

Российский проект подразумевал издание султанского хатт-и-шерифа. Этот турецкий документ, по плану российских властей, должен был утвердить самостоятельность внутреннего управления края. «Каждое селение в Сербии выберет своего главу, — говорилось в Проекте, — собрание всех кнезов Сербии будет иметь право, как это было во все времена, назначать глав областей»². Главы селений и областей должны избираться пожизненно, за Милошем Обреновичем утверждается наследственный титул «князя». Высшие церковные власти, кнезы и сенаторы составят Сенат: «Административные законы и постановления обсуждаются и утверждаются сенатом по предложению князя или министров». Сбор подати отдается в руки местных властей, утверждается твердая сумма общего налога — таковы основные положения российского проекта. Окончательную форму ему должен был придать Строганов, конкретизируя и дополняя его соответственно пожеланиям сербов, соизмеряясь с их обычаями и законами.

В «Замечании» к предложенному тексту российское правительство попыталось обосновать выгоды от преобразования Сербии на автономных началах для Турции и Австрии. В результате появления хатт-и-шерифа, говорилось в нем, Порта обретет преданных подданных, готовых защищать свои новые права с оружием в руках в случае войны Османской империи с какой-либо державой³. Порта сможет рассчитывать на признательность сербов, не опасаясь влияния России, к помощи которой они прибегали ра-

нее, находясь в бесправном положении. Новое политическое состояние Сербии должно было послужить для Австрии гарантией прекращения вооруженных выступлений, имевших «пагубное» влияние на умиротворения славянских подданных Габсбургов. Таким образом, автономное управление Сербии должно было, по мысли политиков из Петербурга, удовлетворять требованиям как самих сербов и их турецких сюзеренов, так и обеспечить политическую стабильность на Балканах, в которой заинтересованы такие державы, как Австрийская и Российская империи. Безусловно, российские политики лукавили, чего не могли не замечать их европейские коллеги.

К 1820 г. Г. А. Строганов по просьбе сербов разработал и передал Порте прошение по организации внутреннего управления Сербией. Ранее здесь уже был разработан план внутренней автономии — крайне несовершенный, разрозненные статьи которого не были завершены. По просьбе Строганова этот план был представлен ему и подвергнулся значительной корректировке. В частности, сербы совершенно упустили из вида важный пункт о возвращении Сербии ее исконных территорий — шести нахий, отторгнутых турками после подавления Первого сербского восстания в 1813 г. В то же время главной целью сербского плана было утверждение Милоша наследственным кнезом Сербии⁴.

Составленный Строгановым «Проект прошения от народа сербского на имя Порты Оттоманской» существенно отличался от более ранних сербских документов⁵. Посланник суммировал все, на его взгляд, наиболее важные требования и выразил их четко, логично, акцентируя внимание на тех условиях, выдвинуть которые ему вменялось в обязанности последними инструкциями российского МИД. Во-первых, Строганов убеждал Милоша в необходимости борьбы за возвращение Сербии отторгнутых областей. Если земли эти принадлежали сербам «при заключении Бухарестского трактата, в VIII статье коего о сербах вообще, а не о части оных говорится, то несправедливо было бы отлучать сих жителей вышеупомянутых 6 пределов от прочих соотчичей... Вы и народ ваш не только в праве, но еще и обязаны просить о восстановлении сих границ», — убеждал Строганов сомневающегося в правомерности подобного требования Милоша⁶. Эти же сообщения посланник сообщал И. Каподистрии в Петербург: если воевавшие против Порты округа получают выгоды по VIII статье договора, то тем более они должны распространяться на население округов, не принимавших участия в восстании.

Во-вторых, российский посланник построил свой документ таким образом, что османское правительство должно было принять его как закономерное следствие русско-турецких соглашений. В предисловии указывалось, что «спокойствие и благосостояние» сербского народа «по сие время еще

подвержены политическим прениям между Оттоманскою Портою и соседственными с нею державами». Под «соседственными державами» подразумевалась Россия, а под «политическими прениями» — русско-турецкая дискуссия. Таким образом, не упоминая прямо Бухарестского договора, Порте давалось понять, что сербы знают правомочность своих «нижайших» просьб к султану.

Оставив первым пунктом своего документа свободу богослужения, вторым Строганов все же называет наследственность княжеской власти Обреновича. Это объясняется тем, что отношения между Милошем и российским правительством еще не были испорчены, хотя посланник и подозревал Милоша в ведении двойной игры — с Россией и Турцией. Однако сербский князь еще пользовался доверием Петербурга.

Исправляя просчеты старых прошений, в третьем пункте Строганов обозначил важный вопрос о едином налоге в старых границах Сербии: «Сербы просят, чтобы сии разные подати, собираемые по существующим ныне законам и обычаям, соединены были в одну сумму ежегодной дани, коей количество назначено будет с обоюдного согласия Порты и сербов и вносимых в два срока». В проекте говорилось, что сумма налога должна быть распределена «на всю землю сербскую» и перечислялись пограничные пункты Сербии по ее старым рубежам. Таким образом, «вся сербская земля» обозначала Сербию времен Карагеоргия и Бухарестского мира.

После этого Строганов ставит вопрос об органах внутреннего управления, которое, по его плану, должно находиться «в руках народа, князя, народного собрания, Сената и старейшин»⁷. Члены Сената и старейшины должны оставаться «при местах своих пожизненно». Эта мера, по мнению Строганова, должна была в какой-то степени ограничить самовластие князя. Ежегодные собрания старейшин призваны распределять сумму налога, «а равно и всех доходов и расходов общественных». Строганов постарался избежать мелочной регламентации обязанностей должностных лиц и служб государственного аппарата, которые должны были исполняться согласно «законам, обрядам и обычаям» сербского общества. Посланник считал, что в своем проекте он утверждает главные принципы самоуправления, а не его частности, которые должны решаться на местах.

Особой статьей мусульманам запрещалось селиться в Сербии, где оставались еще военные турецкие гарнизоны. Сохранялось важное для сербов требование иметь «агента при Блистательной Порте». В заключении содержалось положение, сформулированное в инструкциях из Петербурга: давая сербскому народу «права и преимущества», Порта «утвердит приверженность к себе сербов, а вместе и безопасность пределов своей империи». Смысл его состоял в том, чтобы еще раз напомнить османскому правительству о выгодах добровольного решения сербского вопроса. Строганов взял

на себя ответственность изменить некоторые положения инструкций: в результате в проекте не осталось ссылок на политическое устройство Дунайских княжеств. «Порта испугается, увидев, что сербы требуют прав, которыми пользуются Валахия и Молдавия и которые обеспечивают этим народам независимость и явное покровительство России», — докладывал Строганов в МИД⁸.

Русский проект 1820 г. лег в основу всех последующих документов, касающихся политического статуса Сербии. Нельзя согласиться с мнением некоторых сербских ученых, полагавших, что Строганов являлся лишь участником сербо-турецких переговоров⁹. При этом зачастую умалчивается тот факт, что российский посланник явился автором представленных Порте документов. Невозможно правильно оценить содержание и значение первых сербских требований османскому правительству, исключив аспект русской помощи — это в первую очередь ведет к искажению всей дальнейшей истории развития сербских законопроектов.

Именно на проект 1820 г. опирался новый российский посланник в Константинополе Александр Иванович Рибопьер, когда вступил в переговоры с Портой относительно необходимости выполнения условий Аккерманской конвенции 1826 г.

А. И. Рибопьер представлял собой совсем иной тип дипломата. Куртуазный придворный, воспитанный при дворе Екатерины II, посланник установил обычай широких дипломатических приемов на берегах Босфора, куда тайком приезжал сам султан. Для турок роскошь приемов российского посланника символизировала всемогущество российской державы, что сыграло на руку миссии нового посланника. Он оказался достойным продолжателем дел, не законченных Строгановым, в том числе это касалось разработки программы государственного устройства для Сербии.

В инструкции, полученной Рибопьером в Петербурге, подчеркивалось, что российская дипломатия должна испытывать особую ответственность за судьбу сербов, полностью доверивших ее России¹⁰. Посланнику предлагалось установить связь с Милошем и поддерживать его требования перед Портой. Особое внимание уделялось проблеме возвращения шести округов: «Ничто не кажется более справедливым, как возвращение этих округов, часть которых управляется турками и сербами сообща, в то время как остальные поделены между пашами».

Предвидя активное вмешательство российского представителя в урегулирование сербского вопроса, Порта поспешила уверить прибывших в Константинополь депутатов в своем твердом намерении решить все их дела «прежде, нежели российский посланник... начнет бомбардировать нотой»¹¹. Однако никаких практических мер со стороны османского правительства не последовало. Это объяснялось отсутствием единой точки зре-

ния у посланника и депутатов относительно характера выдвигаемых перед Портой требований.

По указанию Милоша одним из центральных вопросов сербо-турецких переговоров должно было стать требование предоставления наследственной власти семейству Милоша Обреновича. В переданном султану прошении этой статье уделялось особое внимание. Оправдываясь перед российским посланником, депутаты говорили, что не намерены отступить от положений Аккерманской конвенции, делая исключение лишь для вышеупомянутой статьи¹². Российский посланник не одобрял упорного стремления князя добиться привилегий прежде всего для себя. Он считал, что в данный момент существовали более важные проблемы, урегулирование которых было жизненно необходимо для Сербии. Кроме того, претензии Милоша могли завести переговоры в тупик, натолкнувшись на сопротивление Порты, по мнению которой ничто не было более «противно званию подданного Османской империи», чем утверждение его единоличной власти среди «райи»¹³. В Петербурге также полагали, что выполнение этого требования Милоша зависит исключительно от Порты и что российский представитель не должен самостоятельно выдвигать или поддерживать подобное требование, не обусловленное ни Бухарестским трактатом, ни Аккерманской конвенцией¹⁴. В инструкциях из Петербурга советовалось не только не потакать притязаниям сербского князя, но и решительно уклоняться от обсуждения этой проблемы: «Милош настаивает на продолжении исполнения им функций князя и на этом титуле. Второе... в настоящее время не рассматривается императорской миссией»¹⁵.

В конце августа 1827 г. посланник подготовил «Записку относительно характера верховной власти в Сербии»¹⁶. Записка лишь частично отвечала своему названию — в основном документ был посвящен другим вопросам: возвращению округов и обоснованию требования объединения всех податей в единый налог. Вместе с тем Рибопьер устранился от вмешательства в тяжбу между сербами и турками относительно наследственных прав семьи Обреновичей.

Эта инструкция, подготовленная для передачи сербским депутатам, в основном повторяла все пункты проекта Строганова. Она касалась свободы богослужения, восстановления старых границ, внутреннего управления, объединения налогов, свободы торговли и запрета турецких поселений. В то же время подготовленный Рибопьером документ имел свои особенности: посланник устранился от обсуждения вопроса о верховной власти в Сербии, подчеркивая, что российская сторона отнюдь не настаивает на этом пункте, как не оговоренном официальными русско-турецкими документами. В то же время российский представитель ничуть не сомневался в том, что сами сербы включают это требование по своей собственной воле.

Территориальный вопрос получил при Рибопьере окончательную четкость. Теперь сербы могли указать каждый подлежащий возвращению уезд поименно. Границы Сербии, указанные Рибопьером, упоминались в дальнейшем во всех сербских документах вплоть до топографического обследования Сербии, выполненного русскими офицерами в начале 30-х гг. XIX в.

Большое внимание в документе уделялось вопросам экономического развития Сербии, подразумевавшее расширение частного и государственного предпринимательства и установление свободы торговли.

Планы двух российских посланников не были претворены в жизнь в течение их пребывания в Константинополе. Деятельность первого была прервана начавшимся Греческим восстанием, а второго — Русско-турецкой войной 1828–1829 гг. Однако основы государственного устройства Сербии были разработаны и документы эти находились в руках у сербских представителей. Внешнеполитические обстоятельства не способствовали их быстрой реализации, к тому же еще не были устранены внутренние противоречия в сербском обществе, но главные направления дальнейшего развития Сербии были в основном определены.

Во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. вопрос о судьбе славянского населения Европейской Турции рассматривался российским правительством уже не в качестве отвлеченной проблемы, но первостепенной по важности задачи настоящего момента. Победа над армией султана не вызвала никакого сомнения, и следовало озадачиться вопросом о том, какое политическое устройство могут получить народы освобожденных Балкан. Для решения этих проблем в сентябре 1829 г. в Петербурге собрался Особый комитет, призванный выработать основные направления российской политики в Османской империи. Члены комитета во время его заседания еще не знали о том, что И. И. Дибич уже подписал с Портой мирный договор, и рассматривали перспективы русско-турецких отношений в свете продолжавшихся военных действий на Балканах. Итак, русская армия наступает на Константинополь и уже достигла Адрианополя — древней резиденции османов. Отдавая дань царившему представлению о крайней слабости Оттоманской империи, комитет рассматривал вопрос о дальнейшем существовании — или распаде — Турции и судьбе ее европейских провинций.

В заседании Комитета 4 сентября 1829 г. приняли участие: председатель Государственного совета В. П. Кочубей, граф А. Чернышев, князь А. Голицын, граф П. Толстой, К. В. Нессельроде и Д. В. Дашков. На заседании был рассмотрен целый ряд представленных документов: меморандум Нессельроде, предложения И. Каподистрии, частные мнения наиболее авторитетных послов России в Англии и Франции — Х. А. Ливена и К. О. Поццо ди Борго. Однако центральным вопросом обсуждения стала записка Д. В. Дашкова, составленная им еще весной 1828 г.¹⁷

Будущее государственное устройство народов Балканского полуострова подробно проанализировано в записке И. Каподистрии, написанной им 19(31) марта 1828 г. Он предлагал разделить Европейскую Турцию на пять государств — Дакию, включающую в себя Валахию и Молдавию, Сербию (Болгария, Сербия и Босния), Македонию (Фракия и Македония), Эпир (Албания) и Грецию. Все эти государства должны объединиться в конфедерацию. Константинополь объявлялся вольным городом¹⁸. Поскольку все эти территории населены в основном христианскими народами, Каподистрия не ставил вопрос об устройстве какой-либо мусульманской области на Балканах.

Самое пристальное внимание присутствующих привлекла «Записка» Д. В. Дашкова, составленная им еще до начала военного конфликта между Россией и Османской империей. Автор убедительно доказывал невыгодность для российской политики распада империи османов, ибо славянские государства, которые могли бы здесь возникнуть будут еще настолько слабы, что с большой долей вероятности окажутся под влиянием европейских держав, значительно укрепивших на Балканах свое политическое присутствие. Все это невыгодно, прежде всего самой России, поэтому существование слабой Османской империи отвечает интересам российской внешней политики в этой регионе. Как видно из одобренного документа Дашкова, о создании славянских государств на обломках империи на этот раз речь не шла.

Правящие круги России не могли скрыть своего недовольства, наблюдая за событиями в Сербии после прихода к власти уставохранителей. Ситуация в Княжестве стала развиваться не по тому сценарию, который был задуман российскими властями. В целом положение об ограничении авторитарной власти Милоша входило в виды российских чиновников, однако это должен был сделать документ, ничем не напоминающий европейские конституционные акты. Сербская историография отмечает, что вопрос о сербском Уставе вызвал такую заинтересованность России, словно речь шла не о турецкой, а о российской провинции¹⁹. На Сретенской скупщине в феврале 1835 г. Милош был вынужден объявить о принятии Устава Сербии. По этому документу страна провозглашалась независимым княжеством «по признанию султана Махмуда II и императора Николая I»²⁰. Наряду с князем власть в Сербии принадлежала Государственному совету, состоявшему из шести попечителей и неопределенного числа советников. Сохранялась скупщина — общее собрание представителей всех областей страны. Уничтожалась феодальная повинность — кулук, бесплатные работы населения на хозяина или государство. Большое внимание в Уставе уделялось регламентации княжеской власти и ее наследования семьей Обреновичей. Проект Устава был написан ближайшим помощником князя Д. Да-

видовичем, одним из самых образованных людей Сербии того времени, под непосредственным контролем Милоша и с учетом его интересов.

Принятый Устав не был претворен в жизнь, его действие закончилось, не успев вступить в силу. Милош отменил его через полтора месяца после принятия по целому ряду причин. Во-первых, этого требовала как Россия, так и сама Порта. Во-вторых, Милош был вынужден пойти на принятие Устава лишь по настоянию оппозиции. После того как вопрос о правомерности документа стал предметом дискуссии между российскими и османскими властями, сербский князь имел основания «повиноваться» им, отменив ненавистную «конституцию». Пока принятый документ оставался в силе, Милош пытался получить рекомендации относительно его содержания у российского посланника в Константинополе. Он просил А. П. Бутенева сделать замечания и поправки к Уставу, дать его «самый подробный разбор»²¹. Однако посылая Бутеневу принятый документ, Милош не без оснований рассчитывал получить негативный отзыв, зная отношение покровительствующей державы к любым «конституциям».

Следующим этапом по подготовке конституционного законодательства для Сербии была деятельность П. И. Рикмана, который в 1835 г. внес исправления в отмененный Милошем Сретенский Устав. С целью оказать влияние на внутривластную обстановку в Сербии туда был послан генеральный консул в Бухаресте барон Петр Иванович Рикман. Выбор Рикмана для этой миссии был явной ошибкой петербургских властей. Во-первых, он избрал неверную линию поведения с князем: он вел себя надменно и разговаривал свысока как с Милошем, так и со старейшинами. Во-вторых, он пытался убедить сербское руководство в том, что княжество не является самостоятельным государством и ему не требуется ни Устав, ни государственные знаки отличия, такие как герб и знамя. Наконец, Рикман был немец, а в Сербии с предубеждением относились ко всем не исконно русским, пребывающим из России. Но главной ошибкой царского представителя было то, о чем выразительно сказал соратник Милоша Й. Живанович: «Он хочет, чтобы все осталось по-старому. Старого нет».

Замечания Рикмана касались статей о развитии внутренней торговли, промышленности, а также системы образования. Выступая противником каких-либо «конституций», подобных западным, российские власти были в первую очередь заинтересованы ограничить личную власть Милоша выборным органом. В этом российское правительство солидаризировалось с требованием оппозиции, которое заключалось в ведении статьи о «собрании, состоящем из сербских властей». Российский посланник направил Милошу пространное послание, в котором попытался предотвратить «пагубные неудобства, какие повлекло бы за собою введение в Сербии новой законодательной системы, основанной на подражании иноземцам, домаш-

ний быт и степень образованности которых не имеет почти ничего общего с положением в Сербии»²². Законодательство этой земли, полагал Бутенев, должно соответствовать старинным правилам, принятым в стране. Милош, в свою очередь, требовал от составителей Устава В. Лазаревича и Й. Хаджича, чтобы «законы... сходны были монархическим началам», ссылаясь на покровительство монархий — Османской империи, Австрии и России²³.

Вторая попытка повлиять на развитие событий путем личных внушений князю была предпринята через два года. Князь, царский адъютант, представитель древнейшей аристократической русской фамилии, Василий Андреевич Долгорукий прибыл в Сербию 24 октября 1837 г. В отличие от Рикмана, он был хорошо принят как Милошем, так и лидерами оппозиции. Отчасти благоприятное впечатление произвел тот факт, что из России приехал занимающий высокое положение в обществе уроженец старинного рода. Долгорукий пытался объяснить Милошу пагубность его ориентации на Великобританию, помирить князя с оппозицией и довести до его сведения мнение императора о несовместимости либеральных конституционных нововведений с традицией княжеского правления в стране. Однако время, когда российские чиновники могли руководить сербской политикой из Петербурга, прошло безвозвратно. Сам метод общения покровительствующей державы с княжеством путем посылки отдельных миссий не мог дать желаемых результатов.

Осенью 1838 г. в Константинополе шла работа над составлением нового Устава для Сербии. Бутенев не вмешивался в процесс подготовки, оговорив для себя право «одобрить» его окончательный вариант. Российский посланник, будучи по должности и по убеждению противником всяческих «конституций», не мог не видеть того растущего противодействия князю, которое было готово вылиться в открытое столкновение. Сербы, прибывшие из Австрии, как наиболее образованная часть общества, выступили противниками Милоша, поскольку сами претендовали на часть той власти, которую сосредоточил в своих руках князь. Все они поддержали российскую дипломатию в ее конфликте с Милошем, поскольку были уверены, что конституционный режим откроет им дорогу к высшим должностям в княжестве. В турецкой столице еще с лета 1838 г. находились Й. Живанович, Й. Спасич и А. Петрониевич²⁴. Они должны были утвердить текст Устава, который предоставит им Порты. Турецкое правительство поддержало противников Милоша: Устав, получивший название «турецкого», был послан в Сербию в форме хатт-и-шерифа.

Излишняя «революционность» конституционных документов, против которой выступала Россия, являлась нежелательной и для князя, видевшего в ней угрозу своей личной власти. В этой связи Милош нашел единомышленника в лице английского консула Ходжеса, который поддержал автори-

тарные устремления князя. Сербский исследователь Р. Люшич приходит к выводу о том, что Россия и Англия, будучи соперниками в Сербии, добились одного и того же — установления в княжестве ограниченной монархии. Умеренная либерализация государственного строя была выгодна и той, и другой стороне. Они выбрали орудием своей политики одна — Милоша, другая — оппозицию. Великобритания поддерживала ограниченную монархию, а Россия — аристократическую форму правления²⁵. Пытаясь взять под контроль разработку Устава, российский кабинет претворял в жизнь свои планы по устройству княжества: князь должен был управлять внутренними делами наряду с учрежденным Советом. Скупщина остается традиционным органом народного представительства.

Таким образом, принципиальный для Милоша Обреновича вопрос о наследственной власти своей семьи тщательно обходился российской стороной. Статья об учреждении Сената и Совета присутствовала еще в хатт-и-шерифах 30-х гг. Если план Строганова еще упоминал о наследственной власти, то все последующие документы не включали в себя этого требования. Более того, российские власти предпринимали определенные усилия для того, чтобы данный пункт не упоминался в официальных документах как направленных Порте от имени сербских депутатов, так и исходящих от нее.

Позиция российского руководства становилась все более жесткой по мере ухудшения русско-сербских отношений. Достаточно мягкая точка зрения Строганова в этом вопросе сменилась нейтральностью Рибоьера и жестким противодействием Рикмана в 1838 г. Напомним, что к этому времени в Сербии усилилось политическое влияние английского представителя, и позиция российской стороны, будучи антикняжеской по форме, являлась антианглийской по своей сути. Безусловно, данная расстановка сил не отражала реальных политических симпатий как английского, так и российского правительств и была направлена на достижение собственного политического превосходства, учитывая сложившуюся расстановку внутриполитических сил в княжестве. Двойной стандарт внешнеполитического поведения был характерен для всех без исключения участников большой европейской политики.

Что касается России, то ко времени принятия Устава в Сербии она уже не была новичком в разработке конституционных проектов для государств, представляющих для нее непосредственный интерес. Так, в 1800 г. адмирал Ф. Ф. Ушаков принял участие в разработке конституции для республики Семи Соединенных Островов. В 1834 г. П. Д. Киселев способствовал принятию Органических регламентов в Дунайских княжествах. Демонстрируя подобные политические симпатии, российскому правительству трудно было назвать безосновательными обвинения западных держав в подготовке им двух греческих революций — 1821 и 1845 гг. Если отдельные

представители общественных кругов России хотя бы опосредственно были причастны к первой, то ко второй они были причислены лишь благодаря предвзятому мнению европейских политиков.

Таким образом, поддержка планов конституционного устройства Сербии явилась очередным подтверждением той достаточно гибкой политики, которая проводилась российскими правящими кругами на Балканах. Она подразумевала создание здесь национальных государств, ориентированных на Россию. Та внешнеполитическая позиция, которая была продемонстрирована Петербургом как при подготовке Портой ферманов 1830 и 1833 гг., так и при разработке «турецкого» Устава 1838 г., позволила российскому правительству выступить в качестве поборника освобождения Сербии, сохранив при этом лидерство среди других европейских держав. «Турецкий» Устав стал плодом соглашения между Портой, Россией и уставобранителями. В результате его принятия Россия осталась покровительствующей державой, ослабив власть Милоша, и обеспечив свое влияние на правящую верхушку княжеской оппозиции.

Внутриполитическое развитие Сербии, та борьба, которая развернулась между князем и оппозицией, не способствовали в дальнейшем удержанию Россией своего лидерства в княжестве. В то же время устойчивый штамп, применяемый к характеристике Российской империи как «жандарма Европы» и принятый прежде всего по отношению к ее западной политике 30–40-х гг. XIX в., на наш взгляд, можно подвергнуть сомнению благодаря внешнеполитическим программам российского МИД на Балканах.

Примечания

¹ См.: *Достян И. С.* Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980.

² *Гаврилович М.* Милош Обренович. Кн. 1. Приложение II. Canevas de la requête que les Serviens pourraient présenter à la Porte.

³ Там же. Observation.

⁴ Там же. Прил. IV. С. 539–542. Височајшеј Порти от Народа Сербскога покорнејше прошение.

⁵ Там же. Прил. V. С. 542–547. Проект прошения от народа сербского на имя Порты Оттоманской.

⁶ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1278. Д. 90. Л. 78–79 об. Г. А. Строганов — Милошу Обреновичу. 15 июля 1820 г.

⁷ *Гаврилович М.* Указ. соч. С. 545.

⁸ Там же. Прил. VI. Observation sur le projet de la requête de serviens a la Porte, transmise a Miloch Obrenovitch par le Baron de Stroganoff.

⁹ *Кандић Љ*. Положај Совјета по уставним пројектима у првој половини XIX века до уставобранитеља // Историјски гласник. Београд, 1972. Бр. 1. С. 11.

¹⁰ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Канцелярия. Д. 2359. Л. 16. Инструкции К. В. Нессельроде А. И. Рибопьеру. 12 ноября 1826 г.

¹¹ Там же. Д. 2360. Л. 652. Выписка из письма М. Германа А. И. Рибопьеру. 1 мая 1827 г.

¹² Там же. Л. 650–650 об. Выписка из письма сербских депутатов к тайному советнику Рибопьеру. 4 мая 1827 г.

¹³ Там же. Л. 355–355 об. А. И. Рибопьер — К. В. Нессельроде. 26 марта (7 апреля) 1827 г.

¹⁴ Там же. Д. 2367. Л. 77–78. К. В. Нессельроде — А. И. Рибопьеру. 27 марта 1827 г.

¹⁵ Там же. Д. 2359. Л. 28 об. Инструкция К. В. Нессельроде А. И. Рибопьеру. 12 ноября 1826 г.

¹⁶ Там же. Д. 2363. Л. 481–482 об. Записка А. И. Рибопьера сербским депутатам относительно верховной власти в Сербии.

¹⁷ Подробнее см.: Очерки по истории Российского Министерства иностранных дел. Т. 1. М., 2002.

¹⁸ Меморандум 4 сентября 1829 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. Д. 1098. Л. 35–38. Extrait d'une depech du Compté Capodistrias du 19(31) mars 1828.

¹⁹ *Љушић Р*. Кнежевина Србија (1830–1839). Београд, 1986. С. 155.

²⁰ *Попов Н. А.* Россия и Сербия. Ч. 1. М., 1869. С. 322.

²¹ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 1/517. 1834 г. Д. 2677. Л. 16–16 об. Милош Обренович — А. П. Бутеневу. 13 марта 1835 г.

²² АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 40. Л. 128–128 об. А. П. Бутенев — Милошу Обреновичу. 19 июля 1837 г.

²³ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2681, Л. 34 об. Милош Обренович — В. Лазаревичу и Й. Хаджичу. 12 апреля 1837 г.

²⁴ Историја српског народа. Т. 1. Београд, 1981. С. 133.

²⁵ *Љушић Р*. Указ.соч. С. 373.

Сербы Воеводины. Конец 40-х — начало 50-х гг. XIX в. По запискам М. Ф. Раевского

Михаил Федорович Раевский являлся настоятелем церкви при российском посольстве в Вене с 1842 по 1884 г. За это время он очень много сделал для укрепления общественных и научных связей между славянскими народами Австрийской империи и Россией. В данной статье я остановлюсь только на одном направлении его деятельности, а именно на отношении Раевского с сербами Воеводины со времени его прибытия в Вену и до начала Крымской войны. Несмотря на назначение в Вену еще в 1842 г., Раевский приехал в нее только в 1843 г.¹ С самого приезда в столицу Австрийской империи Раевский был очарован ею. «Я ехал жить в Германию и представлял Вену напр(имер) Берлином, — писал он чешскому национальному деятелю В. Ганке в 1843 г., — но до сих пор не нахожу здесь ничего подобного между сими городами: ни в духе жизни, ни в характере народа — ни в чем! Это что-то свое, отдельное и, признаюсь, интересное для изучения... Здесь смесь племен, одежд, религий. Кажется, жить в Вене мне будет приятно»².

Раевский приехал в Вену накануне революции 1848 г., когда национальные движения славян переживали период перехода от просветительства к борьбе за политические права. Уже в первые месяцы своего пребывания в Вене он начинает знакомиться с положением в славянских землях и делает это, скорее всего, не без ведома посольства. Так, он едет в Прагу, центр чешского возрождения, и устанавливает там связи с В. Ганкой. Переписка с ним Раевского продолжалась с 1843 по 1860 г., т. е. вплоть до смерти чешского просветителя. Накануне революции русский священник знакомится с видным словацким деятелем Л. Штуром, с крупнейшими учеными-славистами, проживавшими в Вене, сербом Вуком Караджичем и словенцем Францем Миклошичем, с молодым хорватским священником Йосипом Штротсмайером. Дом Раевского стал центром, где встречались славянские национальные деятели и русские ученые, в нем бывали и крупные балканские

политические деятели: бывшие князья Сербии Милош и Михаил Обреновичи; черногорский митрополит, знаменитый сербский поэт Петр II Негош.

Особые симпатии Раевский питал к сербам как к народу, близкому русским не только по языку и обычаям, но и по вероисповеданию. Он был в близких отношениях с Карловацким митрополитом Иосифом Раячицем, который 28 сентября 1847 г. посвятил его в сан протоиерея. Такое событие произошло впервые в истории русско-сербских церковных контактов³.

К началу революции Раевский уже пользовался определенным авторитетом у славянских национальных деятелей, и они рассчитывали на его сочувствие. Когда встал вопрос о Славянском съезде в Праге, созывавшемся в противовес немецкому Франкфуртскому собранию, в числе русских, приглашенных на него, имя Раевского стояло на первом месте. Но Раевский, скорее всего из-за боязни быть вовлеченным в водоворот революционных событий, в Прагу не поехал, а в начале июля отправился в отпуск в Россию. Возвращение его в Вену задержалось из-за октябрьского восстания в Вене, и он прибыл на место своей службы только в начале ноября.

С этого времени Раевский стал посылать своим высоким покровителям в России записки о положении дел в Австрийской империи, прежде всего в ее югославянских землях. Эти записки посылались обычно графине Антонине Дмитриевне Блудовой, фрейлине императрицы Александры Федоровны и дочери главноуправляющего Второго отделения собственной его императорского величества канцелярии, графа Дмитрия Николаевича Блудова. Заметки помимо самой графини предназначались и графу Блудову, а также обер-прокурору синода графу Н. А. Протасову и великой княгине Елене Павловне, жене Михаила Павловича, родного брата царя. Раевский, по-видимому, посылал иногда свои записки Елене Павловне и через А. С. Норова, русского литератора и чиновника министерства народного просвещения. Во всяком случае, последний замечал в письме Раевскому от 21 августа 1848 г., что Елена Павловна «сама изволила мне вручить для передачи Вам Вашу рукопись и весьма милостиво изъявила свое благоволение Вашему труду»⁴.

Самое большое количество материала в записках Раевский отводил сербам — и он сам, и его высокие покровители интересовались главным образом православными славянами. Свой материал русский священник черпал из газет, из своих личных наблюдений, но более всего из бесед с местными сербскими национальными деятелями. В одном из писем Блудовой он замечал: «Писал, как знал сам и видел, как советовал мне патриарх и другие здесь находившиеся сербы, со всеми я почитал нужным посоветоваться, чтобы не быть односторонним»⁵. Итак, из тех, с кем советовался Раевский, на первое место он ставил Раячича, провозглашенного патриархом на сербской Майской скупщине в 1848 г. Несомненно, он получал сведения от про-

тоиерея Павле Стаматовича, видного сербского просветителя, издававшего альманах «Српска пчела». Стаматович активно участвовал в событиях революции: он был заместителем председателя Славянского съезда в Праге, доверенным лицом патриарха при хорватском бане Й. Елачиче, а затем — при командовании русских войск в Валахии. Среди хороших знакомых русского священника числился и Джордже Стратимирович, пользовавшийся большой популярностью среди сербских либералов и выступавший главным оппонентом политики патриарха. Несомненно, среди тех, кто рассказывал Раевскому о положении в сербских землях, был и Вук Караджич, который еще с дореволюционных времен через русского священника вел сношения с русскими учеными Н. И. Надеждиным, М. П. Погодиным и другими. Наконец, о Далмации, Боснии и Герцеговине ему рассказывали основатель «Сербско-далматинского магазина» Б. Петранович и настоятель православной церкви в Дубровнике Дж. Николаевич.

Я указала только наиболее видных сербских деятелей, с которыми общался Раевский. Но у него были и другие информаторы: сербские купцы, граничары, учащаяся молодежь. Все они заходили в православную церковь при русском посольстве, потому что в Вене имелось всего две православные церкви — русская и греческая. Сербов предпочитали ходить в русскую, где проповеди и литургия были понятны для них. Раевский не раз писал об этом Блудовой. Так, в ноябре 1848 г. он сообщал ей, что хотя в Вене и мало русских, но «церковь наша всегда полна при богослужении. Здесь находятся кроатские (Раевский имеет в виду — граничарские. — *И. Ч.*) войска, а так как славянского православного богослужения нигде больше не совершается, как у нас, поэтому они и приходят в нашу церковь. Много также сербских фамилий, которые ушли из Венгрии и теперь проживают в Вене». Раевский отмечал, что в посольскую церковь на богослужение приходят не только простые сербы, но и сербское духовенство, даже сербские епископы⁶. Кроме православных, по словам Раевского, церковь посещали и депутаты других славянских народов. Русский священник старался «сделать богослужение нашей церкви достойным и предмета и нации русской». Поскольку на богослужении бывало много сербов, он считал, что одна служба должна проводиться на сербском, а другая — на русском языке. Раевский посещал и раненых сербских солдат в госпиталях. «Мысль, что некоторые из православных кроатов раненых могли умереть здесь без приобщения, — писал он, — заставляла меня посещать их в лазарете»⁷.

Именно благодаря большому кругу источников записки Раевского представляют большой интерес для исследователей революции 1848 г. Они показывают закулисную сторону событий, происходивших в то время, вносят существенные коррективы в программы, провозглашавшиеся официально сербскими национальными деятелями.

Раевский писал свои записки регулярно, начиная с 6 ноября 1848 г. Будучи человеком умеренно консервативных взглядов, он стоял на позициях легитимизма. Приехав в Вену после подавления венского восстания, он увидел разоренный город, который описал довольно подробно. Но уже спустя небольшое время внимание Раевского сосредотачивается преимущественно на сербах, земли которых входили в состав Венгерского королевства и которые очень пострадали во время военных действий. «Особенно печально в настоящее время, — писал он, — положение православной церкви в Венгрии. Духовенство составляет душу народа. Венгерцы видят это, и поэтому особенная их ненависть изливается против духовных. Храмы божьи ... поруганы, св. иконы разбиты, утварь растащена, в алтарях наделаны конские стойла. Священники в цепях после жестоких мучений ввергаются в темницу, жены и дети их определяются к позорным работам». Описывая разорение сербских земель, Раевский не преувеличивал. В конце февраля 1849 г. венгры разбили войска Виндишгреца и захватили Банат и Бачку. Только при занятии городка Србобран и окрестных сел ими было убито 4–5 тыс. сербов⁸. Раевский отмечал недовольство сербов теми духовными лицами, которые сотрудничали с венграми, в частности, епископом Офенским Платоном Атанацковичем и епископом Темишварским Живковичем. Атанацкович даже согласился по настоянию венгров занять место патриарха, на которое был избран Раячич. Раевский полагал, что этот поступок епископа можно извинить, ибо «он был в крайности». Гораздо суровее осуждал Атанацковича русский священник (вместе с сербами) за то, что он «увещевал народ в церкви идти против противников венгерцев, даже говорил публично народу, что он стыдится теперь называться сербом». В начале ноября 1848 г. у Раевского вызывало сомнение стремление Раячича занять патриарший престол, ибо, по его мнению, патриархом может быть только Ипекский (Печский) патриарх. Однако к концу ноября Раевский с большим пониманием отнесся к патриаршеству Раячича, скорее всего не без воздействия последнего. Так, он утверждал, что если патриарха утвердят, он будет иметь большое влияние на Сербию и всех славян, находящихся под властью Турции.

Раевский отмечал, что победы воеводинцев над венграми принимаются в Белграде с энтузиазмом, в частности, об этом свидетельствует газета «Српске новине». И это не случайно — среди австрийских южных славян появилась идея о создании государства с центром в Белграде. Сам Раевский к этой идее, которую вынашивали сербские либералы, относился скептически. «Между сербами нашлись головы восторженные, — писал он, — которые мечтают о единстве Сербии и походах против Константинополя, но теперь не прежняя пора!»⁹ Эта идея появилась у воеводинцев не сразу. Накануне революции 1848 г. те же идеи лелеяла сербская молодежь

в Белграде. В 1846 и 1847 гг. там возникли организации гимназистов Душанов полк и Дружина сербской молодежи, целью которых было воссоздание сербского государства в пределах средневекового царства Стефана Душана.

В начале января 1849 г. Раевский сообщал о создании отдельного сербского воеводства, состоявшего из областей Срем, Банат и Бачка. Сербь надеялись, что император примет титул князя сербов, а воеводством будут управлять патриарх и воевода¹⁰. Несмотря на эти, казалось бы, добрые вести, Раевский уже в начале 1849 г. стал все более выражать опасения за судьбу австрийских сербов. Трения между их лидерами обострились после смерти Шупликаца, избранного сербским воеводой на Майской скупщине. Уже в сентябре 1848 г. отношения между Раячицем и Стратимировичем были натянутыми. Но тогда под напором правительства княжества Сербии Стратимирович должен был уступить патриарху и уехать по его поручению в Оломоуц для улаживания с австрийским правительством вопроса об автономии Воеводины. Лидер либералов решительно отстаивал права сербов, чем вызвал острую неприязнь двора. Однако после смерти Шупликаца он вернулся в Земун и потребовал от Раячица назначить выборы нового воеводы. Раячиц этот вопрос откладывал, хотя Стратимировича поддержал Главный Одбор, избранный на Майской скупщине и игравший роль неофициального сербского правительства. И на этот раз победил Раячиц, так как его снова поддержали Вена и Белград.

Раевский в своих записках осудил Стратимировича. «Много, будучи здесь еще, — писал он, — он мечтал о подвигах славян, об их самостоятельности, о завоевании Константинополя и тому подобных делах, о чем молодая, пылкая, неопытная голова только мечтать может». Встретив отпор патриарха, Стратимирович начал писать против него в газеты. Раевский не одобрял таких действий. Он вообще характеризовал либералов как людей, мало смыслящих в происходящих событиях. «Получивши Конституцию, будучи объявлены совершеннолетними, — отмечал он, — эти дети, не знавшие доселе ничего, кроме школы, вдруг принимаются уже учить народ. Свою свободу они понимают, как ее понимают германцы. Ровный ход общественного образования им неизвестен... Как ни кричат о равенстве наций, но в этом крике всегда проявляется идея отнюдь не равенства, но преимущества». От этих молодых литераторов, пропитанных немецким духом, Раевский не ждал ничего хорошего. Он считал, что они обречены на неудачу: «Не зная характера народа, его национальных обычаев, потребностей, соответствующих нравственному состоянию жителей, они, увлеченные недостижимым идеалом, отстав от родного берега, не пристав к берегу противоположному, первые падут неминуемую жертвою своего ложного стремления». Единственное, что могло бы спасти славян, особенно южных, от грядущей им беды, по мнению Раевского, являлось сохранение ими патри-

архальных нравов: «Власть старейшин дома и то повиновение, которое им по убеждению сердца как долг священный оказывают младшие». Далее в записках Раевский рассказывал об обычаях сербской задруги, которая казалась ему идеальным устройством жизни, по крайней мере для сербов. Она состоит из 60–80 человек, руководит ею глава дома, которому все оказывают безусловное повиновение. Такой порядок дает молодежи возможность перенять опыт старших, и «в этом случае, как и всегда, она не выйдет из повиновения, волею и неволею умерит свои претензии и, таким образом, покорится власти». Неудивительно, что именно Раячич казался в то время Раевскому скалой, на которую могут опереться сербы. Он с удовлетворением указывал на рост влияния патриарха на сербов, хвалил его деятельность. Вместе с тем у Раевского проскальзывали и первые, еще неясные опасения. «Влияние патриарха на сербов вне Австрии начинает уже проявляться, — замечал он. — Первым делом было его воззвание к сербам великого княжества о помощи противу венгерцев, и вдруг явилось оттуда ополчение до 15 тыс. человек... Правительство великокняжеское дало 20 000 червонных на военные издержки, князь Александр пожертвовал от себя 12 тыс. флоринов»¹¹.

В дальнейшем отношения между сербскими лидерами складывались еще более напряженно. В апреле 1849 г. Стратимирович вновь возглавил армию воеводинцев. С помощью добровольцев из Сербии ему удалось остановить наступление венгров. Его авторитет среди сербов значительно вырос. Но и в начале апреля 1849 г. Раевский был убежден, что «патриарх мудр, спокойнее смотрит на дело, чем восторженный и озлобленный народ, и идет своим правым путем»¹².

13 мая, ровно через год после начала Майской скупщины, представители либеральной оппозиции собрались в Земуне и потребовали созыва скупщины. Раячич обратился за помощью к Елачичу. Либералы тоже попытались заручиться поддержкой последнего, обещая за нее все еще вакантную должность сербского воеводы. Елачич предпочел не вмешиваться в споры воеводинцев. Тогда Раячич с помощью солдат генерала Майергофера, возглавлявшего императорские войска в Воеводине, закрыл критиковавшие его газеты «Весник» и «Напредак» и арестовал их редакторов. Сербские национальные комитеты, созданные во время революции и являвшиеся оплотом либералов, были разогнаны. В записках Раевский должен был указать на рост недовольства среди сербов действиями патриарха. «Много есть недовольных лиц, — отмечал он, — а особенно с тех пор, как арестовали редакторов газет Богдановича и Мед(ак)овича и сербские газеты прекратились»¹³. Правда, сам Раевский был не слишком высокого мнения об этих газетах, особенно о «Напредке». «Редактор его г. Медакович, служивший некогда вроде секретаря у князя Милоша, человек самый обыкновенный. Начитавшись, наслушавшись того, что делается в Вене, он вообразил себя

человеком европейским и поехал издавать в Карловац журнал учить сербов на свой образец. Все благомыслящие люди были им недовольны». О Богдановиче, редакторе «Весника», Раевский отзывался более благосклонно, как о человеке образованном, умеренных взглядов, который стал писать против патриарха из-за личной обиды на него¹⁴.

Постепенно отношение Раевского к патриарху менялось. Причиной этого стали события в Воеводине, развернувшиеся там после разгрома венгров. Никакого воеводы так и не избрали, а ее правителем был назначен генерал Майергофер. Встает вопрос: почему Раяич так упорно сопротивлялся выборам нового воеводы? Некоторый свет на это проливает Раевский.

В записках от декабря 1849 г. Раевский во всех бедах, обрушившихся на сербов, винил их самих и прежде всего патриарха. «Тогда как по смерти Шупликаца надобно было выбрать тотчас воеводу, желание патриарха и бана самим быть воеводою, лишило Воеводину главы и своей опоры». В какой-то мере Раевский оправдывал Елачича, который, став воеводой, смог бы объединить таким образом под свою власть Воеводину с хорватскими землями. «Но простительно ли было патриарху, ослепляясь видами на воеводство, не предвидеть, какое зло могло произойти без должного выбора воеводы?» Правительство воспользовалось этими обстоятельствами. Раевский считал, что патриарх погрешил против сербов, ибо, по слухам, хотел владеть Воеводиной как митрополит Черногорский. Но еще большая вина, по мнению русского священника, падала на окружение Раяича: его племянника Живановича, известного пройдоху, который при Милоше из ничего сделался человеком и не раз переходил от одного господина к другому, а также Пасковича, промотавшегося секретаря консистории. Пока патриарх и бан ссорились, сербы многое потеряли.

Раевский считал ошибкой, что сербы не пошли на объединение Воеводины с Хорватией. Они боялись за православие, но будет еще хуже, «когда пойдет немецкая колонизация Бачки и Баната, о которой теперь хлопочет правительство, тогда может быть еще более потерпят и православие и национальность». Приведенное высказывание Раевского прямо говорит о том, что Раяич и его окружение противились объединению с хорватами, хотя на Майской скупщине в Сремских Карловцах выступали за него. Но в отличие от либералов они не желали и объединения с Сербией, а стремились обеспечить автономию Воеводины в пределах Габсбургской монархии. Раевский констатировал, что партия Раяича очень мала. В то же время он признавал, что Елачич и сейчас, хотя и не без личного интереса, «старается о Воеводине». Положение Воеводины очень тяжелое: церкви, дома разрушены, купцы разорены, поля из-за недостатка зерна засеяны кое-как. «Вообще, — писал Раевский, — гг. прелаты сербские, с горестью должны сознаться, более занимаются собой, своим благосостоянием, чем благосо-

стоянием народа»¹⁵. В апреле 1850 г. Раевский отмечал, что в Воеводине распоряжается Майергофер: всех видных сербов он удаляет оттуда, особенно членов временного сербского правительства. «Вот и самостоятельность и национальность! Нет также в Воеводине ни одной газеты... Вот и свобода книгопечатания!»¹⁶

Отношение к сербским прелатам и далее менялось у Раевского в худшую сторону. В начале сентября 1850 г. он сообщал Блудовой о стремлении Венгрии присоединить к себе Воеводину, о насаждении в ней венгерских чиновников. «Имя сербское опять становится поносным и уничижительным. Народ стенает, доходит до отчаяния». Епископы же смотрят на угнетение сквозь пальцы, так как получают венгерское золото. Спустя месяц Раевский дал еще более резкую характеристику сербским владыкам: «Между православными епископами все еще спор, нестроения, интриги. Духовенство распущенно, необразованно, народ в нищете».

В то же время контакты со Стратимировичем у Раевского постепенно все более укреплялись. В письме от 21 июля 1850 г. он писал Блудовой о том, что Стратимирович обедал у него на даче и имел с ним доверительный разговор. Стратимирович в восхищении, что о нем хорошо пишут в русских газетах, он вполне одобряет мнение графини и собирается ему следовать, хочет выучить русский язык и поехать в Россию. Раевский вполне одобрял планы Стратимировича побывать сначала в России, а потом поселиться в своем имении в Воеводине и посвятить себя нравственному образованию своего народа. «При той любви, — заключал русский священник, — и том уважении, которыми он пользуется не только со стороны народа, но и людей просвещенных в Воеводстве, подлинно он много может сделать добра народу, если только будет осторожен»¹⁷.

Дальнейшее развитие событий в Австрийской империи привело Раевского к более настороженному отношению к югославизму. В 1850 г. он уже был уверен, что хорваты стремятся к «централизации на юге католического свободного славянства». Раевский видел в попытке хорватов создать югославянское объединение из Хорватии, Славонии, Далмации и Воеводины стремление достичь свою основную цель — сделать католиками сербов в Воеводине и Далмации (последнюю он также считал православной землей). В распрях между Раячицем и Стратимировичем Раевский теперь винил Елачича, который якобы желал стать после смерти Шупликаца сербским воеводой и поэтому срамливал между собой Раячича и Стратимировича. Елачич, по мнению русского священника, намеренно разорял Воеводину, прежде всего ее главный город Нови Сад. Он обвинял хорватского бана и в том, что Воеводина не получила статуса коронной земли. Здесь, очевидно, Раевский пошел на поводу своих сербских информаторов, желавших свалить всю вину за собственные просчеты на Елачича. Ведь еще в мае 1849 г.

сам же Раевский писал, что Елачич старался не вмешиваться в сербские дела и отверг должность воеводы, предложенную ему сербскими либералами!

В свете сведений о роли Елачича, наверняка предоставленных Раевскому сербскими лидерами, по-иному выглядел в его глазах и Стратимирович. Последний уже характеризовался как «неустрасимый Стратимирович», который, рискуя потерять голову, удержал напор войск генерала Перцеля и спас Срем от разорения, которому были подвергнуты другие земли Воеводины (Банат и Бачка). Хорваты твердят сербам о взаимной любви, братстве и единении. «Прекрасное стремление, прекрасные речи, — комментировал Раевский, — но речи лисы-проповедницы». За ними скрывается желание хорватов потихоньку лишить сербов важных атрибутов их культуры — ввести латиницу вместо кириллицы, изменить календарь. Поэтому Раевский отрицательно отозвался о создании общего литературного сербохорватского языка. В этом акте он видел хитрые происки католиков-хорватов, ибо «со стороны хорватов работают твердые приверженцы кроато-латинизма, со стороны сербов — известный нетвердою своею приверженностью к церковно-сербизму Вук Караджич, на которого и так уже много ропшет народ за его нововведения в литературе, принимая их шагом к соединению с римо-католиками». Хорваты хотя с помощью югославизма руководить и просвещать других южных славян. Утвердив в Австрийской империи свой центр, хорваты полагают, что к нему будут стремиться Босния и Герцеговина, где уже достаточно распространено католичество, а затем, возможно, и Сербия, и другие турецкие провинции. В таких обстоятельствах, подчеркивал Раевский, становится ясным, почему у австрийских сербов появилось стремление к объединению с княжеством Сербией. «Серб, мечтающий о своем счастье и величии, — писал он, — всегда обращает свой взор на Белград, куда смотрят и босняк, и герцеговинец, и албанец». Раевский был убежден, что если Сербия уберется от влияния Запада и будет развиваться «на началах истинно национальных», она сможет стать центром объединения православных славян, а со временем, возможно, сумеет исцелить и славян австрийских¹⁸.

Как можно видеть, записки Раевского дают нам возможность более точно оценить провозглашенное сербами на Майской скупщине желание союза с Триединым королевством. По-видимому, это провозглашение имело своей целью заручиться поддержкой хорватов в борьбе с венграми. Политические планы, вынашиваемые как либералами, так и консерваторами, были далеки от югославизма. Стратимирович и его сторонники мечтали о Великой Сербии с центром в Белграде, окружение Раячича надеялось на создание автономной Воеводины в пределах Австрии с правителем-патриархом, объединявшим в своих руках религиозную и политическую власть:

Военные действия на территории Воеводины с перерывами продолжались от 31 мая 1848 г. до середины марта 1849 г. В этот период здесь было разрушено много церквей, школ, жилых домов. Патриарх Раячич обратился к Раевскому с просьбой о содействии в получении помощи со стороны русской православной церкви и правительства на их восстановление. Раевский, всегда с горячим участием относившийся к сербам, поддержал патриарха, хотя к концу 1849 г. его мнение о Раячиче изменилось в худшую сторону. Раевский сообщил о просьбе патриарха графини Блудовой. Последняя откликнулась быстро. 8/20 октября 1849 г. она просила Раевского передать патриарху от себя лично пелену и налою под Евангелие. Далее графиня рассказывала, какое впечатление произвело на ее знакомых дам известие об опустошении и разорении Ковильского монастыря. «Несколько из наших знакомых дам, — продолжала она, — начали заниматься собранием и работою разных церковных вещей... Великая княжна и великая княгиня сами способствовали или своею работою или дарами к этому сбору». В следующем письме к своему венскому корреспонденту от 17/29 октября Блудова, отвечая, очевидно, на его вопрос, указывала, что сведения об опустошении и осквернении Ковиля они получили из письма полковника Буффера. Это письмо привело 20 молодых дам к решению пожертвовать монастырю свои рукоделия и церковную утварь¹⁹. А 3 декабря графиня сообщила Раевскому о своем разговоре по поводу помощи сербам с обер-прокурором синода Н. А. Протасовым. Последний посоветовал патриарху написать русским властям официальную просьбу о помощи²⁰.

На посылку официальной просьбы Раячич решил не сразу. 17/29 декабря 1849 г. Раевский так описывал свое инициирование этого обращения. «Я скажу о патриархе. Сидит здесь, да ворчит, да сердится, да прилаживается к тем, кто его обманывал и всегда намерен обманывать, а народ — народ терпи. Едва я уговорил его писать в синод и государю. Боится»²¹. Но еще до получения просьбы патриарха и списка разоренных церквей из России на имя Раячича пришли частные пожертвования от лиц, принадлежавших к императорской фамилии. В письме от 9/21 февраля 1850 г. Блудова перечисляла эти лица: великие княгини Елена Павловна, Мария Николаевна, Александра Иосифовна и великая княжна Екатерина Михайловна. Здесь же графиня написала и об отношении самого императора Николая I к сербам: «Стало быть искреннее желание его должно быть, чтобы наши единоверцы остались верными и церкви своей и своему государю: пока они будут повиноваться, может быть и терпеть от своих правителей, они могут быть уверены, что по делам церкви они найдут охотное вспомоществование, буде нужно и защиту. Всегда прямой дорогой надо действовать, явно просить»²².

5/17 марта 1850 г. Раевский послал Блудовой список разоренных православных церквей. Кроме того он сообщал, что патриарх написал прошения

российскому императору, Синоду, графу Протасову, российскому обществу и что Раевский их исправил и с ближайшим курьером отошлет графине²³. Правда, само прошение патриарха ему не понравилось. «Около месяца тому назад просили меня перевести воззвание на русский язык. Ядумал, что найду в нем яркую картину бедствий Воевоины, но нашел такое канцелярское послание, что едва едва мог облечь его в форму более приличную его названию»²⁴.

О сборе средств «в пользу сербского народа и церквей в Бачке и Банате» было объявлено также в «Северной пчеле» 8 июня 1850 г., то есть еще до публикации письма Раячича. Прежде всего подчеркивалось, что этот сбор производится «с высочайшего соизволения», а далее рассказывалось о героизме сербов и хорватов в борьбе с венграми. Причины этого героизма были две: «преданность к своему законному правительству и привязанность к своей народности». Подчеркивалась большая роль патриарха Раячича, который показал непоколебимую твердость и терпение, чем напомнил великих мужей Русской православной церкви²⁵. Послание патриарха в форме письма Николаю I было опубликовано в той же газете 16 июня. В нем говорилось, что много сербов в Воеводине пало от рук венгров (в письме их называли «врагами». — *И. Ч.*); дома, церкви, школы были сожжены и разрушены. «Свирепством сих врагов 11 храмов божиих или совсем, или же отчасти разорены, и всех к богослужению потребных утварей и книг лишены». В результате более 150 тыс. сербов лишены жилья, одежды, пищи, а также «всякого богослужения, наставления и духовного утешения». В конце письма содержалась просьба о помощи²⁶.

Через некоторое время в «Северной пчеле» были помещены два цикла статей «Отрывки из путешествия по областям Нижнего Дуная» и «Путешествие по дальнему Дунаю». Автором их являлся Раевский. Первый цикл был напечатан в сентябре—октябре 1850 г. В нем рассказывалось о разорении Воевоины, в частности, ее главного города Нови Сад. «Куда ни взглянешь, — рассказывал корреспондент, — везде обгорелые остатки зданий; огонь истребил не только кровли и верхние этажи, но решительно все, что могло гореть в каждом доме». В статье восхвалялась роль патриарха и бана Елачича, которые «старались соединить пользы славян с выгодами Австрийского дома». Второй цикл статей автор рассматривал как продолжение первого. В нем описывались разрушения в монастыре Ковиль, в котором были не только разграблены церкви, но и разрыты могилы, чудом остались целы только захоронения архимандрита Раича и Марии Стратимирович, жены предводителя сербских войск Д. Стратимировича²⁷.

Русская общественность откликнулась на объявление о сборе пожертвований в пользу воевоинцев. Уже 27 июня 1850 г. «Северная пчела» сообщала, что в Москве было собрано на воеводинских сербов 7612 рублей

53 копейки, а также полный годовой круг книг на 30 церквей и другие вещи церковного назначения. Все это было передано московским генерал-губернатором графом Закревским министру иностранных дел России графу Несельроде, а тот отослал их в Вену беспошлинно²⁸. В ответ на просьбу Раячича российский синод разрешил собирать пожертвования сербам по всем церквам империи в течение года.

Русские дары распределял сам патриарх Раячич. В письме к Блудовой Раевский рассказал о путешествии патриарха по Темишварской епархии и распределении им этих даров. 24 июля Раячич в сопровождении архимандритов Груича и Стойковича выехали из Сремских Карловцев в Темишвар. Сначала они прибыли в село Жабляк, которое было полностью разрушено. Но встречали их с цветами все жители во главе с 12 священниками. В Темишвар Раячич и его свита въехали 25 июля в 10 часов вечера. И там улицы были полны народа, ожидавшего высоких гостей и радостно их приветствовавшего. 29 июля Раячич осветил в кафедральном соборе присланные из России вещи: 30 потиров, 30 дискосов, 30 бархатных евангелий с серебряными позолоченными украшениями, 58 фелоний, 6 стихарей, 180 воздухов, 10 серебряных крестов с эмалью, 2 плащаницы, 30 кругов церковных книг. «Народ до глубины сердца был тронут высоким приношением своих братьев»²⁹. Это письмо было опубликовано в несколько сокращенном виде в «Северной пчеле» 22 октября 1851 г. Некоторые сербы были недовольны тем, как патриарх распределяет пожертвования. По-видимому, такие вести доходили и до Блудовой. 12/24 октября 1851 г Раевский отвечал ей, что и между сербами не всем можно верить. «Если бы патриарх был иногда и несправедлив при разделе их, — добавлял он, — все же он серб, патриарх, сам народ скорее бы мог потребовать вещей»³⁰.

В записках от 1852 г. Раевский снова писал о раздаче русских даров патриархом, с удовлетворением отмечая, что «большую часть милостыни патриарх раздает бедному народу»³¹. Правда, и здесь не обошлось без неприятностей. Русские пожертвования в пользу сербов вызвали недовольство венгерской и немецкой прессы. Об этом, в частности, писал 24 октября 1852 г. Раевскому Раячич. Он просил, чтобы вещи присылались ему не частями, а все сразу. Кроме того, патриарх указывал на необходимость восстановить в Ковильском монастыре церковь, на что он уже получил 5000 флоринов³².

Много позднее, в 1884 г., в газете И. С. Аксакова «Русь» в связи с кончиной Раевского был помещен «Краткий очерк службы и заслуг протоиерея М. Ф. Раевского», написанный на основе сведений, предоставленных его сыном Федором. В нем, в частности, говорилось: «В 1850 г. ему было поручено обществом благотворителей и Св. синодом заняться устройством разоренных церквей в Воеводине. При активном его содействии было восста-

новлено и устроено там 47 православных церквей, более 60 церквей снабжено утварью и церковными книгами, восстановлено несколько народных школ»³³.

В свете сказанного можно констатировать, что Раевский в деле помощи воеводинцам сыграл не только роль организатора и посредника, но и роль горячего агитатора. Его статьи о бедствиях воеводинцев, помещенные в «Северной пчеле», во многом способствовали пробуждению в русском обществе сочувствия к австрийским сербам.

Несколько слов о тех сербах, которые давали Раевскому сведения о положении в Воеводине. Как в период революции, так и во время сбора средств для пострадавших сербов, Раевский теснее всех был связан с Раячичем. Но если в первые месяцы по возвращении в Вену Раевский безусловно доверял его политике, то позднее она все больше вызывала у него неприятие. Наоборот, взаимоотношения Раевского с политическим противником патриарха Стратимировичем развивались по восходящей линии — от недоверия к симпатии.

Однако ближе всего из информаторов Раевскому был протоиерей Павле Стаматович. Раевский даже опекал единственного сына Стаматовича, учившегося в Вене. 30 января 1851 г. Раевский с горечью сообщал Блудовой об аресте Стаматовича. «Доблестный муж, ревнитель правды и народного блага, друг мой Стаматович — в темнице!.. Так горько, так безотрадно, так тяжело бытие сербского народа. Все, что есть чисто народного, православного здесь, под гнетом, под игом, под жестоким преследованием. Стаматович, которого грудь сам государь украсил знаком отличия за верность престолу, — схвачен как бунтовщик и с жандармами отвезен в Темишварскую крепость». Раевский видел в аресте Стаматовича происки генерала Майергофера, старавшегося таким образом нанести удар по патриарху и православной церкви³⁴. В марте 1851 г. Раевский уже сообщал графине о содержании допросов, учиненных Стаматовичу. «Его допрашивают о том, что он делал в 1848 г., в том числе и о том, сколько раз он, будучи в Вене, был у русского протоиерея, что там делал, что говорил, что тот делает и говорит»³⁵. 25 апреля 1851 г. Раевский написал Блудовой об освобождении Стаматовича. Последнего обвиняли главным образом в том, что он участвовал в Пражском славянском съезде³⁶. Раевский пытался помочь своему другу по мере сил. В начале октября 1851 г. он дал ему некоторые книги, присланные в Вену из Москвы, поскольку библиотека Стаматовича пропала. «Бедный! Всего лишился! А библиотека была прекрасная. Много он потрудился и для сербской литературы, много занимался и русскою, даже более, чем кто-либо из сербов. Теперь и книжки не имеет почитать»³⁷. Большие и искренние симпатии Раевского к Стаматовичу объяснялись, по видимому, горячим патриотизмом последнего, отсутствием у него често-

любивых планов, столь характерных для таких сербских деятелей, как Раячич и Стратимирович.

Более сложно складывались отношения Раевского с замечательным сербским ученым Вуком Караджичем, также являвшимся одним из информаторов Раевского. Они познакомились, как уже говорилось выше, еще в дореволюционные времена. Все русские ученые, образованные чиновники, приезжавшие в Вену, стремились познакомиться с сербским ученым, а некоторые из них завязывали с ним сношения: переписку и обмен книгами. Все это осуществлялось через Раевского. Кроме того, Раевский доставал для Караджича религиозную литературу, изданную в России, которую последний обменивал в сербских монастырях на старинные книги и рукописи. Сохранившиеся записки Караджича русскому священнику касаются книг или приглашения его к себе в гости. Так, о покупке книг Вук писал 30 января 1847 г. и 29 ноября 1853 г.³⁸. Переписка Раевского с Караджичем длилась до начала 1862 г., при этом Раевский регулярно передавал книги Вука его русским знакомым, а книги последних — Вуку. Среди русских ученых, интересовавшихся трудами сербского ученого, были М. П. Погодин, И. И. Срезневский, Н. И. Надеждин. К трудам Караджича проявляли внимание не только русские ученые, но и представители высшего общества, например семейство Блудовых. Об этом свидетельствует переписка Раевского с графиней Блудовой. В частности, посылая графине новый «Иллирский лексикон», он отмечал в письме от 12 декабря 1849 г.: «Сербский лексикон г. Вука Караджича — лучший доселе — не мог найти, но сочинитель обещался мне сам поискать для Вас. Самый народный сербский язык Вы найдете в песнях г. Вука Караджича. Они находятся у Вашего папеньки»³⁹. Граф Блудов весной 1851 г. просил И. Д. Делянова подписаться для него на несколько экземпляров книги Караджича «Ковчежић» (Ковчежић за историју, језик и обичаје Срба сва три закона. 1849), а также передать Караджичу письмо и пакет с книгами. Об этом Делянов писал Раевскому 22 мая 1851 г., прося его помочь выполнить пожелания Блудова⁴⁰. «Ковчежић» Вука просматривал и русский царь, который за него послал писателю драгоценный перстень.

Вместе с тем отношение Раевского к сербскому ученому было не столько благожелательным, сколько терпимым. Дело здесь не обошлось без наговоров сербского духовенства, недовольного реформой сербского литературного языка, проведенной Караджичем. «Против Вука восстала насчет его правописания большая партия и сильная, — писал Раевский Блудовой 6 мая 1850 г. — В самом деле Вук все тяготеет к кроатизму, забыл, что это меньшая часть славянства. Между сербскими учеными Вук в большой славе, поэтому кроаты льстят ему до невозможности, чтобы держать его на своей стороне. С одной стороны — кроатский фимиами, с другой — неудо-

вольствие за нововведения, истинно утрирующие сербский язык, с третьей — гордое упрямство... много испортили Вука на несчастье сербской литературы. Другая партия пишется или отзывается о вуковом правописании в вашем духе»⁴¹. И в 1854 г. Раевский продолжал относиться к Караджичу с недоверием, хотя его русские корреспонденты, ученые и представители знати, благоволили к сербскому ученому. В июле, сообщая в своих записках о путешествии Вука в Сербию, Раевский сомневался, что он ездил туда по литературным делам. «Впрочем, — заключал русский священник, — уверяют и в том, что он подлинно пишет теперь историю Сербии со времен Карагеоргия доселе. Может точно написать ее лучше многих других, как наблюдатель и умный, но будет ли беспристрастен»⁴².

Несмотря на различное отношение к своим информаторам, Раевский в своих записках и письмах старался воспроизводить точно все мнения, снабжая их своими комментариями. Русская помощь Воеводине вызвала надежду у многих сербов на дальнейшую их поддержку со стороны России. Уже в декабре 1849 г. Раевский писал Блудовой: «А народ, уверяю Вас, беспрестанно едет ко мне. Ему нигде более нет доступа. Ты наш православный священник, ты русский, тебя слушает патриарх, моли его за нас. Русские, одни русские могут помочь нам. Пиши в Синод, пиши к батюшке. Венгерцам помог, нам ли не поможет»⁴³. А с начала 1850 г. к Раевскому стали приходиться сербы из Далмации и даже Герцеговины и Боснии. Их просьбы русский священник старался также не оставить без внимания.

Та благотворительная деятельность, которую при активном содействии Раевского развернули дамы из русского высшего общества по сбору помощи пострадавшим воеводинским сербам, положила основу создания первой русской общественной организации помощи зарубежным славянам, которая существовала на протяжении всех 50-х гг., хотя официально оформилась только в 1856 г. как Петербургский благотворительный комитет⁴⁴.

Деятельность Раевского по организации помощи сербам накануне Крымской войны способствовала росту авторитета России среди православного населения Австрийской империи и турецких провинций.

Примечания

¹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 796. Кн. 123. Д. 839.

² Literarni arhiv Narodniho Muzea. Praha. Rajevsky — Hankove. 25/13. 09.1843.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 128. Д. 9. Л. 6.

- ⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 627. Бумаги М. Ф. Раевского.
- ⁵ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1274. Д. 2424. Л. 162.
- ⁶ ОР РНБ. Ф. 627. 1850 г. Л. 24 об.
- ⁷ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 919. Л. 6.
- ⁸ Историја српског народа. Књ. 5. Т. 2. Београд, 1981. С. 94.
- ⁹ ОР РНБ. Ф. 627. Бумаги М. Ф. Раевского. 1848 г. Л. 13 об. — 14 об; 16.
- ¹⁰ Там же. Л. 17.
- ¹¹ Там же. Л. 17 об. — 18 об.
- ¹² РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 919. Л. 12.
- ¹³ Там же. Л. 13 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 16; 16 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 21–23 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 33 об.
- ¹⁷ Там же. Д. 2423 а. Л. 29; 43; 47 об.; 39.
- ¹⁸ ОР РНБ. Ф. 627. 1850 г. Л. 1; 2 об., 4 об.
- ¹⁹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее — ОПИ ГИМ). Ф. 347.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2424. Л. 187.
- ²² Там же. Д. 2423 а. Л. 4; 7; 7 об.
- ²³ Там же. Л. 11 об.
- ²⁴ ОР РНБ. Ф. 627. 1850 г. Л. 6.
- ²⁵ Северная пчела. СПб., 1850. № 127. (8.06).
- ²⁶ Северная пчела. СПб., 1851. № 133 (16.06).
- ²⁷ Северная пчела. СПб., 1850. № 215 (26.09), № 242 (27.10); 1851. № 46 (28.02), № 47 (1.03).
- ²⁸ Северная пчела. СПб., 1850. № 142 (27.06).
- ²⁹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2888 а. Л. 1–2 об.
- ³⁰ Там же. Д. 2424. Л. 175 об.
- ³¹ ОР РНБ. Ф. 627. 1852 г.
- ³² ОПИ ГИМ. Ф. 347.
- ³³ Русь. М., 1884. № 11. С. 27.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2424. Л. 192.
- ³⁵ ОР РНБ. Ф. 627. 1851 г. Л. 3.
- ³⁶ Там же. Л. 12.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2424. Л. 176.
- ³⁸ Зарубежные славяне и Россия. М., 1975. С. 198; 199.

³⁹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2423 а. Л. 6; 6 об.

⁴⁰ ОР РНБ. Ф. 627. Д. 22. Л. 1–2.

⁴¹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2423 а. Л. 20 об.

⁴² ОР РНБ. Ф. 627. 1854 г. Л. 24.

⁴³ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2424. Л. 187; 187 об.

⁴⁴ *Чуркина И. В.* К вопросу о первом русском обществе помощи югославянским народам // Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII–XX вв. М., 1987. С. 62–75.

Русские журналы как источник изучения исторического прошлого югославянских народов и русско-югославянских связей (30-е — середина 50-х гг. XIX в.)

В статье рассматриваются материалы ряда русских журналов 30–50-х гг. XIX в., освещающих различные аспекты истории, культуры, религии и образования югославянских народов, а также развития русско-югославянских связей. Поскольку журнальные сюжеты, связанные с Черногорией в данный период, уже освещались¹, то черногорская тема не будет затрагиваться в статье; заметим только, что именно она в рассматриваемый период была наиболее заметной среди материалов о югославянских народах.

К 30-м гг. XIX в. русская журналистика накопила определенный опыт знакомства общественности с историей югославянских народов. Зачастую это была информация, извлеченная из иностранной прессы, журналов и книг, нередко публиковавшаяся с опозданием, фрагментарная и не всегда достоверная. Однако в первой четверти XIX в. появлялись и значительные, привлекающие внимание материалы, например «Записки морского офицера» В. Б. Броневского, участника экспедиции Д. Н. Сенявина в Средиземноморье, впервые опубликованные в 1818 г. на страницах историко-политического и литературного журнала «Сын отечества», а затем переизданные в книжном варианте. Мемуары В. Б. Броневского, содержащие ценные сведения о Черногории и русско-югославянском боевом содружестве в период военных действий против французов на Адриатике в 1806–1807 гг., служили и служат ценным источником для исследователей².

В 30–50-х гг. XIX в. среди российской общественности, прежде всего научной, усилился интерес к истории, языкам, образованию и культуре, различным аспектам жизни и освободительной борьбы зарубежных славян. Участвовавшие поездки русских ученых по югославянским землям, уста-

новление ими тесных научных и личных контактов с зарубежными славянскими коллегами, учреждение в 1835 г. кафедр славянской филологии в университетах Москвы, Санкт-Петербурга, Харькова и Казани и, наконец, зарождение и становление такого направления русской общественной мысли, как славянофильство — все это положительно сказалось на отечественной журналистике, ставшей чаще, чем прежде, обращаться к югославянской теме.

Следует заметить, что в рассматриваемый период авторами и корреспондентами журналов в основном были ученые, так или иначе связанные со славистикой. Университетские преподаватели не только публиковались в журналах, но, бывало, и возглавляли их. Так, профессор кафедры изящных искусств и археологии Московского университета Н. И. Надеждин в 1830-х гг. редактировал журнал «Телескоп», югославянская тематика в котором была представлена литературоведческими статьями и переводами зарубежных авторов. В «Телескопе» печатались такие известные слависты, как Ю. И. Венелин, М. П. Погодин, П. Й. Шафарик. Сам Н. И. Надеждин в 40-х гг. XIX в. также нередко обращался к югославянским сюжетам.

Материалы по славистике публиковались в научных и критико-библиографических разделах журналов «Славянские новости», «Словесность, науки и художества», «Иностранная литература», «Науки и искусства», «История», «Смесь» и др. Югославянская проблематика прежде всего интересовала ученых и публицистов славянофильского направления, а также идейно близких к ним исследователей. Славянофилы, не имевшие своего журнала вплоть до 1856 г., печатали работы по югославянской тематике в таких журналах, как «Москвитянин», во главе которого стоял М. П. Погодин, и в официальном издании «Журнал Министерства народного просвещения». Эти журналы следовали в русле разработанной в начале 30-х гг. XIX в. «теории официальной народности», у истоков которой стоял министр народного просвещения С. С. Уваров. И хотя идейные воззрения славянофилов далеко не во всем совпадали с позицией сторонников «официальной народности», все же эти издания были им более близки, чем другие.

Югославянские материалы печатали такие журналы консервативного направления, как историко-политический журнал «Сын отечества» (с 1829 по 1835 г. выходил под названием «Сын отечества и Северный архив»), «Русский вестник», «Маяк». Журналы либерального и демократического направлений — «Отечественные записки» и «Современник» — в 40-е гг. вели идейную полемику с «Сыном отечества», «Москвитянином» и славянофилами, обращаясь обычно при этом к такому литературному жанру, как критические рецензии на работы историков-славянофилов, в том числе и по югославянской проблематике. С наступлением литературных гонений в пору «мрачного семилетия» (1848–1855), когда литературная и идейная

полемика была в значительной мере приглушена, на страницах этих журналов стало появляться больше научных статей, и среди них, хотя и редко, появлялись публикации о югославянских народах и странах.

Югославянские сюжеты появлялись и на страницах журналов «Библиотека для воспитания» и «Библиотека для чтения», идейно-политическая направленность которых не была единой, поскольку в них печатались как западники, так и славянофилы.

Югославянские материалы публиковались и в официальных периодических изданиях. Кроме «Журнала Министерства народного просвещения», который значительно чаще обращался к югославянской теме, она была весьма широко представлена в «Военном журнале» и «Журнале для чтения воспитанникам военно-учебных заведений», где публиковались статьи о военном быте балканских славян, о судьбах югославянских переселенцев в России.

В настоящей статье журнальные публикации скомпонованы по следующим сюжетам: записки западноевропейских и русских путешественников по югославянским землям, участие югославян в общественно-политической жизни России, просвещение и литературные процессы в югославянских землях, материалы о Вуке Караджиче, а также публикации западноевропейских авторов по югославянской тематике, печатавшиеся на страницах русских журналов.

Продолжая традицию пополнения сведений о югославянских народах путем перевода работ западноевропейских авторов, журнал «Сын отечества и Северный архив» в 1830 г. напечатал отрывок из вышедшего в 1774 г. в Венеции двухтомного сочинения «Путешествие в Далмацию» аббата и ученого-натуралиста Альберто Фортиса (1741–1803)³. Следует сказать, что «Путешествие в Далмацию» пользовалось большой популярностью, им зачитывались просвещенные люди Европы. Вскоре после выхода книга Фортиса была переведена с итальянского на английский, французский и немецкий языки⁴. Путевые впечатления Фортиса предваряются сведениями переводчика о местах расселения славян в Европе. При этом он заметил, что хочет доставить удовольствие читателю рассказом «об одном из сих племен славянских — о морлаках»⁵ (морлаки, или приморские влахи, — славянское население Далмации, жившее в окрестностях Зары и Сплита, в основном состоящее из сербов, выходцы из Боснии). Заметки аббата Фортиса — ценное свидетельство очевидца, полезный этнографический и исторический источник. Фортис обещал быть беспристрастным исследователем, так как не был связан обязательством «возвращаться в места морлакские»⁶. На наш взгляд, он сдержал свое обещание уже тем, что отнюдь не был склонен идеализировать или чрезмерно принижать морлаков, которых некоторые жители приморской Далмации склонны были считать лишь же-

стокими разбойниками. В противовес этому мнению итальянский путешественник утверждал, что «сии склонности скорее приписать должно испорченности немногих, нежели дурным качествам народа вообще»⁷.

Вместе с тем Фортис все же следует укоренившейся традиции считать морлаков Далмации совершенными варварами, расположенными при этом совсем близко к Западной Европе, хотя и с некоторыми оговорками. Он критикует морлаков за «дикие и грубые нравы» в быту и семейной жизни. Одновременно он отмечает гостеприимство и радушие морлаков, одинаковое и в «хижине бедняка и в доме воеводы». Фортис, рассуждая об экономической отсталости морлаков, замечает, что они имеют «самые неверные сведения о земледелии и скотоврачебном искусстве». Вместе с тем он отмечает их «беглый ум», глубоко убежден в способности морлаков к обучению, а значит, и к улучшению и развитию.

Специальный раздел Фортис посвящает «суевериям морлаков», он описывает их веру в ведьм, колдунов, вампиров и привидения. При этом Фортис особо подчеркивает суеверия морлачек, часть из которых, слыша, что их называют ведьмами, сами в это верят и считают себя таковыми.

Описывая все это с ироничностью и снисходительностью просвещенного человека, Фортис забывает, что Западная Европа сама сравнительно недавно и с большим трудом оправилась от собственной истерии вокруг ведьм, широко распространенной и очень кровавой, процветавшей на всех социальных уровнях западноевропейского общества.

Будучи итальянцем, Фортис, казалось бы, должен был оправдывать своих соотечественников, проживающих в Далмации, однако он осуждал торговцев-итальянцев за откровенный и наглый обман доверчивых и не слишком искушенных в торговле морлаков. Фортис с горечью замечал, что вероломство итальянцев вошло у морлаков в пословицу: «итальянская правда — песья правда».

Небольшой фрагмент в записках Фортиса посвящен гайдуцкому движению в Далмации. В отличие от других современных ему авторов, считавших гайдуков лишь разбойниками с «большой дороги», грабящими скот у пастухов, Фортис не склонен давать им столь однозначную оценку. Он видел, что условия жизни гайдуков, повседневные заботы о пропитании, одежде и обуви нередко служили причиной их набегов: «И много раз я слышал горькие и справедливые жалобы на гайдуков; никогда не похваляю сего, однако не должен оставить без внимания и того, что ремни или сапоги — первая необходимость сим несчастным, которые принуждены вести скитающуюся жизнь»⁸. Фортис отмечал, что для большинства гайдуков главное — антитурецкая борьба. Современные исследователи не относят гайдуков Далмации безоговорочно к разряду «народных мстителей», но также считают, что их главным врагом были турецкие власти⁹.

Заслуживает одобрения то, что Фортис разоблачил заблуждения далматинских и итальянских историков, выводящих родословную морлаков и вообще славян от римлян и греков, хотя и сам допускал ошибки, относя гуннов, готов и скифов к славянам¹⁰.

К сказанному остается только добавить, что в XVIII в. «Путешествие в Далмацию» послужило одним из источников для сборника переводов песен различных народов немецкого философа, критика и писателя И. Г. Гердера «Песни народов», поэзии Гете, а в 20-е гг. XIX в. книга Фортиса стала главным источником для сборника Проспера Мериме «Гузла» («Гусли»), использованного в дальнейшем А. С. Пушкиным в цикле «Песни западных славян». Таким образом, благодаря журнальной публикации, российский читатель получил возможность, хотя и отрывочно, познакомиться с одним из наиболее известных и знаковых произведений эпохи европейского Просвещения, литературная судьба которого оказалась тесно связанной с Россией и творчеством А. С. Пушкина.

Журнальные публикации 30-х гг. освещали не только прошлое балканских славян, но и обращались к современности. Так, журнал «Телескоп» в 1832 г. опубликовал отрывок из вышедшей в Берлине книги прусского автора Оттона фон Пирха «Путешествие по Сербии осенью 1829 года»¹¹. Публикация дает представление о личности князя Милоша Обреновича, его семье и окружении. Прусский путешественник сообщал о высокой оценке сербским князем роли России в европейской политике, отметив при этом положительное значение Адрианопольского трактата (1829) для судьбы Сербии¹².

В 40-е гг. некоторые русские ученые совершили поездки с научной целью в югославянские земли. Историк, этнограф и журналист Н. И. Надеждин в 1841–1842 гг. совершил годичное путешествие по местам расселения славян в Юго-Восточной Европе и опубликовал в «Журнале Министерства народного просвещения» отчет о своей поездке¹³. За время этого вояжа Н. И. Надеждин посетил Далмацию, Черногорию, Хорватию, Сербию, и повсюду он собирал сведения о современном состоянии, языке и литературе, исторических памятниках югославянских народов. Н. И. Надеждин, в частности, замечал, что в сербском княжестве «уцелели драгоценнейшие памятники» материальной культуры, чего нельзя сказать о древних сербских рукописях, которые в значительной мере были «истреблены или турками, или самими сербами, видевшими в старых хартиях бесполезную, недостойную сбережения тягость»¹⁴.

За время поездки Н. И. Надеждин установил полезные научные контакты в югославянских научных кругах. Так, проезжая через Вену, он свел знакомство с Е. Копитаром, «этим местным Нестором славянской филологии и палеографии». Почти половину своего путешествия Н. И. Надеждин

провел в обществе В. Караджича, выдающегося сербского просветителя, от которого почерпнул много сведений о современной ему Сербии — «этой важнейшей из южных ветвей славянского семейства»¹⁵.

С кружком московских славянофилов, оформившимся в конце 30-х — начале 40-х гг. XIX в., поддерживал связь Ф. В. Чижов, известный общественный деятель, искусствовед, публицист-славянофил, стремившийся, как и многие славянофилы и близкие им ученые-слависты, подкрепить литературное знакомство со славянами личным. С этой целью в 1843 г. им и русским архитектором Эпингером было предпринято путешествие в Далмацию и Черногорию, а двумя годами позже журнал славянофильского направления «Москвитянин» опубликовал отрывки из его путевого дневника¹⁶.

Объемная журнальная публикация Ф. В. Чижова богата ценными фактическими сведениями о славянском населении Далмации, содержит статистические материалы о соотношении православного и католического населения по различным областям Далмации. Записки Ф. В. Чижова включают данные об антиславянской политике Австрии. Русский исследователь и путешественник привел вполне достоверные факты об экономическом притеснении славянского населения со стороны австрийских властей, о стремлении «онемечить» славян, лишить их собственной духовной культуры и языка, о плачевном состоянии славянских памятников архитектуры в этой австрийской провинции.

Автор отмечал, что славянское население Далмации, в том числе и католическое, негативно отзывалось об австрийском управлении, а жители Рагузы (Дубровника) и окрестных мест «с восхищением говорит о том времени, когда управляли французы»¹⁷. Действительно, дубровчанам было о чем вспомнить. Поскольку во время французской оккупации Далмации (1806–1813) наряду с негативными моментами (контрибуции, насильственный призыв на военную службу, обязательные займы и пр.) было и положительное. В частности, в Далмации было введено французское буржуазное законодательство, открывались новые школы, где преподавание велось на хорватском языке, интенсивно шло дорожное строительство, были устранены внутренние таможенные барьеры и т. д. Отметим Ф. В. Чижов и крайне неприязненное отношение дубровчан к черногорцам, замечая, что «в Рагузе больше любят турок; нежели черногорцев»¹⁸. Этому способствовало то обстоятельство, что турки вели активную торговлю с Дубровником, а в памяти дубровчан, помимо прочего, жила еще память об осаде Дубровника в 1806 г., когда русские войска, прибывшие на кораблях эскадры Д. Н. Сенявина, совместно с черногорцами и бокельцами вели кровопролитные бои против французов и их союзников дубровчан. Последствия этих баталий в виде сожженных домов и полуразрушенных зданий мог наблюдать и сам Ф. В. Чижов.

Если католики-дубровчане, по мнению Ф. В. Чижова, всячески угнетавшие горожан «грекороссийской веры», не испытывали каких-либо симпатий к России и русским, то совершенно иная ситуация ожидала русского путешественника при посещении им г. Котора, население которого было преимущественно православным. Так, при посещении Ф. В. Чижовым местной православной церкви ему было отведено почетное место среди прихожан, церковная служба велась по русским богослужебным книгам «киевской печати». Эти знаки внимания не оставили его равнодушным, позволили русскому путешественнику сделать вывод о том, что «только между южными славянами, нашими единоверцами, можно встретить такое уважение к имени русского»¹⁹. Ф. В. Чижов обоснованно сетует, что сотни путешествующих по Западной Европе россиян не находят времени и желания заглянуть в эти места, а между тем, попав сюда, «он сторицею будет вознагражден наслаждением видеть целый народ, который с восторгом произносит имя русского, у которого множество одинаковых с нами обычаев, один язык, и который, кроме всего этого, чрезвычайно занимателен, даже для постороннего наблюдателя»²⁰.

В разработке темы русско-югославянских отношений Ф. В. Чижова интересовало не столько прошлое, сколько настоящее и будущее связей России со славянами. Его замечания и упреки в адрес русской общественности в слабой информированности и малой заинтересованности в судьбе югославянских народов не лишены оснований. Он призвал соотечественников ближе ознакомиться с жизнью славянских народов и оказать им помощь, в частности, в строительстве православных храмов, снабжении их церковными книгами и утварью²¹.

Записки Ф. В. Чижова не лишены определенных недостатков. Вряд ли уместно во всех бедах и проблемах, стоявших перед югославянскими народами, винить исключительно Австрию и не видеть, что сложные ситуации в югославянской среде возникают не только по «злой воле» австрийского правительства, но и по объективным причинам. Здесь в какой-то мере скажутся славянофильские воззрения автора. Ф. В. Чижов допускал и фактические ошибки. Так, например, он считал, что все пограничные с Черногорией турецкие области заселены целиком славянами и «даже магометане не турки, а славяне»²². Что касается Боснии и Герцеговины, то суждения Ф. В. Чижова близки к истине, однако с Черногорией граничила и Северная Албания, где безоговорочно доминировало албанское население. Несмотря на отдельные погрешности, записки Ф. В. Чижова — ценное свидетельство исторического прошлого югославянских народов.

За последние десятилетия отечественная историография пополнилась рядом работ, освещающих участие югославянских переселенцев в общественно-политической жизни России. При этом особое внимание уде-

ляется тем из них чья деятельность оставила заметный след в русской истории²³.

К числу таких людей относится выходец из Сербии, российский граф и генерал С. Г. Зорич (1745–1799), известный главным образом в качестве одного из фаворитов Екатерины II, ведший впоследствии праздную жизнь в шкловском имении и затем уличенный в финансовых махинациях. Между тем, журнальная публикация статьи А. Корсакова²⁴ позволяет выявить и другие стороны его жизни: военную службу в русской армии в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и просветительскую деятельность, которой он посвятил последние двадцать лет своей жизни.

В 1769 г. С. Г. Зорич — капитан Острогожского гусарского полка, а в 1770 г. — уже майор, отличившийся в боях в Бесарабии, где он, командуя почти 3-тысячным отрядом, разбил 12-тысячный корпус турок и удостоился за эту победу высокой награды²⁵.

В 1778 г., после увольнения со службы, С. Г. Зорич навсегда поселился в Шклове, который при нем «сделался приютом просвещения, веселости и столицей гостеприимства»²⁶. В том же году Зорич открыл на свои средства шкловское благородное училище с военным уклоном для детей бедных дворян. В стенах этого прекрасно оборудованного училища было не только все необходимое для получения военных знаний, но и музей, театр и превосходная библиотека, состоящая из 3580 томов на русском, французском, немецком, польском и латинском языках. В картинной галерее были собраны подлинники и копии полотен величайших художников различных западноевропейских школ.

Училищные списки позволили А. Корсакову выявить, что в училище обучались юноши не только из России, но и из Франции, Нидерландов, Швеции и других европейских государств. Среди воспитанников были и соотечественники С. Г. Зорича. Так, например, первыми двумя кадетами принятыми в училище, были Е. Кисляков и В. Райкович. По приведенным в статье количественным спискам учащихся можно узнать, что с 1778 по 1797 г. в училище поступило 520 человек, а выпуск к 1798 г. составил 268 человек²⁷.

В 1797 г. шкловское училище было преобразовано в кадетский корпус, а С. Г. Зоричу, возглавившему его, присвоено звание генерал-лейтенанта, и он был назначен шефом Изюмского гусарского полка. После смерти С. Г. Зорича в 1800 г. этот корпус был переведен в Гродно, а затем преобразован в I Московский кадетский корпус, стены библиотеки которого и в 40-е гг. XIX в. украшал портрет его основателя²⁸.

В стенах этого училища преподавал в течение полугода известный деятель сербского просвещения Досифей Обрадович. В 1780 г. Шклов посетил известный сербский общественный деятель С. Текелия, а в 1787 г. — дальний архимандрит Г. Зелич²⁹. Здесь во время своего первого посеще-

ния России в 1785 г. останавливался черногорский митрополит Петр I Петрович-Негош, а в 1790-х гг. в Шкловском училище обучался будущий черногорский губернатор Вук Радонич.

Род Зоричей верно служил своей второй Родине — России — не только в XVIII в., но и во время Отечественной войны 1812 года. Племянник и наследник С. Г. Зорича, отставной капитан Черноевич отказался принять предложенное ему французское подданство; благодаря полученной от него информации казаки атамана М. Платова разбили большой отряд неприятеля³⁰.

Русская журналистика 40-х гг. позволяет, к сожалению, лишь из некролога, узнать о жизненном пути и блестящей военной карьере генерал-лейтенанта Николая Ивановича Депрерадовича (1767–1843)³¹.

Если о его родственнике, генерал-майоре Р. Депрерадовиче (Р. Прерадовиче) и его службе в России известно уже довольно много³², то о Н. И. Депрерадовиче пока известно меньше, а между тем его служба во благо России заслуживает внимания. Даже короткий некролог позволяет судить о нем как о человеке незаурядном. На военную службу Депрерадович поступил в возрасте 11 лет, и в продолжение всей службы «он был достойным представителем доблестей своего народа». В 16 лет он — в первом заграничном походе, а в 20 лет — участник штурма Бендер и Аккермана в ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Служил в Елисаветградском легкоконном, Украинском и Смоленском гусарских полках. А с 1803 г. и в течение 23 лет Н. И. Депрерадович — командир знаменитого кавалергардского полка. По сути дела, во всех войнах с наполеоновской Францией принимали участие кавалергарды и их командир. Н. Депрерадович — участник сражений при Фридланде, Смоленске, Малоярославце, Дрездене, Лейпциге и у стен Парижа. Это он возглавлял блестящую и яростную атаку кавалергардов в сражении при Аустерлице, описанную Л. Толстым в романе «Война и мир», атаку, вызвавшую удивление и восхищение французов, когда ценою огромных потерь среди кавалергардов была спасена от гибели русская пехота. За 65 лет воинской службы Н. И. Депрерадович был награжден не только самыми высокими орденами Российской империи, но и высшими наградами Австрии, Пруссии, Баварии.

Более подробно ратный путь Н. И. Депрерадовича, безусловно, может быть прослежен по материалам Российского государственного военно-исторического архива.

Если в 30–40-е гг. XIX в. в журнальных публикациях преобладала черногорская тема, то в 50-е гг. появились обзорные и аналитические статьи и о других югославянских народах. Так, в 1850 г. священник русской посольской церкви в Вене, известный общественный деятель славянофильского направления М. Ф. Раевский опубликовал обширную статью о Герце-

говине³³. Источником для нее послужили сведения из сербского журнала «Сербско-далматинский магазин» и устные свидетельства посещавших Вену герцеговинцев. Тема Герцеговины была совершенно новой в отечественной славистике. М. Ф. Раевский приводит данные по истории, этнографии и географии Герцеговины. Особое внимание он уделяет положению и роли православной церкви, системе османского управления, состоянию сельского хозяйства, торговли и просвещения. М. Ф. Раевский на конкретных примерах показал, что налоговая политика турецких властей резко тормозит развитие земледелия и сельского хозяйства в целом. Неоднозначна оценка М. Ф. Раевским роли православной церкви. С одной стороны, он склонен идеализировать роль православного духовенства как защитника славян, а с другой — объективно оценивает сложность и противоречивость отношений между православной церковью Герцеговины и иерархами православной церкви Константинополя³⁴.

В 1853 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» появилась статья о Сербии К. Д. Петковича³⁵, российского дипломата и будущего консула в Рагузе (1858–1868), которая была основана на личных впечатлениях о поездке в Сербию и официальных данных сербского правительства. Эта журнальная публикация может служить источником самых разнообразных сведений о сербском княжестве и его столице, полезных как для этнографа, так и для историка. В ней есть данные на 1850 г. о территории Сербии, ее административном делении, о численности населения (849 288 чел. в Сербии и около 20 000 чел. в Белграде), о сербском законодательстве, налоговой системе, этническом составе. Говоря о Белграде, К. Д. Петкович отмечает причудливое переплетение европейского с азиатским: здесь можно встретить серба, «одетого по журналу парижских мод и рядом его земляка в красных шароварах, с чалмою или картузом, с пистолетом и ятаганом»³⁶. Рассказывая о ремеслах и занятиях жителей Белграда, К. Д. Петкович отмечал ту положительную роль, которую сыграли болгары, приезжавшие на сезонные работы, в развитии садоводства и огородничества в окрестностях столицы. Благодаря им до недавнего времени пустынные места превратились в «прекрасные сады и огороды». Сами же сербы, замечал Петкович, неохотно занимались земледелием, предпочитая «собирать желуди в дремучих лесах, откармливать стада свиней и варить сливовицу», и, если бы не болгары, им пришлось бы «питаться всегда хлебом, свиной и капустою — не было бы даже перцу, столь необходимого при обеде или ужине серба»³⁷. Подробно осветил К. Д. Петкович организацию учебного дела, приводя данные об учебных заведениях Белграда, количестве учащихся, штате преподавателей и отмечая при этом, в частности, что в белградской духовной семинарии преподают русский язык и церковную историю двое русских учителей. К. Д. Петковича занимали и литературные про-

цессы, протекавшие в сербском обществе, он отмечал роль Белграда как культурного центра страны и приводил данные о периодических изданиях не только Сербского княжества, но и австрийских сербов. Особую историко-научную ценность представляет опубликованный им полный библиографический список книг по истории и словесности, юриспруденции, философии, математики и т. д., вышедших за пятилетие — с 1847 по 1851 г. — в количестве 114 наименований³⁸.

Краткие статистические сведения о Сербии появлялись, хотя и крайне редко, еще в 40-х гг. XIX в.³⁹ Однако они были скупы и отрывочны. Этот пробел, кроме статьи К. Д. Петковича, заполняет и публикация в журнале Русского географического общества⁴⁰. Отмечая длительное отсутствие свежих статистических данных о Сербии, редакция журнала, состоявшая из видных российских ученых, видела главную причину этого в том, что «Сербия... мало знакома еще и мало привлекала любознательность путешественников»⁴¹. Приведенные в русском научном журнале данные были заимствованы из немецкого издания «Прусская корреспонденция», которое, в свою очередь, опиралось на сведения прусского консульства. Таким образом, это — достоверная информация, впрочем, все периодические издания географического общества пользовались только серьезными материалами научного характера.

Ценность приведенных в журнале статистических выкладок как источника заключается в том, что они включают в себя всеобъемлющие сведения об экономическом положении сербского княжества в период с 1850 по 1853 г. Демографические же данные приводились за 16 лет (с 1834 по 1850 г.) и свидетельствовали о 50-процентном росте населения (с 667 866 до 937 666 человек)⁴². В статистических данных приводились расписанные по всем многочисленным статьям сведения о доходах и расходах Сербского княжества, о внешней торговле между Сербией и Австрией в период с 1843 по 1853 г. В редакционном примечании подчеркивалось, что приводимая статистика убедительно свидетельствует об «утешительном современном состоянии Сербского княжества»⁴³.

Специальных работ о постановке системы образования в югославянских землях в 30–50 гг. XIX в. в русской периодике почти не было. В Черногории просвещение делало только первые шаги, отрывочные сведения о состоянии просвещения среди других югославянских народов приводились в записках и путевых заметках и дневниках путешественников по югославянским землям, которые печатались русскими журналами. Сведения на эту тему появлялись иногда и в статьях и заметках, посвященных системе образования в Австрийской империи⁴⁴. Исключение, пожалуй, составила только Сербия, о народном образовании которой, хотя и крайне редко, сообщали русские журналы. Так, в 1842 г. вышла небольшая по объему, но

насыщенная содержательной информацией статья неизвестного автора об учебных заведениях в Сербском княжестве⁴⁵. Официальные сведения, полученные от попечителя правосудия и просвещения сербского княжества Радичевича, послужившие основанием для статьи, дают право говорить о ней как о надежном источнике. Статья дает представление о постановке дела народного образования в XVIII и начале XIX в., во время Первого сербского восстания 1804–1813 гг.; при этом наиболее полно освещены 30-е гг. XIX в. Статистические данные содержат подробнейшую информацию о количестве учебных заведений на территории Сербии, о количестве учащихся, об учебных программах в школах различного типа, о преподавательском штате и т. п. Касаясь выделения денежных фондов на народное образование, автор отмечал, что отсутствие свободных средств на просвещение заставило князя Михаила Обреновича прибегнуть к специальным мерам: 13 января 1841 г. было издано постановление, в котором объявлялся сбор добровольных пожертвований «для составления неприкосновенного училищного капитала»⁴⁶.

Эту статью дополняет небольшая заметка, опубликованная в 1851 г.⁴⁷, которая позволяет проследить динамику роста начальных школ, появление новых учебных заведений таких, как Военная академия, Школа промышленности и торговли и т. п.

В 30–50 гг. XIX в. русская журналистика уделяла внимание литературным процессам, протекавшим в югославянских землях, особенно в Сербском княжестве. Еще в начале 30-х гг. московский журнал «Телескоп» поместил статью о сербской словесности⁴⁸, в которой неизвестный автор, стоящий на позициях зарождавшегося славянофильства, наряду с пропагандой идеи этнической и духовной близости славян приветствовал «нарождающуюся сербскую словесность». Критикуя русских поэтов-подражателей, чьи произведения, по мнению автора, едва известны за пределами России, он видел залог успеха сербской словесности в опоре на народное творчество. При этом самые лестные отзывы были даны произведениям Вука Караджича, чье имя уже тогда было довольно известно в России, и сербского поэта и историографа С. Милутиновича.

Редакция «Журнала Министерства народного просвещения» считала одним из важных направлений своей деятельности привлечение интереса читателей к славянской литературе⁴⁹. Поэтому на страницах журнала периодически печатались сведения о новостях сербской литературы⁵⁰.

После учреждения в 1835 г. в некоторых университетах России кафедр славянской филологии возросло число литературоведческих публикаций. Неизвестный автор под криптонимом В.Т. информировал из Вены⁵¹ редакцию «Журнала министерства народного просвещения» о новостях литературного Белграда, о выходе в свет около 10 новых альманахов на сербском

языке в Сербии и австрийских землях, о поэтической и издательской деятельности черногорского митрополита Петра II Петровича-Негоша, отметив при этом, что «между южными славянами господствует довольно живая, хотя и мелкая книгопечатная деятельность»⁵². Из писем специалиста в области славяноведения, библиографа и этнографа П. И. Кеппена редактору «Журнала Министерства народного просвещения» можно узнать об издательской деятельности и литературном творчестве Петра II Петровича-Негоша, В. Караджича, других югославянских авторов⁵³. Историк, писатель и журналист М. П. Погодин, в деятельности которого славистическая проблематика играла немаловажную роль, в апреле 1838 г. сообщил о выходе в сербском княжестве нового литературного альманаха «Урания», среди авторов которого значились С. Милутинович, племянница князя Милоша Обреновича Анна Обренович и австрийский консул в Сербии А. Миханович⁵⁴.

К числу надежных источников сведений о культурной жизни славян можно отнести и письма из-за границы историка и этнографа Н. А. Ригельмана. В 1845 г. он сообщал в редакцию журнала «Москвитянин» сведения о положении дел в сербской литературе⁵⁵, замечая при этом, что сербская поэзия 40-х гг. XIX в. во многом заимствовала формы стихосложения из русской поэзии времен Ломоносова и Державина⁵⁶. Н. А. Ригельман не упустил из виду и то обстоятельство, что в Сербии можно было крайне редко увидеть русскую книгу, а общественность Белграда получала известия о России почти исключительно из австрийской и прусской прессы. Н. А. Ригельман призывал крепить не только политические, но и культурные связи с Сербией и не допускать того, чтобы сумел «льстивый Запад завлечь ее в сети своего образования, большею частью пагубного для славянской крови»⁵⁷.

Журналы печатали и рецензии на художественные произведения югославянских авторов. Так, например, специалист по славянской литературе профессор Петербургского университета М. И. Касторский опубликовал в «Журнале Министерства народного просвещения» обширную рецензию на сборник песен известного сербского поэта С. Милутиновича «Песни черногорские и герцеговинские, собранные Чубром Чойковичем»⁵⁸. М. И. Касторский в своем обзоре основное внимание уделил русской теме в песнях С. Милутиновича.

Обращалась русская журналистика и непосредственно к литературоведческим работам югославянских авторов. Так, в 1852 г. в «Библиотеке для чтения» была опубликована статья известного сербского писателя, поэта и литературного критика Йована Суботича (1817–1886), посвященная анализу сербской литературы, начиная с периода раннего Средневековья⁵⁹. В ней автор, помимо прочего, обстоятельно анализирует литературное наследие и творчество таких крупнейших фигур культурной жизни Сербии,

как Досифей Обрадович и Вук Караджич. Он отзывается о Досифее Обрадовиче как о выдающейся личности, достойной завидного имени «учителя и просветителя народа». Д. Обрадович писал народным языком, в котором были еще заметны следы архаичного «словено-сербского». Но он, как верно замечает Суботич, первым из сербских писателей выдвинул требование единого для всех сербов языка, осознал, что для «сербов надо писать по-сербски» и что «образование народа тогда лишь возможно, когда заговоришь понятным для него языком»⁶⁰. Отзываясь самым лестным образом о Вуке Караджиче, Суботич подчеркивает, что заслуга Караджича заключается в том, что он «очистил язык и раздвинул его пределы, приняв тезу простонародных выражений, которые хороши и удобны, и выкинув все то, что лишнее и чуждо духу его»⁶¹.

Анализируя взгляды Суботича на становление и развитие сербской литературы, следует заметить, что он причислял к ней литературу не только собственно сербскую, но и хорватскую. По его утверждению, сербская литература XV–XVII вв. «нашла себе приют в стенах маленького, счастливого и умного Дубровника»⁶². По мнению Суботича, монументальная поэма дубровчанина Ивана Гундулича (1589–1639) «Осман», посвященная столкновению христианского и мусульманского миров, является произведением сербской литературы. Он считал сербским литератором Марина Држича, перу которого принадлежит знаменитая комедия «Дундо Марое», а также других дубровницких писателей и поэтов. Средневековый Дубровник для Суботича — это сербская республика.

Впрочем, таких взглядов придерживался не только он, но и Вук Караджич, который отказывался признавать уже сложившееся этническое размежевание югославянских народов и до конца жизни был твердо убежден, что сербы — это все народы сербскохорватского ареала, различающиеся между собой лишь по вероисповеданию.

Русская журналистика 30–50-х гг. XIX в. может служить существенным источником сведений о жизни и научной деятельности крупнейшего сербского ученого, реформатора сербского литературного языка и правописания Вука Стефановича Караджича (1787–1864). Материалы о нем появлялись в периодической печати еще в 20-х гг. XIX в., этой традиции русская журналистика придерживалась и в дальнейшем. В научных кругах России всегда с большим вниманием следили за его подвижнической деятельностью, многих русских ученых связывали с ним личные дружеские отношения. Они были в курсе того, что жизнь ученого постоянно омрачалась заботами о средствах к существованию, и старались оказать ему поддержку при каждом удобном случае, прибегая в том числе и к помощи журнальной прессы. П. И. Кеппен, отмечая заслуги В. Караджича как выдающегося собирателя славянского фольклора, писал: «В Черногории, Паштровичах,

Боке Которской и Рагузе он успел уже собрать неожиданное количество драгоценных материалов для сербского словаря и грамматики и немалое число народных песней, особенно таких, которые относятся до обычаев тамошних словен»⁶³. В заключение письма, обращенного к редактору журнала, П. И. Кеппен просил провести сбор средств, необходимых для продолжения научных изысканий Вука Караджича.

Схожие мысли высказывал М. П. Погодин в письме к министру народного просвещения С. С. Уварову, в котором он дал оценку результатов научной деятельности Вука Караджича. М. П. Погодин рассказал о задачах, которые поставил перед собой В. Караджич, и просил оказать ему финансовую поддержку для завершения работ, «столь необходимых славянским филологам в историкам»⁶⁴.

Небольшие статьи и заметки о Караджиче появлялись в периодических изданиях различных политических и литературных направлений, но повышенный интерес к нему — и это естественно — проявляли славянофильские издания. В «Московском сборнике» славянофилов (выходил в 1846 и 1847 гг., повторился в 1852 г.) за 1846 г. был напечатан первый обстоятельный биографический очерк о Вуке Караджиче, вышедшей из-под пера первого в России доктора славянорусской филологии И. И. Срезневского⁶⁵. Русский ученый был близко знаком со своим сербским собратом, и поэтому его сведения представляют особую ценность для исследования жизни и деятельности Караджича. На страницах очерка прослежены основные вехи его жизненного пути. Читатель мог узнать из очерка, что Вук был шестым ребенком в семье, его братья и сестры умерли во младенчестве и что родители называли его Вуком (волком) в расчете на то, что это отведет от него беду. И. И. Срезневский сообщал о первом учителе Караджича — его родственнике Е. Савиче, о годах его учебы, его деятельности в Правительствующем совете во время Первого сербского восстания 1804–1813 гг., о его нелегкой службе при дворе князя Милоша в 20–30-е гг. XIX в. Русский славист обратил внимание на то, что Вук Караджич — истинный патриот своего Отечества, и когда он говорит о Сербии, то «вводит вас в очарованный круг сербского народа, как будто в новый и между тем вашей душе знакомый, не фантастический мир»⁶⁶.

И. И. Срезневский отмечал заслуги Караджича как одного из первопроходцев в области сербской истории и этнографии: «Все, что написал он по этой части не есть ни сбор, ни выбор из других книг, а наблюдения современника»⁶⁷. Разумеется, И. И. Срезневский не мог обойти молчанием и «русские страницы» в жизни сербского просветителя. Он отмечал, что во время его путешествия в Россию (1819) в российской научной общественности, пожалуй, впервые проснулся интерес к сербской литературе, особенно народной. Русские и славянские научные круги, отмечал И. И. Срез-

невский, высоко оценили заслуги Караджича. Он был избран членом Общества любителей русской словесности и Краковского общества наук, а также членом Московского и Одесского общества истории и древностей. Его заслуги не были обойдены вниманием официальных властей. В 1826 г. по ходатайству министра народного просвещения А. С. Шишкова ему была назначена пенсия в 100 червонцев, а в 1841 г. Николай I наградил Вука Караджича за его литературный труд большой золотой медалью.

В заключение очерка с большой симпатией и уважением к сербскому ученому И. И. Срезневский подчеркивал: «Сербам и всем славянам нельзя не быть ему благодарными; он один из немногих современных писателей славянских, которыми могут безукоризненно гордиться славяне перед иностранцами»⁶⁸.

Традиция публикаций отрывков из путевых записок западноевропейских путешественников по югославянским землям продолжалась и в 40–50 гг. XIX в. В конце 40-х гг. «Сын отечества» напечатал путевые записки о Сербии⁶⁹ известного французского путешественника и исследователя Ксавье Мармье (1809–1892), побывавшего за свою жизнь во многих странах, в том числе и в России. Основное внимание в его записках уделяется столице Сербского княжества Белграду, его экономике, торговле и просвещению. К. Мармье видел в сербской части города «признаки новой жизни, развивающейся торговли, возрастающего благосостояния»⁷⁰, и наоборот — всеобъемлющий процесс упадка в турецкой городской среде, где даже белградский паша «не имеет никакой власти и не может вмешиваться в сербские дела»⁷¹.

В 50-е гг. имя К. Мармье вновь появилось на журнальных страницах⁷²: вышли в свет его записки о пребывании в Далмации. К. Мармье заметил недостатки в австрийском управлении Далмацией, в частности, в деле просвещения среди славян, где отсутствие начальных школ привело к почти повсеместной безграмотности. К. Мармье склонен приписывать эти недостатки исключительно нерадению австрийских чиновников⁷³. Следует сказать, что одна из основных причин экономического и культурного отставания этой австрийской провинции заключалась в том, что австрийское правительство, насаждая в Далмации полуфеодалные порядки, отнюдь не стремилось сделать эту провинцию процветающей.

Оценивая путевые записки К. Мармье, вероятно, следует согласиться с автором статьи о нем, помещенной в «Энциклопедическом словаре», который отмечал некоторую поверхностность его взглядов, но вместе с тем полагал, что его воспоминания «никогда грубо не погрешат против истины, они написаны остроумно и легко»⁷⁴.

В определенной степени в качестве источника могут служить рецензии и обзоры работ, посвященных югославянской теме, которые также относи-

тельно регулярно появлялись на страницах журналов в 30–50-е гг. В некоторых рецензиях авторы включают в критический анализ свой материал, дающий верное, объективное представление о той или иной проблеме. В других содержались взвешенные и обстоятельные суждения о тех или иных сочинениях. Примером подобного рода аналитических работ может служить обширная рецензия незаурядного знатока Османской империи и балканских народов И. П. Липранди на материалы о Сербии, размещенные в таких изданиях, как «Военно-энциклопедический лексикон», газетах «Северная пчела», «Санкт-Петербургские ведомости»⁷⁵, а также обзор иностранной литературы по югославянской проблематике К. Ф. Свенске и др.⁷⁶

Могут быть полезны исследователю в поисковой работе и библиографические обзоры, помещавшиеся на страницах ряда периодических изданий того времени. Так, например, «Журнал Министерства народного просвещения» в 30–50-е гг. XIX в. регулярно печатал библиографические сведения о книгах и статьях, в том числе и по югославянской теме, вышедших не только в центре, но и в провинции.

Подводя итоги, следует сказать о том, что русская журналистика 30–50-х гг. XIX в. в немалой степени содействовала привлечению внимания русской общественности к проблемам югославянских народов. Многие материалы, как отечественные, так и зарубежные, помещенные на страницах журналов, являются ценным источником сведений по истории, этнографии, экономике, политике и культуре этих народов. Они позволяют достаточно полно проследить процесс становления и развития русско-югославянских связей как в исследуемый, так и в более ранний период.

Примечания

¹ Аншаков Ю. П. Русские журналы об истории Черногории и русско-черногорских отношениях (30-е — середина 50-х гг. XIX в.) // Внешняя политика России. Источники и историография. Сборник статей. М., 1991. С. 129–148.

² Подробнее о развитии знаний и представлений о балканских народах в России первой четверти XIX в. см.: Достян И. С. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980. С. 116–208.

³ О морлаках. Из записок аббата Фортиса // Сын отечества и Северный архив. 1830. Ч. 135. С. 400–422; Ч. 136. С. 80–93; 162–171.

⁴ См. о Фортисе и его литературной и научной деятельности в кн.: Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 461–479.

⁵ О морлаках... Ч. 135. С. 402.

- ⁶ Там же. С. 405.
- ⁷ Там же. С. 404.
- ⁸ Там же. С. 420.
- ⁹ *Вецель Е.В., Фрейденберг М. М.* Дико неукротимые люди // М. М. Фрейденберг. Дубровник и Османская империя. М., 1989. С. 213–215.
- ¹⁰ О морлаках... Ч. 135. С. 406–412.
- ¹¹ Нравы сербов. Отрывок из путешествия в Сербию Оттона фон Пирха // Телескоп. 1832. Ч. VII. № 4. С. 469–480.
- ¹² Там же. С. 472.
- ¹³ *Надеждин Н. И.* Записка о путешествии по южнославянским странам // Журнал Министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). 1842. № 4–6. Отд. II. С. 87–106.
- ¹⁴ Там же. С. 99.
- ¹⁵ Там же. С. 95.
- ¹⁶ *Чижев Ф. В.* Отрывки из дневных записок во время путешествия по Далмации в 1843 году // Москвитянин. 1845. Ч. IV. Отд. I. С. 1–46.
- ¹⁷ Там же. С. 2.
- ¹⁸ Там же. С. 10.
- ¹⁹ Там же. С. 21.
- ²⁰ Там же. С. 22.
- ²¹ Там же. С. 45. Следует отметить, что самого Ф. В. Чижова занимали не только вопросы религии и благотворительности среди славян. Так, в 1847 г., вновь путешествуя по югославянским землям в Австрии, он помог черногорцам выгрузить оружие на Далматинском берегу, за что по представлению австрийских чиновников был арестован русскими властями на границе. См. об этом: *Дудзинская Е. А.* Русские славянофилы и зарубежное славянство // Методологические проблемы истории славистики. М., 1978. С. 280. Прим. 14.
- ²² Там же. С. 40.
- ²³ См. например: *Бажова А. П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С. 118–198; *Она же.* Югославы в России в 50–70 гг. XVIII века // Югословенске земље и Русија у XVIII веку. Београд, 1986. С. 225–237; *Хевролина В. М.* Из истории создания и боевой деятельности сербских воинских формирований в России в первой половине XVIII века // Там же. С. 195–211; *Хитрова Н. И.* Черногорцы в России во второй половине XVIII века // Там же. С. 55–73.
- ²⁴ *Корсаков А.* Семен Гаврилович Зорич-Черноевич и основанное им шкловское благородное училище // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1850. Т. 87. № 347. С. 358–377.
- ²⁵ Там же. С. 361–363.
- ²⁶ Там же. С. 367–368.
- ²⁷ Там же. С. 374.
- ²⁸ Екатерининский дворец и кадетский корпус // Там же. Т. 35. № 137. С. 85.

- ²⁹ *Лециловская И. И.* Культурные связи Досифея Обрадовича с Россией // Югословенске земље... С. 288–289.
- ³⁰ *Панаев В.* Происшествие 1812 г. // Журнал для чтения... 1841. Т. 32. № 128. С. 327–349.
- ³¹ Некролог на Н. И. Депрерадовича // Там же. 1844. Т. 48. № 189. С. 67–71.
- ³² *Бажова А. П.* Русско-югославянские... С. 120, 130, 238; *Хитрова Н. И.* Черногорцы в России... С. 56.
- ³³ *Раевский М. Ф.* Краткий очерк Герцеговины // ЖМНП. 1850. № 7. Отд. 2. С. 44–58; № 8. Отд. 2. С. 99–116.
- ³⁴ Там же. С. 115.
- ³⁵ *Петкович К.* Очерки Белграда. Местность. Жители. Учебные заведения. Литература. Церковь. Княжество сербское // ЖМНП. 1853. Ч. 79. № 8. Отд. II. С. 169–188.
- ³⁶ Там же. С. 172.
- ³⁷ Там же. С. 171.
- ³⁸ Там же. С. 179–185.
- ³⁹ Взгляд на училищные заведения в Сербии // ЖМНП. 1842. Ч. 34. № 4–6. Отд. IV. С. 1–10.
- ⁴⁰ Статистические заметки о Сербии // Вестник Императорского русского географического общества. 1855. Ч. 13. Кн. 1. С. 20–22.
- ⁴¹ Там же. С. 20.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Состояние учебной части в Австрийской империи // ЖМНП. 1843. Ч. 37. № 1–3. Отд. IV. С. 19.
- ⁴⁵ Взгляд на училищные заведения в Сербии // ЖМНП. 1842. Ч. 34. № 4–6. Отд. IV. С. 1–10.
- ⁴⁶ Там же. С. 9.
- ⁴⁷ Там же. 1851. № 9. Отд. VII. С. 67–68.
- ⁴⁸ Сербская словесность // Телескоп. 1832. Ч. IX. № 9–12. С. 499–525.
- ⁴⁹ ЖМНП. 1838. Ч. XX. № 10–12. С. 4.
- ⁵⁰ См., например: ЖМНП. 1834. Ч. 1. № 2. С. 292; Там же. 1835. Ч. 8. № 11. С. 391; Там же. 1836. Ч. 9. № 2. С. 426.
- ⁵¹ Там же. 1836. Ч. 9–10. № 1. С. 213–217.
- ⁵² Там же. С. 215.
- ⁵³ Там же. 1836. Ч. 9–10. № 9. С. 649–659.
- ⁵⁴ Там же. 1838. Ч. 19. № 7. С. 189–190.
- ⁵⁵ *Ригельман Н. А.* Письмо из Вены // Москвитянин, 1845. Ч. VI. С. 37–46.
- ⁵⁶ Там же. С. 37.
- ⁵⁷ Там же.

- ⁵⁸ ЖМНП. 1840. Ч. 28. №11. Отд. VI. С.71–98.
- ⁵⁹ *Суботич Й.* Исторический очерк сербской литературы // Библиотека для чтения. 1852. Т. 111. Ч. I. С. 88–96; Ч. II. С. 163–173.
- ⁶⁰ Там же. Ч. I. С. 93.
- ⁶¹ Там же. Ч. II. С. 167.
- ⁶² Там же. Ч. I. С. 89.
- ⁶³ ЖМНП. 1836. Ч. 11. № 7. С. 221.
- ⁶⁴ Там же. 1836. Ч. 9–10. № 9. С. 672.
- ⁶⁵ *Срезневский И. И.* Вук Стефанович Караджич, очерк биографический и библиографический // Московский литературный и ученый сборник. М., 1846. С. 341–369.
- ⁶⁶ Там же. С. 340.
- ⁶⁷ Там же. С. 361.
- ⁶⁸ Там же. С. 369.
- ⁶⁹ Суждения и замечания путешественника г. Мармье о Сербии // Сын отечества. 1849. Кн. 4. Отд. VII. С. 1–25.
- ⁷⁰ Там же. С. 7.
- ⁷¹ Там же. С. 4.
- ⁷² Из Парижа в Черногорье. Путевые заметки К. Мармье // Библиотека для чтения. 1854. Т. 124. № 3. Отд. III. С. 1–32; Т. 125. № 5–6. Отд. III. С. 33–116.
- ⁷³ Там же. Т. 124... С. 18–20.
- ⁷⁴ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1896. Т. 18а. Кн. 36. С. 675.
- ⁷⁵ Маяк. 1841. Ч. 22. Гл. IV. С. 8–22.
- ⁷⁶ *Свенске К. Ф.* Обзор главнейших путешествий и географических открытий в пятилетие с 1848 по 1853 год // Вестник Императорского географического общества. 1853. Кн. 3. Отд. II. С. 1–23.

Сербская государственная идея в 60–70-е гг. XIX в. Проблема идеологического выбора

Науке нужна не только свобода мнения, но и свобода сомнения.

Алексей Степанович Хомяков

Пожалуй, историческая наука есть для нас еще необходимое средство онастоящевания исторического свершения. Однако это никоим образом не означает, что историческая наука, взятая сама по себе, в состоянии образовывать в буквальном смысле достаточную связь со свершением внутри исторического обзора.

Мартин Хайдеггер

В отечественной и югославянской исторической литературе глубоко и всесторонне проанализирован процесс складывания сербской государственности в XIX в. Монографии, посвященные этой проблеме, — на сербском, русском и английском языках исчисляются десятками, опубликован значительный пласт источников, проведены многочисленные конференции. Однако проблема остается еще до конца не исследованной не только в смысле интерпретации событий, но и по существу фактического материала. Одним из важных вопросов, не нашедшим, как представляется, еще полного освещения в историографии, является вопрос об *идеологической* составляющей сербской государственной программы во второй половине XIX в. Выбор идеологической модели во многом определял и всю политическую практику сербского государства в его сложном положении «между Востоком и Западом»*.

---

* Настоящая работа является продолжением и развитием темы, обозначенной в статье: *Кузьмичева Л.В.* Сербия между Западом и Востоком: поиски пути государ-

Именно в 60–70-е гг. XIX в. вассальное княжество Сербия делает решающий прорыв на пути перехода к самостоятельности политической, экономической и культурной. В эти годы во многом определена внешнеполитическая программа Сербии, достигнуты значительные успехи в ликвидации турецкого военного присутствия на территории княжества, установлены контакты с соседними народами и странами Балканского полуострова с целью создания совместного союза для борьбы с Османской Портой. В 1869 г. была принята первая собственная конституция Сербского княжества, сменившая октроированную «турецкую конституция» 1838 г. Наконец, это время, когда на политическую арену вышли молодые специалисты, подготовленные для нужд государства в лучших высших учебных заведениях Европы. Они были призваны заменить «пречанцев» — сербов из Австрии, которые во многом определяли направление правового и политического развития сербского государства на начальном этапе его становления. Соперничество австрийских сербов и сербов Княжества — «шумадинцев» — было одной из характерных черт политической жизни Сербии 1830–1850-х гг. Итак, наступило время «шумадинцев», «сербиянцев», которые решали теперь не только судьбу собственно княжества, но и выстраивали определенную перспективу интеграции сербского народа в целом.

В этот важнейший период кануна войн за независимость 1876–1878 гг. были заложены основы сербской государственной модели, определившие впоследствии политическую судьбу сербского народа. Водоразделом внутри этого насыщенного событиями периода является 1868 г., ознаменованный трагическими обстоятельствами гибели князя Михаила и начала правления регентов, которые умело руководили молодым князем Миланом и после достижения им совершеннолетия. Именно в это время важнейшее место в политической практике Сербии занимает Йован Ристич¹, во многом определивший стратегию и тактику Сербии в решении ее национальных задач.

Первое, что следует отметить для того, чтобы понять особенности оформления сербской государственной идеи, — это те условия, в которых она развивалась. Следует сразу сказать, что восстановление сербской государственности во многом отличалось от параллельных процессов восстановления государственности греческой, румынской или итальянской, а также и от идущего одновременно с сербским процесса собирания германских земель в одно государство. Сербская специфика, во многом определившая характер и темпы воссоздания государства, заключалась в следующем:

1 ственного строительства в XIX веке // Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX веков: К 60-летию профессора Московского университета Геннадия Филипповича Матвеева. М., 2003. С. 64–76.

1. *Географическая проблема*: воссоздание сербского государства началось и развивалось на территории, не являвшейся историческим центром прежнего средневекового государства. Этот прежде маргинальный, экономически неразвитый пограничный пашалык Османской империи должен был теперь стать ядром объединения сербского народа. Предстояло определить границы будущего Сербского государства, четко обосновав характер территориальных претензий.
2. *Этническая проблема*: процесс складывания сербской нации был осложнен не только включением значительной части сербского этноса в разные государства и политические системы, но и резкой конфессиональной дифференциацией. Само понятие «сербства» в этот период было весьма условным. Предстояло выработать программу — культурную, языковую, конфессиональную для решения задач сербской национальной интеграции.
3. *Социальная проблема*: политическая элита Княжества находилась в стадии формирования, отсутствовали национальное дворянство и средний класс, не было опыта административно-бюрократической деятельности. Интеллектуальная элита сербов, так же как и протобуржуазия, сосредоточена вне княжества, в Австрии, и интегрирована в австро-венгерскую экономическую и политическую систему.

Сложность и масштаб проблем, которые в связи с этими факторами предстояло решать молодому государству, очертил известный югославский философ и этнопсихолог Владимир Дворникович²: «Крестьянское движение самоуправления, противостоящее централизации, — истоки которого возможно лежат еще в старых славянских богомильских инстинктах, — патриархальные обычаи и традиции, гайдучество, идущее еще из средневекового и турецкого времени, аграрный примитивизм и социальная структура малых крестьянских наделов (каковой в Европе больше нигде не было!) — все это были тяжелые препятствия для того, чтобы стремительно переодеться в западноевропейский государственный мундир. Две династии и несколько партий вели между собой жестокую борьбу за право на свой манер натянуть этот мундир на сербский крестьянско-патриархальный народ. Следовало преодолеть вековую пропасть — лихорадочная спешка и известная инертность балканского человека сменяли друг друга в каком-то причудливом и беспокойном ритме. Решительно и в сжатые сроки необходимо было одновременно преодолеть и вековые атавизмы, и проблемы современной европейской государственной организации. Стремясь догнать своих соседей, каковыми были старые европейские страны, с которыми волей-неволей молодая Сербия должна была бороться и состязаться, она порой обессиливала и ослабевала»³.

Владимир Дворникович написал это в 30-е гг. XX в.; тогда же он, сторонник югославянского единения, отметил и очень важные особенности формирования национальной программы у южных славян. Он констатировал, что из двух мощных европейских государств, возникших на волне классического национализма XIX в. — Германии и Италии, пример последнего стал особенно привлекательным для югославянских народов. Это во многом определило стремление «объединить в одно национальное государство всех принадлежащих к одному языку, не принимая в расчет ни существовавшие раньше государственные границы, ни культурные влияния»⁴. Дворникович отметил также и несомненное влияние внешнего фактора, в особенности европейских войн на характер и темпы югославянского объединения.

Если же мы рассматриваем сербскую составляющую будущего югославянского единения, представляется необходимым дополнить рассуждения Дворниковича следующими соображениями.

Во-первых, главной особенностью сербской государственной стратегии второй половины XIX — начала XX в. было очевидное превалирование внешнеполитических задач над внутривнутриполитическими. Это определяло и характер деформации процессов модернизации в Сербии.

Во-вторых, этот главный фактор во многом определял и причины кризисного характера сербской государственной модели, ее неустойчивости и уязвимости. Итальянский и германский пример государственного объединения по сути своей означал неизбежность имперской модели.

Но в Сербии, в отличие от Италии и Германии, не было имперской разработки модели государства, абсолютно не продуман был план инкорпорации тех народов, которые не исторически, ни этнически, ни конфессионально не входили в сербский ареал, но при этом проживали на территориях, подлежащих присоединению. Между тем Сербия неизбежно должна была, согласно своей внешнеполитической программе («Начертание» или его изводы), стать многонациональным и поликонфессиональным государством, т. е. гетерогенным во всех отношениях. Подобные задачи требовали учитывать, например, существующий опыт взаимоотношений с мусульманами — русский (Кавказ, Средняя Азия); австрийский (Босния и Герцеговина). Кроме того, приоритет экспансионистских задач требовал создания мощной армии и общей милитаризации страны.

Представляется, что наряду с этими проблемами существенным тормозом в деле выбора государственной модели была и идеологическая аморфность государственной программы.

Вот именно на этом важнейшем аспекте всего комплекса государственных задач Сербии хотелось бы остановиться подробнее. Собственно, речь идет об экзистенциальных проблемах — каким должен быть стержень государства, его система ценностей и нравственных ориентиров.

По сути, от этого выбора зависело все будущее направление государства в социально-экономической, политической, культурной областях. Проблема эта остро стояла для всей Европы того времени. В сущности, она и ознаменовала кризис христианской цивилизации, когда наступила эра сциентизма, рационализма и атеизма. Выбор аксиометрической модели был важнейшей проблемой не только для крошечного, небогатого, вассального княжества, каковой была Сербия, но и для сильных и мощных «великих держав» Европы.

Для Сербии от этого выбора зависели не только роль и место церковных институтов в государственном организме, но и вся будущая судьба сербской государственности, общественно-политического и духовного строя жизни страны. Тема эта пока еще лишь фрагментарно освещена в исторической литературе.

По вполне понятным причинам роль и место православия в сербской государственной жизни XIX в. практически не исследовались ни в отечественной, ни в югославской литературе второй половины XX в. Однако за последнее десятилетие в этом направлении были сделаны определенные шаги. Два сборника, подготовленные сотрудниками Института славяноведения РАН, до некоторой степени восполняют пробел в отечественной историографии⁵. Безусловно, исчерпывающего ответа на поставленные в сборниках вопросы еще не получено, но важно уже то, что проблемы поставлены и констатируется необходимость дальнейших исследований духовной составляющей югославянской истории⁶. Представляется необходимым продолжить это замечательное начинание в ракурсе изучения истории воссоздания независимых славянских государств во второй половине XIX — начале XX в., в анализе роли и места России в этом процессе.

Исключительно важными соображениями по этой проблеме поделился с читателем один из корифеев отечественной балканистики В. Н. Виноградов. В небольшом по объему очерке он обозначил круг вопросов, которые возникают при изучении политики России на Балканах в XIX в., главным из которых является выявление сущности российской поддержки и помощи православным народам. Совершенно справедливо подчеркивает историк на первый взгляд абсолютную иррациональность политики России в деле помощи балканским народам. Он приводит замечательные слова известных английских политиков, оценивающих начало Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. как беспрецедентный пример «блистательных и долговременных услуг, какие когда-либо великое государство оказывало угнетенному и несчастному народу», порожденных теми настроениями в России, которые «именуйте их как хотите, — сентиментальными, гуманными, алогичными, тем не менее являются одной из могущественных движущих сил в истории»⁷. В. Н. Виноградов в ответ на эти пронизательные наблюдения

развивает мысль о силе и значении сознания религиозной общности, направлявшего русскую внешнюю политику.

Хотелось бы все же отметить, что и это не есть полный ответ на вопрос о причинах русской «жертвенности» на Балканах. Главная причина здесь не только в помощи и сочувствии, а в той великой миссии, которую возложили на себя русские императоры, — сохранения православия, в той ответственности которую, они чувствовали. Для них это не было иррациональным и сентиментальным делом, а, возможно, единственно стоящим их земных трудов. Нашему секуляризованному сознанию понять и принять это трудно. В какой-то степени ответ можно найти у непосредственных участников событий, характеризующих духовную составляющую русской внешней политики⁸.

Устоявшиеся в отечественной и особенно зарубежной историографии строго рационалистические подходы к анализу русской внешней политики все же приоритетны в нашем сознании. Так, и В. Н. Виноградов по-прежнему полагает, что православие было все же в известной степени ширмой и инструментом для русского проникновения на Балканы: «У официальной России существовал один путь обретения влияния в Юго-Восточной Европе — поддержка освободительного движения под флагом православия...»⁹

Понятно бытующее в историографии Нового времени стремление абстрагироваться от вопросов религиозного самосознания. Религия, особенно религиозное размежевание, для светских историков, изучающих Новое время и особенно процессы национального пробуждения, — вещь крайне неудобная и неприятная. Она мешает стройному и логичному умозрительному процессу-схеме формирования полиэтничных государств, сдерживает ход модернизации и европеизации и представляется несомненным атавизмом. Так, с негодованием обрушивается выдающийся югославский ученый Милорад Экмечич на «обскурантов и клерикалов», которые не давали, как он считает, хода нормальному процессу воссоздания югославянского государства.

Экмечич считает, что, начавшись в кругу культурной элиты, национальное возрождение южнославянских народов основывалось на гердеровской идее нации как общности языка (лингвистический тип национализма), а после 1848 г. место языка постепенно занимает вера как основание национальной самоидентификации (сектантский тип национализма). Югославский ученый пишет: «Наши национальные движения в конце XVIII в. начали с европейских лингвистических мотивов, но изменили целям последовательной секуляризации общества»¹⁰. Свой анализ религиозного, духовного компонента в истории югославянских народов Нового времени Экмечич базирует на твердой уверенности, что «религия не только вера, но и самый важный культурный институт, которым обладали южнославян-

ские народы»¹¹. При этом ученый считает, что кризис веры, успехи рационализма и агностицизма еще не означают кризиса церкви, ибо подлинное неверие требует наличия свободной личности.

Итак, один из важнейших вопросов для нового государства — это характер и мера секуляризации общественно-политической жизни в Сербии. Собственно выбор западной либеральной модели построения государства неизбежно был сопряжен с секуляризацией. Последовательный либерализм как правого, так умеренного и левого толка неизбежно требовал этой секуляризации, которая, собственно, и была проведена во время Великой французской революции.

Анализ программ и выступлений сербской политической элиты показывает, что за исключением последовательных материалистов все остальные были довольно индифферентны в вопросах веры и мало занимались этой проблемой. Но полная и последовательная секуляризация была невозможна до полного решения национальной задачи по двум причинам: во-первых, лозунг спасения и объединения единоверцев был единственно оправдывающим предполагаемую территориальную экспансию. Второй не менее важный фактор — это помощь и поддержка России, где православие — первая и главная составляющая идеологического стержня государства.

Именно эта проблема — не слишком ли большой ценой было заплачено России за ее помощь и поддержку — обсуждается в Сербии уже на протяжении полутора столетий. Уже в 80-е гг. XIX в. лидеры напредняков (младоконсерваторов) Милутин Гарашанин и Милан Пирочанац обрушились на Ристича и его правительство с упреками, что за весьма незначительную помощь России в деле приобретения сербской независимости пришлось заплатить дорогой ценой отказа от западной модели парламентаризма и демократии. Ристич в серии своих публичных выступлений и исторических сочинений пытался снять это обвинение, но и по сей день в литературе активно отрабатывается версия русского панславистского давления на Сербию. Причем особая роль отводится здесь влиянию русских славянофилов.

Сербский исследователь Милан Суботич, изучая корни сербской либеральной идеи, пишет: «Если Экмечича славянофильское влияние на сербских либералов интересует, прежде всего, как инструмент “русского противодействия естественному единству южных славян”, что, подобно учению социального католицизма, “отравляло их ядом постоянного раздора”¹², то наш интерес в основном направлен на исследование природы, объема и “логики” этого влияния, как одного из важных моментов для понимания теоретического, идеологического и политического корпуса сербского либерализма»¹³.

Сербская модель либерализма действительно значительно отличалась от западноевропейской. Это отметил известный американский исследователь

Гейл Стоукс, который, характеризуя позицию младоконсерваторов и их лидера Милана Пирочанца (столь сейчас высоко превозносимого в сербской историографии), заметил, что они резко отличались от либералов Франции и Великобритании. Прежде всего это выражалось в позиции по ключевому вопросу либеральной идеологии — защите частной собственности. Они, по мнению Стоукса, проповедовали защиту не собственно частной собственности как таковой, а лишь интеллектуальной собственности, а именно права образованного человека занимать соответствующие должности в школе, суде, министерстве¹⁴.

Главный вопрос, разводящий русских славянофилов и западников, касающийся пути развития России, — это все тот же вопрос идеологии: рационализм или вера, возможно ли их совмещение? Тут речь идет о двух фигурах в философском авангарде начала XIX в. — Гегеле и Шеллинге, труды которых стали основой для двух направлений в русской общественной мысли. Известный отечественный исследователь российского общественного мнения в XIX в. А. А. Левандовский так видит это противостояние: «С первых шагов своих, с исходной точки своих рассуждений славянофилы-шеллингианцы расходились со своими оппонентами, последователями Гегеля. История, в их представлении, теряла внутреннее единство, распадаясь на целый ряд параллельных процессов. Отсюда и совершенно различные теоретические задачи, которые ставили перед собой западники и славянофилы: если для первых необходимо было, осознав весь ход всемирно-исторического процесса, отыскать в нем место России и всеми силами содействовать тому, чтобы она как можно скорее заняла это место, то вторые, исходя из особых черт “народного духа”, стремились определить единственный и неповторимый путь развития своей страны»¹⁵.

Особое место занимает в историографии русско-сербских отношений в области идеологии послание «К сербам», явившееся своеобразным обращением русских славянофилов к сербским реформаторам. Автором этого трактата был выдающийся русский общественный деятель А. С. Хомяков.

В конце 1859 г., когда в Сербию вернулись Обреновичи и страна стала перед выбором пути — парламентаризм или диктатура, А. С. Хомяков у себя в деревне засел за капитальный труд — аналитическую статью, которую он впоследствии озаглавил — «К сербам. Послание из Москвы». Увлечен этой работой он был чрезвычайно. И «когда глубокой осенью 1859 года Погочин вместе с Кошелевым решили навестить друга своего в тульском Богучарово, они застали его возбужденным и всецело погруженным в новую работу. Хомяков писал послание “К сербам”»¹⁶. Письма Хомякова этого периода убедительно свидетельствуют, что эту свою работу он считал чрезвычайно важной для всего славянофильского дела¹⁷.

Завершив в довольно короткий срок этот важнейший труд, Хомяков сообщил об этом Аксаковым и Самарину. Он придавал этому документу чрезвычайное значение и настаивал, чтобы он был подписан коллективно: «Сербов вчера кончил; надеюсь, что вы все будете довольны и подпишите охотно. За одного подписчика даже ручаюсь — за Константина Сергеевича. Впрочем, и за всех почти ручаюсь: думаю, что согласитесь все, но буду просить строгого суда. Дело общее и серьезное»¹⁸. Однако в ходе обсуждения сочинения Хомякова возникли, по-видимому, и некоторые разногласия. Отправляя весной 1860 г. «Послание» для перевода в Петербург А. Ф. Гильфердингу, Хомяков писал ему не без досады: «На днях послал я вам Сербов, которых Самарин должен был вам доставить уже с подписями. Ни слова не успел я написать по милости Погодина, который до ночи то подписывал, то нет. Просто надоел разным вздором. Должно быть, был не в духе по случаю своего неславного боя с Костомаровым»¹⁹.

В результате под статьей подписались, кроме Хомякова, Ф. Чижов, Иван и Константин Аксаковы, Ю. Самарин, М. Погодин, И. Беляев, Н. Елагин, П. Безсонов, П. Бартенев, А. Кошелев, т. е. практически весь цвет русского славянофильского движения.

Послание «К сербам» — пожалуй, один из самых спорных в литературе о Хомякове и славянофилах документов. История его создания, публикации и распространения, а главное реакции на него в Сербии обросла мифами и штампами, кочующими из издания в издание. Общий вывод современной историографии приблизительно такой — идея была благой, но преждевременной, нравоучительный тон старшего брата был негативно, с обидой и недоумением, воспринят в Сербии и высмеян в русской демократической печати. Считается также, что творение Хомякова было с негодованием отвергнуто «братьями-сербам», а сам Хомяков как политический консультант стал у сербов крайне непопулярен в отличие от Хомякова-поэта, который был любим и часто переводим. Так ли это было на самом деле? С невероятной легкостью отечественная историография второй половины XX в. подписала безжалостный приговор инициативе Хомякова: дилетантский ригоризм, вредный и смешной — вот сущность «Послания».

Подобные оценки не могут не вызвать желания разобраться в сущности проблемы. Действительно, не произошло взаимопонимания, и если да, то в чем причины? Во всяком случае, причина не в русской неосведомленности о состоянии дел в Сербии, ведь Хомякова и остальных славянофилов трудно заподозрить в незнании предмета.

Итак, что они знали о сербской общественно-политической ситуации? Знали очень много, причем из первоисточника. Они получали известия из первых рук — во-первых, от своих корреспондентов из Сербии. Во-вторых, получали аналитические сводки из Азиатского департамента Министерст-

ва иностранных дел²⁰. В-третьих, состояли в дружественной переписке с настоятелем русской посольской церкви в Вене Михаилом Федоровичем Раевским, занимавшим этот пост с 1842 по 1884 г. и владевшим как в силу порученной ему миссии, так и по личной инициативе колоссальной и перво-классной информацией о событиях на Балканах.

Достаточно сказать, что один из лучших ученых-славистов, занимающихся Сербией, он же и русский дипломат, первый русский консул в Сараево, объехавший все сербские земли в составе Турции — А. Ф. Гильфердинг (1831–1872) был ближайшим другом и младшим соратником Хомякова, последователем его идей. Его отец, известный дипломат, еще мальчиком ввел сына в дом Аксаковых и Хомяковых²¹.

Фундаментальный труд Гильфердинга «Письма из Боснии», печатавшийся в 1859–1860 гг., имеет подзаголовок: «Письма к Хомякову». Именно Гильфердинг подготовил к печати после смерти Хомякова его «Исторические записки» и снабдил их собственным обширным предисловием. Публикуя это предисловие и в четвертом издании сочинений Хомякова в 1903 г., составители отмечали: «Гильфердинг был в последние годы жизни Хомякова его ближайшим собеседником по вопросам истории и филологии»²². Нет сомнений, что Гильфердинг обстоятельно информировал Хомякова о ситуации на Балканах, о специфике сербской общественной и политической жизни.

Глубокие знания истории и современных событий в Сербии выразились в подборе публикаций по сербской проблематике в редактируемой Хомяковым и Аксаковым «Русской беседе» (1856–1860) Особый интерес представляют публикации в этом журнале периода подготовки и написания «Послания» — 1858–1859 гг. В это время сербское прошлое и настоящее анализируются практически в каждом номере журнала. Южнославянскому вопросу на страницах журнала «Русская беседа» посвятила свою работу наша соотечественница Л. И. Ровнякова²³, она же и составила и опубликовала библиографический перечень статей по славянской проблематике в журнале за весь период его существования²⁴. Ограничимся поэтому лишь констатацией того, что сербская тема освещена была всесторонне — исторические сведения и очерки профессиональных историков, этнографические зарисовки, быт, нравы и обычаи, состояние церковных дел. Особого внимания заслуживают корреспонденции из Белграда сербского писателя и ученого Милана Миличевича, ставшего в 1860 г. редактором правительственной газеты «Србске новине». Его статьи — «Семейная община по селам сербским, известная под именем задруги» (1858. Т. 3), «Сербская община» (1859. Т. 6), и особенно его заметки участника Святоандреевской скупщины «Рассказ очевидца о Скупштине» (1859. Т. 1) и «Письмо из Белграда» (1859. Т. 2) — несомненное свидетельство глубокого внимания редакции журнала к изменению политической ситуации в Сербском княжестве.

Итак, можно констатировать, что Хомяков не только хорошо знал сербские реалии, но и умело знакомил с ними русскую читающую публику. Недаром И. С. Аксаков в своем «Заключительном слове» по поводу запрещения издания «Русской беседы», дал такую оценку работы, проделанной редакцией в 18 вышедших томах журнала: «Давно ли славянский вопрос считался вопросом мертвым и теоретической бредней? Давно ли один из журналов насмешливо уступал г. Гильфердингу сочувствие всех славян от Балтики до Адриатического моря? Но обстоятельства изменились и к счастью наших угнетенных братьев, — они могут встретить теперь выражения сочувствия и не в одном только журнале [...] Нам удалось возвести славянский вопрос из области археологического интереса в область живого деятельного сочувствия и оживить умственное движение в кругу наших литературных славянских собраний»²⁵.

Упреки Хомякову со стороны современников левого толка и нынешних историков в некомпетентности и незнании ситуации на Балканах, как мы выяснили, безосновательны. Но не менее безосновательны и упреки, которыми осыпали его современники, в некомпетентности в области истории философии и истории религии. О глубоком знании предмета, о котором Хомяков взялся писать в серии своих работ посвященных церковной проблематике, убедительно рассказал в своем замечательном эссе Ю. Ф. Самарин²⁶. В Сербии Хомяков также получил полное признание — высокую оценку трудам Хомякова дал один из столпов богословия XX в. преподобный Иустин (Попович)²⁷, переведивший его на сербский язык.

Комментируя характер богословских интересов Хомякова, Ю. Ф. Самарин так охарактеризовал итоги наступления рационализма на религиозное самосознание в середине XIX в.: «...наука глядела на веру свысока, как на пережитую форму самосознания, из которой человечество торжественно выбиралось на простор»²⁸.

Славянофилы категорически отрицали использование православной веры как жесткого догмата в политических целях, ибо «у нее нет готовых формул, которыми бы она могла подслуживаться правительству или обществу в разрешении вопросов государственного или гражданского права: область ее творчества — личная совесть, и только *через* эту область, просветлением совести и укреплением в ней свободных побуждений, участвует она, хотя решительно, но всегда косвенно, в развитии юридических отношений»²⁹. Категорически выступали они и против того, что именовали «церковной казенщиной, иначе подчинения веры внешним для нее целям узкого, официального консерватизма».

Что касается упреков Хомякову в крайнем романтизме, идеализации действительности, то и этот устоявшийся в современной историографии вывод представляется спорным. Все, близко знавшие Хомякова, отмеча-

ли, что высокая духовность не мешала ему трезво и реально оценивать политическую и экономическую ситуацию. Пожалуй, лучше других это поняла старшая дочь С. Т. Аксакова — Вера (1819–1864): «...Хомяков, человек по преимуществу исключительно духовный, не в смысле только его возвышенной, разумной истинной веры, согретой самым искренним душевным убеждением, не только в смысле его строгой нравственности, но и по свойству его натуры, *трезвый во всех своих впечатлениях и проявлениях* (выделено нами. — Л. К.). Необыкновенный человек!»³⁰

Второй вопрос, который занимает исследователей: почему Хомяков решил написать это письмо к сербам именно в конце 1859 г.? Этот вопрос вызывает наибольшее недоумение у исследователей, не знакомых с сербской историей. Автор одной из последних объемных работ о Хомякове также задается этим вопросом: «По какому, собственно, поводу Хомяков засел за это послание, неясно. Может быть, ближайшим мотивом явилось какое-нибудь известие, полученное от знакомых ему сербов. Или просто раздумья над судьбой этого маленького королевства (на самом деле Сербия была тогда всего лишь вассальным княжеством, а королевством она станет лишь в 1882 г. — Л. К.) на Балканах, населенного преимущественно православными славянами»³¹. Далее автор сообщает, что в Сербии произошел династический переворот, но резонно замечает: «Перемена государя, как мог судить Хомяков по собственному опыту, всегда приводила к перемене в сегодняшнем народном мирозерцании, — но что может сулить возвращение князя, некогда низвергнутого?»³² Больших иллюзий в отношении князя Милоша славянофилы не имели, они рассчитывали на его сына — князя Михаила и его соратников. Ситуация в Сербии виделась им критической — ибо речь шла не только о выборе пути политического развития маленького балканского княжества, но и о судьбах других славянских народов, для которых Сербия была опорой в деле их собственного освобождения от иноземного господства. За Белградом утвердилась слава «Пьемонта южных славян». В этот очень важный и для Сербии, и для славянства в целом момент Хомяков и обращается с «Посланием», в котором и даются рекомендации строительства нового государства с учетом опыта, который приобрела за последние 150 лет Россия. Собственно, эту работу Хомякова можно считать итоговой в его рассуждениях прежде всего об историческом пути собственной страны.

Решено было хомяковский текст перевести на сербский язык, отпечатать за границей и доставить в Сербию и в другие земли, где проживали сербы. Организацию всего этого дела взял на себя И. С. Аксаков, отправившийся весной 1860 г. за границу на пять месяцев с целью познакомиться со славянскими землями «и приобрести не ученое, но живое знание славянских наречий»³³. Маршрут этого путешествия в части южнославянских земель, составленный «с Гильфердингом в Москве»³⁴, включал в себя Слове-

нию, Далмацию, Черногорию, Гражданскую Хорватию, Военную Границу, Воеводину и княжество Сербия. Это в основном территории, населенные славянами сербско-хорватского языкового ареала. Направляясь туда, Аксаков уже имел переведенный на сербский язык текст «Послания». Он пишет 10 мая 1860 г. из Вены: «Здесь, в канцелярии посольства, нашел я только письмо от Гильфердинга с переводом известной статьи Хомякова и саму статью. Какие теперь интриги партий в Белграде, — просто горько слышать! — Я начал понемногу учиться по-сербски»³⁵.

И. С. Аксаков в ходе этой поездки знакомил славян с «Посланием» и общал Хомякову, что оно воспринимается с энтузиазмом.

Однако когда в июле 1860 г. И. С. Аксаков добрался до Белграда, его ждало серьезное разочарование. Политическая ситуация в стране была напряженной, находящийся при смерти старый князь Милош разогнал сербских либералов, приведших его к власти и ввел в стране режим диктатуры. Аксаков из Белграда пишет о проблемах с публикацией «Послания»: «Я в затруднении относительно известной Вам рукописи, писанной Хомяковым. С одной стороны, нет такого человека, которому это дело должно быть поручено; с другой стороны, настоящая минута такова, что слово наше канет в воду не будучи замеченным. Мы воображали себе, что после последней скупщины Сербия вступила на путь самостоятельного развития, а потому и нуждается в совете. Увы, вышло не так. [...] Люди скупщины, люди народной партии, люди европейски образованные, но в то же время горячо сочувствующие России, Москве, Русской Беседе и проч., удалены от правления; и дано место “швабам” (проавстрийским чиновникам. — Л. К.). Скупщина изъявила одно решительное желание: свободу слова... а теперь установлена цензура»³⁶. Аксаков воспользовался случаем и проехал в крестьянской телеге по всей Сербии, составив довольно четкое представление о Сербском княжестве и его народе. Дал он и яркий портрет старому князю Милошу: «Свинопас, до сих пор незнающий грамоте, он создал целую державу, теперь князь: вокруг него обстроился целый большой красивый город, 400 школ в Сербии и 14 тысяч учеников»³⁷.

В своей очень активной деятельности в княжестве Иван Сергеевич не забывал и о данном ему Хомяковым поручении: «Что же касается до нашего Послания к сербам, приведшего в восторг всех, кому я читал его, то по совету митрополита и всех приятелей я напечатаю его в Лейпциге на русском и сербском языках, а здесь в Белграде печатать нельзя: и цензура не пропустит, и обоим князьям будет оно во многом неприятно, а печатать такую вещь, без ведома, типография не решится»³⁸. Вот сколько хлопот и проблем вызвала эта инициатива Хомякова. А у Аксакова были и другие серьезные заботы — тяжело заболел его старший брат Константин, и надо было срочно встречать его и везти лечиться на европейские курорты.

В сентябре И. С. Аксаков вернулся в Вену, и когда уже вовсю шла подготовка к печати рукописи «Послания», из России пришла страшная весть о смерти Хомякова. Аксаков пишет А. Д. Блудовой в конце октября из Вены: «Я печатаю теперь в Лейпциге одно из последних произведений Хомякова, это “Послание к сербам” от нас всех, им и нами всеми подписанное. Оно печатается (с нашими подписями) на русском и сербском языке вместе. *Политического тут ничего нет.* Цель послания передать заблаговременно сербам нашу горькую опытность, чтобы они не впали в наши ошибки, — оно не назначается собственно для продажи, но назначается для чтения сербам, которым и будет доставлено с честною явностью. Когда будет готово, я Вам пришлю. Оно имеет характер совершенно духовного послания»³⁹. В этот же день он пишет А. И. Кошелеву о смерти Хомякова: «...для меня точно потемки легли на мир, точно угасло светило, дневным светом озарявшее нам путь. Он был нашею совестью, и даже совестью каждого из нас лично, он был нашей гордостью и в то же время истинною утехою; он всем нам был опора и вождь, и друг и центр, нас соединявший... История нашего славянофильства как круга, как деятеля общественного замкнулась». И добавляет: «А я печатаю здесь одно из последних его творений, послание к сербам. То есть печатаю в Лейпциге, а корректуру мне сюда присылают»⁴⁰.

Вчитаемся в сам текст этого, и по сей день рождающего дискуссии сочинения А. С. Хомякова. Перед нами очень аккуратная стостраничная книжечка — «билингва», страницы слева (четные) по-русски, справа (нечетные) — по-сербски⁴¹. На обложке также название на двух языках «Къ Сербам. Лейпцигъ. У Франца Вагнера» и «Србљима. Посланиѣ изъ Москве. У Лейпцигу кодъ Фране Вагнера». Перевод, надо заметить, изобилует русизмами, да и грамматика полурусская, полусербская — мягкие и твердые знаки на конце слов, в сербском языке не употреблявшиеся.

Что же такого крамольного было в сочинении Хомякова, что юная сербская цензура могла его не пропустить?

Представляется, что в первую очередь его не пропустила бы в печать цензура русская, потому что трактат этот в равной степени касается и сербов и России. В сущности, это анализ трудного и сложного «врастания России в Европу», того, что называется сейчас европеизацией и модернизацией. Какова должна быть мера этой модернизации, какие сферы жизни не могут и не должны быть европеизированы, растолковывает на русском примере своим сербским братьям — либералам А. С. Хомяков. Основные положения его труда сводятся к следующему.

Во введении объясняются мотивы написания этого трактата. Воздав должное терпению и мужеству сербского народа, получившего с Божьей помощью и при содействии «единокровного и единовѣрного вам народа рус-

ского» «свободу от нестерпимого ига народа дикого и неверного, самостоятельность и самобытность в делах общественных, возможность мирного и безмятежного жития...», автор пишет о грозящих сербам испытаниях. Это прежде всего *испытание свободой*, которая «величайшее благо для народов, налагает в то же время великие обязанности [...] удваивает для людей и для народов их ответственность перед людьми и перед Богом». Во-вторых, это *искушение благополучием*, поскольку «счастье и благоденствие преисполнено соблазнов и многие, сохранившие достоинство в несчастьях, предалися искушениям, когда видимое несчастье от них удалилось».

Далее объясняется, по какому, собственно, праву взялись московские благожелатели давать советы сербам: «Поэтому да позволено будет нам, вашим братьям, любящим вас любовью глубокою и искреннею и болеющих душевно при всякой мысли о каком-нибудь зле, могущем вас постигнуть, обратиться к вам с некоторыми предостережениями и советами. Мы старше вас»⁴².

Тематически эти предостережения выглядят следующим образом.

1. По сути, это, прежде всего, предостережение от эксклюзивного национализма — «не возгордитесь перед другими славянами своими успехами в обретении независимости». Предостережение вполне уместное и своевременное, ибо и в самом деле такая угроза была. Уже начались первые, пока еще литературные споры с хорватами, а впереди были территориальные конфликты и войны с болгарами в 1878–1885 гг.
2. Идеологической основой государства, несмотря на либеральные доктрины его устройства, должно быть Православие, а не идеализм или материализм. Здесь как раз содержится и вызвавший острую полемику тезис, что при необходимости полной свободы в Вере и в исповедании ее не допускать все же «совратившихся с пути истинного» до управления государством. Именно православие даст возможность сохранить локальное самоуправление — «земскую общину».
3. Необходимость сохранения существующего у сербов естественного равенства, не допуская деления на благородных и низших. Надо сказать, что сербы и сами прекрасно понимали необыкновенное преимущество «социальной однородности» своего общества, возникшей в общем-то при трагических обстоятельствах истребления или «потурчения» их родовой знати много веков назад. Все сербские законы и конституции, а их в XIX в. было немало, решительно запрещали любого рода сословное деление или введение каких-либо сословных отличий и званий. Сербия была страной, в которой проживало около миллиона свободных крестьян-собственников, владеющих средними наделами земли. Класс чиновничества только зарождался, а политическая элита состояла из нескольких десятков грамотных людей.

4. Заимствуя технические достижения Запада, следует сохранять национальную самобытность, особенно в языке. В качестве негативного примера приводится эпоха Петра Великого в России, когда «вся земля русская обратилась как бы в корабль, на котором слышатся только слова немецкой команды». При этом сама эпоха преобразований Петра оценивается положительно. Это кстати подтверждает вывод известного ученого Анджея Валицки, что А. С. Хомяков, в отличие от И. Киреевского, очень высоко оценивал деятельность Петра Великого, поскольку, хотя он сделал много ошибок, потомство вспомнит о нем с благодарностью, ибо за ним остается честь пробуждения России к силе и сознанию силы⁴³.

Предостережение от тотальной вестернизации: «Учитесь у западных народов, это необходимо, но не подражайте им, не веруйте в них, как мы в своей слепоте им подражали и веровали. Да избавит Вас Бог от такой страшной напасти!»

5. Не обойдена вниманием и специфически сербская проблема распыленности сербского народа, наличия колоссальной сербской диаспоры. К тому времени уже больше двухсот лет свыше миллиона сербов проживали на территории Австрии, где они имели церковно-школьную автономию, где преуспевали, сформировали слой зажиточных и образованных людей и даже создали наряду со школами, гимназиями и типографиями и свои научные учреждения в рамках «Матицы Сербской».

Опасаясь, что именно австрийские сербы и будут пропагандистами тотальной европеизации, Хомяков писал о них: «А их просим мы не слишком доверять своей мнимой мудрости и помнить, что они приступили к вашему союзу не как чистейшие и безусловно лучшие, но, напротив того как люди несколько искаженные и требующие, так сказать, внутреннего омовения от иноземной проказы».

Эти предупреждения не могли не вызвать негативной реакции у так называемых «австрийских сербов», что и почувствовал Аксаков во время своего пребывания в Воеводине. Принят там он был чрезвычайно холодно, а иерархи Карловацкой православной патриархии и вовсе отказались с ним встречаться. Об обстоятельствах посещения Аксаковым Воеводины оставил очень яркие воспоминания известный сербский политический и общественный деятель Яков Игњатович. Эти мемуары проанализировала в своей статье «Утраченные иллюзии» большой знаток русской и сербской общественной мысли сербская исследовательница Латинка Перович⁴⁴.

Обида, видимо, была очень велика, так как вообще-то воеводинские сербы остро нуждались в поддержке, ибо австрийский центр принял решения об упразднении административной единицы «Сербская Воево-

дина и Темишский Банат» и передавал их в состав венгерской короны⁴⁵, лишая последних черт самостоятельности.

6. Призыв сохранять национальные традиции — одежду, обычаи. «Не вдавайтесь в соблазн быть европейцами [...] Не надевайте на свою умственную свободу шегольского ошейника с надписью “Европа”».
7. Хомяков призывает сербов не стремиться к роскоши, а богатство употреблять на просвещение. «Поистине, Сербы, та земля велика, в которой нет ни нищеты у бедных, ни роскоши у богатых, и в которой все просто и без блеска, кроме Храма Божия. Такая страна действительно сильна: она угодна Богу и честна у людей».
8. Охранять и защищать нравственные идеалы и способствовать чистоте семейных отношений, стараясь не поддаваться разлагающему влиянию извне. «По свету ходит об вас великая похвала, которую, как думаем, вы заслуживаете: это похвала чистоте ваших нравов».
9. Реформу судопроизводства рекомендует Хомяков проводить на основании суда общинного. Непременным условием считает отмену смертной казни: «Не казните преступника смертью. Он уже не может защищаться, а мужественному народу стыдно убивать беззащитного».
10. Следует подчиняться власти, избранной народом, но одновременно и радовать о сохранении свободы мнений и свободы печати.
11. Уважать духовных пастырей, но не позволять, «чтобы они величали себя церковью, отдельно от народа».
12. Всячески петься об общедоступном распространении знаний. Образование должно быть доступно для всех.

«Любите и поощряйте науку не только ради прямой пользы, которую она приносит обществу и частным людям в жизни общественной, но гораздо более ради того, что ею расширяется и укрепляется разум, великий Божий Дар. Знайте и то, что там, где наука пользуется свободой и почетом ради самой себя, там она доброплодна и сильно содействует общественному благу; там же, где ее принимают как наемную работницу, там она бессильна и не приносит никаких плодов самому обществу. Это мы отчасти сами испытали и испытываем даже и теперь».

Общий вывод «Послания» следующий: «Мы же сочли своим долгом сказать вам то, что узнали из опыта, и предостеречь вас от ошибок, в которые легко может впасть народ, входя в неизведанную им область умственных сношений с другими европейскими народами».

Как уже говорилось выше, в отечественной историографии сложилась традиция писать об исключительно негативном восприятии творения Хомякова в Сербии. Начало было положено Н. Г. Чернышевским в его статье в «Современнике» (№ 3–4 за 1862 г.) «Самозванные старейшины». Там содержалась уничижительная критика «Послания», издевка над ее авторами,

каковыми могут быть «только люди до крайности скудные разумением обстоятельств и потребностей исторической жизни, да и всяким разумением чего бы то ни было». И. С. Аксаков был этим чрезвычайно возмущен.

Первым все обстоятельства полемики Чернышевского и Аксакова восстановил известный советский ученый С. А. Никитин⁴⁶. Он полностью встал на сторону Чернышевского и его сторонников и пришел к выводу, что основные идеи «Послания» «совершенно вне плана развития сербской жизни и без всякой связи с реальными интересами и стремлениями сербов»⁴⁷. Авторитет академика С. А. Никитина, глубокого знатока российских архивов и периодики, исследователя деятельности славянских комитетов, аналитика русской внешней политики на Балканах, был так велик, что и его ученики в нашей стране, и ученые Югославии ссылались на утверждение о неприятии «Послания» как на очевидный факт, не давая себе труда искать какую-либо иную аргументацию, кроме никитинской⁴⁸.

Не отступая в целом от постулатов Никитина, все же некоторые из сербских ученых пытаются понять истинный отклик на его творение в Сербии. Особая роль принадлежит здесь выдающемуся сербскому ученому Милораду Экмечичу. Анализируя «Послание», он останавливает свое внимание на русском видении будущего Сербии. Прежде всего это касается вопроса о чистоте православия в Сербии. Ученый считает, что современники отмечали отличие еще и до наступления эры модернизации сербского православия от русского и греческого, а русские славянофилы приложили немало энергии, чтобы выявить слабые места в сербском христианстве. Они говорили о чересчур самостоятельном характере церкви, у которой есть свои национальные святые, и о снисходительности пастырей к тому, что верующие не имеют привычки посещать храмы, удивляло их и чрезмерное подчинение церкви государству⁴⁹. В этом видит Экмечич давление и дидактизм со стороны славянофилов, ратующих за «истинное православие» в стране, где начинаются процессы секуляризации.

Русские славянофилы, согласно Экмечичу, еще до Крымской войны были настроены на решительную критику происходящего в Сербии сближения с католицизмом. Они критиковали и реформу Вука Караджича в этом же духе. Хомяков направил в 1853 г. в Белград стихотворение-призыв: «Вставайте, оковы распались!»⁵⁰. «Итогом этой критики сербского национального движения стала публикация славянофильского «Послания к Сербам», написанного А. С. Хомяковым. Книга вышла в Лейпциге в 1860 г. в сербском, французском и немецком переводах»⁵¹. Здесь ученый ошибается в деталях, так как текст был только на русском и сербском (кириллица) языках, но прав по сути. Да, действительно, наибольшее неприятие «Послание» вызвало не у сербов Княжества, и не у демократически настроенной молодежи, а в католических кругах. Два наиболее серьезных критика

«Послания» в Сербии — Джура Даничич и Матия Бан были с этими кругами тесно связаны.

О реакции на «Послание» в католической среде имеются и сведения в русских источниках. Об этом достаточно красноречиво писал митрополиту Михаилу Раевскому в Вену русский вице-консул в Риеке (Фиуме) Василий Федорович Кожевников, который в 1859–1860 гг. был секретарем русского посольства в Белграде и общался с И. С. Аксаковым во время его пребывания в Сербии. Кожевников весьма критически отнесся к «Посланию», аргументируя это тем, что в нем были оскорблены чувства верующих католиков-славян. В письме к Раевскому от 27 ноября 1861 г. из Риеки он пишет: «Не надо забывать, что славяне-католики были страшно обижены в “Послании из Москвы”. Вспомните только, почтеннейший Михаил Федорович, что говорилось в “Послании” о католиках; выписываю здесь несколько строк (с. 32) “...да будет он (т. е. славянин-католик) Вам все еще братом, хотя несчастным и ослепленным! Но да не будет уже он ни законодателем, ни правителем, ни судьей, ни членом общинного схода, ибо иная совесть у него, иная у Вас [...]”⁵² Кажется, этого одного достаточно, чтобы понять, что кроаты (хорваты. — Л. К.) должны были *по всем законам здравого разума* оскорбиться и поудержать несколько свою симпатию к *единоплеменным братьям* русским, которые так неосторожно — и даже неловко — бросили в них камень, да еще откуда — из Москвы! Как хотите, а промах сделан, и едва ли скоро можно будет изгладить неприятное впечатление, произведенное на хорватов “Московским посланием”. Дай Бог, чтобы кроаты поскорее позабыли *эту ошибку* и извинили бы славянофилов, не думавших, быть может, их оскорбить. От души желаю, чтобы *подобных приветствий* славянам со стороны наших лучших и честных деятелей не возобновлялось»⁵³.

По-видимому, ответ М. Ф. Раевского был очень резким и направленным в оправдание и защиту хомяковского послания, ибо уже 19 декабря 1861 г. Кожевников пишет обширное письмо из Рагузы, в котором объясняет причины своего неприятия «Послания»: «Да разве я писал Вам когда-нибудь, что восстаю против *живых и спасительных истин* “Московского послания”? Удивляюсь и искренно сожалею, что Вы дали такой превратный смысл словам моим. Я не защищал ни папизма, ни католической веры. Я сказал только, что католики (хорваты, разумеется) имели полное право обидеться, прочитав некоторые страницы “Московского послания”»⁵⁴. Детально разъяснив эту свою позицию тем, что «*появление этой книжки не вовремя* наделало много вреда нам и, может быть, даже усилило в католиках-славянах недоверие к России».

Русский дипломат замечает далее и о той реакции, которую вызвало «Послание» среди православных сербов Княжества. Он служил секретарем

рем русского консульства в Белграде летом 1860 г., когда туда приезжал Аксаков с рукописным текстом «Послания»: «Сошлюсь прямо на слова любимого и уважаемого мною Ивана Сергеевича Аксакова. Читая эту рукопись в Белграде, он сказал: “Жаль, что не имею никакого права изменить что-либо в этом послании; поймут ли сербы все то, что здесь высказано и не слишком ли рано говорить им так откровенно о наших ошибках и старых грехах?” Последствия показали, что Иван Сергеевич действительно не ошибся и что сербы не оценили или не умели оценить хорошую сторону этой душевной исповеди»⁵⁵.

Однако вернемся к аргументации Экмечича. Очень интересен его вывод, что «Послание» недооценено исследователями в контексте его значения для сербской и югославянской истории того времени. До сих пор нет глубокого научного исследования того влияния, которое оказало «Послание» на современную ему сербскую политику, считает ученый. Очень важно, по мнению Экмечича, что еще до того, как оно было опубликовано, это послание было привезено в Белград, где часть сербской интеллигенции полностью согласилась с выводами этого труда. Более того, Экмечич считает, что без анализа этого влияния непонятен исторический путь либеральной партии и то, почему в ней было так мало национальных жизненных соков. По мнению Экмечича, влияние идеологических наставлений (порука) «Послания к сербам» ощущалось до 1878 г. И именно они стали причиной исторической катастрофы сербской национальной идеи после начала Герцеговинского восстания 1875 г. и вплоть до Берлинского конгресса. Лишь в 1876 г. сербское национальное движение целиком попадает в руки русских славянофилов. Экмечич утверждает, что славянофилы стремились к созданию славянского союза с центром в России и для этой цели собирались использовать сербов в качестве тарана. Они финансировали и сочинение И. Ткалаца 1853 г. и использовали призыв Я. Игњатовича 1856 г., которые в той или иной степени пропагандировали сербо-русское сближение для противостояния западному миру.

Общее отношение Экмечича к инициативе славянофилов негативное — они-де свернули сербов с истинно верного пути строительства национального сербского государства. Вывод Экмечича представляется спорным, поскольку именно в это время и цели славянофилов, и цели собственно сербской национальной программы «Начертание» во многом совпадали: это был план освобождения славянских народов Балканского полуострова от турецкого господства. Не избежал ученый при этом и фактических ошибок, полагая, что в Белграде в 1860 г. был Константин Аксаков, в то время как там был Иван. Тем не менее важно, что сербский ученый понял необходимость изучения того отклика, который получило «Послание» в Сербии. Эту мысль развивает и последователь Экмечича сербский ученый Милан

Суботич. В своей монографии, посвященной либеральной идее и практике в Сербии, он посвятил анализу «Послания» целую главу⁵⁶, а в последние годы занялся анализом политических идей славянофильства⁵⁷.

Упомянутая выше известная сербская исследовательница Латинка Перович также считает, что влияние славянофилов в Сербии имело продолжение и заслуживает исследования.

О том же, какую громадную роль сыграли труды А. С. Хомякова в формировании идеологии творца Югославии, выдающегося сербского политика Николы Пашича написал в своем исследовании А. Л. Шемякин⁵⁸. Ученый доказал, что, именно базируясь на трудах Хомякова, Никола Пашич создавал идеологическую основу своего оригинального проекта нового сербского государства.

Сами же славянофилы и не подозревали, какого рода обвинения они получат за свою инициативу. О том, что «Послание» представлялось славянофилам вполне корректным по отношению к славянам документом, свидетельствуют слова Аксакова, сказанные им в 1860 г.: «Мы рады, что успели, кажется, рассеять ложные понятия, какие существовали у нас и у славян о русском панславизме и убедили наших братьев, что сочувствие наше чуждо посягательства на их самостоятельное развитие; признание прав на самобытность каждой славянской народности было всегда девизом русского славянофильства»⁵⁹.

Внимание Хомякова к проблемам сербской государственности, его вклад в исследование ситуации в Сербском княжестве в первой половине XIX в. оставили глубокий след в памяти сербского общества. Это выразилось в перманентном обращении к творчеству Хомякова сербскими интеллектуалами. Такое обращение сопровождалось всеми оттенками научного исследовательского анализа — от открытой критики и полемики до глубокого осмысления идей Хомякова и применения их в общественно-политической практике (Пашич).

Странные бывают переплетения судеб идей с судьбами людей. Младший сын Хомякова — Николай (1850–1925), известный русский политический деятель, предводитель дворянства Смоленской губернии, член Государственного совета, депутат II и IV Думы, председатель III Думы, октябрист, после революции нашел пристанище в Югославии, где и умер в 1925 г. Это тот самый мальчик, который был назван Хомяковым в честь Николая Языкова, крестным отцом которого был Николай Васильевич Гоголь и о котором Хомяков писал Веневитинову: «Если малый не будет литератором, не верь уж ни в какие приметы». В эмиграции в Югославии Николай Алексеевич Хомяков жил на пособие, которое получал от короля Александра Карагеоргиевича в знак уважения деятельности его отца на пользу Сербии⁶⁰.

Итак, следует признать, что идеологический компонент в сербской политической программе был наиболее неотработанным и уязвимым в выборе ее политического пути. Во многом эта неопределенность оказала воздействие и на повороты в сербской политике по отношению к России. Представляется, что не только нежелание России помочь Сербии в создании крупного государства в период заключения Сан-Стефанского договора, но и серьезные идеологические расхождения стали причиной русско-сербских разногласий.

Тютчев так писал по этому поводу Ю. Ф. Самарину о двух возможных типах восприятия славянскими лидерами России: «Все зависит от того, как славяне понимают и чувствуют свои отношения к России. В самом деле, если они — а к этому весьма склонны некоторые из них, — если они видят в России лишь силу — дружескую, союзную, вспомогательную, но, так сказать, внешнюю, то ничего не сделано и мы далеки от цели. А цель эта будет достигнута лишь тогда, когда они искренно поймут, что составляют *одно* с Россией, когда почувствуют, что связаны с ней той зависимостью, той органической общностью, которые составляют между собой все составные части единого целого, действительно живого. Увы, через сколько бедствий, вероятно, придется им пройти прежде, чем они примут эту точку зрения, целиком и со всеми ее последствиями»⁶¹.

Примечания

¹ О деятельности Йована Ристича в 70-е гг. XIX в. см.: Кузьмичева Л. В. «Фальшивый партизан русский». Йован Ристич и обретение Сербией независимости // Родина. 2003. № 10. С. 70–74.

² О Владимире Дворниковиче (1888–1956) и оценке его творчества в историографии см.: Roksandić D. «Karakterologija Jugoslovena» Vladimira Dvornikovića i njezina recepcija u srpskoj i hrvatskoj kulturi // D. Roksandić: Srpska i hrvatska povijest i «nova historija». Zagreb, 1991. S. 227–257, а также предисловие Жарко Требьешанина к сборнику трудов Дворниковича — Дворниковић В. Борба идеја. Београд, 1995. С. 5–26.

³ Дворниковић В. Борба идеја. С. 62.

⁴ Ibid. С. 63.

⁵ Церковь в истории славянских народов. Сборник статей (Балканские исследования. Выпуск 17). М., 1997; Роль религии в формировании южнославянских наций / Под ред. И. В. Чуркиной. М., 1999.

⁶ Об этом замечательно сказала в своей вступительной статье И. В. Чуркина, четко определив как ракурс редактируемого ею труда — «проследить процесс образования южнославянских наций и то влияние, которое на него оказывали религиозные

верования», так и характер стоящих перед исследователями терминологических и методологических проблем. См.: Роль религии в формировании южнославянских наций. С. 3–11.

⁷ *Виноградов В. Н.* Официальная Россия, балканские христиане и Восточный вопрос // Церковь в истории славянских народов. Сборник статей. С. 185.

⁸ Характерны в этом отношении воспоминания митрополита Серафима (Чичагова), боевого офицера времени Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., активно участвовавшего в определении территориальных границ Сербии после Берлинского конгресса.

⁹ *Виноградов В. Н.* Официальная Россия, балканские христиане и Восточный вопрос. С. 181.

¹⁰ *Екмечић М.* Стварање Југославије. 1790–1918. Београд, 1989. Т. 1. С. 15.

¹¹ Ibid.

¹² Милан Суботич дает следующую ссылку: *Екмечић М.* Стварање Југославије. 1790–1918. Београд, 1989. Т. 2. С. 152. Но нам представляется, что здесь некоторое недопонимание мысли Экмечича, так как он здесь говорит об опасности распространения униатства.

¹³ *Subotić М.* Sricanje slobode. Studije o роћесима liberalne političке misli u Srbiji XIX века. Gradina-Niš, 1992. S. 114.

¹⁴ *Stokes G.* Politics as development. N. Y., 1993. P. 182–183.

¹⁵ *Левандовский А. А.* Время Грановского: У истоков формирования русской интеллигенции. М., 1990. С. 167.

¹⁶ *Кошелев В.* Алексей Степанович Хомяков. Жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях. М., 2000. С. 462–463.

¹⁷ *Хомяков А. С.* Полное собрание сочинений. Т. 8. М., 1900. С. 379, 384, 386.

¹⁸ Там же. С. 386.

¹⁹ Там же. С. 330.

²⁰ Известный исследователь славянофильского движения в России Н. И. Цимбаев пишет, что для Славянского отдела аксаковской газеты «День» (1861–1865) МИД предоставлял материалы, которые раньше давал только в «Санкт-Петербургские ведомости». «В Азиатском департаменте МИД путем обработки консульских донесений составлялись корреспонденции и статьи по славянской тематике. Обработывали депеши чиновники МИД, видные слависты В. И. Ламанский и А. Ф. Гилфердинг под личным наблюдением Е. П. Ковалевского (директора Азиатского департамента МИДа. — Л. К.)» (*Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России.* М., 1978. С. 77).

²¹ См. [*Аксакова В. С.*] Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. СПб., 1913. С. 42–44.

²² *Хомяков А. С.* Полное собрание сочинений. М., 1904. Т. 5. С. XXI.

²³ *Ровнякова Л. И.* Южнославянская тема в журнале «Русская беседа» (1856–1860) // Л. И. Ровнякова. Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50–70-е годы XIX века). Очерки. Л., 1986. С. 31–65.

²⁴ Там же. С. 230–232.

²⁵ *Аксаков И. С.* Отчего так нелегко живется в России. М., 2002. С. 109–110.

²⁶ Самарин Ю. Ф. Предисловие // А. С. Хомяков. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1871. С. 7–43.

²⁷ Сербский богослов и философ преподобный Иустин (в миру — Благое Попович) (1894–1979) — выпускник Оксфордского университета, доктор философии и богословия, один из основателей в 1938 г. Сербского философского общества. Иустин (Попович) широко известен своими богословскими сочинениями, а также трудами, посвященными анализу творчества и философии Достоевского: «Философия и религия Достоевского», «Достоевский о Европе и славянстве» и др. В 1993 г. Сербская Православная Церковь причислила отца Иустина к лику святых.

²⁸ Самарин Ю. Ф. Предисловие // А. С. Хомяков. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1871. С. 8.

²⁹ Там же. С. 11.

³⁰ Там же. С. 42.

³¹ Кошелев В. Алексей Степанович Хомяков. Жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях. М., 2000. С. 463.

³² Там же.

³³ И. С. Аксаков в его письмах. (Письма 1851–1860 годов). М., 1892. Т. 3. С. 27.

³⁴ И. С. Аксаков в его письмах. (Письма 1851–1860 годов). М., 1892. Т. 3. С. 426.

³⁵ Там же. С. 432.

³⁶ Там же. С. 466.

³⁷ Там же. С. 467.

³⁸ Там же. С. 477.

³⁹ Хомяковский сборник. Томск. 1998. С. 279.

⁴⁰ Там же. С. 224–225

⁴¹ Наряду с оригинальным Лейпцигским изданием 1860 г., хранящемся во многих российских библиотеках, «Послание» было в России впервые опубликовано только в третьем, дополненном издании сочинений Хомякова. В предшествующих оно отсутствовало, вероятно, по цензурным соображениям. См.: К Сербам. Послание из Москвы // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. М., 1900. Т. 1. С. 377–408.

⁴² К Сербам. Послание из Москвы. Лейпциг, 1860. С. 6–8.

⁴³ Славянофильство и западничество. Консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого. М., 1992. Вып. 2. С. 23–24.

⁴⁴ Перович Л. Утраченные иллюзии. Иван Аксаков и сербский писатель Яков Игнатович // Родина. 2003. № 10. С. 63–64.

⁴⁵ См. подробнее: Кузьмичева Л. В. Национально-политические проблемы сербов Воеводины в Австро-Венгрии после 1867 г. // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С. 88–96.

⁴⁶ Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е гг. XIX в. С. 202–211.

⁴⁷ Там же. С. 206–207.

⁴⁸ См.: Карасев В. Г. Сербский демократ Живоин Жуевич. М., 1974. С. 105. Автор, ссылаясь на своего учителя С. А. Никитина, тем не менее разъясняет сущность вы-

ступления Чернышевского как часть бескомпромиссной полемики со славянофилами; *Ровнякова Л. И.* Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50–70-е годы XIX века)... С. 40–42; *Вулетий В.* Руси и Срби у сусрету. Нови Сад, 1995. С. 44–48.

⁴⁹ *Екмечић М.* Стварање Југославије. 1790–1918. Т. 2. С. 81–83.

⁵⁰ Там же. С. 146–147.

⁵¹ Там же. С. 151.

⁵² Следует отметить, что, вырывая из контекста эту цитату, В. Кожевников коренным образом изменяет смысл этого положения в тексте А. С. Хомякова. Речь идет не обязательно о католиках, а о том, что неправославные не могут руководить сербским государством и обществом. В целом же речь идет о свободе вероисповедания, свободе совести. Вот начало цитаты из издания, которое было у Кожевникова: «Да будет же всем полная свобода в Вере и в исповедании ее! Да не терпит никто угнетения или преследования в деле Богопознания или Богопоклонения! Никто, хотя бы он был, чего Боже избави, совратившимся с пути истинного Серб! Да будет он вам еще братом, хотя несчастным и ослепленным!» // К Сербам. Послание из Москвы. Лейпциг. У Франца Вагнера. 1860. С. 32.

⁵³ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М., 1975. Док. 185. С. 213.

⁵⁴ Там же. Док. 186. С. 214.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ *Subotić Milan.* Sricanje slobode... S. 107–158.

⁵⁷ *Subotić Milan.* Političke ideje klasičnog slovenofilstva // Tokovi istorije. 1999. Br. 1–4. S. 7–35.

⁵⁸ *Шемякин А. Л.* Идеология Николая Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998. С. 301–318.

⁵⁹ *Аксаков И. С.* Отчего так нелегко живется в России. С. 110.

⁶⁰ *Давыдова Е. С.* Комментарии к публикации «М. А. Хомяков. Воспоминания об А. С. Хомякове» // Хомяковский сборник. Томск, 1998. Т. 1. С. 174–178.

⁶¹ *Тютчев Ф. И.* Соч.: В 2-х т. М., 1980. Т. 2. С. 216–217.

А. Л. Шемякин

Народ и власть в независимой Сербии

Его Величество присутствовал на спектакле в театре: никто не удосужился встать, когда он вошел.

Альбер Мале.

Дневник с сербского двора. 1892–1894 гг.

Утром король гуляет по городу пешком или ездит верхом. Когда его узнают на улицах, он любит говорить с крестьянами и рабочими. Летом король обыкновенно ездит верхом в дачное место около Белграда, и, если видит, что кто-либо, кого он знает, уже встал и возится у себя в саду, он часто останавливает лошадь и начинает с ним разговаривать через забор.

Г. В. Комаров.

В Белград на Пасху. 1914 г.

В данном материале нам бы хотелось реконструировать схему взаимоотношений народа и власти в независимой Сербии (1878–1918) или, если еще точнее, проследить, как сербское крестьянство (доля которого в населении никогда не опускалась ниже 87%) воспринимало сам институт монархии, своих правителей и лидеров вообще. Такая постановка вопроса органично вписывается в более широкую и принципиально важную для всех Балкан тему: «Государство и его институты в традиционных обществах».

При этом нам надлежит объяснить, почему даже в период независимости, когда национальная свобода сербиянцев, казалось бы, была завоевана, а страна вступила в этап внутренней реконструкции, сербский монархизм продолжал пребывать в кризисе — вспомним хотя бы жестокий конфликт Милана Обреновича с народом, завершившийся в 1889 г. отречением короля; череду государственных переворотов и насильственную смену династий; отказ кронпринца Георгия от престолонаследия и фактический уход

от дел в июне 1914 г. самого Петра Карагеоргиевича... И перед нами встает триединый вопрос: в чем же причина этого *перманентного кризиса монархизма**, когда *ни один* из сербских суверенов, кроме, пожалуй, Милоша, не умер в собственной постели; оплакиваемый верными подданными; как в таких условиях функционировало государство; и какие (мы имеем в виду — нелегитимные) центры силы присутствовали в политической жизни независимой Сербии?

Заметим, что мы никоим образом не претендуем на исчерпывающее объяснение указанного феномена (статья носит сугубо постановочный характер); хотелось бы лишь наметить основные линии будущего *сравнительного* исследования, каковое, о чем уже говорилось, мы считаем крайне важным в общем контексте региона.

* * *

Но для начала, имея в виду посвящение многих научных мероприятий 2004 г. юбилею начала Сербской революции, приведем два отрывка из источников той эпохи. Во-первых, свидетельство Вука Караджича, описавшего выбор Карагеоргия верховным предводителем восстания на скупшине в Орашце: «Кто же будет наш старейшина? — вопрошали выборщики. — Ни один дом не может существовать без старейшины, а тем более народ. Вот и нам надобно знать, кого спрашивать и кого слушаться...»¹ Вторая цитата — из только что вышедшего дневника российского военного агента в Черногории Н. М. Потапова, подготовленного к печати нашим черногорским коллегой Радославом Распоповичем. Русский офицер записал сообщенный ему диалог Милоша Обреновича с Климентом Меттернихом: «Однажды Меттерних, желая смутить Милоша, спросил его: “Правда ли, что вы в детстве пасли свиней?” — “Правда, — ответил Милош и добавил: — Но если бы вы их пасли в детстве, то оставались бы свинопасом и по сей день”»¹.

* Мы вполне отдаем себе отчет во всей уязвимости термина «перманентный кризис монархизма» в отношении к истории Сербии 1804–1918 гг. Однако, призывая коллег к дискуссии, хочется спросить: как тогда называть положение, когда за 114 лет ее существования не было практически *ни одного* монарха, который бы правил *регулярно*. Трое было убито (Карагеоргий, Михаил и Александр Обреновичи), двое правили по два раза (Милош и Михаил), причем оба периода их правления были разделены многолетним изгнанием. Александра Карагеоргиевича изгнали навсегда. Милан Обренович сам и открыто отрекся от престола, а Петр Карагеоргиевич сделал то же самое, но более дипломатично. Трижды (а, если точнее, то и четырежды) у власти находилось коллективное регентство, а один раз регентом при живом отце был принц Александр Карагеоргиевич, который сам-то стал престолонаследником после «отставки» старшего брата. Ну а в конце XIX в. в Сербии вообще случился казус — *de facto* в ней было два короля...

Данные высказывания непосредственных участников событий проясняют два важных обстоятельства. Во-первых, когда перед повстанцами Белградского пашалыка встала задача возрождения собственной государственности, они обратились к привычным традициям семьи (задруги) и общины — древних форм самоорганизации и выживания сербского этноса под властью турок. Именно поэтому шумадийский селяк и воспринимал *свое* нарождающееся государство как многократно увеличенную копию *своего* же «микромрава», отношения в котором базировались на нескольких принципах, освященных старым обычаем, а именно: «Отдельный член задруги должен подчинять свою личную волю коллективной воле всех членов, которая воплощается в решениях старейшины»³. Но при этом власть последнего не была абсолютной — обычай защищал задругаров от возможного самодурства *первого среди равных*, который, «несмотря на то, молодой он или старый, всегда может быть заменен другим, если члены задруги сочтут, что такая смена целесообразна и полезна...»⁴ Как видим, люди в руководстве *могли меняться* (это для нас крайне важно), сам же принцип главенства и подчинения (при условии выборности и договора, т. е. *личной санкции снизу*, что тоже существенно) оставался неизменным. И все это в рамках норм обычного права, а не писаного закона, отношение к которому у сербов долгое время оставалось весьма скептическим.

И во-вторых, такое (патриархальное) восприятие государства порождало столь же специфическое представление о монархе, каковой в глазах крестьянина, по словам современника, «являлся главой задруги, в отношении которого ее члены также имели некоторые права»⁵; прежде всего, как уже говорилось, право его выбора и возможность замены в результате *личного* с ним общения. Поэтому и сами основы *нового* сербского монархизма (назовем его так) были совершенно иными, чем в Европе или России, что точно и емко выразил Милош в своем ответе Меттерниху.

И впрямь, вместо иерархии — патриархальный эгалитаризм; вместо аристократичности — плебейское происхождение; вместо целой толщи предшественников — младенческий возраст, а вместо исторического права — выборность. Отсюда и происходила возможность импровизаций и «кадровой» чехарды на престоле, чем новая сербская история была столь богата.

Итак, повторимся, свое государство сербский селяк понимал как во много раз увеличенную копию семьи. Соответственно монарх — это ее глава, или *отец*... Отсюда понятно, почему, «в отличие от соседних народов, сербы не терпели на своем престоле представителей иностранных династий»⁶.

Столь архаичные представления о власти сохранялись в народе на протяжении всего периода независимости, что подтверждают и русские очевидцы. «Семья, — писал один из них уже в 1880-е гг., — служит прототипом государству...»⁷ Сама же власть, централизуясь и дифференцируясь,

неизбежно отчуждалась от общества, и, следовательно, менялся сам характер управления: на смену традиционной авторитарности «семейного» типа, когда крестьянин *сам* выбирал своего старейшину, которому верил и подчинялся, приходила безликая тирания госаппарата; собрание же и договор, как основа прежнего решения дел на местах, заменялись прямыми директивами из столицы — потребность внутренней консолидации государства связывала всю его территорию единой волей центра. Соответственно избираемые населением и отвечающие перед ним старейшины (*свои*) постепенно выдавливались назначаемыми сверху чиновниками — проводниками этой самой воли (*чужими*). Процесс политической модернизации, таким образом, рвал узы привычной интимности во взаимоотношениях низов и верхов, возводя между ними непроницаемую бюрократическую стену, что вызывало в низах открытый протест⁸. Прав немецкий коллега Ханс-Михаэль Мидлих, четко уловивший эту константу новой сербской истории: «Негативное отношение народа к власти, государству и монарху росло ровно настолько, насколько их деятельность была направлена на модернизацию государственных и общественных структур»^{9*}.

И если Милош Обренович — этот неграмотный и деспотичный правитель, но все-таки *свой*, — умевший с народом обходиться, ладить** и даже идти навстречу в ущерб собственной бюрократии («обращение его с ним было патриархальное, доступное»¹⁰, — как отмечали русские), имел право патетично воскликнуть: «О, народ, ты моя сила!»***, то его наследники,

* Великий сербский историк Слободан Йованович еще в начале XX в. выделил патриархальный позитив этой универсальной формулы: «На протяжении всего XIX в. наш народ стремился организовать свою государственную жизнь на семейно-общинных принципах, базируя ее на общем договоре, а не на единстве власти. Постоянный совет и обсуждение, а не концентрация управления в одних руках, должны были олицетворять государство» (*Йовановић С. Наше уставно питање у XIX веку // Српски книжевни гласник. XIX. Св. VI. Београд, 1905. С. 521*).

** Российский путешественник Е. Л. Марков донес до нас показательный рассказ: «Милош приказал срубить дубы между Топчидером и большой дорогой. Семья и приближенные напрасно убеждали его, что рубить нельзя, что дубы чужие. “Срубить!” — упрямо настаивал властный старик. Тогда пришел кмет соседней деревни и сказал: “Князь, деревья рубить нельзя”. Милош разгневался и изругал старшину. “Тебе, мужику, какое дело! Срубить, и только!” — крикнул он. “Нельзя, князь! Деревья наши, принадлежат нашему селу. Мы не касаемся твоих деревьев, так и ты не тронь наших...” Старый Милош задумался, и деревья уцелели» (*Марков Евг. Путешествие по Сербии и Черногории. СПб., 1903. С. 191–192*).

*** По определению сербского исследователя Лазара Вркатича, «патриархальный способ правления Милоша Обреновича поделил Сербию как бы на две субстанции — князя и народ. Между ними не было никого...» (*Vrkić L. Pojam i biće srpske nacije. Sremski Karlovci — Novi Sad, 2004. S. 78*).

принадлежавшие к категории «просвещенных» монархов, на него уже не походили: в своей политике они мало прислушивались к бьющемуся в сербской глубинке пульсу общественного бытия, полагаясь всего лишь на силу государства и рационалистических доктрин, что в традиционном обществе отнюдь не гарантировало успешного и гармоничного правления. И когда король Милан выражал недовольство своим «безумным народом»¹¹ за непонимание и саботаж его «государственной идеи», последний через своих представителей в скупшине отвечал ему тем же, кляня за то, что он «вел страну путем чуждым и глубоко противным сербским традициям»¹². Очевидно, что при столь взаимоисключающих посылах надеяться на компромисс не приходилось, что и вылилось в Тимокское восстание осени 1883 г. и последовавшие за тем события, которые прозвучали для Обреновичей похоронным звоном.

При этом важно отметить, что крестьянское видение перспективы в Тимокском противостоянии с монархом оставалось опять же глубоко патриархальным: повстанцы предполагали изгнать (т. е. *заменить*) непопулярного короля, ломавшего традиционные правила игры, — часть из них вообще предполагала провозгласить особую Тимокскую республику¹³. Новым же королем, в представлении народа, вполне мог стать очередной «свинопас»: так, жители села Гуча, что под Чачком, поднимая в августе 1883 г. тост за здоровье своего земляка Ранко Тайсича — знаменитого радикального демагога и главы местной общины, возглашали: «Дай Бог долгих лет жизни Ранко Тайсичу, он — наша крестьянская гордость. Быть может, станет королем, поскольку нынешний король нам не нужен...»¹⁴ В этом высказывании, как в капле воды, отразился весь «низовой» монархизм сербского селяка!

И последний Обренович, молодой и амбициозный король Александр, не скрывал своего отношения к подданным. «Я огорчен и разочарован, — говорил он, — с этими чертовыми крестьянами ничего нельзя сделать»¹⁵. Видимо, поэтому он и предполагал в качестве опоры трона создать некое подобие сербского дворянства¹⁶. И это в среде, где, по высказыванию посланника во Франции Миленко Веснича, «всякий серб считает себя господином, а это значит, что никого, ни в социальном, ни в юридическом плане, он не признает выше себя»¹⁷. В конце концов неудивительно, что народ возненавидел сына столь же единодушно, как и его родителя. По свидетельству англичанки Мэри Дэрам, побывавшей на Балканах в 1902 г., «во всей Сербии я не слышала о короле ни одного доброго слова. Он скорее безумен, не-

* «Всякий серб — дворянин!» — говорит с гордостью серб. Это шляхетское чувство собственного достоинства, распространенное на весь народ». (Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // К. Н. Леонтьев. Храм и церковь. М., 2003. С. 65).

жели порочен — это лучшее из того, что о нем говорится. По отношению к нему я не видела ничего, кроме презрения»¹⁸. Его конец был по-балкански жесток...

* * *

И здесь представляется важным несколько подробнее остановиться на личности Милана Обреновича — именно он олицетворял собой институт монархии в независимой Сербии на протяжении большей части отпущенного ей исторического времени (1878–1900). И именно на его примере особенно наглядно проявилась глубина непонимания Короной своих верно-подданных (несмотря на все благие намерения), которая, в конце концов, и привела к трагическому закату династии. Ведь, как справедливо замечают отечественные исследователи европейского монархизма, «чтобы сохранить себя как институт верховной власти, монархия должна была соответствовать ритмам развития общества»¹⁹, т. е. стараться не отстать от темпов его эволюции (как на Западе), но и не «шпорить» насильно, перемахивая через объективные препятствия (как на Востоке). И наконец, — возможно более органично вписаться в те представления, что исторически сложились в народном сознании о своих предводителях.

О первом «независимом» сербском монархе современники и потомки писали по-разному. Победившие в мае 1903 г. радикалы надолго втоптали его имя в грязь, обозвав «демоном Сербии». Встречались, правда, отдельные апологеты, но тоже с далекими от чувства меры оценками²⁰. В последние десятилетия прозвучал призыв выйти за рамки радикальной традиции и взглянуть на М. Обреновича и его эпоху более объективно²¹. За призывом последовали дела²², и ныне мы уже имеем обобщающий вывод, сделанный профессором Радошем Люшичем: «За время правления Милана Обреновича Сербия превратилась в современное европейское государство. Она обрела независимость и увеличила территорию; возвысилась в ранг королевства и создала мощную военную организацию; развила целостную систему государственных институтов в период благотворной законодательной деятельности напредняков и получила одну из самых передовых конституций, которая сделала возможным введение парламентаризма. Был ощутим и экономический взлет, особенно после постройки железной дороги». И далее: «Сегодня, когда династические страсти утихли, а влияние бывших радикалов сошло на нет, общее представление о короле Милане кажется более позитивным, чем то, какое укоренилось в сознании сербского народа...»²³

* Пера Тодорович, например, писал об «ангельской чистоте короля Милана» (см.: *Льушић Р. Пера Тодоровић — противник и пријатељ Обреновића // Пера Тодоровић. Сборник радова. Београд, 1999. С. 55).*

Что и говорить, вердикт ученого впечатляет. Но так ли уж гладко и органично шло строительство «европейского государства» в Сербии; насколько сам коронованный «архитектор» соответствовал этой задаче ее модернизации; какой, наконец, ценой были достигнуты указанные результаты, если они вообще были достигнуты? Лишь осветив данные стороны дефиниции Р. Люшича, как нам думается, можно будет доподлинно выяснить, есть ли все-таки основания говорить о «более позитивном представлении» в сравнении с «укоренившемся в народе» былым неприятием.

Но для начала — несколько слов о том, почему это неприятие в народе вообще укоренилось.

Уже упоминалось, что сербский крестьянин видел в своем монархе главу семьи, по отношению к которому «домочадцы» имели определенные права, что сдерживало его потенциальное самоуправство. Кроме того, все важные вопросы такой «отец» должен был решать *в договоре* с ними, реализуя затем *общую* волю коллектива...

Отвечал ли Милан Обренович таким патриархальным представлениям? Ничуть! Он всегда стремился править без ограничений. По словам бывшего сербского премьера Любомира Кальевича, «его природному дару мешали отсутствие душевного равновесия и неутолимая склонность к самоволию». А потому «король Милан никогда и не смог бы стать конституционным монархом. Он сам это чувствовал, а в моменты искренности и признавал»²⁴. И правда, признавал. «Конституционный монарх на Востоке — это полная бессмыслица»²⁵, — утверждал он, например, повторяя, что «правит не по воле народа, но по праву своей династии»²⁶. Как монарх понимал это самое «право своей династии», мы покажем ниже; к народу же он относился, по свидетельству другого премьера — Милана Пирочанца, с презрением, «ненавидя его до глубины души...»²⁷

* Приведем здесь оценку внутренней ситуации в Сербии, данную высшим судебским чиновником Николой Крстичем, которого весьма трудно заподозрить в антидинастической предвзятости. В 1895 г. он занес в дневник свои размышления: «Мы вступили в войну с Турцией, стали независимыми, увеличили территорию, но Боснию и Герцеговину оккупировала Австрия и тем самым приготовила себе путь, чтобы захватить и Старую Сербию, а вместе с ней и нас. Мы залезли в долги, но не видно, на что ушли занятые деньги. Построили железную дорогу, но уж очень дорогую. У нас множество генералов и полковников, но нет армии, поскольку нет денег, чтобы ее содержать. У нас имеется королевство и целых два короля... Есть политические партии, готовые перерезать друг друга». При этом, многие политические институты у нас понимаются ошибочно... потому здесь и случается то, чего в других странах не бывает. И даже сейчас в Сербии нет элементов для парламентской жизни... Смилуйся, Боже, над бедным и измученным сербским народом...» (Архив Српске Академије Наука и Уметности. Бр. 7213. Дневник Николе Крстића. «Јавни Живот» (1895). Записи от 18 апреля, 17 сентября, 12 ноября).

Итак, желание быть самодержцем и полное отсутствие традиций абсолютизма в сербской крестьянской среде («Сербь, нечего и говорить, все демократы... Залогов для неограниченной монархии мы в Сербии не видим»²⁸, — писал еще в 1875 г. Константин Леонтьев) — это первый камень преткновения в отношениях между Обреновичем и его народом, начальная фаза «укоренения» в сознании последнего негативного впечатления о своем короле.

Вторым камнем стало *безграничное* австрофильство монарха. Речь здесь не идет о внешнеполитическом курсе — после Сан-Стефано, зафиксировавшего проболгарскую линию России, это был единственный выбор Белграда. Однако, не умея ни в чем найти середину, Милан бросился в объятия Вены со всей страстностью неопита. В опасении своего народа, Карагеоргиевичей и России *такая* связь представлялась ему гарантией династии. Поэтому он не только сознательно ограничил суверенитет Сербии (в Тайной конвенции 1881 г.), сведя его *de facto* к уровню протектората, но и вообще предлагал включить ее в состав Австро-Венгрии²⁹, а своих министров обвинял «в недостаточной преданности Вене...»³⁰ Показательно, что даже апологеты уличали его в этой слепой привязанности. «Милан Обренович, — резюмировал один из них, — испытывал сильную симпатию к Австрии, которая интимно сблизила его с Веней. Но тем самым он вошел в клинч со всей нашей историей, забыв, что в своих темных глубинах она всегда отвергала *душу* той Австрии... По причине такой слабости Милан Обренович так и не стал великим монархом»³¹.

Как видим, и в своей внешнеполитической ориентации (а точнее, в ее негибкой и крайне неполитичной одномерности) он напрочь выбивался из системы традиционно-русофильских пристрастий собственных подданных*.

Третья причина отсутствия гармонии в отношениях короля и народа крылась в особенностях политического процесса в Сербии в 1878–1888 гг. — первом и наиболее судьбоносном десятилетии ее независимой истории. Именно в это время наиболее ярко проявились черты Обреновича IV как монарха и человека.

В историографии уже не раз отмечалось, что, повернувшись в 1880 г. «лицом к Вене», Милан Обренович, четко обозначил намерение *во что бы*

---

* Русский доброволец 1876 г., оставшийся затем на Балканах, А. П. Хитрово писал в сентябре 1882 г. И. С. Аксакову: «Король Милан стал послушником Австрии горшим, чем был последний из династии Карагеоргиевичей (князь Александр. — А. Ш.)... В народе сербском злоба против него растет не по дням, а по часам». (Рукописное отделение Российской национальной библиотеки (далее — РОНБ). Ф. 14. Д. 378. Л. 4).

то ни стало «втянуть» Сербию в Европу. Во исполнение этого призванные им к власти напредняки (сербские «либералы второго поколения») во главе с М. Пирочанцем и сделали ставку на прямое заимствование, т. е. «пересадку» результатов западного опыта в местную почву, совсем без учета ее адаптивных возможностей. По свидетельству очевидцев, они «собирались насадить в Сербии европейскую культуру»³² и при этом «насиловать и подавлять народ для того, чтобы ускорить путь и в короткое время приблизиться к Западу»³³.

Понятно, что брошенный столь откровенно вызов не мог остаться без ответа, и это вносило в развитие независимой Сербии черты биполярности. Стремление властей *европеизировать* страну скорым кавалерийским наскоком порождало резкое неприятие оппозиции, принадлежавшей к Народной радикальной партии — «традиционалистское поведение», по суждению Карла Манхейма, «есть начальная реакция на сознательные реформаторские тенденции...»³⁴ Причем сила воздействия *реформаторов* была прямо пропорциональна жесткости отпора *охранителей*, что особо впечатляет, если под ними понимать общественный монолит (почти 90% крестьян примерно равного состояния), единый, прочно сцепленный патриархальными представлениями и организованный традиционной контрэллитой — радикалами.

Напряжение на обоих полюсах неуклонно росло. «Желание остановить историю столкнулось со стремлением принудить ее к прыжку»³⁵, — описывает типологически схожую ситуацию Ю. М. Лотман. При этом каждый лагерь, свято веря в свою правоту, отказывал в таковой оппоненту, превращавшемуся в смертельного врага. Борьба с ним осознавалась как миссия, направленная на благо Сербии. В действительности же страну разрывали на части.

В такие переломные моменты особо возрастают роль и ответственность Короны как единственной надпартийной силы, гаранта единства и стабильности государства. Сыграл ли М. Обренович такую роль? Нет. И даже не пытался, чем лишь подлил масла в огонь взаимной неприязни. Вместо того, чтобы стать инициатором «рационализации конфликта»* и взять в свои руки дело гармонизации опасно разошедшихся интересов, монарх открыто выступил на стороне сербских ультралибералов (напредняков). «Это моя партия»³⁶, — повторял он, продолжая поощрять их к «преодолению пространства истории в самые сжатые сроки...»³⁷

* «Образ врага, — пишет В. Г. Федотова, — есть продукт отрицания легитимности других интересов и результат представлений о необходимости навязать общий интерес. В отличие от него, «рационализация конфликта» — это «согласование интересов» (Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 161).

По оценке академика С. Д. Сказкина, правитель Сербии «шел напролом против своего народа»³⁸. Что это? Преувеличение историка, порожденное антипатией к герою? Ничуть. «Он остался иностранцем в своей стране»*, — не без сожаления констатировал в середине 1880-х гг. австро-венгерский кронпринц Рудольф Габсбург, размышляя о белградском приятеле. И далее, в сопоставлении, продолжал: «Все свое будущее король связал с Австрией, но, по правде говоря, он еще более помог бы нам, если б понял, как важно иметь крепкие связи со страной и располагать любовью своего народа... В этом мне видится большая разница с Румынией. Король Карл (Гогенцоллерн!!! — А. Ш.) — и телом и душой румын, а потому у него там куда более стабильная позиция»³⁹. И самые дальновидные сербы, оценивая с высоты прожитых лет размах межпартийной борьбы 1880-х гг., весьма сожалели о столь явной политической ангажированности монарха — «будто это был не сербский король, а член какого-то партийного комитета»⁴⁰**. По их мнению, это было ошибкой, которая, как писал сам в прошлом ярый радикал, ставший затем не менее ярким сторонником Обреновичей, Пера Тодорович, «оказалась роковой для него, для нас и для всей страны»⁴¹. Увы, признает другой апологет, он «забыл, что самая большая мудрость политика — никогда не терять связи с народной душой»⁴².

Носитель же ее вполне разделял мнение венского принца о своем монархе. По словам М. Пирочанца, «народ сербский не любил короля Милана. Он вообще считал его иностранцем румынской крови***...»⁴³ Эта стойкая народная нелюбовь особо наглядно проявилась в момент смерти Милана Обреновича, почившего в Бозе 29 января 1901 г. в Вене. Оказавшись два

* Русский славист П. А. Кулаковский, преподававший в 1878–1882 гг. в Белграде, занес в дневник слышанную от Йована Ристича характеристику Милана Обреновича: «Когда он приехал из Франции, он был настоящий француз; когда побывал в Ливади, он вернулся настоящим русским; а теперь, побывав в Австрии, он вернулся австрийцем» (Отдел рукописей Института русской литературы РАН (далее — ОР ИРЛИ). Ф. 572. Оп. 1. Д. 1. Л. 12 (запись от 12 октября 1880 г.)).

** 21 марта 1882 г. П. А. Кулаковский сообщал И. С. Аксакову: «Милан с руками и ногами попал в грязь партийной борьбы и на днях собирается отправиться в путешествие по Сербии, чтобы агитировать в пользу избрания депутатов партии правительственной». (ОРИРЛИ. Ф. 572. Оп. 1. Д. 44. Л. 28 об.). Через два месяца Кулаковский извещал своего адресата о «деталях» монаршего путешествия и его результатах: «Вы знаете, что выборы окончились избранием почти всех радикалов прежних. Не помогла и поездка короля и его безумные речи народу. Я знаю *наверное*, что он ругался просто “по-матерному”, когда ездил по Сербии, принимая депутации, где были члены оппозиции». (РО РНБ. Ф. 14. Д. 191. Л. 2).

*** Мать Милана Обреновича, Мария Катарджи, происходила из знатного валашского рода.

месяца спустя в Белграде, А. В. Амфитеатров описал, что он там увидел: «Все официальные бумаги в Сербии; визитные карточки служащих во всех правительственных учреждениях, офицерские и чиновничьи униформы облечены в траур по Милану — самый формальный и неискренний политический траур в истории нашего времени! Потому что не было серба, который явно или тайно не радовался бы его смерти. В беседах с великими и малыми я одинаково слышал откровенные фразы: “Бог сжалился над Сербией и взял к себе Милана”»⁴⁴. Конечно, это не по-христиански, но что иное могли сказать люди, которых сам экс-монарх, не таясь, величал «уличным сбродом» («сокачки олош»)?..

Мы показали главные причины *укорененности* негативного чувства в сознании сербского народа к своему «первому после Косова королю». Важно при этом отметить, что сам Милан Обренович отдавал себе отчет в этой «негармоничности» отношений. В 1894 г. (т. е. до своего «второго пришествия» в Сербию) он заключил в одном из писем: «Мы так и не смогли понять друг друга, народ и я. Счастье это для Сербии или несчастье — покажет будущее»⁴⁵. Посмотрим теперь, как с высоты этого «будущего», или Истории, можно расценить деятельность монарха, отталкиваясь от схемы профессора Люшича.

Первое его достижение, согласно этой схеме, — «благодетельная законодательная деятельность напредняков и создание цельной системы государственных институтов».

Уже говорилось, что король всячески поддерживал кабинет Милана Пирочанца, ибо тот солидаризировался с его новым курсом опоры на Вену; боролся с его врагами — радикалами; принимал законы о строительстве железной дороги, о регулярной армии и т. д., что не только вело к модернизации государства, но и отвечало личным интересам монарха. Однако едва такая «благодетельная законодательная деятельность» подошла к своему зениту — необходимости принятия новой конституции, которая и оформила бы внутреннее устройство Сербии как «современного европейского государства», король сразу же отыграл назад, не желая ни на йоту ограничивать свою личную власть. Все же заявления, что целью его деятельности была реконструкция страны в *либеральном* духе Европы, были ложью — по воспоминаниям Пирочанца, «на заседаниях правительства он сопротивлялся проведению любых мер, расширяющих внутренние свободы». И кроме того, «само слово “закон” приводило его в раздражение»⁴⁶, что оборачивалось нередкими ссорами с легалистом-премьером, которого (чем дальше, тем все больше) монарх желал уволить⁴⁷. После Тимокского восстания *европейские* реформы вообще были свернуты, а второй напредняцкий кабинет возглавил Милутин Гарашанин — лично преданный (в тот момент) монарху политик.

Рокировка премьеров выявила еще одну особенность правления М. Обреновича — он не терпел в своем окружении людей с независимыми взглядами, считая настоящими друзьями только тех, «кто безусловно верил в его ум и одобрял все поступки, даже если они и казались им не совсем уместными»⁴⁸. Так складывался личный режим, имевший с «современным европейским государством» мало общего. Подтверждением тому служит история с введением конституции 1888 г. и ее дальнейшая судьба.

Итак, второе достижение Милана Обреновича — это «принятие одной из самых передовых конституций, которая сделала возможным введение парламентаризма». На первый взгляд уже само такое мероприятие кажется просто невозможным, имея в виду все сказанное выше. Однако никакого парадокса здесь нет.

К 1888 г. король утомился. От борьбы с радикалами, от скандалов в собственном семействе (что опять же не придавало ему популярности в народе с его патриархальной моралью). Сильно влияли и внешние факторы — поражение в войне с болгарами; смерть кронпринца Рудольфа, на которого Обренович возлагал особые надежды в будущем. «К тридцати пяти годам он поседел, как овца»⁴⁹, — писал П. Тодорович. Решив отречься от престола в пользу малолетнего сына, он обеспечил его трон — продлил действие Тайной конвенции с Веней; назначил регентами трех преданных династии политиков (двое из них были генералы) и даровал ту самую «передовую конституцию», которая вводила в стране «парламентаризм». Парламентские процедуры, в свою очередь, гарантировали власть радикалам, которые из непримиримой оппозиции Обреновичам превращались в *монополю* правящую партию⁵⁰. Все вроде бы и впрямь очень достойно...

Однако экс-монарх перестал бы быть самим собой, если б оставил все как есть. И спустя два года мы видим прежнего Милана. Любомир Кальевич вспоминал: «Через два года после дарования им же конституции он прибыл в Белград, чтобы рушить это свое творение. С этой целью он пригласил многих лидеров либеральной и напредняцкой партий, убеждая их в необходимости объединения против радикалов и парламентского конституционализма, который *вреден и опасен для престола и порядка в стране*»⁵¹. Вот так!.. М. Пирочанац, отказавшийся участвовать во встрече с бывшим королем, в сердцах бросил: «Не хочу служить капризам и спекуляциям человека, который из-за каких-то эгоистических мотивов сегодня строит в Сербии парламентское государство, а завтра ищет союзников, чтобы его же рушить, причем по, Бог знает, каким личным причинам! Его экспериментов было достаточно... Пришло время сказать ему: "Хватит! Оставь эту страну в покое". Когда ты с таким легким сердцем покинул престол, бросив под ноги монаршие обязанности и взвалив на плечи малолетнего сына тяжесть борьбы с теми трудностями, с которыми ты сам, как зрелый человек, не хо-

тел или не мог справиться, с каким правом ты теперь требуешь от нас, чтобы мы разрушали то, что ты сам же создал, но что вдруг перестало отвечать твоим интересам...»⁵²

Русский мемуарист, описывая одного русского императора, заметил: «Власть он воспринимал не как священную обязанность с вытекающей из нее ответственностью, а как данную ему лично привилегию, которая позволяла, не размышляя, следовать своим капризам»⁵³. Под эту формулу прекрасно подпадает и Милан Обренович. Причем такое его отношение к власти в конечном итоге окажется роковым не только для него лично, но и для династии вообще. Но об этом чуть позже, пока же договорим о конституции.

Ее дальнейшая судьба известна. В 1892 г. она была нарушена регентом Йованом Ристичем, который передал власть либеральному правительству меньшинства; еще год спустя король Александр произвел государственный переворот (лодку раскачивал его затаившийся до поры до времени отец); а в мае 1894 г., после возвращения экс-монарха в Белград, конституция вообще была отменена. Добавим к этому, что с 1888 по 1903 г. в Сербии сменилось *двадцать два* кабинета, средний век каждого из которых составил всего восемь месяцев...⁵⁴ Конституцию вернули в действие в июне 1903 г. Но режим, санкционированный ею, можно было назвать *парламентским* лишь по форме, но никак не по сути. О чем мы еще скажем.

И наконец, о главном достижении короля Милана — создании «мощной военной организации». Вопрос этот мы рассмотрим вкуче с «правом династии Обреновичей», по которому, как помнится, и правил предпоследний ее представитель.

Итак, в 1883 г. взамен народного ополчения была создана регулярная армия. Она сразу же отличилась на *внутреннем* фронте, жестоко подавив Тимокское восстание, но не снискала лавров в Сербско-болгарской войне, потерпев поражение под Сливницей. Заметим к слову, что болгары с меньшими, чем у сербов, затратами содержали более многочисленную армию. Это — к вопросу о цене «достижений» Милана Обреновича...

После отречения и повременных наездов в Сербию он, находясь в 1894 г. снова в Европе, подчеркнул в уже известном письме весьма важную мысль: «Я могу служить лишь тогда и в такой мере, в какой этого захочет король. Этого требует монархический принцип»⁵⁵. Все опять абсолютно корректно. Но, увы, как не раз бывало, — на бумаге.

В реальной жизни уже через год все было совсем по-иному, и высший судебный чиновник Никола Крстич занес в дневник: «Король Милан принимает многих. К нему идут, как и к молодому королю, может быть, даже больше. Чувствуют, что он ворочает делами, вот люди и вьются около него, чтобы с его помощью добиться того, чего хотят. Можно сказать, что фактически у нас два короля — старший и младший. Этот правит, а тот влияет на

этого. Станет ли это дублирование полезным для страны, покажет время. Но, боюсь, что оно не приведет к исправлению политической ситуации и не обернется добрыми последствиями»⁵⁶. Дальше — больше. Еще через два года Милан окончательно вернулся в Сербию и стал командующим регулярной армии. При этом его амбиции не ограничивались чином армейского генерала, придуманным специально для него. Еще до встречи с сыном в Париже осенью 1897 г., где и было решено о возвращении экс-короля, тот принялся выяснять лукавый вопрос: носил ли основатель династии, старый князь Милош, титул «верховного вождя», как в свое время Карагеоргий⁶⁷. Поиски столь сомнительной легитимности при живом и законном монархе были явно в противоречии с высокими фразами о «принципе монархизма».

При этом многим было очевидно, что король-сын тяготеет растущим влиянием и жесткой волей родителя, который, «чем увереннее и сильнее чувствовал себя в армии, тем больше стремился к доминированию над всем и вся...»⁵⁸

Естественно, что длиться вечно такое положение не могло: мина, своими руками заложенная Миланом Обреновичем под здание династии, рванула в июле 1900 г., когда была объявлена помолвка короля Александра с Драгой Машин; король-отец находился в то время за границей, ему запретили возвращаться в страну*. Важную (для понимания логики этих событий) зарисовку состояния монарха оставил П. Тодорович. В мае, т. е. за полтора месяца до разрыва, он записал нервные слова Александра: «“Но и это “король-отец” — это глупо, очень глупо! То есть, поймите меня правильно, глупо само понятие [“король-отец”]. Что это значит? “Король-отец”, “король-сын”? То, что в Сербии есть два короля — отец и сын. А это ложь, господин Пера! В Сербии один-единственный король. И это я, сербский король Александр I. А все остальное — это интрига и фальсификация. Люди выдумали “короля-отца”, чтобы меньше выглядел “король-сын”. Поскольку отец всегда умнее и старше сына”. Говоря это, — заключал Тодорович, — король встал передо мной и поднял указательный палец вверх. “Этого хотят, этого многие хотят, господин Пера! Но, цыц! Я все вижу и этого не допущу! Не допущу, господин Пера!..”»⁵⁹ Что ж, короля Александра можно понять. И не он виноват в том, что попытка приватизировать «право династии Обреновичей», предпринятая его отцом, закончилась так плачевно для них обоих.

Но вернемся к сербской армии. Мы совсем не желаем отрицать немалые военно-технические и организационные результаты, которых добился Ми-

* «О возвращении его в Сербию и восстановлении его политического влияния не может быть и речи», — заявил король Александр российскому поверенному в делах П. Б. Мансурову 15 августа (Архив внешней политики Российской империи. Ф. Политархив. 1900 г. Д. 2861. Л. 85).

лан Обренович в ходе почти трехлетнего управления регулярными войсками. О военной реформе 1897–1900 гг. написана целая монография, а потому только повторим ее главный вывод — реформа была «успешной», а связанные с ней позитивные нововведения не могли не проявиться в судьбоносные 1912–1918 гг.⁶⁰

Нас, однако, больше интересует «другая сторона медали», а именно: место армии в государстве, на которое ее вознес командующий, и то, как он это сделал.

Вполне очевидно, что кроме чисто военной составляющей, в реформе сербской армии имелся и выраженный внутренний подтекст — Обренович IV строил из нее опору трона. А это, последнее, не могло не быть в условиях тогдашней Сербии рискованным делом. Ведь еще в 1883 г., подавив с помощью армии Тимокское восстание, т. е. втянув оную в политику, он в какой-то мере превратил династию в ее заложницу...

В конце же XIX в. этот *внутренний* компонент только усилился. Став во главе армии, Милан (на правах короля-отца) выбивал для нее из бюджета суммы, ранее и не снившиеся военным министрам. При этом ему было абсолютно безразлично, из каких иных статей изымаются средства. Было увеличено жалование; награды и всевозможные доплаты сыпались на офицеров, как из рога изобилия. Милан поднял значение военных в обществе в сравнении со «штафирками» даже там, где этого не следовало делать. И соответственно милитаризация так называемого «Октябрьского режима» 1897–1900 гг. усиливалась, а армия становилась государством в государстве. Королем этого теневого государства был Милан Обренович. Его так и звали: «король армии»⁶¹. Увеличив прием в Военную академию, он сформировал многочисленный корпус лично ему преданной военной молодежи, для которой стал буквально «идолом». Значение же Александра, т. е. настоящего короля, не вмешивавшегося в военные дела, в глазах офицерства падало.

При этом «тимокский синдром» (а его продолжали сознательно культивировать) глубоко засел в сознании офицеров. «Мы — армия. Это организованная оборона страны от агрессии извне и гарант внутреннего порядка... И если нам, как военным, долг велит защищать отечество от внешних врагов, то почему нам не защищать его и изнутри»⁶², — говорили будущие заговорщики. А гарантия «внутреннего порядка», или защита трона Обреновичей, ассоциировалась у них теперь с лояльностью *одному* «королю армии»⁶³. «Мы обожали короля Милана»⁶⁴, — было лозунгом взводных и ротных командиров.

И как только пути отца и сына разошлись, армия, а точнее — молодое поколение офицеров, выпестованное и прирученное Обреновичем-старшим, сделало свой выбор. «События 29 мая 1903 г. невозможно отделить от

личности Милана Обреновича, — констатировал прекрасный знаток той эпохи Милан Йованович-Стоимирович, — ибо заговор родился в тот момент, когда разнеслась весть, что его сын приказал убить отца, если он силой попытается перейти границу Сербии»⁶⁵. То же самое подтвердили и сами молодые заговорщики...⁶⁶ Причем, пока Милан Обренович был жив, они предполагали «всего лишь» изгнать короля Александра с супругой из Сербии и вернуть его отца, но после смерти того, полгода спустя после разрыва с сыном, судьба последнего была решена иначе.

Такова была цена создания «мощной военной организации». Милан Обренович, сам того не ожидая, выпустил из бутылки джинна, которого никак не удавалось загнать обратно вплоть до мировой войны... Классик сербской исторической науки Слободан Йованович был глубоко прав, заметив: «Обреновичи не смогли превратить королевское достоинство в святыню для офицеров, какую они уважают безотносительно к тому, кто является его носителем. Они создали армию, но без подлинно военной идеологии...»⁶⁷ Как, вообще-то говоря, пристало быть в «современном европейском государстве».

Подводя итог размышлениям о короле Милане (естественно, не претендующим на полноту и бесспорность), повторим высказанную выше мысль — он воспринимал власть как «данную ему лично привилегию», слишком сильно (в духе «короля-солнца») отождествляя Сербию с самим собой и своими личными интересами. Воистину, «как рожденный деспот, он был неспособен замыслить государство, отделенное от него»⁶⁸. В начале 1890-х гг. его ближайшие в недалеком прошлом сотрудники Стоян Новакович и Милутин Гарашанин вынесли жесткий вердикт: «В нем нет патриотизма, он не любит свою страну»⁶⁹. И действительно, он гораздо больше любил себя в «своей стране».

Король Александр, что мы уже видели, унаследовал много отцовских черт как в отношении к народу, так и в понимании политики и своей роли в ней. За неполные три года «самостоятельного» правления он даровал конституцию и отменил ее, устроил два государственных переворота и подавил демонстрацию в Белграде. И все же чисто по-человечески (по крайней мере, на наш взгляд) он заслуживает большего снисхождения у Истории, чем предшественник...

Народу же сербскому очень надоели политические кульбиты Милана и его сына. Путешествуя летом 1901 г. по Восточной Сербии, российский посланник зафиксировал «теперешний политический идеал сербов Королевства» — внутри страны это был «“едан децениум мира (десятилетие спокойствия. — А. Ш.)”, т. е. желание приостановить хоть на десять лет партийную борьбу и правительственные и административные кризисы, дабы люди могли спокойно заниматься своими домашними делами»⁷⁰. Что ж,

этот «децениум мира» будет им обеспечен во время следующего царствования.

* * *

Вступивший в 1903 г. на сербский престол Петр Карагеоргиевич был человеком иного, чем последние Обреновичи, склада. 60-летний, умудренный эмиграцией вдовец, он старался править в рамках восстановленной конституции, хотя и не был полностью свободен в своих действиях — участники переворота 29 мая, «освободившие» для него трон, стремились всеми средствами сохранить свое привилегированное положение при новом режиме. Понятно, что они не ладили с гражданскими властями, выступавшими против такого порядка. И бывало, что во избежание толков монарх приглашал главу правительства Николу Пашича на аудиенцию, но... с черного хода. Давний соратник и интимный друг Петра Карагеоргиевича еще со времен эмиграции, священник Милан Джурич объяснял подзабывшему сербские обычаи правителю всю бесперспективность *таких* приглашений: «Если Пашич не сможет войти во дворец с парадного входа, тогда он вообще не придет...» И далее еще более определенно: «Если ты, государь, думаешь, что в случае выбора между тобой и Николой народ выскажется за тебя, то ты глубоко заблуждаешься»⁷¹.

Это весьма фамильярное и содержащее в себе скрытую угрозу предостережение очень емко выразило традиционное отношение сербов к власти, которое, как и прежде, характеризовалось полным отсутствием *сакрализации* монарха. Ведь когда еще в конце XIX в. вернувшийся в Белград экс-король Милан пытался поднять падающий престиж династии Обреновичей провозглашением князя Михаила «Святым Великомучеником Сербским», то эта попытка, по словам очевидца, «вызвала у нас, с одной стороны, смех, с другой же — прямо-таки взрыв негодования»⁷². Опять же почему? «У нас нет вековой монархической традиции, — примем за ответ выступление одного из парламентариев, — а потому и монархическое чувство, каковое присутствует в других государствах, у нас не развито...»⁷³ Все точно! Дистанции между подданными и монархом, в отличие, скажем, от России, в Сербии не существовало вовсе. Как вспоминал воевода Живоин Мишич, во время отступления сербской армии осенью 1914 г. он отговаривал короля Петра от посещения боевых частей: «Солдаты ворчат, и дело закончится тем, что они возьмут и просто обматерят и меня и Вас». А ставший вскоре знаменитым Джон Рид, оставил свидетельство о встрече с одним сербским кучером, который после сменившей это отступление блестящей Кумановской победы назвал своих лучших коней — Воевода Мишич и Король Петр⁷⁴. Такой вот простой, но очень много говорящий, крестьянский юмор...

Добавим к этому и длительное, практически на протяжении века, соперничество двух сербских династий за верховную власть, что также не способствовало укреплению «монархического чувства». Мало того, борьба Обреновичей и Карагеоргиевичей — эта постоянно тлеющая сербская версия Войны Алой и Белой розы, сыграла роковую роль в истории страны, которая, первой вступив на путь национального освобождения, затем забуксовала, обескровливая себя во внутренних расколах. Кстати говоря, прекращение во что бы то ни стало этой внутренней войны было главным мотивом майских событий 1903 г., по замыслу их *политического* организатора Джордже Генчича*.

После же 29 мая, когда, по выражению вождя напредняков Павла Маринковича, «вся Сербия видела, как король (каким бы он ни был) вылетел вниз головой в окно, с неприкосновенностью и престижем монарха было вообще покончено...»⁷⁵ «По нашим понятиям, — вторил ему лидер либералов Войя Велькович, — в занятии королем Петром престола столько же божественного права, сколько в занятии господином Пашичем его премьерского кресла»⁷⁶.

Подведем промежуточный итог: отношение сербов к своим королям было всегда *приземленным* — все мы родом из одного корня (феномен национальных, плебейских по происхождению, не укорененных в прошлое и выборов династий). Соответственно за монархом, как главой семьи, они признавали лишь *первенство*, но не *превосходство*. В такой ситуации абсолютная власть, вознесенная над «сородичами» и опирающаяся на штыки, долго существовать не могла.

Милан Обренович, практиковавший такой способ правления, ощутил это, как мы видели, весьма скоро. Но «свято место пусто не бывает» — авторитет и доверие в случае их отсутствия у правителя могли переноситься и на популярного политика, если тот вписывался в патриархальные представления народа о власти. Явление вполне типичное — на протяжении XIX в. в Сербии было немало харизматических народных вождей. Высшим авторитетом, таким образом, наделялись не корона или трон, которые в со-

---

* Заметим, что в своих резонах либерал Дж. Генчич был не одинок. Еще в 1894 г. в журнале «Дело» радикал Стоян Протич писал: «Сербия имела две династии, два полюса, которые рядом существовать не могли... В Греции, Болгарии и Румынии не было той династической распри, которая отбросила Сербию на пятьдесят лет назад, ибо ее граждане разделились на сторонников Обреновичей и Карагеоргиевичей... Династический вопрос, таким образом, сильно затруднял консолидацию народных сил для нормального развития страны». (*Један Новинар*. Политичка размишљања из историје наших дана // Дело. Београд, 1894. Св. 1). Кстати говоря, Генчич и Протич вошли в состав кабинета Йована Авакумовича, сформированного сразу же после переворота.

знании сербского человека никогда не связывались с *помазанничеством Божьим*, а конкретный человек.

В сравнении с королем Петром, что мы опять же наблюдали (поначалу чужаком, уважаемым в народе лишь как внук Карагеоргия), таким человеком и оказался Никола Пашич — этот, по словам Л. Троцкого, «абсолютный властитель Сербии». «В Белграде, — продолжал будущий соавтор русского Октября, — все политические разговоры вертятся вокруг личности Пашича. Про короля Петра там вспоминают только в исключительных случаях, да и то по чисто внешним поводам... А Пашич всегда и у всех на уме и на языке. Он думает за всех, он знает, что нужно. За ним Сербия не пропадет, за Николой Пашичем...»⁷⁷ Показательно, что и за 20 лет до этого. — в 1892 г., а значит еще в эпоху Обреновичей, другой очевидец, на сей раз французский историк, констатировал то же самое: «Пашич создал вокруг себя ореол легенды, став в народе олицетворением какой-то страшной силы. Если что-то не в порядке отовсюду слышится: “Ах, если бы Пашич был здесь. Когда же он будет здесь? К счастью, остается Пашич”. Эту легенду следует развеять, и тогда радикальная партия развалится»⁷⁸. Во всем был прав наблюдательный француз, кроме одного — подлинных, т. е. долго живущих легенд сами о себе люди не создают...

В свое время Макс Вебер выделил важнейший критерий «харизматического типа господства» — он опирается на «*личные* отношения между господином и подчиненным», противостоя «формально-рациональному типу господства как *безличному*»⁷⁹. Случай с Пашичем наглядно доказывает оправданность данного заключения.

В качестве иллюстрации того приведем всего лишь несколько примеров. В 1901 г., как известно, Радикальная партия раскололась на две организации: старорадикалов — твердых сторонников Н. Пашича и младорадикалов — так называемую Независимую радикальную партию. Интересен отрывок из дневника Йована Жуйовича, где рядовые независимцы дают характеристики собственным вождям и Пашичу: «Наши хотели бы командовать, но мы им не рабы. Мы их выбираем, а не они нас. У шефа нет терпения. Не желает слышать никакой критики... Пашич же терпит все. Он посещает партийные сборы и вечеринки. Однажды в Нише он был на таком сборе и услышал, что тот не желает выдвигать его в парламент. Ночью он достал две пачки червонцев, и на другой день Станко Петрович (местный функционер. — А. Ш.) провозгласил его на сборе кандидатом...»⁸⁰ А в 1913 г., во время Второй Балканской войны, русский корреспондент встретил на одной из станций состав Пашича, ехавшего на встречу с Э. Венизелосом в Скопье. По свидетельству журналиста, премьер «вышел на платформу, и был тотчас же окружен толпой поселян, с коими он дружески поздоровался за руку и которые начали его расспрашивать о положении дел»⁸¹.

Последний русский посланник при сербском дворе князь Г. Н. Трубецкой также оставил весьма наглядную зарисовку деятельности Пашича в годы Первой мировой войны: «Фактически он был распорядителем судеб Сербии и решал все крупные и мелкие дела. Остальные члены кабинета были много моложе Пашича, который смотрел на них как на молодых людей, говорил им “ты” и звал по уменьшительному имени. Это было вполне в нравах патриархальной Сербии». И далее: «Он правил страной наподобие сельского старосты в большом селе. Зная всех и каждого, он ловко умел устранить политическое соперничество. Всего более напоминал он мне сельского старосту в своих отношениях с богатой помещицей Россией. Он знал, что помещица может наехать, рассердиться и накричать, а он молча потрет себе бороду, а потом еще выхлопочет своему селу и деньжонок, и леску на хозяйство»⁸². И репортер «Нового времени» вспоминал в 1916 г., как год назад был принят Пашичем: «К нему идут, как к отцу, и двери его кабинета открыты для всех. Он не только глава правительства, но он — друг, с которым советуются обо всем, к голосу которого прислушиваются»⁸³.

Такая власть *своего* старосты (или «отца») вполне устраивала сербского селяка, который даже в самые тяжелые для него дни фаталистически замечал: «Байя знает, что делает», а значит — все образуется...

В институциональном плане это могло означать лишь одно — в *демократической* стране с *парламентским* правлением сложилась по сути дела однопартийная система (или, если говорить точнее, «полупартийная»: с одной стороны радикалы, с другой — все остальные, т. е. «не-радикалы»⁸⁴). «Вместо власти одного человека, — как писал Ст. Новакович, — в Сербии под маской демократии установлена власть одной-единственной партии»⁸⁵, где, по словам Йована Скерлича, «существует личный режим, или олигархия нескольких лидеров, которые держат в своих руках не только партию, но и страну»⁸⁶. И эта власть одной партии, заметим, была добровольно принята и поддержана сербским крестьянством... Вершителями судеб Королевства «всерьез и надолго» стали Никола Пашич и его радикальная генерация.

Правда, такой режим с трудом можно было назвать подлинно парламентским. И действительно, «в рамках парламентской формы, установленной конституцией 1903 г., сама суть сербского парламентаризма отступала от базовых принципов парламентского государства»⁸⁷. То же произошло

---

* С «парламентским режимом» как-то плохо соотносится и наличие мощных *неконституционных* центров силы и влияния. Речь идет о клике заговорщиков, консолидировавшихся в 1911 г. в организацию «Объединение или смерть». Действуя полужагоально, она нередко провоцировала кризисы в отношениях с конституционными властями, а знаменитый «спор о компетенциях» в 1913 г. вообще поставил

и с демократий: в стране «сложилась специфическая модель демократии, которая восприняла институциональную систему с Запада, но при этом изменила содержание основополагающих идей...»⁸⁸ В привычно-патриархальном духе, естественно.

* * *

Таким образом, национальное согласие вызревало в Сербии после 1903 г. на базе *традиционных* понятий о власти, которые, как уже отмечалось, требовали соблюдения скорее обычая, нежели закона. И действительно, длительное проживание в локальных сельских сообществах, где все друг друга знали, малая абсорбирующая способность городов, которые также напоминали большие села, и явный недостаток городской культуры вели к тому, что общественная дисциплина базировалась опять-таки на личностных, а не формальных принципах. По точной дефиниции британского наблюдателя из 1918 г., «патриархальные личные связи и равенство между людьми еще не успели заместиться безличными отношениями, какие порождает индустриализация»⁸⁹. Поэтому ощущение долга к своему ближнему кругу (родственников, друзей, земляков), как того требовал старый обычай, часто превалировало у сербов над общегражданской ответственностью, закрепленной законом. Что ж, как зафиксировал в январе 1912 г. все тот же Й. Жуйович — один из редких подлинных сербских интеллектуалов, президент Сербской академии наук и министр, «даже у интеллигенции не всегда присутствуют основные понятия о государственной организации...»⁹⁰

Добавим и разницу в восприятии права и справедливости, присущую сербам, которые, как заметил Слободан Йованович, «часто считают несправедным даже точное исполнение закона, поскольку оно не учитывает конкретные обстоятельства во всяком отдельном случае»⁹¹. Формальная процедура убивала в их глазах человечность.

Впрочем, такой подход был характерен для традиционного сознания вообще. В частности, В. А. Гиляровский с точностью формулы вывел его в своих русских типах: «Жалости подобно! Оно хоть и по закону, да не по совести»⁹². Или классический ответ Маши Мироновой Екатерине II из «Капитанской дочки»: «Я приехала просить милости, а не правосудия...»⁹³

Новая сербская власть также далеко не всегда следовала «законной процедуре». По признанию современника, «у нас тогда была счастливая

страну на грань военного переворота. Добавим, что в июне 1914 г. жертвой такого кризиса стал сам король Петр, поддержавший заговорщиков. Но гражданское правительство Пашича спас столь же неконституционный фактор — российский посланник в Белграде Н. Г. Гартвиг.

эпоха — никто не выступал против конституции, но не особенно-то и взыскивалось за нарушение закона. До самой смерти Пашича, когда наступил закат этой великой эпохи, случаи беззакония в нашей стране были нередки, однако оно никогда не превращалось в систему...»⁹⁴ И еще одно наблюдение о той «великой эпохе», на сей раз — русского автора: «Сербский поселянин исполнен чувства собственного достоинства и держит себя хозяином в своей стране. Вообще, выражаясь по-русски, Сербия — это настоящее мужицкое царство»⁹⁵. С Николой Пашичем у власти, добавим от себя...

Примечания

- ¹ *Караџић В.* Први српски устанак. Београд, 1979. С. 26.
- ² *Потапов Н. М.* Руски војни агент у Црној Гори. Том II. Дневник. 1906–1907, 1912, 1914–1915 / Приредно Р. Распоповић. Подгорица; М., 2003. С. 140.
- ³ *Карић В.* Србија. Опис земље, народа и државе. Београд, 1887. С. 156–157.
- ⁴ Там же. С. 156.
- ⁵ *Николајевић Д.* Краљ Милан и Тимочка буна. Београд, 1927. С. 70.
- ⁶ *Matić М.* Liberalizam, populizam i demokracija. Beograd, 2002. S. 228.
- ⁷ Народ и княжеская власть в Сербии. Из записок Ф. Бацетича. М., 1882. С. 189.
- ⁸ См., например: *Ђорђевић Т.* Наш народни живот. Београд, 1923. С. 42–48.
- ⁹ *Мидлих Х-М.* Патријархални менталитет као сметња државне и друштвене модернизације у Србији XIX века // Историјски часопис. Књ. XXXVIII (1991). Београд, 1992. С. 115.
- ¹⁰ Сербия // Русский сборник. СПб., 1877. Т. 2. С. 133.
- ¹¹ Подлинное выражение монарха из его письма Милутину Гарашанину от 28 ноября 1886 г. (Архив Србије (далее — АС). Фонд Милутина Гарашанина. Бр. 1058. Л. 18).
- ¹² Никола Пашић у Народној скупштини / Приредила Л. Перовић. Београд, 1997. Књ. 2. С. 543 (документ 114, примеч. 20).
- ¹³ См.: *Љушић Р.* Пера Тодоровић — противник и пријатељ Обреновића // Пера Тодоровић. Зборник радова. Београд, 1999. С. 30.
- ¹⁴ АС. Ф.Поклони и откупи. Збирка Добре Ружића. Кутија 27. Бр. 183 (Поверљиви деловодник краља Милана, 30 августа 1883 г.).
- ¹⁵ *Мале А.* Дневник са српског двора. 1892–1894 / Приредила и превела Љ. Мирковић. Београд, 1999. С. 186–187.
- ¹⁶ Архив Српске Академије Наука и Уметности (далее — АСАНУ). Бр. 7242/XVI. Дневник Милана Милићевића. Св. 16. Л. 2820.

- ¹⁷ Цит. по: *Лафан Р.* Срби — чувари капије. Београд, 1994. С. 271.
- ¹⁸ *Дарам М.* Кроз српске земље / Превео и приредио В. Милановић. Београд, 1997. С. 201.
- ¹⁹ Европейские монархии в прошлом и настоящем. СПб., 2001. С. 3.
- ²⁰ См.: *Николајевић Д.* Краљ Милан и Тимочка буна. Београд, 1927; *Николајевић Б.* Из минулих дана. Сећања и документи. Београд, 1986; *Тодоровић П.* Огледало. Зраке из прошлости / Л. Приредила. Перовић. Београд, 1997; *Он же.* Успомене на краља Милана // П. Тодоровић. Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана / Приредила Л. Перовић. Београд, 1997.
- ²¹ См.: *Љушић Р.* Предговор // Васиљевић А. Моје успомене / Р. Приредио. Љушић. Београд, 1990. С. 22.
- ²² *Љушић Р.* Милан Обреновић // Р. Љушић. Србија 19. века. Изабрани радови. Београд, 1994. С. 135–142; *Он же.* Никола Пашић и Обреновићи (борба за опстанак) // Никола Пашић. Живот и дело. Зборник радова. Београд, 1997. С. 87–107; *Он же.* Пера Тодоровић — противник и пријатељ Обреновића. С. 25–57.
- ²³ *Љушић Р.* Милан Обреновић. С. 142.
- ²⁴ *Каљевић Љ.* Моје успомене. Београд, 1908. С. 53.
- ²⁵ *Perović L.* Milan Piroćanac о kralju Milanu Obrenoviću // Tokovi istorije. Beograd, 2002. Bg. 3–4. S.100.
- ²⁶ См.: *Жујовић Ј.* Дневник / Приредио Д.Тодоровић. Београд, 1986. Књ. 1.
- ²⁷ *Perović L.* Milan Piroćanac о kralju Milanu Obrenoviću. S. 100–101.
- ²⁸ *Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство // К. Н. Леонтьев. Храм и церковь. М., 2003. С. 64–65.
- ²⁹ *Vrkatić L.* Pojam i biće srpske nacije. Sremski Karlovci — Novi Sad, 2004. S. 163.
- ³⁰ *Perović L.* Milan Piroćanac о kralju Milanu Obrenoviću. S. 100.
- ³¹ *Николајевић Д.* Краљ Милан и Тимочка буна. С. 7.
- ³² *Овсяный Н. Р.* Сербия и сербы. СПб., 1898. С. 90.
- ³³ *Лавелз Э. де.* Балканский полуостров. М., 1889. Ч. 1. С. 204.
- ³⁴ *Манхейм К.* Консервативная мысль // К. Манхейм. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 593, 596.
- ³⁵ *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. М., 1992. С. 261.
- ³⁶ *Васиљевић А.* Моје успомене. С. 145; *Марковић М.* Моје успомене. Београд, 1909. С. 92.
- ³⁷ *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. С. 270.
- ³⁸ *Сказкин С. Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 236.
- ³⁹ *Алимпић Д.* Приказ књиге *Hatann В.* Kronprinz Rudolf. «Majestat, ich warne Sie...» (Munhen, 1986) // Историјски часопис. Књ. XXXVI. Београд, 1989. С. 288–289.
- ⁴⁰ *Тодоровић П.* Краљ Милан и радикална странка // Тодоровић П. Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана. С. 174.
- ⁴¹ Там же.

- ⁴² Николајевић Д. Краљ Милан и Тимочка буна. С. 129.
- ⁴³ Perović L. Milan Piroćanac о kralju Milanu Obrenoviću. S. 101.
- ⁴⁴ Амфитеатров А. В. В моих скитаниях. Балканские впечатления. СПб., 1903. С. 84.
- ⁴⁵ Рукописно одељење Матице Српске (далее — РОМС). Заоставштина Милана Јовановића-Стојимировића. Бр. М.13.427. «Краљ Милан и краљица Наталија».
- ⁴⁶ Perović L. Milan Piroćanac о kralju Milanu Obrenoviću. S. 100.
- ⁴⁷ Рајић С. Милан С. Пироћанац. За моју децу. Београд, 1895 // Мешовита грађа (Miscellanea). Београд, 2003. Књ. XXI. С. 143.
- ⁴⁸ Каљевић Љ. Моје успомене. С. 51.
- ⁴⁹ См.: Ђушић П. Пера Тодоровић — противник и пријатељ Обреновића. С. 49
- ⁵⁰ Подробную характеристику радикального режима 1889–1992 гг. см. в: Шемякин А. Л. Обреченная конституция; сербский Устав 1888 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 64–81.
- ⁵¹ Каљевић Љ. Моје успомене. С. 46.
- ⁵² Там же. С. 47.
- ⁵³ Врангель Н. Е. Воспоминания. От крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 250.
- ⁵⁴ Ђорђевић Д. Огледи из новије балканске историје. Београд, 1989. С. 127.
- ⁵⁵ РОМС. Заоставштина Милана Јовановића-Стојимировића. Бр. М.13.427. «Краљ Милан и краљица Наталија».
- ⁵⁶ АСАНУ. Бр. 7213. Дневник Николе Крстића. «Јавни живот» (1895). Запись от 15 апреля.
- ⁵⁷ Милићевић М. Реформа војске Србије. 1897–1900. Београд, 2002. С. 8, 59; Новаковић Ст. Двадесет година уставне политике у Србији. 1883–1903. Београд, 1912. С. 71.
- ⁵⁸ Каљевић Љ. Моје успомене. С. 55.
- ⁵⁹ Тодоровић П. Мрачна слутња! (Једна успомена с пута краља Александра) // П. Тодоровић. Огледало. Зраке из прошлости. С. 265–266.
- ⁶⁰ Милићевић М. Реформа војске Србије. 1897–1900. С. 163–166.
- ⁶¹ Там же. С. 12.
- ⁶² РОМС. Заоставштина Милана Јовановића-Стојимировића. Бр. М.13.426. «Завезнички разлози».
- ⁶³ Јовановић С. Влада Александра Обреновића. Књ.3. // Сабрана дела С. Јовановића. Т. 7. Београд, 1990. С. 326. См. также: Милићевић М. Реформа војске Србије. 1897–1900. С. 21.
- ⁶⁴ РОМС. Заоставштина Милана Јовановића-Стојимировића. Бр. М.13.426. «Казивања Боре-Буки Јовановића о 29. мају 1903.».
- ⁶⁵ Там же. «Краљ Милан од Ивањданског атентата до смрти и непосредно после ње».
- ⁶⁶ Там же. «Казивања Боре-Буки Јовановића о 29. мају 1903.».

- ⁶⁷ *Јовановић С.* Влада Александра Обреновића. Књ. 3 // Сабрана дела С. Јовановића. Т. 7. С. 365.
- ⁶⁸ *Николајевић Д.* Краљ Милан и Тимочка буна. С. 5.
- ⁶⁹ *Мале А.* Дневник са српског двора. 1892–1894. С. 186.
- ⁷⁰ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Политархив. 1901 г. Д. 492. Ч. 2. Л. 65–65 об.
- ⁷¹ Цит. по: *Игњић С.* Народни трибун прота Милан Ђурић. Ужице, 1992. С. 168–169. См. также: *Јовановић-Стојимировић М.* Прота Ђурић // М. Јовановић-Стојимировић. Силуете старог Београда. Београд, 1987. Књ. 2. С. 151–152.
- ⁷² *К.* Письмо из Белграда // С.-Петербургские ведомости. 1899. 11 июля. № 186.
- ⁷³ Никола Пашић у Народној скупштини / Приредила Д. Стојановић. Београд, 1997. Књ. 3. С. 326 (документ 69, примеч. 1).
- ⁷⁴ *Рид Д.* Вдоль фронта. М.; Л., 1928. С. 104.
- ⁷⁵ Цит. по: *Поповић-Обрадовић О.* Идеја и пракса уставности у Србији 1868–1914: између либералне и «народне» државе // Хелсиншке свеске. Русија, Србија, Црна Гора. Београд, 2000. С. 51.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ *Троцкий Л. Д.* Собрание сочинений. М.; Л., 1926. Т. 6 (Балканы и Балканская война). С. 89.
- ⁷⁸ *Мале А.* Дневник са српског двора. 1992–1994. С. 199.
- ⁷⁹ *Гайденко П. П.* Социологија Макса Вебера // М. Вебер. Избранные произведения. М., 1990. С. 28.
- ⁸⁰ *Жујовић Ј.* Дневник. Књ. 1. С. 221.
- ⁸¹ *Мартинов Е. И.* Сербы в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М., 1913. С. 30–31.
- ⁸² *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 88–90.
- ⁸³ *Diplomaticus.* Никола Пашић // Новое время. 17 (30) апреля 1916 г.
- ⁸⁴ *Стојановић Д.* Партијске елите у Србији 1903–1914 // Југословенски историјски часопис. Београд, 1997. Бр. 2. С. 47.
- ⁸⁵ АС. Фонд Стојана Новаковића. Бр. 428. Л. 3.
- ⁸⁶ АСАНУ. Заоставштина Живана Живановића. Бр. 14423/734. Л. 28.
- ⁸⁷ *Димић Љ.* Историја српске државности. Књ. 3. Србија у Југославији. Нови-Сад, 2001. С. 96. Исчерпывающее объяснение этого феномена, в контексте сербского традиционного общества, см. в: *Поповић-Обрадовић О.* Парламентаризам у Србији. 1903–1914. Београд, 1998.
- ⁸⁸ *Стојановић Д.* Србија и демократија. 1903–1914. Београд, 2003. С. 240.
- ⁸⁹ *Лафан Р.* Срби — чувари капије. С. 271.
- ⁹⁰ *Жујовић Ј.* Дневник. Књ. 1. С. 226.
- ⁹¹ *Јовановић С.* Осећање правде у динараца // С. Јовановић. Један прилог за проучавање српског националног карактера. Виндзор, 1964. С. 43.

⁹² Гиляровский В. А. Москва и москвичи. М., 1979. С. 303.

⁹³ См.: Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 2003. С. 148.

⁹⁴ Дучић Ј. Личност Николе Пашића // Ј. Дучић. Сабрана дела. Сарајево, 1969. Књ. 6. С. 192.

⁹⁵ Мартынов Е. И. Сербь в борьбе с царем Фердинандом... С. 24.

Майский переворот 1903 г. и развитие сербской государственности

Изучение становления и развития государственности Сербии может стать важным критерием при общем осмыслении ее истории. В данной связи российский исследователь К. В. Никифоров¹ выделил четыре этапа сербской истории.

1. Борьба за независимость — 1804–1878 гг.
2. Независимое государство — 1878–1918 гг. (с 1882 г. — королевство Сербия).
3. Сербия в составе «первой Югославии» — 1918–1941 гг.
4. Сербия в составе «второй Югославии» — 1944–1992 гг.

С 1992 г. начинается новый сложный процесс становления современного сербского государства.

При этом этапы развития сербской государственности тесно связаны с общеевропейскими кризисами и возникновением Восточного вопроса, когда «борьба держав на Балканах и за Балканы в решающей степени повлияла на очередные крутые повороты в истории Сербии»²: первый этап становления сербского государства происходит на фоне начала Наполеоновских войн и завершается Восточным кризисом 70-х гг. XIX в.; становление и развитие независимого сербского государства в 80-х гг. XIX — начале XX в. связано с формированием военно-политических блоков держав, углублением международных и внутрибалканских противоречий, приведших к роковому выстрелу в Сараево. Образование как «первой», так и «второй» Югославии является соответственно следствием событий Первой и Второй мировых войн, а непростое и противоречивое развитие современной Сербии происходит на фоне продолжающегося современного югославского кризиса, явившегося следствием окончания «холодной войны» и формирования новой мировой модели международных отношений с ведущей ролью США. Обще европейские кризисы при этом не только сказывались

на изменений государственного статуса Сербии, но и приводили к изменению ее территории: так, в начале 30-х гг. XIX в. князем Милошем Обреновичем были присоединены 6 нахий; с 1878 по 1913 г. территория Сербии расширилась за счет Санжака, Косова, Вардарской Македонии; в 1918 г. в рамках Королевства СХС произошло ее объединение с Черногорией, а также Воеводиной и другими землями бывшей Австро-Венгерской империи. После окончания Второй мировой войны эти же территории были объединены в составе ФНРЮ (СФРЮ). Распад же этого государства привел к потере Сербией Косова, а также населенных сербами территорий в других республиках — Боснии и Герцеговине и Хорватии³. Фактически распался и сербо-черногорский союз.

Исходя из четырех этапов сербской истории, предложенных К. В. Никифоровым, выделим основные вехи развития сербской государственности в 1878 г. — начале XX в.

1. В 1878 г. Берлинский конгресс провозгласил государственный суверенитет Сербского княжества, а его территория расширилась за счет присоединения четырех новых округов: Нишского, Пиротского, Враньского и Топлицкого.
2. 80–90 гг. XIX в. характеризуются становлением и развитием трех основных политических партий страны (радикальной, напредняцкой и либеральной), провозглашением в 1882 г. Сербии королевством и принятием в 1888 г. новой конституции страны.
3. Начало XX в. ознаменовалось принятием очередной сербской конституции 1901 г., введившей двухпалатный парламент, состоящий из Скупщины и Сената; одновременно произошло нарастание внутрисербского конфликта, вылившегося в убийство короля Александра Обреновича 29 мая 1903 г. и приход к власти Петра Карагеоргиевича. Тогда же с небольшими изменениями была восстановлена конституция 1888 г., формально превратившая страну в парламентскую монархию.

На первый взгляд может показаться, что после 1878 г. в Сербии идет сложный, однако вполне естественный для молодой страны процесс определения системы государственного устройства и становления ее институтов. Но Сербия, по справедливому замечанию Ю. А. Писарева, «представляла тот казус, для которого логические рассуждения явно недостаточны»⁴. И в этой связи перед исследователями встает одна из важных для понимания особенностей развития сербского государства в конце XIX — начале XX в. проблем, а именно как соотносились в условиях Сербии категории *общество — модернизация — индивидуум*.

Запад и его ценности являлись решающим фактором, влиявшим как на судьбу Сербии, так и других балканских народов. Величайший английский историк А. Тойнби считал в этой связи, что истинный движитель исто-

рии — Вызов, полагая при этом, что наиболее вероятной перспективой для развития человечества будет столкновение цивилизаций. «Будущие историки скажут, мне кажется, что великим событием XX в. было воздействие западной цивилизации на все другие жившие в мире того времени общества. Историки скажут, что воздействие было столь мощным и всепроникающим, что перевернуло вверх дном, вывернуло наизнанку жизнь всех его бесчисленных жертв, повлияв на поведение, мировоззрение, чувства и верования отдельных людей — мужчин, женщин, детей, — затронув те струны человеческой души, которые не откликаются на внешние материальные силы, какими бы зловещими и ужасными они не были»⁵. В этой связи с мнением Тойнби согласуется и «теория модернизации»⁶, разделяющая все общества на традиционные и современные (причем за эталон современного общества приняты именно западноевропейские ценности индивида — право владения и распоряжения собственностью, легализация самых разнообразных экономических и политических прав). Процесс превращения традиционных обществ в современные и составляет, согласно данной теории, основу исторического прогресса.

«Не-западные народы завидовали экономическому процветанию, технологическому совершенству, военной мощи и политическому единству западных обществ. Они искали секрет этого успеха в западных ценностях и институтах, и когда они выявили то, что сочли ключом, они попытались применить его в своих обществах. Чтобы стать богатыми и могущественными, им надо было стать как Запад», — отмечал американский исследователь С. Хантингтон⁷.

Мы привели эти две цитаты не случайно. Действительно, после 1878 г. молодое сербское государство естественным образом стремилось войти в европейское пространство, а традиционное сербское общество, в основе которого лежала «задруга», должно было адекватным образом *ответить на Вызов Запада*; т. е. обретение Сербией независимости поставило перед белградскими правящими кругами проблему выбора не только и не столько внешнеполитического союзника, сколько перспектив общественно-политического и социокультурного развития вообще, ибо, «имея исторический опыт уничтожения собственной народной культуры, Европа вполне естественно перенесла дух этого уничтожения на другие континенты, особенно в те ареалы, которые в меньшей степени были защищены “восточным деспотизмом”»⁸.

Так как же западноевропейские образцы трансформировались во внутренней жизни Сербии начала XX в.? Отметим, что наша статья не претендует на комплексное исследование этой далеко не простой и во многом дискуссионной проблемы, нося постановочный характер. В ней мы постараемся вычленилть лишь отдельные тенденции политического развития Сербии,

связанные с военным фактором в жизни сербского государства на переломном этапе ее развития.

К началу XX в. Сербия представляла собой совершенно аграрную страну, где крестьянство составляло более 80% населения страны. Это была единственная в Европе страна, где практически отсутствовали железные дороги, а промышленность состояла всего из 28 предприятий, на которых было занято около 2 тыс. рабочих. «По роду занятий население современного сербского государства представляет картину весьма слабой дифференциации: земледелием и скотоводством занято свыше 84 процентов жителей, фабричная же промышленность находится в зародыше, интеллигенции мало, и почти вся она состоит на государственной службе, причем в силу парламентского строя, связанного с обычаем менять вместе с кабинетом министров и весь состав бюрократии, в зависимости от принадлежности к той или другой партии, весьма много лиц находится в отставке, получает сравнительно большие пенсии и этим сильно отягощает народный бюджет»⁹, — писал известный историк А. Л. Погодин.

Потребности как экономического, так и общественно-политического развития требовали от белградских правящих кругов выбора стратегического союзника, каковым в силу географической близости могла стать Австро-Венгрия, позиции которой на Балканском полуострове после Берлинского конгресса значительно усилились. Для сербских правителей именно Вена, олицетворяя европейские ценности, могла «стать “окном в Старый Свет”»¹⁰. В 1880 г. сербский князь Милан Обренович окончательно связал будущее своего государства с австрийскими интересами, и не случайно именно австрофилы «напредняки» («прогрессисты») были призваны в октябре того года возглавить правительство, пытаясь превратить Сербию в государство «централизованное, основанное на власти закона, с парламентской системой (но ограниченной ровно настолько, насколько она могла бы обеспечивать законодательную гегемонию новой интеллектуальной олигархии), сильным аппаратом (как проводником реформы сверху) и исключительно политическими функциями. Внутренняя индустриализация, для проведения которой правительство активно привлекало иностранный капитал, становилась основой его экономической стратегии, а свобода личности и этика индивидуализма объявлялись высшими общественными добродетелями»¹¹.

Основным противником нового режима стала окончательно оформленная к 1881 г. Радикальная партия во главе с Н. Пашичем, чья концепция прогрессивного развития страны базировалась на сохранении норм традиционного уклада как продолжении традиций сербской «задруги»¹². Подобное противоречие не ускользнуло от взгляда наблюдательных современников. Тот же Погодин отмечал: «Многое в современном положении Сербии

находится в состоянии переходном или едва намечено. Европейские вкусы небольшой группы лиц и полная патриархальность народных масс, сильное тяготение интеллигенции на Запад и глубоко укоренившаяся в массах привязанность к России: таковы те контрасты, которые поражают в современной жизни сербов»¹³.

В этой ситуации роль армии, именно как политической опоры власти, была существенна. И сербские правители прекрасно это понимали. Милан Обренович провел комплексную реорганизацию вооруженных сил Сербии. Так, в 1882 г. была введена всеобщая воинская повинность; армия перешла на новую организационно-штатную структуру; появились новые рода войск, в том числе и жандармерия. В 1884 г. были открыты «Курсы генерального штаба». В 1896 г. был принят закон об устройстве армии, а Милан стал ее фактическим главнокомандующим. Тем самым к началу XX в. сербская армия, по справедливому замечанию С. И. Данченко, превратилась в один из «важных компонентов государственности»¹⁴.

Внутриполитическая ситуация в стране тем временем все больше накалялась: Причем политические столкновения происходили не только на страницах газет или заседаниях Народной скупщины. Осенью 1883 г. в восточных районах Сербии вспыхнуло восстание, получившее название Тимокского (по р. Тимок). Оно было использовано Миланом для удара по лидерам Радикальной партии, которая перешла на нелегальное положение, а ее лидер Н. Пашич вынужден был уехать за границу. Дальнейшее развитие событий только усугубило внутренний структурный кризис в сербском обществе и привело к кризису режима Милана Обреновича. В 1885 г. Сербия напала на Болгарское княжество. Через месяц война закончилась поражением Сербии. В этой ситуации Милан вынужден был пойти на компромисс с оппозицией. В 1888 г. в Сербии была принята новая конституция, провозглашавшая страну наследственной конституционной монархией, а скупщине была предоставлена законодательная инициатива. Принятие этой конституции способствовало вовлечению в политику более широких слоев сербского общества, тем самым продолжился процесс поиска путей превращения Сербии в европейское государство. В январе 1889 г. король Милан отрекся от престола в пользу своего 12-летнего сына Александра и вскоре покинул страну. К власти в стране пришло правительство радикалов. Но в апреле 1893 г. Александр Обренович фактически совершил государственный переворот, объявив себя совершеннолетним. В 1894 г. конституция 1888 г. была отменена. Милан вернулся в страну и стал соправителем сына.

Последующие годы правления Обреновичей характеризуются усилением режима личной власти короля, свертыванием парламентаризма и постоянной сменой правительств. Оппозицию режиму Обреновичей вновь соста-

вила Радикальная партия. В конце XIX — начале XX в. в стране постепенно нарастал политический кризис, усугубившийся решением Александра жениться на своей фаворитке Драге — вдове инженера Машина (в девичестве Луневица) и бывшей фрейлине королевы Натальи (жены Милана), женщины значительно его старше, и к тому же имевшей весьма сомнительную репутацию. Этот шаг Александра отвернул от него значительную часть сербского общества, вызвав в 1900 г. отставку кабинета Владана Джорджевича. Даже Милан Обренович отвернулся от собственного сына. Вскоре после объявления помолвки он порвал с ним и уехал за границу, где и умер в январе 1901 г. В апреле 1901 г. Александр провозгласил новую конституцию, введившую двухпалатный парламент — Народную скупщину и Сенат, которую можно рассматривать как последнюю попытку компромисса лидеров основных политических партий Сербии и Александра. Однако этот акт не снял внутренней напряженности в стране. Сербский король усиливал личный деспотический режим, сформировав в ноябре 1902 г. новое «нейтральное» правительство генерала Д. Цинцар-Марковича, начав проводить при этом политику, направленную на дальнейшее сближение с Австро-Венгрией¹⁵.

В этой связи следует отметить, что становление любого общества немислимо без развития личности и появления социальных лидеров. Политология знает два типа общественного лидерства. Собственно социальные лидеры — те, кто четко и понятно формулируют интересы определенных социальных групп и ведут их за собой. Такие лидеры появляются на сравнительно поздних этапах общественного развития. Ранним же его этапам более свойственны так называемые «сильные персоны». Это заметные люди, которых игра случая вознесла выше их собратьев и дала им на время возможность распоряжаться судьбой других людей. В отличие от настоящих социальных лидеров «сильная персона» озабочена более всего своей личной судьбой, но он может случайно или осознанно «обслуживать» и часть социальных интересов. Иногда эта фигура является яркой, харизматической личностью, но может быть и полной бездарностью, случайно обласканной фортуной. Сербия достаточно долго не имела истинных социальных лидеров, зато суррогатных вождей в лице «сильных персон» в период борьбы за независимость появляется великое множество. Все они были далеки от мысли сделать строящееся государство выразителем социальных интересов, их деятельность свелась к стремлению «приватизировать» де-факто часть государственной власти. Это приводит к тому, что политической жизни Сербии к началу XX в. свойственно противоречие: с одной стороны, отсутствие авторитета или сакральности королевской власти, а с другой — отсутствие консолидированной и образованной политической элиты, способной сплотить общество, а также традиций парламентаризма

западноевропейского образца и культуры политической борьбы. Достаточно указать на типичный для Сербии институт регентства, прошедший через всю историю существования двух сербских династий¹⁶, а также на то, что в течение XIX в. насильственное смещение монарха было скорее правилом, чем исключением. Да и сам факт того, что с 1878 по 1903 г. в Сербии сменилось 20 кабинетов министров, говорит о многом. «Стремление к насильственным переворотам находится в них самих, в общественных условиях страны, в народном характере. Это вполне подтверждается всею историей. С 1830 г., т. е. с тех пор как Милош сделался законным призанным князем и до сегодняшнего дня в Сербии происходит непрерывное кипение политических страстей, подобное кипению расплавленного и нагреваемого металла в котле. Это брожение не есть парламентская борьба партий, обычная, не говорю уже в настоящих конституционных, но даже в лжеконституционных государствах. Нет, это просто необузданное стремление по природе жадных, страстных и полуобразованных, полуголодных демократов к достижению посредством низкопоклонства (при Милоше, при Михаиле и при Милане) или посредством некоторой ловкости, власти, чтобы из вчерашнего ничтожества сделаться министрами, из недавней жертвы превратиться в свою очередь в мстителя и мучителя»¹⁷, — отмечал в своей записке министру иностранных дел России графу Ламздорфу тайный советник Губастов.

Сербская армия не могла остаться в стороне от происходящих в стране событий, тем более что она обладала реальной силой, способной изменить внутривнутриполитическую ситуацию. Вместе с тем к началу XX в. сербское офицерство не имело своей четкой политической платформы и программы и именно поэтому использовалось оппозицией режиму Александра Обреновича как преторианская сила. Их поднимали и вели «сильные персоны» оппозиции (прежде всего радикалы во главе с Н. Пашичем), о целях которых рядовые военные были часто слабо информированы. В этом смысле судьба Обреновичей во многом зависела от лояльности офицерского корпуса. И именно поэтому неизбежность переворота была очевидна.

23 марта 1903 г. в Белграде прошли массовые выступления, закончившиеся столкновением с полицией. Король Александр на несколько часов приостановил действие конституции с тем, чтобы издать ряд антиконституционных актов — отменить законы о печати, собраниях, выборах и т. п., а также распустить сенат и скупшину. Таким образом, Александр окончательно сделал выбор в пользу диктатуры, с опорой на узкий круг преданных ему людей. Эти события окончательно отвернули от короля большинство политических сил, а сербское офицерство оказалось единственной силой, способной подготовить государственный переворот, который и был осуществлен офицерами 6-го пехотного полка, расквартированного в Белграде¹⁸, в ночь на 29 мая (11 июня) 1903 г. Король Александр Обренович и его жена

Драга были убиты, а престол достался Петру Карагеоргиевичу. В эту же ночь были убиты братья королевы¹⁹, глава правительства Д. Цинцар-Маркович и военный министр М. Павлович. На престол взошел 60-летний Петр Карагеоргиевич.

Ряд российских и сербских исследователей считает, что переворот 1903 г., получив поддержку широких слоев сербской общественности, и, отвечая интересам либеральной буржуазии, устранил главное препятствие на пути развития сербской парламентской системы, открыв тем самым новый этап сербской истории²⁰. Либерально настроенные современники оценили это событие также как важный шаг в превращении Сербии в правовое конституционное государство. Вот, например, что писало российское либеральное издание «Новое время»: «Все газеты высказывают надежду, что начинающаяся сегодня эпоха принесет стране благо. “Odjek” думает, что Сербия будет в будущем действительно правовым государством и станет с достоинством равноправно в ряды семьи цивилизованных европейских государств»²¹. Действительно, переворот 1903 г. был одним из редких случаев, когда вместо установления военной диктатуры власть была передана демократически избранным государственным структурам²². Сразу же после осуществления переворота была созвана скупщина, с небольшими изменениями восстановлена конституция 1888 г., заметим, кстати, одна из самых демократических европейских конституций.

Так можно ли смотреть на Сербию после 1903 г. как на новое демократическое государство западноевропейского типа? На наш взгляд скорее нет, чем да. Попытка Обреновичей через Австро-Венгрию «втянуть» Сербию в Европу окончилась провалом, что уже само по себе означало победу сил сохранения традиционного уклада, да и «самая демократическая» сербская конституция являлась больше документом политическим, нежели реально отражала потребности традиционного общества и патриархального сербского крестьянства²³. Интересно в этой связи замечание того же Хантингтона: «Принятие незападными обществами западных демократических институтов поощряет и дает дорогу к власти национальным антизападным политическим движениям. <...> Результатом является объединение народа против элит, получивших образование на Западе и ориентированных на Запад»²⁴.

С другой стороны, «заговорщики», не имея ни лидера, ни политической платформы или какой-либо программы, просто не могли установить режим военной диктатуры, и, получив после переворота влиятельные посты в армии, стали преторианцами уже нового режима. Не случайно депутаты скупщины, печать, да и сами военные требовали скорейшего удаления заговорщиков из армии, ставя им в вину попрание всех моральных норм. Центрами борьбы против «заговорщиков» стали Ниш и Крауевац, где оппозиционное движение возглавил капитан Милан Новакович. «Весть об убийстве

королевской четы принята была в стране очень сдержанно; население не высказало своих чувств и не пыталось оказать влияния на дальнейший ход событий. Некоторые признаки заставляют, однако, думать, что народная совесть была тяжело потрясена кровавым преступлением», — говорилось в отчетах российского МИДа за 1903 г.²⁵ В конце октября 1905 г. военный агент в Сербии полковник И. Н. Сысоев доносил в Санкт-Петербург: «В последнее время сербская оппозиционная печать, к которой относятся наиболее распространяемые газеты, стала требовать от правительства удаления из армии главарей партии “заговорщиков”, захвативших после кровавого государственного переворота 29 мая 1903 года важнейшие посты в армии и до сих пор находящиеся как бы в привилегированном положении»²⁶.

Вместе с тем 1903 г. принес в политическую жизнь страны новые черты. Наряду с «сильными персонами» окончательно формируются подлинно социальные государственные лидеры, где главную роль на себя взял Н. Пашич и руководимая им Радикальная партия. И именно радикалы возглавили борьбу с офицерами-заговорщиками. Конфликт перешел в новую стадию; грозя материализоваться во вполне конкретных политических событиях. Трудно в этой связи не согласиться с мнением К. Н. Цимбаева: «Начальной стадией развития конфликтной ситуации можно считать диспут, когда стороны определяют в споре или соперничестве свои системы ценностей, цели, интересы. Конфликт в этом ряду — относительно недолговременное противоречие, возникающее из несочетаемости коллективных целей и разрешаемое или мирным, или военным путем. Последним в ряду можно поставить противостояние, чьи причины многогранны, глубоки, и часто непреходящи в пределах определенного исторического периода (например, противостояние Запад—Восток, определяемое всем комплексом экономических, религиозных, культурных, этнических, исторических и прочих различий)».²⁷ В Сербии все произошло именно так. Глубинными причинами конфликта было определение места молодого сербского государства на Балканском полуострове.

В. А. Шнирельманом было отмечено, что «борьба за национальное возрождение и рост националистических движений, которые разворачиваются сейчас во всем мире, ставят на повестку дня новую актуальную проблематику, связанную с особенностями националистических идеологий и их практическим воплощением. Именно в этих условиях особое значение приобретает этноисторический миф, легитимирующий право данной группы на территорию, на развитие своей культуры и на политическое оформление вплоть до требования полного суверенитета»²⁸. Одной из особенностей национального движения в Сербии было то, что оно стало зарождаться задолго до того, как сформировалось гражданское общество или какой-либо конституционный порядок. Для молодого сербского государства развитие

«этноисторического мифа» тесно связано с борьбой за освобождение от османского владычества. Османское завоевание отразилось не только на социально-экономическом и политическом развитии Сербии, но и немало способствовало становлению особого «военного» — «четнического» сознания сербского народа. Многовековые традиции борьбы славянства против османского владычества, народная память о сербском восстании 1804–1813 гг. и его вожде Карагеоргии в начале XX в. получили новое преломление. Среди сербских политиков, общественных кругов все более и более доминировала идея собирания всех славянских земель вокруг сербского королевства, которое должно было стать своеобразным югославянским «Пьемонтом». Вопрос стоял в том, какая политическая сила возглавит это движение, тем более что аннексия в 1908–1909 гг. Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины рассматривалась сербами как национальное унижение, а идея освободительной войны витала в воздухе. Офицеры, участники майского переворота в 1911 г., создали тайную политическую организацию с вполне характерным названием — «Объединение или смерть», более известную как «Черная рука». Руководители «Черной руки» — Д. Димитриевич (Апис), В. Танкосич, Ч. Попович, Л. Йованович-Чупа стремились в противовес Радикальной партии сплотить вокруг себя общество для реализации этих государственных и внешнеполитических задач²⁹. Не случайно с данной организацией были связаны многие государственные чиновники Королевства, в частности М. Милованович — министр иностранных дел и премьер-министр страны. А бывший в 1911–1912 гг. военным министром генерал С. Степанович был прямым ставленником «Черной руки». Королевской власти же в этой ситуации не удалось взять ситуацию под контроль, выступить надпартийной силой, консолидирующей общество, а к тому же и вокруг престолонаследника Александра Карагеоргиевича сложилась еще одна преторианская офицерская группа, соответственно и названная — «Белая рука». Во главе ее стоял П. Живкович — также участник майского переворота 1903 г.

После основания организации «Черная рука» интересы правящей партии и «заговорщиков», окончательно разошлись. При этом лидер «Черной руки» Д. Димитриевич (Апис) видел будущее объединенное государство унитарной монархией с сильной королевской властью, построенное на принципе единого народа (именно таким и являлась унитарная монархическая Югославия — Королевство СХС). Д. Димитриевич и его соратники не могли примириться с концепцией Н. Пашича о создании народного славянского государства, в котором главную роль должна была играть «народная партия», олицетворяющая социальные и национальные интересы народа³⁰. Внутренний структурный кризис, несмотря на некоторую внешнюю политическую стабилизацию, нарастал.

Резюмируя все вышесказанное, следует присоединиться к выводу российского исследователя В. И. Косика: «Если задаться вопросом о том, что принес прошлый век славянским народам Балкан в цивилизационном отношении, то ответ будет один: желание стать европейцем. И если многие идеи, установки, постулаты не получили своего развития или провалились, то объяснение случившегося следует искать, иронически говоря, в “свободе воли”»³¹.

Примечания

¹ *Никифоров К. В.* Четыре этапа сербской истории (XIX–XX вв.) // Югославянская история в новое и новейшее время. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В. Г. Карасева (1922–1991) М., 2002. С. 22–23.

² Там же С. 23.

³ Там же. С. 23–26.

⁴ За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002. С. 13.

⁵ *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. М., 1996. С. 129.

⁶ Модернизация самих западных обществ, главными двигателями которой явились промышленные революции XVIII–XIX вв., объявляется, таким образом, примером первой, классической модернизации. Более поздние примеры освоения институтов современного общества были названы «догоняющей модернизацией». В качестве примера подобной модернизации рассматривается историческое развитие стран «третьего мира» и России. Сербия, исходя из данной концепции, также может служить примером «догоняющей модернизации».

⁷ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 134.

⁸ *Ерасов Б. С.* Цивилизации. Универсалии и самобытность. М., 2002. С. 307.

⁹ *Погодин А. Л.* История Сербии // История Сербии и Черногории. М., 2002. С. 205.

¹⁰ *Шемякин А. Л.* Сербия на переломе. Обретение независимости и проблема модернизации (1880-е годы) // Славянские народы: общность истории и культуры. К 70-летию члена-корреспондента Российской академии наук В. К. Волкова. М., 2000. С. 230.

¹¹ Там же. С. 230–231.

¹² См. подробнее: *Шемякин А. Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891) М., 1998.

¹³ *Погодин А. Л.* История Сербии. С. 205.

¹⁴ См.: *Данченко С. И.* Развитие сербской государственности и Россия 1878–1903. М., 1996. С. 397–398.

¹⁵ В начале XX в. взаимоотношения России и Сербии значительно улучшились. Стали расширяться не только политические, но и экономические связи. Но женитьба короля Александра не могла не отразиться и на российско-сербских отношениях. Весной 1901 г. предполагалось посещение Александра и Драги Петербурга. Однако этот визит неоднократно откладывался, и, в конце концов, сербская королевская чета так и не была принята российским императорским двором, что еще больше уронило авторитет сербского короля в глазах общества и способствовало активизации деятельности заговорщиков — сторонников провозглашения королем Сербии Петра Карагеоргиевича. Стремясь укрепить свое положение, король Александр пытался переориентировать свою политику в сторону Австро-Венгрии.

¹⁶ Об этом пишут как российские, так и сербские исследователи. См., например: *Никифоров К. В.* Четыре этапа сербской истории. С. 21–35. Так, одной из значительных фигур был Й. Ристич, бывший регентом при Милане и Александре Обреновичихах. А в 1914 г. принцем-регентом при своем старом отце стал Александр Карагеоргиевич.

¹⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ) Ф. 166. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 98. 1905 г. Л. 7 об.

¹⁸ Офицерами руководил майор 6-го пехотного полка Мишич. Кроме него, основными организаторами заговора явились Михаил Анжелькович, Лука Лазаревич, Драгутин Димитриевич (Апис), Савва Тривкович, Илья Радивоевич, Милан Лазаревич, Александр Машин и адъютанты короля полковники Наумович и Панайотович.

¹⁹ Судьба Николая Луневица в этом смысле кажется нам особенно трагичной. Вот, что сообщила газета «Новое время» вскоре после осуществления переворота: «Николай Луневиц, брат королевы Драги, как рассказывает “Neue Freie Presse”, был безумно влюблен в одну очень красивую парижанку Жанну П. в течение последних четырех лет. Он хотел на ней жениться, но королева Драга была неумолима против этого брака. Николай Луневиц, чтобы жениться на Жанне П., готов был даже выйти в отставку, но всякий раз его прошения, поданные на имя короля Александра, разрывались королевой Драгой и оставались “без последствий”».

Николай Луневиц уехал в Белград из Брюсселя, где проживала Жанна П. в первых числах мая (ст. ст.). Жанна П. получила от него два иллюстрированных открытых письма. В последнем из них, полученном Жанной в самый роковой день 28 мая, Николай Луневиц писал своей возлюбленной: “до скорого свидания”. Когда в четверг 29 мая Жанна прочтала в газетах телеграммы об ужасах, происходивших в Белграде, она очень испугалась и мучимая зловещими предчувствиями телеграфировала в Белград: “Николаю Луневицу, Белград: телеграфируйте. Очень встревожена. Наннэтт”. На следующий день она получила ответ: “Адресат Луневиц мертв. Деша хранится на телеграфе” // Новое время 5(18) июня 1903 г.

²⁰ См., например: *Карасев А. В.* Сербия и Черногория 1903–1914. Балканские войны // На путях к Югославии: за и против. Очерки национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII-начало XX вв. М, 1997. С. 302–303. Подобная точка зрения изложена в работах сербского историка Радоша Люшича (см.: *Љушић Р.* Историја српске државности. Србија и Црна Гора. Књига II. Нови Сад, 2001. С. 216–220).

²¹ Новое время. 1903. 31 мая (13 июня).

²² См. также: *Никифоров К. В.* Парламентаризм в Сербии в XX веке // *Славяноведение*. 2004. № 3. С. 7–20.

²³ Подробнее об этом см.: *Шемякин А. Л.* Обреченная конституция: сербский Устав 1888 г. // *Новая и новейшая история*. 2002. № 4: С. 64–81.

²⁴ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. С. 137.

²⁵ АВПРИ. Отчеты МИД за 1903 г. Л. 8.

²⁶ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Д. 824. Л. 21.

²⁷ *Цимбаев К. Н.* Июльский кризис 1914 г. Системный анализ методами конфликтологии // *Конфликты и кризисы в международных отношениях: проблемы теории и истории* М., 2001. С. 187.

²⁸ *Шнирельман В. А.* Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // *Македония: проблемы истории и культуры*. М., 1999. С. 11.

²⁹ В контексте «Черной руки» следует рассматривать деятельность обществ «Народная оборона» и «Млада Босна», член которой Г. Принцип и произвел роковой выстрел в Сараево.

³⁰ *Шемякин А. Л.* Идеология Николы Пашича. С. 433–434.

³¹ *Косик В. И.* Один тезис Иозефа Геббельса и одиннадцать моих // *Югославянская история в Новое и новейшее время*. С. 251.

Сербская политика в Македонии на рубеже XIX–XX вв. глазами русских консулов

Естественное стремление Сербии к территориальному расширению путем присоединения населенных сербами районов Боснии и Герцеговины встретило, как известно, противодействие Австро-Венгрии, которая, по решению Берлинского конгресса 1878 г., оккупировала эту турецкую провинцию. Поэтому на рубеже 70–80-х гг. XIX в. руководящие круги Княжества занялись поисками возможностей для продвижения на юго-восток. Тем более, что это направление предполагало и выход к морю по долине реки Вардар через порт Салоники.

Уход в отставку в октябре 1880 г. симпатизировавшего России премьер-министра Й. Ристича благоприятствовал развитию сербо-австрийских отношений. В июне 1881 г. Австро-Венгрия и Сербия подписали торговый и секретный политический договоры. Согласно последнему, Княжество получало поддержку своих планов территориального расширения «в направлении долины Вардара» взамен отказа от претензий на Боснию и Герцеговину, а также Ново-Пазарский санджак¹.

В сентябре 1885 г. в Восточной Румелии произошел переворот, и болгарский князь Александр Баттенберг провозгласил объединение Болгарского княжества с этой автономной провинцией Османской империи. Пытаясь предотвратить столь опасное для дальнейшей борьбы за Македонию усиление своего соперника, сербский король² Милан Обренович напал на Болгарию в предвкушении скорой победы. Но быстротечная война принесла горькое поражение.

Однако двусторонние отношения были нормализованы, и уже в 1889 г. во время визита в Болгарию сербский премьер Н. Пашич предлагал своему болгарскому коллеге С. Стамболову идею антитурецкого союза на базе со-

глашения о разделе Македонии³. Предложение было отвергнуто. К этому времени в административных центрах вилайетов, охватывавших в той или иной мере территорию Македонии, уже существовали сербские консульства. Так, в 1887 г. были открыты консульства в Ускубе и Салониках, а в 1888 г. в Битоле. После восстановления в 1896 г. болгаро-русских отношений дипломатические контакты между Болгарией и Сербией усилились.

Начатые переговоры о болгаро-сербском политическом союзе завершились в 1897 г. подписанием двустороннего договора во время визита короля Александра Обреновича в Софию. Но договор не содержал конкретных обязательств. Было принято аморфное положение «об обоюдной свободе культурной и религиозной пропаганды на всей территории Македонии». Это говорило о непреодолимых противоречиях, существовавших у двух стран в отношении Македонии. Сербия настаивала в ходе переговоров на разделе сфер влияния в Македонии, а Болгария предлагала предоставить ей автономию. Договор носил явно компромиссный характер и состоял из четырех статей, согласно которым государства брали на себя обязательство не предпринимать никаких односторонних действий в ущерб другой стороне в случае осложнений в Европейской Турции; Болгария и Сербия могли самостоятельно действовать в Македонии по защите своих интересов в национальном, церковном и школьном вопросах⁴. Тем самым, как представляется, Болгария впервые на международном уровне признала, что ее соседка имеет в области свои интересы и права. Однако Сербия явно не была удовлетворена соглашением. (О том, как далеко простирались сербские интересы, говорит следующий факт. В декабре 1902 г. генеральный консул Сербии в Салониках Ненадович в частной беседе с русским генеральным консулом А. А. Гирсом признался, что хоть в Салониках и ряде других пунктов Салоникского вилайета открыты сербские гимназии и школы, там «настоящих сербов не имеется»⁵.)

Как бы то ни было, но февральское соглашение 1897 г. так и осталось на бумаге. Попытки согласовать политику Сербии и Болгарии были прекращены после поражения Греции в войне с Турцией весной 1897 г. Оба государства вернулись к осуществлению противоположных по своей сути внешнеполитических программ. Немало этому поспособствовала Турция, когда в условиях продолжающейся войны с Грецией и давления со стороны России в апреле 1897 г. согласилась открыть болгарские торговые агентства в главных городах македонских вилайетов, одновременно разрешив открывать сербские училища по всей Македонии, а также «изгнала» из Ускуба греческого митрополита Амвросия⁶.

1897 г. ознаменовался в Македонии первыми громкими убийствами просербски настроенных жителей области членами македонских комите-

тов или подкупленными ими лицами — погибли несколько «сербских агентов»⁷. Убийства продолжились и в последующие годы. Между тем сербское противостояние болгарам в Македонии (по признанию самих болгарских историков) носило мирный характер до 1902 г.,⁸ когда в Сербии был создан Главный комитет четнической организации. Но его деятельность проявилась уже после Ильинденского восстания 1903 г.

Активизация болгарской стороны в македонских делах вызвала ответную реакцию Сербии. Наиболее ярким ее проявлением стало и так называемое «дело Фирмилиана». Сравнительно малоизвестна ежедневная кропотливая деятельность сербских агентов в Македонии. О ней регулярно докладывали русские представители.

Так, в мае 1898 г. русский консул в Битоли А. А. Ростковский доносил послу в Константинополе И. А. Зиновьеву о том, что вернувшийся из Белграда сербский консул Веселинович доверительно сообщил ему о решении сербского правительства «напрячь все свои силы, чтобы перетянуть на свою сторону всех славян Македонии. С этой целью решено отпускать ежегодно в течение десяти лет на училища и пропаганду в Македонии два миллиона франков и содержать в Солунском и Битольском вилайетах по сто училищ, а в Косовском вилайете только 60»...⁹ Уже через полгода, в ноябре 1898 г., Ростковский докладывал об успехах сербов на данном поприще: «Сербская пропаганда стала заметно усиливаться здесь со времени, как в бюджет Королевства внесено 1,5 млн франков на поддержание сербских училищ в Турции. Сам консул разъезжает по селам и предлагает селянам даровых учителей, а также субсидии денежные на содержание школ. Конечно, местные жители не устояли перед этим соблазном и начали подавать прошения о разрешении открыть у них в селах сербские училища.

Болгары со своей стороны прилагают все старания удержать селян от перехода к сербам, и митрополиты болгарские объезжают теперь села, уговаривая народ оставаться верным Экзархии и обещая в свою очередь тоже денежную помощь.

Единственным осязательным результатом всех этих уговариваний и обещаний является все более усиливающаяся испорченность народа, который начинает открыто торговать своей совестью и продает себя тому, кто больше дает»¹⁰.

А в донесении от 1 декабря того же (1898) года Ростковский сообщает о тонкостях греко-сербских отношений в Македонии: «Сербские консулы, присланные в конце 80-х гг. в Македонию, уверяли здешних греческих митрополитов, что главная цель сербской пропаганды — помочь Великой Церкви в борьбе с болгарской схизмой. В виду этого они просили Владык оказать содействие сербам в деле учреждения здесь славяно-македонских общин, не желающих больше признавать Экзарха и соглашающихся подчи-

ниться Патриарху при условии, что им будет оставлено церковно-славянское богослужение и училища с преподаванием на славянском языке.

Но греческие митрополиты, находящиеся на жалованье Афинского синодоса, не осмелились исполнить просьбы сербов, так как главная цель греков не сохранение Православия, а эллинизация македонского населения, и потому как болгарская, так и сербская пропаганда им одинаково враждебны. [...] Разочаровавшись в митрополитах, сербы приложили все старания получить разрешение Порты открывать свои училища в надежде достичь этим путем своей цели сербизировать македонское население. Долго им это не удавалось. Наконец в прошлом году издан был Султанский фирман, предписывающий властям разрешить открытие сербских училищ...

Испугавшись возможности сербской пропаганды среди славян, оставшихся верными Патриархии, митрополиты предпочли войти в соглашение с сербами и направить их деятельность в места, окончательно потерянные для греков, обещая свою помощь против экзархистов под условием не стараться привлекать на свою сторону села, где греки считают себя хозяевами¹¹. (В октябре 1900 г. Ростковский многозначительно напишет: «Если бы греческие митрополиты не задавались бы национальными идеями, а заботились только о поддержании православия и помогли бы сербам в их стараниях вернуть отпавших снова в ведение Патриарха, то можно было бы смело поручиться за то, что большинство македонцев объявило бы себя сербами»¹².)

Ростковский совершил поездку по Битоляскому вилайету и побывал во Флорине (Лерине), Кастории (Костуре), Корче (в Албании), Охриде и Струге «с целью познакомиться с местным населением и проследить за фазисами сербо-болгарской борьбы, которая разгорается... все более и более». Исполняя инструкцию российского посольства в Константинополе, консул пытался убедить руководителей противоборствующих сторон «быть более умеренными и не прибегать в борьбе к бесчестным средствам», но безуспешно, ибо, как отмечал Ростковский, «никто из этих господ и слышать не хотел о том, что со временем оба народа могут прийти к полюбовному соглашению и что сербы и болгары одинаково близки македонцам». «...Ни те ни другие не допускают возможности своего совместного существования в Македонии». По наблюдениям Ростковского, «особенной страстностью» отличались болгары, открыто заявляющие, что «сербы — воры, так как берут чужую собственность», и потому болгарам «позволительно поступать с противниками как с разбойниками, которых необходимо истребить». Болгары признавались, что «сербская пропаганда для них очень опасна». Причем в самом начале ее болгары «скрывали свои опасения и уверяли, что она им не страшна, так как не в состоянии будет обратить здешних болгар в сербов, но когда наконец турецкое правительство разрешило

открытие сербских училищ в разных городах Битольского вилайета, болгары сорвали с себя маску и начали громко выражать свое неудовольствие», многие из них начали обвинять Россию в переходе на сторону сербов и во враждебном отношении к болгарскому народу. Успехи сербской пропаганды болгары объясняли подкупом переходящих на ее сторону селян¹³.

Задумываясь над сложившейся в Македонии ситуацией, Ростовский размышлял следующим образом: «представители ультраболгаризма», «сознавая полную невозможность определить этнографическую границу между сербами и болгарами, так как вся северная Македония составляет переход от народности болгарской к сербской, старались во что бы то ни стало возжечь дух нетерпимости и недоверия к сербам, обвиняя их в небывалых тогда замыслах сербизировать болгар. Быть может, тогдашние руководители движения сами того не замечая вызвали сербов этим на контрпропаганду, которая в настоящее время приняла столь грозные для болгар размеры». С точки зрения консула, пока турки относились с недоверием к сербам и не позволяли им открывать училища, «болгары делали кое-какие успехи, но действовали вяло, желая сберечь свои силы против надвигающейся опасности со стороны сербской пропаганды. Но едва только местные власти получили категорический приказ Порты не мешать открытию сербских училищ, как болгары оставили в покое греков и приложили все свои старания, чтобы уничтожить новых соперников. Для этой цели им все средства казались хороши. Начались убийства руководителей, поджоги сербских училищ и тому подобные преступления, совершаемые болгарскими учителями и чиновниками болгарских торговых агентств». Ростовский предсказывал: «В настоящее время сербы еще слишком слабы в Македонии, чтобы отплачивать той же монетой, но, по всей вероятности, усилившись, и они не останутся в долгу». И далее о сербской пропаганде: «Благодаря... неуверенности турок в благонадежности сербов, им навряд ли удалось бы когда-либо добиться разрешения открывать училища, если бы не случилась греко-турецкая война. Опасаясь возможных осложнений, султан дал категорическое приказание властям не препятствовать открытию сербских училищ в Македонии. [...] В настоящее время сербы повели деятельно свою пропаганду и уже несколько болгарских сел перешло на их сторону. [...] Тут невольно является вопрос, отчего так поздно спохватились сербы и дали возможность болгарам укрепиться в Македонии, тогда как они могли бы начать свою деятельность здесь лет сорок тому назад и беспрепятственно привлечь на свою сторону все славянское население. Сами сербы объясняют, что ранее они все свое внимание обращали на Боснию и Герцеговину, и только потеряв всякую надежду получить их когда-либо, принуждены были обратить свои взоры на Македонию и искать здесь выхода к морю, без коего Королевство существовать не может, так как на-

ходится теперь в полном экономическом порабощении Австрии, а такое положение дел грозит разорением страны»¹⁴.

Ростковский сравнивал поведение сербов и болгар в сложившейся обстановке: «В противоположность болгарам, указывающим на необходимость принять как можно скорее радикальные меры для введения порядка в Македонии, сербы, наоборот, стараются доказать, что в стране все обстоит благополучно и население не нуждается ни в каких реформах. Это поведение сербов объясняется тем, что в настоящее время их последователи еще так малочисленны в Битоляском вилайете, что в случае введения автономии их народность не будет принята во внимание, и потому они желают оттянуть время разрешения вопроса на 10–15 лет в надежде, что к тому времени их пропаганда если и не вытеснит вполне болгарскую, то, во всяком случае, настолько будет сильна, что они в состоянии будут претендовать на господство здесь»¹⁵.

Не менее интересны наблюдения за сербско-болгарским соперничеством консула в Ускюбе В.Ф. Машкова. В частности, они позволяют поставить под сомнение утверждение, господствующее в болгарской историографии, о том, что сербская пропаганда в Македонии представляла собой хорошо организованный, централизованный и единый процесс¹⁶. Так, 20 июля 1899 г. Машков отмечал в донесении: «В моем секретном письме от 3 августа прошлого 1898 г. я, между прочим, имел честь говорить о положении здесь сербской пропаганды. Я тогда же констатировал, что, в полную противоположность болгарам, сербы не имеют преданных своему делу людей, что сербские здесь деятели — это ожидающие 1-го числа (т. е. зарплаты. — М. Я.) чиновники и что и тот незначительный запас энергии, какой они имеют, тратится не на развитие пропаганды, а на партийные интриги, которые для них заслоняют самые жизненные национальные интересы. С тех пор положение в общем не изменилось. За все это время усилия здешней сербской, так называемой интеллигенции направляются исключительно на сокрушение администратора Ускюбской Митрополии архимандрита Фирмилиана и бывшего здесь до последнего времени сербским Генеральным консулом г. Куртовича»¹⁷. В таком положении вещей Машков обвинял местных приверженцев Радикальной партии, «которые нисколько не думают, что культивируемая ими разрозненность местных сербов, их интриги, доносы печально отражаются на общем ходе сербской пропаганды (в сущности стоящей на весьма благоприятной почве)... «Здесь радикалы... усердно работали и, наконец, успели свалить Куртовича»¹⁸. До Машкова дошла информация о том, что в Нише состоялся «съезд» сербских консулов в Македонии. По предложению Денича, нового ускубского консула (по словам Машкова, «дворцового либерала» и «проводника дворцовых взглядов»), «было решено перейти из пассивной обороны, которой до сих пор

держались против болгар, в наступление... Денич, согласно указаниям из Белграда, стремится стать между народом и нашим консульством, рассчитывая утилизировать наше влияние таким манером, чтобы народ не знал о нашем в его защиту участии, и, таким образом, мало-помалу искоренить в массе чувство преданности к России»¹⁹. (Завершая свое донесение, Виктор Федорович особо подчеркнул, что он, «не обращая внимания на удовольствие или неудовольствие гг. сербских политиканов, без замедления» исполняет свой долг «по покровительству христиан без различия национальностей»²⁰.)

20 апреля 1900 г. Машков писал в посольство: «Мне неоднократно приходилось говорить в предшествующих секретных донесениях о неудовлетворительной с точки зрения сербских интересов постановке сербской здесь пропаганды. Разбившись на мелкие партии, преследующие чисто эгоистические задачи, сербские деятели преисполнены глубокой ненавистью к членам других партий и, забыв о прямой цели своего пребывания в Македонии, всецело погрязли в партийных интригах, заслоняющих для них интересы государственные. Понятно, что при таких условиях, несмотря на крайне благодарную почву, сербское дело в Македонии начинает идти назад. Так, например, неговоря о многочисленных отдельных отпадениях, за последнее время они не мало потеряли сел и деревень в Велесской казе, а также и в окрестностях Ускуба. Некоторую роль в этом ретроградном движении сербского дела, кроме вышеизложенных причин, сыграла и постоянная безнаказанность болгарских террористов-убийц [...] Но еще большее значение, мне кажется, имеет тот необъяснимый разлад, который существует между сербскими консулами и белградским МИД. В Белграде как бы поставили себе задачей вести систематическую войну против своих консулов, ни одно представление которых и не удостоивается одобрения. [...] Перемена четырех консулов в течение двух лет до крайности, конечно, вредит сербским интересам»²¹. То же отмечал и военный журналист П. А. Риттих, посетивший Македонию летом 1901 г.: «К сожалению, сербы, хоть искренно и желают добра своему отечеству, но у большинства не хватает сил и энергии довести дело до конца. Такие же работники, как Куртович, подвергаются партийным интригам в Сербии и весьма редко бывают поддержаны в полной мере в своих начинаниях»...²²

Подводя итог, стоит упомянуть о примечательном инциденте, произошедшем в российском представительстве в Ускубе в 1901 г. во время отъезда болгарского торгового агента Д. Ризова. Его замещал секретарь агентства Наумов. В день тезоименитства Николая II он был на официальном обеде в русском консульстве. Когда ушли турецкие чиновники и европейские консулы, между Наумовым и сербским консулом Куртовичем состоялась интересная беседа, содержание которой передавал Машков. Курто-

вич доказывал, что македонцы не болгары, «а просто-напросто македонцы, гораздо более близкие к сербам, — а часто и прямо-таки сербы, — чем к болгарам и, шутя, стыдил г. Наумова, что он сам серб по крови, стал называть себя болгариним, переделав имя отца — Наума — в болгарскую фамилию Наумов». На это Наумов, смеясь, отвечал: «А зачем же вы, господа сербы, спали тридцать с лишком лет? Болгары все это время неустанно работали и, вполне естественно, что теперь интеллигенция, вся молодежь оказывается на нашей стороне. Начав вашу пропаганду всего лишь в 1889 г., вы, конечно, не имеете ни такого, как болгары положения, ни таких как они, на Македонию прав. Да и к чему права? — продолжал он, воодушевляясь, — мы, болгары, хотим Македонию, все равно есть или нет там болгар и раньше или позже мы ее и возьмем, возьмем, если понадобится — так!» Машков отмечал: «И г. Наумов, с присущей ему выразительностью приплюнув себе в кулак, с свирепым видом делает энергический жест, как бы выбивая невидимому противнику зубы...» «А если нам это теперь сделать не позволят, — продолжал Наумов, — мы скорее призовем австрийцев, чем станем делить Македонию с вами (сербами). Пусть Македония переходит в австрийские руки, лишь бы она оставалась целокупной!..» Правда, потом Наумов оправдывался, что это не его мнение, но «так думают поступить лишь некоторые болгарские деятели... в крайнем случае, если Россия не пожелает поддержать их законные в Македонии интересы»²³.

Как бы то ни было, Болгария, отказавшись от дележа Македонии, приняла авантюру 1913 г. и в итоге потеряла ее навсегда. Впрочем, и в составе Сербии, а затем Югославии, Македония не была слишком долго...

Примечания

¹ В «пороховом погребке Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 166.

² В феврале 1882 г. Сербское княжество было провозглашено королевством.

³ Британски дипломатически документи по българския национален въпрос. Том I. 1878–1893. София, 1993. С. 11.

⁴ Киняпина Н. С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX в. (1878–1898). М., 1994. С. 157–158.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2298. Л. 117–117 об.

⁶ Попов Р. България и Русия (1894–1898). София, 1985. С. 294–295.

⁷ См.: Симић С. Српска револуционарна организација. Београд, 1998. С. 36.

⁸ Лалков М. ВМОРО и балканските държави (1893–1918) // 100 години ВМОРО. София, 1994. С. 86.

- ⁹ АВПРИ. Ф. 180. Д. 3608. Л. 28–29.
- ¹⁰ Там же. Д. 1450. Л. 62–62 об.
- ¹¹ Там же. Л. 69–70 об.
- ¹² Там же. Д. 1452. Л. 53 об. — 54.
- ¹³ АВПРИ. Ф. 180. Д. 1449. Л. 113, 114 об, 118–118 об.
- ¹⁴ Там же. Д. 1451. Л. 34–34об., 35 об. — 36, 39–40, 40 об. — 41.
- ¹⁵ Там же. Л. 56.
- ¹⁶ См., например: *Гоцев С.* Борби на българското население в Македония срещу чуждите аспирации и пропаганда 1878–1945. София, 1991; *Църнушанов К.* Македонизмът и съпротивата на Македония срещу него. София, 1992. и др.
- ¹⁷ АВПРИ. Ф.151. Политархив. Д. 1471. Л. 79.
- ¹⁸ Там же. Л. 85 об. — 86.
- ¹⁹ Там же. Л.86–86 об.
- ²⁰ Там же. Л. 87.
- ²¹ Там же. Ф. 180. Д. 2639. Л. 53–54.
- ²² *Риттих П. А.* По Балканам. Путевые впечатления военного туриста. СПб., 1909. С.151.
- ²³ АВПРИ. Ф. 180. Д. 3608. Л. 83–84 об.

Сербо-албанские отношения в начале XX в.: мифы и реальность

Косовская проблема, а в более широком контексте — сербо-албанские отношения, приобрели в последние десятилетия не только научное, но и актуальное международно-политическое значение. Большинство политиков, военных, дипломатов, ученых, экспертов сходятся во мнении, что корни нынешнего косовского кризиса следует искать в сложной и противоречивой истории всего Балканского региона, в частности, в событиях начала XX в., приведших к коренному переустройству Балкан и одновременно создавших ту этнополитическую карту, которая применительно к Косово в целом сохранилась вплоть до настоящего времени.

Тем не менее в обширной исторической и общественно-политической литературе, посвященной генезису косовской проблемы, по-прежнему культивируется целый ряд мифов, не только затрудняющих понимание сути проблемы, но и продолжающих создавать из сербов и албанцев образы врагов, способствуя тем самым дальнейшей эскалации национализма, насилия и этнической и религиозной нетерпимости. Между тем данные мифы находятся в прямом противоречии с историческими фактами, свидетельствующими о том, что сербо-албанские отношения в начале XX в. носили более сложный и многоплановый характер, чем это принято представлять. Наиболее распространенными из вышеуказанных мифов остаются следующие.

Миф первый. Албания, созданная в 1913 г. по решению Совещания послов великих держав в Лондоне, — искусственное образование, детище Австро-Венгрии и других государств Тройственного союза. Данное утверждение находится в противоречии с предшествующей историей развития албанского фактора, ставшего к эпохе Балканских войн 1912–1913 гг. одним из ключевых в сложной и пестрой региональной палитре. Вопрос об образовании, принципах устройства и границах Албании являлся предметом

сложных переговоров с участием представителей всех великих держав, и в том числе России; причем именно в албанском вопросе позиции тех или иных держав подчас вступали в противоречие с их блоковыми интересами как членов Антанты или Тройственного союза. Примерами могут служить острое столкновение планов Австро-Венгрии и Италии, а также деятельность в Международной комиссии по определению северной и северо-восточной границ Албании английского делегата, по многим вопросам занимавшего позиции, аналогичные представителям стран Тройственного союза. Вполне справедливым представляется в данной связи мнение историка Сиднея Фея, что, «хотя албанский компромисс (речь идет о решениях Лондонского совещания послов великих держав об административном устройстве и границах Албании. — П. И.) предотвратил опасность немедленной войны между великими державами, он оставался весьма тревожным фактором балканской политики... Он явился косвенной причиной братоубийственного сербо-болгарского конфликта в июне 1913 г. (вызванного не в последнюю очередь крахом надежд Сербии на территориальное расширение в направлении Адриатики. — П. И.) и привел к новому австро-сербскому кризису в ноябре того же года»¹.

Что характерно, предметом сложных внешнеполитических маневров становились не только стремление Сербии получить выход к Адриатическому морю через территорию Албании или государственная принадлежность крупного города Шкодер, но и положение гораздо более мелких населенных пунктов, рек или гор. Как образно отмечает британская исследовательница Миранда Веккерс, «на протяжении недель европейский мир находился в подвешенном состоянии из-за судьбы Дьяково (Джяковица. — П. И.), маленького косовского города-рынка, который Австрия считала албанским, а Россия — сербским. Сам по себе город обладал сомнительными выгодами для Сербии и описывался одним из путешественников как «самый примитивный, если не сказать первобытный, город в наименее цивилизованной европейской стране»².

Однако даже данная формулировка не исчерпывает всей сложности и многоплановости проблемы. Германский статс-секретарь лично заявлял сербскому поверенному в делах в Берлине, что присоединить Джяковицу к Албании настоятельно требует не Австрия, а Италия, и, главным образом, глава ее дипломатии маркиз ди Сан-Джулиано, который лично был в этом городе и считает его чисто албанским³. А сам руководитель итальянской внешней политики категорически отвергал данные утверждения и в своей беседе 24 февраля 1913 г. с российским послом в Риме Крупенским заявил, что «будет очень трудно убедить Австрию согласиться на присоединение Дьякова к Сербии», но он «все-таки надеется, что, в конце концов, Австрия уступит»: А в ответ на замечание российского дипломата о той услуге, «ко-

тору он действительно оказал бы делу мира, убедив Австрию не настаивать на включении Дьякова в пределы Албании», маркиз ди Сан Джулиано подчеркнул, что «усилия его направлены к этому»⁴.

Вместе с тем вышеуказанный подход к Албании как к искусственному творению Австро-Венгрии и других великих держав объективно умаляет роль героической борьбы албанского народа за свое национальное освобождение и обретение собственной государственности⁵.

Миф второй. Вплоть до Первой Балканской войны 1912–1913 гг. интересы Сербии и Албании не пересекались, в связи с чем вообще нет оснований говорить о наличии и развитии сербо-албанских отношений применительно к началу XX в. Однако документы, содержащиеся в российских и зарубежных архивах, свидетельствуют о весьма тесных контактах сербского политического и военного руководства и лидеров албанского национально-освободительного движения на предмет образования единого антитурецкого фронта. В том, что подобный фронт не был образован, сыграли свою роль и иные геополитические расчеты Белграда, и отсутствие четкого понимания целей и характера борьбы в рядах весьма неоднородного по своему составу албанского движения, и деятельность турецких властей, имевших все основания опасаться сербо-албанского сближения.

15 мая 1912 г. российского посланника в Белграде Н. Г. Гартвига посетил председатель Совета министров и министр иностранных дел Сербии М. Милованович. Будучи крайне встревоженным сообщениями, связанными с подготовкой албанцами нового антитурецкого вооруженного выступления, он сообщил российскому дипломату, что албанские лидеры обратились к сербским представителям за содействием. При этом «ни категорический отказ сербских пограничных властей в помощи, ни настоятельные предостережения специальных эмиссаров, которых сербское правительство посылало в Старую Сербию с целью предотвратить движение, — не возымело действия на арнаутских вождей, среди коих заметна жажда мщения младотуркам за будто бы нанесенные ими албанцам крупные обиды»⁶. Милованович также сообщил, что, по данным сербского правительства, подготовка антитурецкого восстания осуществляется сразу в пяти вилайетах; причем реальная угроза нависла и над собственно албанскими племенами из числа тех, кто откажется примкнуть к вооруженному выступлению.

Впрочем, в данной связи следует также подчеркнуть, что гораздо более активную роль в албанском вопросе в период, предшествовавший Балканским войнам, играла соседка и союзница Сербии — Черногория. Черногорское правительство по указанию князя Николы оказывало щедрую материальную поддержку албанским отрядам оружием и деньгами. Его ближайшие сподвижники разработали далеко идущую программу действий, рассчитанную на переход приграничных албанских племен под юрисдик-

цию Черногории. Как открыто признавал в своей беседе с российским военным агентом в Черногории Н. М. Потаповым военный министр Черногории М. Мартинович, «взгляды великих держав на желательность скорейшего обновления Турции и закрепления в ней нового политического строя совершенно не совпадают теперь с нынешними видами и помыслами Черногории», и что не исключена возможность того, что пока Турция еще не окрепла, Княжество «попытается заварить кашу на Балканах, дабы затем вознаградить себя прилегающими частями Албании и старой Сербии за потерю надежд на восприсоединение к нему Боснии и Герцеговины»⁷.

По свидетельству российского поверенного в делах в Черногории Н. С. Дьяченко, расчеты Мартиновича строились следующим образом: «Арнауты (албанцы. — П. И.), теснимые младотурками, страшась введения всеобщей воинской повинности, охотно войдут, на известных условиях, в состав Черногории, население которой сохранило однородное с албанцами племенное устройство и поныне пользуется правом носить оружие.

Кроме того, немалые надежды возлагаются на родственные связи, сохранившиеся будто бы до сих пор между отдельными арнаутскими кланами и черногорскими племенами. Щедрая раздача оружия и денег должны довершить успех широкого плана, задуманного и разрабатываемого бригадиром Мартиновичем.

Что касается до отношения великих держав к подобной аванюре и тех последствий, которые она может иметь для Черногории, то здешние скороспелые политики считают, что — по примеру Австро-Венгрии и Болгарии (речь идет об аннексии Боснии и Герцеговины и провозглашении независимости Болгарии. — П. И.) — все сойдет им благополучно с рук, и Европа не только преклонится, по обыкновению, перед совершившимся нарушением статус-кво, но из боязни общего пожара на Балканах, сама поможет Княжеству уладить дело в желаемом для последнего смысле»⁸.

Миф третий. Действия Сербии и ее балканских союзников осенью 1912 г. носили однозначно антиалбанский характер, в связи с чем они фактически похоронили любую возможность будущего сербо-албанского сближения. Подобная трактовка представляется крайне упрощенной и односторонней, не учитывающей истинных целей Балканского союза, вступившего в войну ради не только и не столько территориальных завоеваний, сколько ради освобождения народов Балканского полуострова от турецкого ига. Не случайно еще в августе 1912 г. в Черногории имели место секретные переговоры о возможном участии албанских отрядов в военных операциях Балканского союза. Аналогичным образом не выдерживают аргументированной критики упрощенные попытки однозначно относить албанцев к турецкому лагерю, игнорируя тем самым сложные и противоречивые взаимоотношения их лидеров, а также тех или иных албанских племен с султаном,

младотурецким движением и в целом с военно-политическими властями Константинополя.

О том, что программа Балканского союза в Первой Балканской войне, по сути, являлась производной от требований албанцев, свидетельствуют заявления и дипломатические шаги союзников накануне начала военных действий. Озабоченное развитием ситуации в населенных албанцами турецких вилайетах и, в частности, теми последствиями, которое может иметь озвученное министром иностранных дел Австро-Венгрии Л. Берхтольдом обращение к другим великим державам в пользу децентрализации Турции, греческое правительство уполномочило своих дипломатических представителей в Белграде, Софии и Цетинье сделать запрос следующего содержания (соответствующая информация была доведена до сведения России 22 августа 1912 г.): «Правительство Греции, очень обеспокоенное размерами, которые приобретает албанское восстание, опасается, что последнее может быть вдохновлено слабостью Турции, а также австрийским обращением к Державам в пользу децентрализации, в сложившихся условиях не может оставаться безучастным и считает обязанностью изменить свой подход. Полагая, что четыре балканских государства заинтересованы во взаимопонимании в целях ограничения албанских требований справедливыми рамками и, с другой стороны, в том, чтобы демарш Австро-Венгрии отвечал интересам христиан, греческое правительство желало бы узнать, разделяет ли правительство Сербии (в варианте, предназначенном для сербского правительства. — П. И.) его точку зрения, адресуя одновременно идентичные обращения другим балканским кабинетам»⁹.

Приняв вышеуказанное обращение, министр иностранных дел Сербии выразил греческому поверенному в делах в Белграде принципиальную готовность выработать общую точку зрения и согласованную линию поведения с другими балканскими государствами — Болгарией, Грецией и Черногорией — в сложившейся ситуации.

Сообщив о вышеизложенном в российскую дипломатическую миссию, Йованович не скрыл от российского поверенного в делах в Белграде В. Н. Штрандмана свою тревогу по поводу развития событий. Он подчеркнул, что «чрезмерные требования албанцев, с начальниками коих, ради жизни и безопасности турецких сербов, Королевское правительство находится в хороших отношениях, не могут встретить сочувствие Сербии. Открытое же неодобрение последней обособления Албании, поощряемой обращением Берхтольда, грозит серьезнейшими бедствиями единоплеменникам в Старой Сербии». Кроме того, глава сербского внешнеполитического ведомства выразил обеспокоенность отсутствием ясности в позиции Болгарии и, в частности, в отношении последней к обращению Берхтольда применительно к ситуации в Македонии. В ответ Штрандман, впрочем, при-

звал своего собеседника «совсем отбросить и забыть недоверие к Болгарии, обнаружение коего обозначит крупный успех Австрии, основывавшей до сих пор свою политику на Балканах на розне болгар и сербов и быть может чувствующей, что ныне почва эта уходит из-под ног»¹⁰.

Безусловно, ухудшение ситуации в европейских владениях Турции с большим вниманием отслеживало не только сербское правительство, но и проявлявшее все большую патриотическую активность общественное мнение страны. В сербском обществе явно нарастала напряженность, проявлявшаяся, в частности, в усиливающемся давлении на кабинет в связи с его якобы слишком спокойным отношением к событиям, которые происходят в областях, относящихся к сфере жизненных интересов Сербии. С другой стороны, слишком активные действия Белграда вполне могли привести к обострению его отношений с Веной, что также было невыгодно Королевству. Австро-Венгрия же, стремясь оказать сдерживающее воздействие на Сербию, проводила все более активные военные маневры вблизи границы с Сербией. В сложившихся условиях российская дипломатическая миссия в Белграде пыталась оказывать максимально умеряющее воздействие на сербское правительство, предостерегая его от каких-либо односторонних действий.

25 августа 1912 г. Штрандтман телеграфировал на Певческий мост о состоявшейся у него очередной беседе с министром иностранных дел Сербии по всем вышеуказанным вопросам. Последний поспешил заверить российского представителя в том, «что сербское правительство не изменит своего отношения к событиям, не вмешается активно и не подаст повода для выступления других государств»¹¹. Вместе с тем он признал, что «поступающие ныне сведения об анархии в Старой Сербии, убийстве в Сеннице беранского каймакама-серба, вооружении мусульманского населения Санджака на границе Сербии, требовании беженцев выдать им оружие для защиты и жалобы на грабежи и насилия турок могут вынудить правительство, кроме протестов, принять меры к оказанию помощи бедствующим... Если подтвердится полученное вчера известие об избиении сербов в Сеннице, правительство намерено обратиться за содействием к России, Франции и Англии»¹². Йованович выглядел настолько озабоченным, что Штрандтману, по его собственному признанию, пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить его сохранять спокойствие в сложившейся весьма непростой обстановке.

Тем временем 27 августа сербское правительство ответило на обращение Греции в позитивном духе, заявив о готовности приступить к выработке совместной с Афинами и Софией позиции по актуальной ситуации на Балканах. Речь шла о подготовке совместного заявления, в котором содержалось требование к Константинополю, в случае удовлетворения требований лидеров албанского восстания распространить данные уступки и на

христианское население европейских вилайетов Турции. При этом и Йованович, и лидер старорадикалов Н. Пашич поспешили заверить российское дипломатическое представительство в том, «что со стороны Сербии возбуждение вопроса о мерах активного вмешательства совершенно исключено»¹³. Однако Пашич заявил Штрандтману, что считает «действительное уравнение прав, в том числе касающихся отбывания воинской повинности в родном крае и ношения оружия, весьма ценным»¹⁴. Однако и он, и глава сербского внешнеполитического ведомства с опасением заметили, «что в случае дарования албанцам на деле всего обещанного и распространения тех же прав на все население четырех вилайетов, нынешнее турецкое правительство может ожидать со стороны младотурок серьезных выступлений»¹⁵.

Пожалуй, последней попыткой остановить сползание Балкан в пучину войны стала совместная дипломатическая акция России и Австро-Венгрии. В 4 часа пополудни 8 октября 1912 г. Гартвиг и австро-венгерский посланник в Белграде Угрон отправились к председателю Совета министров Сербии Пашичу для передачи ему от имени правительств великих держав заявления, предостерегавшего сербское руководство от разрыва с Турцией. На словах российский дипломат поведал своему собеседнику о тех опасностях, которым подвергает себя Сербия, «к тому же совершенно бесцельно, так как державы приняли на себя задачу добиться от Оттоманского правительства тех самых реформ в христианских вилайетах, из-за коих балканские государства собираются воевать»¹⁶. В аналогичном смысле высказался и Угрон. На это Пашич пообещал представить совместные российско-австрийские соображения на рассмотрение правительства, однако от своего имени дал понять, что объявленная в Сербии мобилизация и развертывание армии вдоль границы с Турцией коренным образом изменили ситуацию, и даже его авторитета может не хватить, чтобы вернуть процесс в политическое русло; причем в Болгарии ситуация аналогичная.

По завершении беседы с Пашичем Гартвиг и Угрон обменялись впечатлениями. Австрийский посланник нашел положение крайне серьезным, однако признался, что он сохраняет еще «тень надежды на мирный исход»¹⁷. У Гартвига же таких иллюзий уже не осталась. «По всем видимым данным война становится неизбежной», — телеграфировал он в тот же день на Певческий мост¹⁸.

По прошествии двух суток 10 октября все тот же Гартвиг с горечью сообщил в российское министерство иностранных дел о крайне тяжелом резонансе, который произвела в балканских столицах совместная дипломатическая акция Вены и Санкт-Петербурга. В Сербии же впечатление, по его словам, сложилось «совсем удручающее»¹⁹. Вот какой виделась ему ситуация: «Печать и общество уже третий день не могут успокоиться, толкуя названный шаг в самом неблагоприятном для нас смысле. Понятны, говорят

сербы, самые энергические представления России с целью удержать нас, быть может, от действительно рискованного предприятия; понятно коллективное давление всей Европы в Константинополе. Но почему Россия, исконная наша покровительница, сочла нужным протянуть руку закланному врагу славянства — Австрии, которая без этого не посмела бы в предпринимаемой нами борьбе стать на сторону турок; теперь она подняла голову и, конечно, осложнит, но не остановит славянское движение. Газеты припоминают, что австро-русское выступление совпало как раз с тяжелой годовщиной аннексии и усматривают в этом доказательство, что Россия представляет Сербию на произвол Австрии. Тем решительнее, тем упорнее должна быть наша борьба за нашу независимость. — Таков общий лозунг»²⁰.

Впрочем, российско-австрийское обращение получило и официальную реакцию в виде ответной ноты сербского, а также болгарского правительства. Оба варианта по содержанию были идентичными. В ноте говорилось, что «Правительство Сербии (в сербском варианте. — П. И.), приняв к сведению демарш шести великих держав, которые при посредничестве правительств Австро-Венгрии и России адресовали Сербии декларацию, и договорившись с правительствами других балканских государств, выражает свою признательность за интерес, проявленный 6 великими державами к положению населения Европейской Турции и за их обещание взять в свои руки проведение административных реформ, прописанных в статье 23 Берлинского договора. Правительство Сербии тем не менее, соответственно договорившись с Болгарией и Грецией, полагает, что после всех обещаний, так часто и так торжественно дававшихся Турцией и так недвусмысленно отмеченных в международных актах, было бы жестоко не попытаться добиться в интересах христианского населения Оттоманской империи более радикальных и бесповоротных реформ, могущих реально улучшить его плачевную участь, если только эти реформы будут честно и полностью реализованы. Именно поэтому балканские государства считают своим долгом обратиться напрямую к правительству Его Величества Султана, указав ему принципы, на которых требуемые реформы должны базироваться, и гарантии, которые должны быть согласованы для их честного проведения. Они уверены, что если Оттоманское правительство встанет на этот путь, порядок и спокойствие в провинциях Империи будут установлены, и будет обеспечен прочный мир в отношениях между Турцией и балканскими государствами, которые вплоть до настоящего времени слишком часто страдали вследствие незаконной и провокационной позиции, занятой по отношению к ним Высокой Портой»²¹.

Обращение балканских союзников к Высокой Порте было подкреплено нотой, содержащей конкретные принципы, на которых, по мнению правительств Болгарии, Греции и Сербии, должны были базироваться реформы в

Европейской Турции. Они заключались в следующем: «1. Подтверждение этнической автономии национальностей Империи всех вероисповеданий. 2. Пропорциональное представительство каждой национальности в Оттоманском парламенте. 3. Допуск христиан ко всем общественным должностям в провинциях, населенных христианами. 4. Признание, на равной основе наряду с оттоманскими школами, школ всех степеней для христианских общин. 5. Обязательство Высокой Порты не пытаться изменить этнический характер провинций Оттоманской империи, переселяя в них мусульманское население. 6. Региональный призыв христиан на военную службу под командование христиан. До формирования командного состава из числа христиан — приостановка призыва. 7. Реорганизация жандармерии в Европейской Турции по вилайетам под фактическим командованием швейцарских или бельгийских представителей. 8. Назначение в вилайеты, населенные в том числе христианами, европейских вали — швейцарцев или бельгийцев, — одобренных великими державами и работающих при содействии выборных Генеральных Советов, избранных через избирательные округа. 9. Организация при Великом Визире верховного суда, составленного на равной основе из христиан и мусульман для надзора за проведением данных реформ. — Послы великих держав и посланники балканских государств будут осуществлять миссию надзора за функционированием и работой этих советов»²².

О том, насколько сложно и подчас противоречиво албанские сюжеты были вплетены в общевосточную палитру периода Первой Балканской войны и в общую систему международных отношений того времени, можно судить хотя бы по динамике развития сербо-австрийских контактов на политико-дипломатическом уровне по албанской проблеме. 10 ноября 1912 г., видя блестящие победы Сербии и ее союзников, австро-венгерская миссия в Белграде впервые приступила к непосредственному обсуждению с сербской стороной перспектив урегулирования всего сложного комплекса сербо-австрийских отношений. Австрийский посланник Угрон сделал Пашичу доверительное сообщение в следующем смысле: «Австрия дала немало доказательств своего благорасположения к Сербии. По объявлении балканской войны она отказалась от занятия Ново-Базарского санджака, чтобы не стеснять военных операций сербов. Она первая заявила, что не ищет никаких территориальных приращений на полуострове и готова на основании принципа “Балканы для балканских народов” содействовать удовлетворению законных притязаний 4 союзников. Но именно в силу этого Австрия считает неосновательными стремления Сербии к Адриатическому побережью, где проживает особая балканская народность, имеющая такие же права на независимое существование, как и славяне. Албанцы остались сиротами, и они естественно ищут защиты Австрии, у которой в этой обла-

сти серьезные интересы. Она понесла громадные материальные жертвы, строила церкви, школы и призвана охранять католическое население»²³.

Вслед за этим между собеседниками развернулась оживленная дискуссия относительно того, каким именно образом Сербия должна добиваться получения жизненно необходимого ей естественного и беспрепятственного выхода на Адриатическое море. Пашич прямо назвал обретение «этой отдушины, без которой страна обращена на гибель» одной из ключевых целей настоящей войны — столь же важной, как и «освобождение своих братьев» в Османской империи²⁴. На это его собеседник заметил, что «для этого сербам незачем идти в чужую землю, у них теперь будет свободный выход по Вардару к Эгейскому морю, и имеются пути через славянские земли к Спалато и Метковичу или, наконец, по союзной территории к черногорским портам»²⁵. В ответ Пашич заявил Угроу, что «Сербия стремится к экономической независимости, каковая не будет обеспечена ни выходом через принадлежащие Австрии Боснию и Герцеговину, ни через черногорскую территорию. Путь к Эгейскому морю далек и составляет сферу притязания других союзников. Естественно посему, что Сербия направила взоры к Адриатическому морю, где для нее вовсе не чужие земли, а искони принадлежавшие Сербскому государству, населенные албанцами, которые по крови те же сербы и могут, конечно, рассчитывать на всемерную защиту Сербии»²⁶. Кроме того, по словам Пашича, поднятые австрийским посланником вопросы относятся к сфере совместных интересов всех балканских союзников и не могут потому быть решаемы единолично Белградом.

Миф четвертый. Принятая в Лондоне карта сербо-албанского разграничения являлась односторонней, ущемлявшей исторические и актуальные политические интересы Сербии и Албании (конкретное наполнение этого тезиса зависит от национально-государственной принадлежности автора), а также шла вразрез с основополагающими правовыми и этнорелигиозными принципами. На самом деле решения, принятые послами великих держав, стали результатом серьезных и непростых компромиссов, позволивших урегулировать сложнейший международный кризис. Причины последующего обострения сербо-албанских отношений следует искать не в выводах Лондонского совещания и не в результатах работы Международной разграничительной комиссии, а в неудовлетворительной реализации на практике тех положений, которые касались как обустройства присоединенных к Сербии областей со смешанным сербо-албанским населением, так и наведения порядка в самой Албании, превратившейся накануне Первой мировой войны в общевалканский очаг анархии и нестабильности, представлявший собой непосредственную угрозу Сербии. Красноречивая констатация содержалась в секретной телеграмме российского комиссара в международной Контрольной комиссии в Албании Петряева в Санкт-Пе-

тербург от 10 декабря 1913 г. касательно возможных способов формирования местных органов обеспечения правопорядка. Он был категорически против того, чтобы «поручить устройство милиции местным муниципалитетам, состав коих, из находящихся во вражде элементов, лишь только увеличил бы опасность кровавых столкновений»²⁷. Не забудем и ту двусмысленную, а по сути подрывную роль, которую продолжали играть Австро-Венгрия и Италия. Одновременно, как телеграфировал 17 августа 1913 г. из Белграда российский посланник Гартвиг, «сербское правительство обращает внимание на то, что по самым доверительным сведениям после недавнего посещения Вены Иссой Болетинацем и другими албанскими главарями, австрийские и итальянские агенты организуют албанские шайки в 30–40 человек, раздают им оружие и деньги. Шайки эти должны произвести нападения на новую сербскую границу, вызвав волнения среди албанцев будто бы в доказательство недовольства их сербским режимом. При таких условиях по мнению Пашича отозвание последнего сербского отряда с пограничных мест послужит сигналом к возбуждению крайне опасных осложнений»²⁸.

Но даже и в эти месяцы второй половины 1913 — первой половины 1914 г. власти Сербии не оставляли попыток установить взаимовыгодные контакты с отдельными влиятельными албанскими лидерами в интересах стабилизации обстановки и встречали позитивный отклик со стороны последних. Назначенный сербским консулом в Дуррес Симич в беседе с Петряевым весьма деликатно сообщил последнему 17 декабря 1913 г., что он «имеет доверительное поручение вступить с Эссад-Пашой в переговоры по вопросам, интересующим Сербию и Албанию»²⁹.

На деле же речь шла о реализации тайного плана, разработанного в Белграде. Осенью 1913 г. российский поверенный в делах в Сербии Штрандтман, имевший неоднократные беседы с управляющим сербским министерством иностранных дел Спалайковичем, передал в МИД России изложение той программы, которую кабинет Пашича решил взять на вооружение в албанском вопросе.

По его сведениям, сербское правительство пришло к выводу о возможности использования внутренних неурядиц в Албании в целях решения двух задач: добиться пересмотра в свою пользу пограничной сербо-албанской линии, намеченной решениями Лондонского совещания послов великих держав, и содействовать приходу к власти в Албании правительства, не находящегося под влиянием Австро-Венгрии и проявляющего дружеское расположение по отношению к Сербии. С этой целью оно решило оказать посильное содействие Эссад-паше, боровшемуся против правительства Исмаила Кемали, поставив условием получение Сербией, в случае его прихода к власти, соответствующего увеличения территории.

Сообщив об этом плане Штрандтману, Спалайкович стал убедительно просить его сохранить данную информацию в строгой тайне и не сообщать ее в Санкт-Петербург из опасения крайне нежелательной для Сербии огласки. Он также привел некоторые конкретные детали указанного плана. В частности, в ближайшие же дни специальное доверенное лицо должно было отправиться из Белграда через Салоники и Афины в Дуррес. Эссад-паше, испытывавшему финансовые затруднения, должны были быть посланы необходимые денежные средства. От самого же Эссада, с которым сербское правительство уже в течение некоторого времени находилось в тесном контакте, Пашич ожидал военного разгрома и изгнания находящегося во Влере албанского правительства в лице Исмаила Кемали, а также Иссы Болетинаца, и занятия им поста генерал-губернатора. Своим первым указом Эссад-паша должен был признать суверенитет турецкого султана (о его лояльности к Турции свидетельствовал, в частности, флаг с орлом и полумесяцем) и согласиться на пересмотр сербо-албанской границы в соответствии с требованиями Сербии. Вслед за этим сербские войска оккупировали бы уступленную территорию под предлогом временного нахождения там в интересах сохранения порядка и на основании соответствующей просьбы самого Эссад-паши. Наконец, после укрепления своих позиций внутри страны Эссад-паша должен был провозгласить себя албанским князем.

В ответ Штрандтман обратил внимание Спалайковича на серьезные негативные последствия, с которыми неминуемо столкнется его страна в случае осуществления вышеуказанного плана, ибо великие державы единодушно и решительно выступают против подобной политики. В ответ управляющий сербским министерством иностранных дел принялся убеждать российского дипломата, что «страна не должна довольствоваться Лондонской границей, которую Австрия создала для того, чтобы Сербия не могла приступить к мирному развитию своих сил; что добрососедские отношения с Эссадом обеспечат спокойствие на Балканском полуострове; что нынешняя благоприятная минута не повторится, так как через три года Австрия перевооружится и Болгария оправится и, наконец, что сербское правительство сумеет успокоить Европу, указав в особом обращении к державам на вынужденный и чисто временный характер принимаемых военных мер, обусловленных вторжением албанцев на сербскую территорию»³⁰. Одновременно он заявил, что сожалеет по поводу принятого несколько дней назад сербским правительством решения о выводе войск из Албании, ибо последнее албанское нападение, закончившееся взятием Дибры, могло бы быть отбито с гораздо меньшими потерями со стороны сербских войск, если бы они находились на прежних стратегических позициях в глубине албанской территории; согласившись, однако, со своим собеседником в том, что и в этом случае Сербия не могла бы рассчитывать на свою полную защи-

ценность от нападения албанцев, ибо численность сербского пограничного отряда, занимавшего позиции в албанских ущельях, не превышала одного батальона.

Как уже говорилось выше, информация о состоявшейся беседе была немедленно доведена Штрандтманом до сведения российского внешнеполитического ведомства, откуда он вслед за тем получил две секретные телеграммы, датированные 28 и 29 сентября 1913 г. и подписанные товарищем министра иностранных дел А. А. Нератовым, в которых говорилось, что, несмотря на заявления Спалайковича о якобы строго секретном характере сообщения, он поделился своими соображениями относительно нового направления сербской политики в албанском вопросе также и с итальянским дипломатическим представителем в Белграде, который немедленно поставил в известность свое правительство; причем управляющий министерством иностранных дел Сербии заявил итальянскому дипломату, что данный план уже встретил полную поддержку со стороны правительства России. В связи с этим Нератов дал указание Штрандтману в кратчайшие сроки поставить Спалайковича в известность о позиции России, всегда выступавшей против намерений Сербии следовать авантюрной и создающей угрозу международной безопасности политике, а также сообщить ему, что по сведениям, имеющимся у российского правительства, личность Эссада-паши в любом случае не может внушать доверия, ибо его поддержка может быть получена лишь путем выделения ему крупных денежных сумм, а в этом отношении Сербия не может составить конкуренции Австро-Венгрии, так же как и в отношении вооруженных сил — вне зависимости от сроков перевооружения австро-венгерской армии³¹. Кроме того, по словам товарища министра, предание международной огласке тайных замыслов Сербии неминуемо вызовет «самое решительное осуждение со стороны всех держав, утомленных длительным политическим кризисом и стремящихся к водворению прочного мира»³².

После получения данных инструкций Штрандтман ознакомил с их содержанием Спалайковича, который в ответ поспешил заявить, что «Сербия ни в каком случае не сделает опрометчивого поступка, который мог бы иметь губительные последствия, прежде всего, для нее самой и что и впредь она будет вести политику строгого благоразумия»³³. Однако и в дальнейшем сербское правительство не прерывало контактов с Эссада-пашой, в фигуре которого видело единственную реальную возможность бороться против опасного для Сербии австро-итальянского влияния в Албании. «В новой Албании, в которой Австрия и Италия конкурировали вокруг влияния при дворе принца Вида, Сербия защищала Эссада-пашу», — писал сербский историк Йован Йованович³⁴. И данная формулировка представляется весьма точной.

Безусловно, развитие сербо-албанских отношений в бурные предвоенные месяцы знало достаточно примеров непонимания, вражды, кровавого насилия. Соответствующие материалы, в частности, поступали в распоряжение делегатов Международной контрольной комиссии, начавшей работу в Албании в середине октября 1913 г.

К чести делегатов — в том числе российского комиссара в Албании Петряева, — они пытались объективно разбираться в сложившейся ситуации и, в частности, не принимали на веру все те взаимные сербо-албанские обвинения, в которых подчас преобладали эмоции, а не факты. 21 октября 1913 г. Петряев, в частности, весьма сдержанно сообщал в Санкт-Петербург, что «по имеющим здесь сведениям в разных городах Албании действительно теперь находятся несколько десятков тысяч беженцев из пограничных областей», — не подтверждая при этом официально факты массовых антиалбанских репрессий в присоединенных к Сербии областях — не только в силу особого характера сербо-российских отношений, но и прекрасно понимая, как осторожно следует подходить ко всем тем громким заявлениям, требованиям и обвинениям, которые рождаются в горячих балканских головах³⁵.

Да и в целом различные албанские лидеры и вооруженные отряды боролись друг с другом — а заодно и с мирным населением — с не меньшим усердием, чем с сербами. Вот что писал в своей секретной телеграмме в российский МИД 26 октября 1913 г. уже упоминавшийся нами российский комиссар Петряев: «Исмаил Кемаль, боясь нападения со стороны Эссада, сосредоточил у берегов Шкумбии около тысячи иррегулярных войск, состоявших из разбойников и башибузуков. Они предаются грабегам и насилиям. Окрестное население в панике»³⁶. А 5 декабря 1913 г. российский представитель в Контрольной комиссии телеграфировал, что «по сообщению командующего международным отрядом в Скутари (Шкодер. — П. И.), вследствие вендетты между албанскими беженцами и племенем шалья... начались кровавые столкновения. За последние дни убито 19 человек... Между малиссорскими племенами также вспыхнула вражда, приведшая к образованию отдельного правительства в Сан-Джиованни ди Медуа под главенством албанского главаря Ват-Мараша»³⁷.

Миф пятый. Сербо-албанские отношения в Косово и в целом на Балканах есть столкновение непримиримых этнорелигиозных позиций и интересов, чуть ли не цивилизационный конфликт между православным (в более широком плане — христианским) и мусульманским миром. Данный подход не отвечает ни всей истории Балкан, всегда отличавшихся этнической и конфессиональной «чересполосицей» и являвшихся регионом, где различные народы веками жили вместе и боролись против общих неприятелей, ни сложной национально-религиозной структуре населения Сербии и Алба-

нии. Как справедливо указывает российская исследовательница Ю. В. Иванова, ислам расколол балканское общество «не по этническому признаку, а по религиозному, который в действительности был признаком социальным»³⁸. А посещавшие Косово международные исследователи и эксперты неоднократно подчеркивали, что — как писал, к примеру, американский профессор Брайан Вильямс, — «косовские албанцы молятся как православно-христианским, так и мусульманским святым»³⁹.

О том, что процессы, происходившие на Балканах в рассматриваемый период, не укладываются в упрощенные рамки, свидетельствует, в частности, и развитие отношений между албанцами и другой православной балканской державой — Болгарией. В период между окончанием трагической для Софии Второй Балканской войны и началом войны Первой мировой болгарское правительство активно пыталось привлечь албанское вооруженные отряды для нового «сведения счетов» с Сербией. По негласным сведениям, полученным Петряевым в начале декабря 1913 г., болгарское правительство поручило своему генеральному консулу в Албании установить контакты с албанскими лидерами в городах Дибра и Люма на предмет тайного направления болгарских офицеров в качестве инструкторов с целью организации добровольческих иррегулярных полков на территориях, прилегающих к сербской границе⁴⁰. Кроме того, согласно секретным сведениям, полученным сербским правительством, болгарский кабинет предпринимал усилия, направленные на подготовку антисербского восстания в Западной Македонии при непосредственном участии в нем албанцев, в связи с чем в декабре 1913 г. усилился приток болгарских эмиссаров в крупнейшие центры Албании и в особенности в Дуррес, куда прибыл, в частности, майор болгарской армии Дмитрий Атанасов (под видом корреспондента софийской газеты «Вечерняя почта»). Он имел несколько встреч с Эссад-пашой, которому — опять же по данным, сообщенным сербским правительством Гартвигу, — предложил для обсуждения следующую программу.

Интересы Болгарии и Албании требуют осуществления совместных действий с тем, чтобы не оставлять в покое Сербию и Грецию, ибо в противном случае они сумеют укрепить свои позиции на занятых ими территориях, и тогда будет практически невозможно вынудить их оставить данные области. Военные действия должны быть начаты не позднее чем через шесть месяцев, по сигналу Австро-Венгрии. Болгария к этому времени успеет предпринять дипломатическое сближение с Румынией, которое, по словам Атанасова, могло бы быть достигнуто значительно ранее, если бы не препятствия, создаваемые Россией. Албанцы со своей стороны должны поставить под ружье не менее 30 000 человек, причем Болгария обязуется предоставить им необходимое оружие, боеприпасы и другие военные материалы. В заключение болгарский представитель заверил Эссад-пашу в том,

что примирение между Болгарией и Сербией не может быть достигнуто ни при каких условиях, несмотря на все старания России.

Тем не менее Атанасову не удалось в полной мере убедить в необходимости реализации указанного плана Эссад-пашу, который, правда, дал понять болгарскому представителю, что албанцы примут предложения Болгарии, если та предварительно сумеет заключить соглашения с Румынией и Турцией⁴¹.

Своеобразие Косово и в целом Балканского региона заключается в том, что они представляют собой «перекресток» эпох и народов, район их сложного и активного взаимовлияния, взаимопроникновения и взаимообогащения — то есть именно той «взаимозависимости», которая, по мнению турецкого историка С. Бакана, является одним из ключевых факторов понимания динамики развития отношений в мировой политике⁴².

Именно такой вывод позволяет сделать анализ развития сербо-албанских отношений в начале XX в. И именно на подобных принципах должно базироваться эффективное урегулирование современных балканских проблем, в том числе кризиса в Косово.

Примечания

¹ Фей С. Происхождение мировой войны. Том I. М., 1934. С. 308.

² Vickers M. The Albanians. A Modern History. I. B. Tauris. L.; N. Y., 1995. P. 71.

³ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1913. Оп. 470. Д. 113. Л. 13.

⁴ Там же. Д. 68. Л. 3–4.

⁵ Подробнее о месте Сербии и Албании в международной политике кануна Первой мировой войны см.: В «пороховом погребе Европы» 1878–1914. М., 2003.

⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 529. Л. 15.

⁷ Там же. Д. 2082. Л. 60. Имеется в виду аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в 1908 г.

⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2082. Л. 52.

⁹ Там же. Д. 529. Л. 29.

¹⁰ Там же. Л. 29.

¹¹ Там же. Л. 30.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 31.

¹⁴ Там же. Л. 32.

¹⁵ Там же.

- ¹⁶ Там же. Л. 44.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. Л. 46.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. Л. 49.
- ²² Там же. Л. 50.
- ²³ Там же. Л. 75.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 19. Л. 42.
- ²⁸ Там же. Д. 113. Л. 337.
- ²⁹ Там же. Д. 19. Л. 49.
- ³⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 352.
- ³¹ Там же. Л. 358–359. Что же касается показателей, характеризовавших Сербию и Австро-Венгрию в военном отношении, то к началу Первой мировой войны кадровая численность сербской армии в мирное время составляла 52 000 человек, а союзной с ней Черногории — 2000 человек; в случае же военной опасности их боевая численность могла составить 247 000 человек у Сербии и 60 000 у Черногории. Численность же предвоенной армии, имевшейся в распоряжении Австро-Венгрии, составляла 478 000 человек; в случае же начала военных операций ее командование могло поставить «под ружье» 1 421 250 человек — *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918 гг. Том первый. Кампании 1914–1915 гг. М., 1938. С.20–21.
- ³² АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 358.
- ³³ Там же. Л. 362.
- ³⁴ *Јовановић Ј.* Борба за народно уједињење 1914–1918. Београд, б/г. С. 12.
- ³⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 19. Л. 11.
- ³⁶ Там же. Л. 17.
- ³⁷ Там же. Л. 36.
- ³⁸ *Иванова Ю. В.* Албанцы и славяне: закономерно ли противостояние? // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов 15–22 марта 1999 г. Санкт-Петербург, СПб., 1999. С. 24.
- ³⁹ *Williams B.* Jihad and Ethnicity in Post-Communist Eurasia. On the Trail of Transnational Islamic Holy Warriors in Kashmir, Afghanistan, Central Asia, Chechnya and Kosovo // *The Global Review of Ethnopolitics. Volume 2. Issue 3–4. March/June 2003.* P. 16.
- ⁴⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2908. Л. 30.
- ⁴¹ Там же. Л. 56.
- ⁴² *Bakan S.* Foreign Policy in the Light of Theories // *Die Politika.* 1–4. 1999. P. 6.

Роль «русского фактора» в решении югославянского вопроса в годы Первой мировой войны

Известно, что как в зарубежной, так и в отечественной исторической литературе балканская политика России, различные версии о ее ответственности за начало Первой мировой войны остаются предметом острой научной полемики. В советский период отправным моментом для дискуссий служил тезис, выдвинутый еще в 20-е гг. М. Н. Покровским, об «агрессивной политике русского царизма» и о его якобы извечной борьбе за торговые пути, прежде всего за Черноморские проливы, что, по мнению историка, явилось одной из главных причин Первой мировой войны¹. Эту же точку зрения продолжали разделять Е. А. Адамов, Я. М. Захер, А. Л. Попов, В. М. Хвостов и другие. Более поздние и детальные исследования российских и зарубежных историков подвергли сомнению данное утверждение и продемонстрировали далеко не однозначный характер внешнеполитической деятельности России в Балканском регионе, а также негативное отношение российских правящих кругов к определенным экстремистским идеям объединения югославянских народов.

Царское правительство подходило к вопросам создания крупного югославянского государства на Балканах, к реализации идей «Великой Сербии» с точки зрения российских национальных интересов и, прежде всего, обеспечения безопасности Российской империи на юге. В начале XX в. оно рассматривало Сербию как своего рода первый бастион на пути возможного вторжения сил Тройственного союза через Балканы и Румынию на юг России. Об этом говорилось в плане российского Генерального штаба на случай войны с Тройственной коалицией, согласно которому Сербия в союзе с Болгарией должны были стремиться к сдерживанию части австро-венгерских сил².

Факты свидетельствуют, что в этот период Балканский регион хотя и оставался важным направлением внешней политики России, но речь скорее шла об установлении благоприятного для нее режима Черноморских проливов, необходимого с точки зрения экономических и оборонных потребностей страны.

Как справедливо отмечает российский историк В. Н. Виноградов, к началу XX в. правящая бюрократия России пришла к единому мнению о том, что национальным интересам страны отвечают сложившиеся к этому времени границы империи, территориальное пространство, и что задача состоит в «сохранении уже достигнутых Россией пределов, без расширения таковых»³. Военный министр генерал А. Н. Куропаткин во всеподданнейшем докладе Николаю II, представленном в начале 1900 г., в котором подводились итоги военной и внешнеполитической деятельности Российской империи за два прошедших века и намечались перспективы на век XX, писал, что Россия достигла «своих естественных границ» и не нуждается в новых приращениях территории и населения, которые могут только ослабить ее⁴.

Действительно, после того как 28 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии, у России был выбор: отказаться от поддержки Сербии и занять «нейтральную» позицию. Однако правящие круги ведущих мировых держав хорошо понимали, что конфликт не может ограничиться лишь войной между Сербией и Австро-Венгрией, а примет общеевропейский характер. Министр иностранных дел России С. Д. Сазонов, например, сразу же после австрийского ультиматума заявил: «Это — общеевропейская война!», и действия Австро-Венгрии направлены, в сущности, столько же против России, сколько и против Сербии⁵. Таким образом, была подмечена главная суть международных процессов — глобализация военно-политических отношений и столкновение интересов военно-политических группировок в конфликтных зонах, в данном случае в Сербии и на Балканах.

Весь вопрос заключается в том, угрожала ли Германия в тот исторический момент жизненным интересам России, в том числе и на Балканах? Большой интерес в этой связи представляет секретная записка на высочайшее имя, составленная в отделе Морского генерального штаба в конце 1913 — начале 1914 г. В ней говорилось: «Последние 15 лет Германия всеми силами стремилась поработить Россию экономически и ослабить ее в политическом и военном отношении. Российский рынок переполнен немецкими товарами, международный престиж страны сильно подорван, а ее военное могущество сокрушено. Но возрождение России уже началось и идет быстрыми шагами вперед; в Германии пробуждаются вследствие этого серьезные опасения за дальнейшее распространение своего влияния, и немцы уже спешат принять меры»⁶.

Кроме того, как справедливо отмечал С. Д. Сазонов, для России не сделать ничего для Сербии значило не только отказаться от завершения своей исторической миссии, но и «сдать без сопротивления врагам славянских народов занятые вековыми усилиями политические позиции...»⁷

Специфика роли балканских стран в развязывании Первой мировой войны заключалась в том, что ни одна из них в самый момент ее возникновения не была в ней заинтересована, но каждая стремилась воспользоваться конфликтом для территориального расширения.

Нельзя, например, отрицать, что сараевские заговорщики, руководитель организации «Черная рука» Д. Димитриевич (Апис) и другие члены этой организации имели поддержку среди радикально настроенных кругов сербских военных, которые могли пойти на экстремистские действия и были готовы к втягиванию Сербии в войну для реализации своих авантюрных замыслов по созданию «Великой Сербии».

Не случайно российский военный агент в Сербии полковник В. А. Артамонов с обеспокоенностью сообщал в Петербург о попытках организации «Черная рука» установить с ним контакт. «Не скрою, — писал Артамонов в донесении от 17 января 1912 г. в главное управление Генерального штаба, — что “Черная рука” сделала через одного офицера попытку войти в сношения со мной. Конечно, я немедленно и решительно отклонил приглашение переговорить с членами тайной организации, чтобы не дать им возможности примешать при агитации имя России»⁸. В этом же документе военный агент указывал, что в Сербии любая партия и организация для завоевания народной поддержки стремится связать свою деятельность с именем России «или по крайней мере представить, что все делается с ведома и одобрения России»⁹. Военный министр В. А. Сухомлинов на основании донесений В. А. Артамонова проинформировал Николая II о тайной политической организации в Сербии, преследующей «национальные идеи», и об участии в ней офицеров сербской армии. В документе говорилось, что организация «Объединение или смерть» (официальное название «Черной руки». — Н. В.) имела существенное влияние на сербское правительство и что у нее были сторонники среди многих влиятельных лиц как военных, так и гражданских¹⁰.

Царское правительство предостерегало сербского монарха от авантюрной внешнеполитической деятельности этой организации и ее установки на насильственные действия по присоединению к Сербии территорий с сербским населением, входящих в Австро-Венгрию, что могло спровоцировать войну, к которой Россия не была готова. Официальный Белград, во всяком случае, сербский премьер Н. Пашич, также был противником террора и заговоров и много раз указывал на опасность насильственных внешнеполитических действий тайного союза¹¹.

Сразу же после событий в Сараево министр иностранных дел Российской империи С. Д. Сазонов посетил австро-венгерское посольство и сделал в книге запись об осуждении «безумного злодейства». Он уведомил временно исполняющего обязанности посла о том, что императорское правительство осуждает терроризм, но категорически опроверг версию Вены, что в заговоре участвовало сербское правительство. «Непричастность Сербии к сараевскому преступлению для нас очевидна», — заявил министр¹².

Официальный Белград должен был сознавать, что страна будет первой жертвой нападения в случае объявления Австро-Венгрией войны в ответ на сараевское покушение. Временный поверенный в делах России в Белграде В. Н. Штрандтман информировал Петербург о полной неподготовленности Сербии к военным действиям на июль 1914 г. «Сараево, — писал он, — спутало все карты Сербии и поставило на очередь возможность (военного) столкновения в самый неблагоприятный для Сербии момент»¹³.

Рассчитывать на военную помощь России сербскому правительству также не приходилось, так как Н. Пашичу во время посещения им и престолонаследником Александром в январе—феврале 1914 г. Петербурга, кроме общих заверений от Николая II в поддержке Сербии, никаких конкретных предложений о военной помощи не было сделано. Наоборот, 9 апреля 1914 г. сербской стороне было передано, что Россия не может поставить Сербии запрошенное ею вооружение¹⁴.

Для российско-сербских отношений в годы Первой мировой войны важное значение имел так называемый югославянский вопрос. В конце 1914 г. сербское правительство впервые официально сформулировало военные и политические цели. 7 декабря 1914 г. Народная скупщина Сербии провозгласила Нишскую декларацию, в которой выдвигались задачи освобождения еще не освобожденных югославянских народов и их объединение с Сербией, а 15 декабря принц-регент Александр выдвинул задачу создания «Великой Сербии».

Что касается оказания помощи Сербии в войне, то роль России, так же как и других государств Антанты, не была однозначной. Царское правительство, придавая большое значение балканскому театру военных действий, все же отводило ему второстепенную роль. Большой акцент был сделан на дипломатические усилия по восстановлению Балканского союза. Россия и другие государства Антанты стремились восстановить сербско-болгарское сотрудничество. При этом царские дипломаты оказывали давление на Сербию, заставляя ее идти на территориальные уступки в Македонии в пользу Болгарии. За это Сербии был обещан выход к Адриатическому морю. Великие державы, по существу, вели торг с малыми государствами по вопросу их участия в войне, обещая каждому из них ту или иную территорию.

Одной из особенностей российско-сербских отношений в период войны было то, что Россия уклонялась от заключения с Сербией официального соглашения о военном союзе, подписать которое предложил Н. Пашич в конце 1914 г. Позиция Сербии в этом вопросе достаточно понятна. Сербский премьер-министр после победы над австрийцами в Колубарском сражении добивался от государств Антанты официального признания Сербии в качестве своего военного союзника. Это давало бы право Королевству после войны сесть за стол мирных переговоров на равных, не дожидаясь милости из рук великих держав.

По мнению многих исследователей, для России заключение такого соглашения в начале войны, когда ее военное положение было крайне тяжелым, означало бы, что царское правительство давало определенные гарантии территориальным требованиям Сербии. Этого оно сделать не могло, так как страна в значительной степени сама зависела от своих союзников по Антанте, особенно в 1915 г., когда остро нуждалась во всесторонней помощи Англии и Франции.

По свидетельству французского посла в России М. Палеолога, в ноябре 1914 г. Николай II в беседе с ним, говоря о Сербии, подчеркнул необходимость присоединения к ней Боснии и Герцеговины, Далмации и Северной Албании. Македония должна была быть поделена между Сербией и Болгарией, которую предполагалось привлечь к участию в войне на стороне Антанты¹⁵. Имеются данные, что официальные круги в России скептически смотрели на планы общегославянского объединения. Однако в российской печати в 1914 г. широко обсуждались варианты реорганизации многонациональной империи Габсбургов и образования на ее развалинах новых национальных государств на принципах воссоединения «единоплеменных народов». Так, газета «Русское слово» в статье от 4 сентября 1914 г. выдвинула идею воссоединения вокруг Сербии Боснии и Герцеговины, Хорватии и Далмации, Баната и Буковины, считая, что там проживают югославяне. Та же газета указывала, что возможны и другие варианты решения югославянского вопроса. Одновременно выражалась уверенность в решающей роли Сербии в объединительном процессе и, в частности, указывалось: «Сквозь кровавый туман уже проглядывают контуры будущей Европы, ее бастионами будут Великая Сербия, объединенная Румыния и свободная Чехия».

Российская социал-демократия в лице РСДРП поддерживала идею сербских и болгарских социалистов о создании Балканской республиканской федерации. Не была в стороне от югославянского вопроса и российская дипломатия.

Официально Петроград никак не прореагировал на Нишскую декларацию, прежде всего из-за того, что не желал осложнений с Англией и Фран-

цией, которые были против создания Великой Сербии. Об этом заявил итальянский посол в России А. Карлотти начальнику канцелярии МИД барону М. Шиллингу в беседе 27 февраля 1915 г.

Наиболее рельефно позиция российской дипломатии в югославянском вопросе раскрывается в записке А. М. Петряева, опытного дипломата, специалиста по балканским и ближневосточным делам. В 1917 г. он стал помощником министра иностранных дел. В 1915 г. Петряев предсказывал, что Австро-Венгрия потеряет в результате войны ряд национальных районов, в том числе и югославянские земли, прежде всего Боснию и Герцеговину. Так же как и сербские политические деятели, он считал, что Сербия могла бы сыграть роль «второго Пьемонта», что соответствовало интересам России. Он писал: «Возникновение единой Великой Сербии или сербохорвато-словенского государства было бы самым удачным решением югославянского вопроса, и в русских интересах стремиться к тому, чтобы эта политическая комбинация осуществилась». По его мнению, сильное славянское царство на берегах Адриатического моря, интересы которого нигде не сталкиваются с русскими, было бы «весьма желательным элементом в нашей будущей западноевропейской политике»¹⁶. Но уже тогда Петряев видел опасность насильственного присоединения к Сербии хорватов и словенцев, указывал на необходимость проведения более осторожной политики естественного объединения и на исключение насильственного варианта присоединения хорватов к Сербии, так как «небольшой народ в 5 млн не может поглотить равный ему по численности другой, хотя и родственный народ, но отличный по религии и культуре и противящийся такому поглощению»¹⁷. Российский дипломат делал вывод о заинтересованности России в стремлении Сербии к национальному единству и о необходимости оказания ей мощной поддержки в достижении этого идеала.

В записке обращалось внимание на отношение Англии, Франции и Италии к югославянской проблеме, при этом указывалось, что при проведении российской политики необходимо иметь в виду, что Англия и Франция по высшим политическим соображениям не будут поддерживать великосербские планы и способствовать образованию на берегах Адриатики большого славянского государства, тяготеющего к России. «Они несомненно предпочтут создание независимого хорватского королевства, которое всецело подпадет под их влияние и будет служить им опорой для усмирения итальянских империалистических притязаний в Адриатике и Средиземном море»¹⁸.

Главное состояло в том, что в долговременные геополитические расчеты этих стран не входило намерение способствовать усилению влияния России на Балканах. Это показала вся дальнейшая история, как в годы Первой мировой войны, так и в последующий период.

Война обострила национальный вопрос в империи Габсбургов, усилила центробежные тенденции и процессы национального самоопределения народов, общую тенденцию к созданию национальных государств.

Проявлением этого процесса в югославянских землях Австро-Венгрии явилось создание в Лондоне (май 1915 г.) так называемого Югославянского комитета, который возглавил Анте Трумбич — хорват из Далмации, разделявший точку зрения о народном единстве сербов, хорватов, словенцев. Отношение сербского правительства и его премьера Н. Пашича к идее создания единого государства не было однозначным. Однако тот факт, что военное поражение Сербии было использовано Трумбичем для провозглашения лозунга о пересмотре Нишской декларации и о том, чтобы теперь Хорватия стала центром объединения всех югославянских земель, вызвал обеспокоенность сербского премьера. Тем более что сербское руководство не получило от великих держав каких-либо гарантий в отношении реализации его территориальных претензий.

Главной надеждой и опорой Сербии была Россия. В конце апреля 1916 г. сербская правительственная делегация посетила Петроград, где Пашича принял Николай II. Российская сторона в принципе высказалась в поддержку Сербии на международной арене, однако документы свидетельствуют, что часть сербских требований не вызвали одобрения в Петрограде. Особенно это касалось провозглашения планов поглощения Сербией Албании, прохладно были встречены и предложения о включении в состав Сербского королевства Хорватии. Сазонов лишь заявил, что «Россия стоит... за то, чтобы объединение двух элементов (Сербии и Хорватии) было достигнуто на путях взаимного убеждения и компромисса»¹⁹.

Англия и Франция вообще советовали российской дипломатии не давать каких-либо обещаний Сербии по территориальным проблемам. А английский премьер-министр Д. Ллойд Джордж высказался за создание нескольких автономных государств в составе Австро-Венгрии после ее «демократизации»²⁰. Тем не менее Сербия все же рассчитывала на поддержку России в реализации идеи создания «Великой Сербии». Возможно, так и произошло бы; с учетом той роли, которую играли вооруженные силы России в боевых действиях, она могла оказать серьезную поддержку сербским требованиям на мирных переговорах.

Несмотря на все тяготы войны, Россия встретила 1917 г. на вершине военного могущества: 202 дивизии находились на фронтах, под ружьем было 7 млн человек, военно-промышленный комплекс работал в полную силу. Однако после краха в феврале—марте 1917 г. царского режима и наступившего вследствие этого внутривнутриполитического кризиса международные позиции Российского государства пошатнулись. К тому же в апреле 1917 г. в войну на стороне Антанты вступили США, что привело к новому

виту в соперничестве великих держав за будущий передел мира и сфер интересов.

Октябрьская революция и выход России из войны вывели ее из игры в балканском деле. Сербское правительство утратило всякие надежды на российскую помощь в реализации своих внешнеполитических замыслов.

События 1917 г. в России отчасти подтолкнули сербское правительство к тому, что 20 июня 1917 г. на острове Корфу между представителями Сербии и Югославянского комитета была подписана Корфская декларация, определившая условия создания единого государства. Между сербскими правящими кругами и деятелями Комитета был достигнут компромисс о создании единого государства сербов, хорватов и словенцев. Это государство должно было стать конституционной монархией во главе с сербской династией Карагеоргиевичей.

В Декларации говорилось о едином трехименном югославянском народе. Это положение могло быть истолковано по-разному. С одной стороны, оно предполагало равенство всех трех народов, с другой — являлось отступлением от принципа самоопределения народов, который выдвигался в международных отношениях как главное требование при образовании новых независимых государств не только социал-демократами и новым большевистским правительством, но и американскими и европейскими политиками. Поскольку проблема самоопределения народов и самоопределения наций имеет длительную историю и широчайший международно-правовой и философский аспекты, то обращение к данной тематике представляется возможным лишь в контексте вопроса об образовании югославского государства в результате Первой мировой войны.

Чем руководствовалось сербское правительство, подписав Корфскую декларацию, что являлось фактически отказом от объединения всех сербов в «Великой Сербии»? Конечно, главное — такое решение зависело от союзников в лице великих держав. Не случайно на заседании сербского комитета министров 14 июня 1917 г. констатировалось: «От успехов союзных войск зависит, сможем ли мы выполнить три пункта нашей политической программы: 1) сохранить Сербию, 2) объединить все сербские земли, 3) объединить все югославянские земли»²¹.

После краха царской России и провозглашения большевистским правительством Советской России принципа «мир без аннексий и контрибуций», США, в лице их президента Вудро Вильсона, 8 января 1918 г. предложили «Четырнадцать пунктов» в качестве основ для мирного урегулирования и проекта нового мирового порядка. Принципы: «восстановление исторической справедливости» и «право народов на национальное самоопределение» составили моральный и политико-идеологический стержень этой программы. Тем не менее 10-й пункт программы Вильсона, касавшийся непосредст-

венно судьбы народов Австро-Венгрии, говорил лишь о предоставлении «наиболее свободной и благоприятной возможности для автономного развития». Тем самым право народов на национальное самоопределение натолкнулось в конкретной ситуации на серьезные препятствия, главным из которых были различные интересы правительств внутри антантовского блока, а также на крайне сложные противоречия этнотерриториального характера между народами, входившими в Австро-Венгерскую монархию.

Сепаратный мир Советской России со странами Четверного союза и выход ее из войны привели к ликвидации статуса России как великой державы и устранению ее как субъекта международных отношений при решении послевоенных территориальных проблем в Европе в целом и балканском регионе в частности. Их решение полностью стало зависеть от воли и интересов Англии, Франции и США. В такой ситуации Сербии не оставалось ничего иного, как обратиться к союзу с другими югославянскими народами. Правительство Пашича понимало, что объединения всех сербов невозможно добиться в какой-либо иной форме, кроме создания единого государства всех югославян. Хорваты же были напуганы, что в программе Вильсона предусматривалось сохранение Австро-Венгрии и предоставление Хорватии всего лишь автономии. К тому же, согласно секретному Лондонскому договору (1915), создавалась угроза итальянской оккупации Далмации и ряда районов Хорватии и Словении, обещанных Италии странами Антанты в качестве компенсации за ее участие в войне. Из-за отсутствия у Хорватии собственных вооруженных сил у нее не было никакой надежды на создание своего государства.

Военные победы стран Антанты в 1918 г., поражение австро-венгерских войск на фронтах привели к развалу вооруженных сил Австро-Венгрии. В воинских соединениях вспыхивали восстания. 14–15 сентября 1918 г. войска Антанты прорвали Салоникский фронт. 29 сентября капитулировала Болгария. 1 ноября сербская армия вступила в Белград. 13 ноября между Сербией и Венгрией было заключено перемирие. Воспользовавшись капитуляцией Австро-Венгрии, а затем Германии, сербские войска к середине ноября 1918 г. очистили от австро-венгерских войск почти все югославянские земли.

29 октября 1918 г. в условиях общего распада Австро-Венгерской монархии и революционных выступлений хорватский Сабор (парламент) в Загребе объявил об отделении всех югославянских провинций от Австрии и создании Государства словенцев, хорватов и сербов (СХС).

24 ноября того же года Народное вече представителей Хорватии, Боснии и Герцеговины и Словении в Загребе вынесло решение об объединении Государства СХС с Сербским королевством и Черногорией. 26 ноября того же года решение об объединении с Сербией приняла Народная скупщи-

на Черногории, а 15 ноября — Народная скупщина Воеводины. 1 декабря 1918 г. делегаты загребского Народного веча вручили в Белграде верноподданнический адрес сербскому принцу-регенту Александру Карагеоргиевичу, в тот же день он объявил о создании Королевства сербов, хорватов и словенцев (Королевства СХС).

Таким образом, сторонники независимого хорватского государства потерпели поражение. В тех условиях Государство СХС с центром в Загребе было бы нежизнеспособно. Объединение с Сербией диктовалось внешними обстоятельствами. Во-первых, объединившись с Сербией, Хорватия и Словения попали в лагерь победителей, что помогло им защитить свои этнические границы. В ином варианте — в случае независимости — территория Далмации, по условиям договора союзников с Италией (1915), отошла бы к последней. Во-вторых, сербы, составлявшие в Хорватии более 20% населения, вряд ли смирились бы с таким решением.

Итак, интересы сохранения собственных наций требовали от Загреба и Любляны объединения с Сербией в единое государство. В определенном смысле решение о создании Королевства СХС можно считать политическим самоопределением югославянских народов, входивших в бывшую Австро-Венгерскую монархию. Внешний фактор был решающим для государственного союза Хорватии и Словении с Сербией и Черногорией, Боснией и Герцеговиной.

Границы и территории Королевства СХС, как и других балканских стран, определялись на мирных конференциях по воле великих держав без участия России. Тем самым существенно нарушался общеевропейский баланс сил и интересов, сложившийся в определенной степени в Европе к началу XX в., уравниваемый ранее царской Россией.

19 сентября 1918 г. в Сен-Жермене (близ Парижа) был подписан мирный договор с Австрией, в преамбуле которого констатировалось, что Австро-Венгерская монархия прекратила существование и что союзники приняли в качестве независимых и союзнических государства, возникшие на территории бывшей Австро-Венгрии: Австрию, Венгрию, Чехословакию, Королевство сербов, хорватов, словенцев. В районе Клагенfurта (Словенская Краина) предусматривался плебисцит, после которого этот район был в 1920 г. включен в состав Австрии.

Вопрос о границе между Италией и Королевством СХС определялся Рапалльским договором (12 ноября 1920 г.). Италия отказалась от притязаний на Далмацию, но к ней отошла почти вся Истрия с Триестом и Пулой, Опатия, полоса побережья и порт Зара (Задар). 70% населения отошедших к Италии территорий было славянским. Так эта страна была вознаграждена за свое участие в войне на стороне Антанты. Это породило новые югославо-итальянские противоречия.

По Нейскому мирному договору с Болгарией (27 ноября 1919 г.) к Королевству СХС отошли четыре района с городами Цариброд, Босилеград и Струмица в Македонии, а также несколько сел Кулского района. Вершители судеб народов совершенно не вдавались в подробности болгаро-сербского спора об этнической принадлежности славянского населения Македонии: относится ли оно к болгарам, сербам или же выделилось в самостоятельную нацию. Интересы же македонского населения вообще никого из участников переговоров не беспокоили. Предложения болгарской делегации, чтобы Македония в своих географических границах превратилась в «независимое государство», остались без внимания. Вардарская Македония осталась в составе Королевства СХС. Таким образом, государства Антанты довольно жестко поступили с Болгарией за ее отступничество в войне.

Сербия, несмотря на тяжелые испытания в период отступления своей армии и оккупации, в результате войны в основном добилась своих военно-политических целей. Королевство СХС, санкционированное Парижской мирной конференцией, стало самым крупным по территории и населению государством Балканского полуострова и главной составной частью созданной великими державами Версальской системы. Его территория составила 248 тыс. кв. км с населением 12 млн человек. В него вошли Сербия, Черногория, Хорватия, Далмация, Словения, Босния и Герцеговина, Воеводина, Вардарская Македония.

Система мирных договоров в рамках Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. завершила начавшийся в конце XIX в. процесс «балканизации», то есть искусственного проведения великими державами границ между государствами Балканского полуострова. Появились новые государства: маленькая Албания с населением едва в миллион человек и самое крупное — Королевство СХС. Декларированные державами-победительницами принципы восстановления исторической справедливости и репараций поставили Болгарию в ряд наиболее униженных и наказанных государств — таких как Германия. Мирные договоры породили на Балканах новые территориальные и этнические противоречия. Среди них для Королевства СХС главными были территориальные споры с Италией, Болгарией, Австрией, Венгрией и Румынией.

В результате Первой мировой войны и Октябрьской революции в России был сдвинут целый цивилизационный пласт, рухнули и перестали существовать четыре империи — Российская, Германская, Австро-Венгерская и Османская. На карте появились новые государства, на 1/6 земной суши укрепился новый общественный строй. Европа, так и не найдя решения геополитических и территориальных проблем, замерла на 20 лет в ожидании нового разлома.

Балканы, исторически являвшиеся зоной военно-стратегических интересов и безопасности России, оказались вместе с Проливами в сфере влияния двух держав-победительниц — Великобритании и Франции. После октября 1917 г. Россия, единственная из стран Антанты, оказалась отстраненной от решения как балканских проблем, так и формирования нового миропорядка, основанного на принципах, провозглашенных Лигой Наций. Она на долгие годы была вытеснена как фактор силы из Балканского региона в результате перераспределения сфер влияния между ее историческими конкурентами — Англией и Францией.

Тем не менее в годы Первой мировой войны Россия — в последнюю минуту своего исторического бытия великой империи — спасла маленькую Сербию от уничтожения, оставив ей радость победы и заботы государственного строительства. Россия оставила за спиной маленький островок братского православного государства, который стал для многих русских изгнанников «землей обетованной»²².

По некоторым данным, на Салоникском фронте сложили свои головы более 6 тыс. русских воинов²³. Думается, что исторический смысл участия России в Первой мировой войне, в том числе и в боевых действиях на Балканском фронте, очень хорошо передан русским философом — эмигрантом Г. П. Федотовым в работе «Лицо России». Он, в частности, писал: «Лицо России... в молчаливом и смиренном героизме русского солдата-мученика, убелившего своими костями Европу и Азию ради прихоти своих владык, но и ради целостности и силы родной земли. Оно в бесчисленных мучениках, павших за свободу»²⁴.

В 1934 г. в Белграде при перезахоронении останков русских солдат в своем надгробном слове сербский патриарх Варнава сказал: «...Ничто не может угасить наших чувств любви и благодарности к царской России и к великому русскому народу... И все мы хорошо знаем, как наши северные братья, русские, вместе с нами боролись и гибли в битвах на полях Сербии и свою кровью, свою смертью подтвердили свою любовь к нам, меньшим братьям своим»²⁵.

Творцы Версальской системы созданием Лиги Наций полагали, что они заложили правовые основы мира и надеялись с помощью этой организации и провозглашенных мирных принципов решения международных споров предотвратить новые конфликты и войны. Однако эти надежды были иллюзорными....

Примечания

- ¹ См.: *Покровский М. Н.* Империалистическая война. М., 1928; *Он же.* Балканские войны // БСЭ. 1926. Т. 4. С. 504.
- ² *Павлюченко О. В.* Россия и Сербия 1888–1903 (дипломатические отношения, общественные связи). Киев. 1987. С. 7.
- ³ *Виноградов В. Н.* Вклад малых стран в развязывание Первой мировой войны // Первая мировая война. Пролог XX века / Отв. ред. В. Л. Мальков. М., 1998. С. 35–40.
- ⁴ См.: Там же. С. 41.
- ⁵ *Сазонов С. Д.* Воспоминания. Берлин, 1927. С. 219.
- ⁶ Цит. по: *Писарев Ю. А.* Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990. С. 109–110.
- ⁷ *Сазонов С. Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 60–64.
- ⁸ *Вишняков Я. В.* Балканы: хватка «Черной руки». Была ли причастна русская военная разведка к деятельности тайной офицерской организации в Сербском королевстве // Военно-исторический журнал. 1999. № 5. С. 39.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 45.
- ¹¹ *Писарев Ю. А.* Тайны Первой мировой войны. С. 30.
- ¹² *Сазонов С. Д.* Воспоминания. Берлин, 1927. С. 81.
- ¹³ *Писарев Ю. А.* Тайны Первой мировой войны. С. 31.
- ¹⁴ *Поповић Н.* Србија и Царска Русија. Београд, 1994. С. 66. Сербия просила поставить ей 120 тыс. ружей, а также орудия, снаряды, патроны.
- ¹⁵ *Палеолог М.* Царская Россия во время Первой мировой войны. М., 1991. С. 28–29.
- ¹⁶ *Писарев Ю. А.* Тайны Первой мировой войны. С. 166.
- ¹⁷ Там же. С. 167.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Цит. по: *Писарев Ю. А.* Сербия на Голгофе и политика великих держав 1915–1916 гг. М., 1993. С. 54.
- ²⁰ История Югославии. Т. 2. М., 1963. С. 16.
- ²¹ Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996. С. 21.
- ²² *Бондарева Е.* «Сейчас вы для меня еще дороже...» // Родина. 1996. №. 10. С. 68–69.
- ²³ *Маевский Вл.* Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии. Т. 2. Нью-Йорк. 1966. С. 39.
- ²⁴ *Федотов Г. П.* Лицо России // Свободные голоса. Петроград. 1918. С. 17–18.
- ²⁵ *Маевский Вл.* Русские в Югославии. С. 40–44.

Часть III

**ЭВОЛЮЦИЯ СЕРБСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В XX в.
ТРИ ЮГОСЛАВИИ.
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

Внутриполитические предпосылки установления режима личной власти короля Александра Карагеоргиевича. 1918–1929

Важность заявленной темы состоит в том, что события десятилетней истории Королевства сербов, хорватов и словенцев (1918–1929) в значительной степени определили развитие югославского кризиса, достигавшего точки наивысшей остроты в 40-е и 90-е гг. XX в. и который до сих пор не может считаться преодоленным. Исследование общественно-политического и государственно-институционального развития Югославии в 1920-е гг. — одно из условий понимания политических механизмов эскалации межэтнических и общественных противоречий, составляющих суть вышеуказанного югославского кризиса.

Королевство СХС появилось на европейской карте в результате объединения бывшего Королевства Сербии, Королевства Черногории и югославянских земель распавшейся Австро-Венгрии. Создание нового государства было провозглашено 1 декабря 1918 г. Международный статус и границы Королевства СХС были зафиксированы Версальским, Сен-Жерменским, Нейским мирными договорами 1919 г. и Трианонским и Рапалльским мирными договорами 1920 г.

Определяющим фактором югославянского объединения была политика государственных деятелей Королевства Сербии. Во время Первой мировой войны большая их часть рассматривала создание Югославии как гарантию реализации сербской национальной программы, состоявшей в объединении всех сербов. Так, принц-регент Александр Карагеоргиевич¹ полагал, что своими достижениями превзошел Стефана Неманю и Стефана Душана

и завершил «кровавую освободительную борьбу, начало которой положил своими подвигами Карагеоргий».

Однако оптимистичные ожидания «сербиянцев»² не оправдались. Королевство СХС (с октября 1929 г. — Королевство Югославия) не было государством обретших друг друга после долгой разлуки братьев. Его существование было отмечено постоянной жесткой политической конфронтацией. На протяжении всего межвоенного периода словосочетание «государственный кризис» не сходило с уст югославских политиков. Но, по здравому размышлению, кризис не может длиться два с лишним десятилетия. Попытки достоверно локализовать его во времени приводят исследователя к дате фактического распада страны, произошедшего 26 августа 1939 г. в результате подписания «Соглашения Цветкович — Мачек»³.

Поверхностная ретроспекция указывает на то, что непосредственной предпосылкой образования Бановины Хорватия была неудача «интегрального югославистского «эксперимента»⁴ — без малого пятилетнего авторитарного режима короля Александра Карагеоргиевича, установленного 6 января 1929 г. в результате упразднения принятой в 1921 г. так называемой Видовданской конституции. Осенью 1934 г., накануне рокового визита в Марсель, король признал «ошибочность своего личного правления... а также государственного устройства, основанного на интегральном югославизме и игнорировании национальных индивидуальностей отдельных народов»⁵.

Несомненна взаимосвязь краха «эксперимента» с актом разделения Югославии. Однако позволим себе предположить более глубокое происхождение приведших к последнему тенденций. На это указывает хотя бы тот факт, что «Соглашение Цветкович — Мачек» удовлетворило хорватские запросы, сформулированные еще покойным Степаном Радичем⁶. Победу хорватского сепаратизма можно назвать развязкой дезинтеграционных процессов, начавшихся в период югославского парламентаризма (1918–1929). Их кульминация приходится на конец 1920-х гг. Период так называемой «монархо-диктатуры» — интермедия. Отмену Александром Карагеоргиевичем конституции и запрещение политических партий «религиозного или племенного характера»⁷ следует в первую очередь рассматривать как попытку остановить общественно-политическое и национально-территориальное разрушение Королевства СХС.

«В первое воскресенье января 1929 г. рано утром король Александр привел в замешательство свою страну и дал повод европейской печати посвятить заголовки газет прокламации о роспуске парламента и упразднении конституции. В тот же день он доверил формирование правительства внепартийному кабинету, который представлял разные части страны и был подчинен напрямую королю... Королевский манифест “моему дороговому

народу — всем сербам, хорватам и словенцам” (курсив мой. — А. С.) был опубликован в газете “Службене новине”: “Пришел час, когда больше не должно быть никаких посредников между народом и королем... Парламентские институты, которыми как политическим инструментом пользовался мой блаженно почивший отец, остаются и моим идеалом... Но слепые политические страсти настолько злоупотребляли парламентской системой, что она стала препятствием всякой полезной национальной деятельности. Согласие и даже обычные отношения между партиями и отдельными людьми стали совершенно невозможными. Вместо развития и воплощения идеи народного единства парламентские вожди начали провоцировать столкновения и народную разобщенность... Мой святой долг любой ценой сохранить народное единство государства... Этот идеал должен стать самым важным законом не только для меня, но и для каждого человека. Такое обязательство на меня налагает моя ответственность перед народом и историей, моя любовь к родине и святая память о бесчисленных и бесценных жертвах, павших за этот идеал. Прибегать, как и раньше, к парламентской смене правительства или к новым выборам в законодательное собрание значило бы терять драгоценное время в тщетных попытках, отнявших у нас несколько последних лет. Мы должны искать новые методы работы и прокладывать новые пути”⁸.

Чем руководствовался король, так смело взяв инициативу в свои руки? Ситуация, впрямь, должна была казаться критической, иначе он не стал бы так рисковать и брать на себя такую ответственность⁹.

Поиск ответа на вопрос, поставленный неизвестным автором процитированной статьи «Королевская диктатура в Югославии», требует определения внутренних политических предпосылок установления режима личной власти короля Александра Карагеориевича. Решение этой задачи обусловлено сочетанием двух методологических принципов — хронологического и проблемного. Следование первому делает необходимым подведение политических итогов так называемого «государственно-правового провизорного»¹⁰ периода, длившегося с момента создания государства до принятия 28 июня 1921 г. Видовданской конституции. С другой стороны, нельзя не обрисовать деятельность политических кругов Сербии, инициировавших создание югославского государства и принятием конституции заложивших правовые основы его существования, а также активность загребских деятелей (Степана Радича и Светозара Прибичевича), предопределившую остроту так называемого «хорватского вопроса», судьбоносного для истории Югославии. Определение характера и облика югославского парламентаризма дает представление об объективных результатах политической активности.

* * *

С первых дней существования Королевства СХС вопрос его будущего национально-территориального и политического устройства приобрел особую остроту. В Белграде стремились к стиранию внутренних рубежей, отделявших «сербиянцев» от «сербов-пречан»¹¹, в то время как в Загребе и Любляне в сохранении сербско-австро-венгерской границы, разумеется, в ином виде, видели гарантию беспрепятственного национального развития. При этом нельзя сказать, чтобы сербские, хорватские и словенские партии с самого начала имели четкое представление о внутреннем облике, который должна была приобрести Югославия в результате их совместных усилий.

С конца 1918 г. организации с ярко выраженными так называемыми «племенными» чертами — сербская Народная радикальная партия (НРП), Словенская народная партия (СНП), Хорватское объединение (ХО) — подверглись жесткому давлению со стороны двора и созданной по инициативе принца-регента Александра Карагеоргиевича Демократической партии (ДП), претендовавшей на роль единственного пророка учения о «народном единстве сербов, хорватов и словенцев». Общая угроза быть вытесненными с политической арены стала основой коалиции трех вышеперечисленных организаций, сформировавших Парламентское объединение.

Публично продемонстрированное единство мнений союзников по поводу принципов взаимоотношений центра и регионов, казалось, открывало перспективу «конституционного решения национального вопроса»¹². Однако ко времени выборов в Конституционное собрание («Уставотворную скупщину») в ноябре 1920 г. от согласия не осталось и следа. Конституционные проекты ХО и СНП рисовали картину не единого государства и даже не «союзного государства», а аморфного объединения «малых государств»¹³. Положение совместного проекта НРП и ДП о разделении страны на 35 областей свидетельствовало об их решимости не принимать в расчет мнение хорватов и словенцев.

Прекращение сотрудничества НРП и представителей югославян-католиков было предопределено несколькими причинами. Во-первых — конъюнктурными соображениями. Большая часть радикалов полагала, что остаться у руля государства будет гораздо легче, имея союзниками могущественного принца-регента и его креатуру — ДП, а не их оппонентов с репутацией «племенных сепаратистов». В свою очередь ХО и СНП предпочли не идти наперекор своим антисербски настроенным избирателям.

Второй причиной было непреодоленное взаимное отчуждение «сербиянских» и «пречанских» политиков, имевших со времен войны различные, часто противоположные представления о смысле югославянского объеди-

нения и о той роли, которую им и их визави следовало бы играть в новом государстве. Чем сильнее действительность расходилась с их ожиданиями, тем глубже становилась пропасть между ними.

Политические коллизии «провизорного периода» оказали определяющее влияние на развитие страны. Видовданская конституция не заложила устойчивой основы сосуществования югославянских народов, центра и регионов. Пожалуй, только на протяжении короткого времени, что длилось так называемое «сербскохорватское согласие», борьба за и против ревизии конституции не была основным сюжетом политической жизни Югославии. Кроме того, по прошествии первых двух лет существования Королевства СХС стало очевидно, что все ее участники в своих взаимоотношениях с оппонентами не считают себя ограниченными какими-либо установленными нормами: положениями партийных программ, или даже конституции, обязательствами перед союзниками и избирателями, «принципами парламентаризма», «добрыми обычаями». У каждого коллективного или индивидуального политического субъекта существовала собственная, определявшая его действия мораль — «родолюбивая» патриотическая (она же «узкоплеменная сепаратистская»), государственническая «югославистская» (она же «авторитарная шовинистическая») и т. д. В результате конфронтация как политический метод вытеснила из обихода готовность к компромиссу и умеренность.

* * *

Главным побудительным мотивом публично-политической активности белградского истеблишмента была защита интересов «сербства» от центробежных устремлений хорватов, словенцев и мусульман. По словам радикала М. Спалайковича: «После этой великой войны мы никогда не согласились бы больше на то, чтобы хотя бы один серб был не под сербской властью, а оставался под какой-либо другой, даже под властью братьев хорватов»¹⁴.

Первым многообещающим шагом в направлении внутренней консолидации Королевства СХС стало принятие централистской Видовданской конституции. Однако уже первая половина 1920-х гг. была отмечена во все не принятием мер в духе «унитаризации», а негласными переговорами с сепаратистами — Хорватской республиканской крестьянской партией — на предмет приостановления громогласно продекларированного «осуществления конституции». Причиной тому были «родовые черты» белградских политиков. Характер их взаимоотношений с «освобожденными братьями» определялся обыкновением использовать любую государственную проблему в качестве инструмента для достижения сиюминутных узкопартийных целей. Перманентно острый «хорватский вопрос» предоставлял в этом

отношении богатые возможности. Сепаратистские наклонности «пречан» после обретения конституции были не столько объектом терапии, сколько последним весомым аргументом междоусобной борьбы фракций «централистско-унитаристского фронта радикалов, демократов, двора и генералитета». Совмещение политики усиления государства с мелкой розничной продажей государственных интересов привело к тому, что решение тактических задач заслонило общие генеральные цели, красноречиво описанные идеологами унитаризма.

Об отказе официального Белграда от реализации идеологии национального унитаризма и «державного» централизма свидетельствовало создание коалиции НРП и ХКП (июль 1925 г.) и ее идейное обоснование. Если раньше взаимоотношения радикалов и радичевцев характеризовались как «борьба государствообразующих элементов с коалицией антигосударственных и антидинастических экстремистов», то с июля 1925 г. прежнее противостояние преподносилось как «столкновение национального, конституционного характера», как борьба двух «главных стволов нации». «Примирение» хорватов и сербов в результате сговора двух «организованных на племенной основе» партий, по нашему мнению, не может считаться триумфом политики «обережения и усиления государства».

К концу десятилетия «национальный унитаризм» и государственный административный централизм в Королевстве СХС остались пропагандистским орудием в руках противоборствующих политических группировок. «Видовданский устав не был осуществлен в государственно-правовой, а тем самым и в политической практике, так как он не был подкреплён соответствующими законами... Юридические и правовые системы, унаследованные от предшествующих государственных состояний, в значительной степени продолжали действовать. Поэтому Королевство СХС характеризовал государственно-правовой партикуляризм. По словам современного белградского историка Н. Жутича, шесть «исторических» правовых зон... существовали и дальше...»¹⁵ Не была осуществлена унификация судебной системы, а также системы местного самоуправления.

* * *

Непосредственной ареной сербско-хорватского противостояния были населенные сербами, но считавшиеся хорватскими области, соединившиеся в составе Государства СХС с Сербией. В начале описываемого десятилетия интеграционные устремления «пречанских» сербов направлял С. Прибичевич — фаворит короля и министр внутренних дел, под контролем которого с 1919 по 1925 г. находилась государственная администрация в Хорватии. Во главе сепаратистского порыва хорватов стоял С. Радич. К концу 1920-х гг. оба сохранили доверие народных масс, но в то же время кар-

динально изменили собственные программные установки. Радич из яркого «республиканца» превратился в едва ли не фаворита Александра Карагеоргиевича, а Прибичевич «отряхнул со своих ног прах» монархизма, централизма и национального унитаризма и перевоплотился в «республиканца-федералиста». При этом вначале злейшие враги, «государственный преступник» и «полицейский», они теперь стали неразлучными друзьями и союзниками по «Пречанскому фронту» — Крестьянско-демократической коалиции (КДК), в 1928 г. заявившей о непризнании конституции и отказавшейся участвовать в работе парламента. Непросто определить, в какой мере идеологические кульбиты обоих персонажей соответствовали эволюции настроений жителей Хорватии. Посильной задачей кажется определение логики поведения двух трибунов.

Союз Радича и Прибичевича, неожиданный для современников, не выглядит таким для сегодняшнего исследователя. С момента образования Королевства СХС «антиподы» сознательно дестабилизировали обстановку в стране и таким образом объективно способствовали взаимному усилению: Политический дуэт слаженно играл спектакль по сценарию «Я убегаю, ты догоняешь». При этом оба партнера выдерживали мизансцену. Политик из Хорватии И. Рибар в своих воспоминаниях приписывал главе ХРКП следующие слова, сказанные в ответ на призывы поучаствовать в работе Уставотворной скупщины и помешать принятию централистской конституции: «Зачем мне и моей партии ехать в Белград и разрушать творение Светозара. Пускай он это сделает сам... Придет время, когда он окажется на моей стороне»¹⁶.

Признание «публики» было главной наградой исполнителям, подтверждавшей незаменимость друг друга: Радича — в глазах хорватских крестьян, Прибичевича — в глазах «сербянцев», для которых с момента образования Королевства СХС он был «представителем Хорватии». По словам хорвата Джура Шурмина, «в обстановке нестабильности в нашем прекрасном отечестве политическая история новейшего времени извергла на поверхность двух политических монстров, двух фатальных людей. У сербов этот фатальный человек Светозар Прибичевич, а у нас Степан Радич... Светозара Прибичевича создал Степан Радич, а Степана Радича — Светозар Прибичевич»¹⁷. Подобная гармония взаимоотношений была возможна только в первые годы существования Югославии. И Радич и Прибичевич стремились к тому, чтобы быть монопольными «хозяевами» Хорватии. Этот почти официальный статус не просто подразумевал участие в правительстве и контроль над местной администрацией, а значит, и над экономикой одной из самых богатых областей страны. Быть «хозяином» («специалистом», «представителем») значило иметь возможность перед лицом Сербии, а подчас и всей Европы выступать в качестве фигуры, от которой

зависит состояние всего комплекса религиозных, национальных, экономических и прочих проблем, имевших решающее значение для стабильности Югославии и объединенных термином «хорватский вопрос». От способности им спекулировать, от умения шантажировать Белград зависел политический вес «специалиста по Хорватии». В 1925 г. после инициированного престолом создания коалиции НРП и ХКП этот титул перешел от Прибичевича к Радичу.

Однако в Белграде последний задержался ненамного дольше своего земляка-предшественника. Антисербские настроения избирателей и позиция короля, стремившегося к ослаблению всех партий, вытолкнули Радича обратно в оппозицию, где уже два года обретался Прибичевич, расценивший свое отлучение от власти как предательство со стороны НРП и Александра Карагеоргиевича.

Жажда отмщения «сербиянцам», необходимость поиска своего места в условиях наступающего краха видовданского парламентаризма и постепенной узурпации королем власти в стране объединили «друзей-соперников». КДК должна была стать единственным безальтернативным «представителем Хорватии» и, следовательно, сделать ее создателей независимыми от капризов и изменчивых предпочтений двора. «Пречанским фронтом» было сподручнее, чем поодиночке, воевать с Белградом и сохранять контроль над обстановкой внутри Хорватии.

* * *

Вышеописанные политические катаклизмы развивались в государственно-институциональных рамках, очерченных Видовданской конституцией. Статья № 1 конституции гласила: «Государство сербов, хорватов и словенцев — конституционная, парламентская и наследственная монархия» («Народная скупщина — первый фактор законодательства, а король второй. Членов Народной скупщины определяют выборы, а личность короля заранее указана в конституции... Король не может быть ни обвинен, ни подвергнут суду за совершенные им преступления. Он обязан подчиняться конституции и законам... Хотя король подчиняется правовому порядку и не стоит над законом, совершенные им нарушения правового порядка остаются без установленного законом наказания»).

Статья «№ 46: Законодательную власть совместно осуществляют король и Народная скупщина («Право законодательной инициативы принадлежит им обоим. Всякий закон вступает в силу в результате их обоюдного согласия». «Король имеет право отказать в утверждении любого законопроекта... Скупщина не в состоянии заставить короля утвердить законопроект. Король имеет абсолютное, а не ограниченное право вето... но для короля существуют известные ограничения... если король решил утвер-

дить законопроект, он должен утвердить его таким, каким он вышел из скупщины”)....

№ 47: Исполнительную власть осуществляет король через ответственных министров...

№ 52: Король созывает Народную скупщину на регулярный или внеочередной созыв... Король имеет право распустить Народную скупщину. Однако указом о роспуске одновременно назначаются новые выборы, которые должны состояться самое позднее через три месяца...

№ 54: Ни один акт королевской власти не имеет силы и не подлежит осуществлению, если его не заверил соответствующий министр...

№ 75: Заседания Народной скупщины регулярного созыва открываются каждый год 20 октября в том случае, если ранее скупщина не была созвана королем во внеочередном порядке... (“Открытие сессии скупщины есть акт королевской власти, которым король уполномочивает скупщину приступить к исполнению своих обязанностей... Закрытие скупщины есть акт королевской власти, которым король констатирует, что созыв завершен, так как скупщина выполнила задачу этого созыва... Во время регулярного созыва обсуждается не один определенный вопрос, а все законопроекты, которые правительство или отдельные народные депутаты выносят на суд скупщины... Но все-таки существует один вопрос, ради которого необходим ежегодный созыв скупщины”). Регулярный созыв не может быть завершен до тех пор, пока не принят бюджет... (“Проект бюджета составляет правительство, а утверждает народная скупщина. По своему содержанию это акт управления финансами, а по форме это закон”. “Без одобрения скупщины бюджет не может быть продлен больше, чем на три месяца”. “Действие бюджета длится с 1 января по 31 декабря одного года. Бюджетный год совпадает с календарным”¹⁸.)

№ 80: Законы провозглашает король своим указом, который содержит текст самого закона, принятый скупщиной. Указ заверяется министрами...

№ 82: Каждый член Народной скупщины имеет право направлять министрам вопросы и интерpellации. Министры обязаны дать на них ответ в течение того же созыва...

№ 90: Все министры составляют министерский совет, который подчиняется непосредственно королю. Король назначает председателя и членов министерского совета.

№ 91: Министры несут ответственность перед королем и Народной скупщиной. Король и Народная скупщина могут предъявить министрам обвинения в нарушении конституции и законов страны...

№ 94: Исполнительная власть может издавать распоряжения, необходимые для исполнения законов... Распоряжения не могут противоречить конституции или закону, для применения которого они были изданы... На-

родная скупщина может приостанавливать действие распоряжений целиком или отдельных их частей»¹⁹.

Вопреки положениям конституции, провозглашавшей парламентский характер Королевства СХС, «Народная скупщина, — по словам Л. Димича, — не была суверенным органом власти»²⁰. Большая часть югославских политиков всю вину за это возлагала на деспотичного короля Александра. О собственной ответственности за итог 20-х гг. партийные функционеры вспоминали нечасто. В то же время главная обусловившая «кризис парламентаризма» характеристика скупщины была предопределена состоянием самого депутатского корпуса. И в парламенте, и в правительстве он демонстрировал более чем скромную работоспособность. Достаточно сказать, что с 1918 по 1929 г. было принято всего 5 бюджетов.

При всей скудости плодов законотворчества в апатичности парламентариев обвинить было нельзя. Парламент, не соответствуя своему основному утилитарному предназначению, играл в политической жизни немаловажную роль. По образному выражению И. Белича, скупщина была «полигоном для политических перестрелок противников»²¹. Использование парламентской трибуны в качестве «полигона» не могло не вызвать ответной реакции со стороны тех, кто, с одной стороны, был мишенью оппозиционно настроенных депутатов, а с другой — чувствовал, хотя бы временно, ответственность за положение дел в стране. Поэтому полномочия парламента постоянно сокращались.

В политической жизни король принимал живое участие, предопределенное, помимо его личных мотивов, стремлением партий иметь союзника, способного обеспечить превосходство над конкурентами. При этом политиков мало волновал тот факт, что активность короля выходила за рамки его конституционных прерогатив и нарушала писанные и неписанные нормы парламентаризма. Соблюдение прав народного представительства не интересовало тех, чьи позиции сиюминутно усиливались после той или иной «интриги двора». Одновременно трудно припомнить случаи, чтобы терпящие поражение в какой-нибудь политической битве не требовали от Александра вмешательства на их стороне.

Картина бурных скупщинских баталий при абсолютном небрежении к «нуждам низкой жизни» ставит перед исследователем вопрос о причинах столкновений югославских политиков и о решаемых ими задачах. Предметом существенных разногласий не были правовые и социально-экономические проблемы. Ключ к пониманию характера югославского парламентаризма — это озвученный однажды лидером НРП Н. Пашичем принцип взаимоотношений с двором: «До тех пор, пока существует народ, существует и король. Народ это мы. Не будет народа — не будет и короля». Итак, национальные и историко-территориальные вопросы были сферой постоянных

интересов партийных руководителей. Большая их часть стремилась единолично вершить судьбы всей страны и населявших ее народов.

Отождествление себя с народом, служившее мировоззренческой предпосылкой политического максимализма, свидетельствовало об экстраполировании на югославский уровень опыта, полученного в отдельных «исторических областях». Пашичу в конце XIX в. и Радичу в 20-е гг. популярности позволили добиться эгалитарно-коллективистские лозунги построения «государства — народного дома» и «нейтральной крестьянской республики». НРП и ХРКП брались защитить патриархальный уклад жизни от «господских» партий, воплощавших, по словам Радича, разрушительное влияние «капитализма с присущей ему тенденцией к расслоению общества на враждебные классы»²².

В довоенной Сербии события парламентской жизни преподносились руководством НРП как борьба «антинародного» меньшинства (либералы и напредняки) с подлинным представителем народа, или с «современным выразителем сербского гения», как в 1889 г. назвал свою партию Пашич. Радикалы собственное «парламентское правительство понимали как неограниченную власть большинства. Это означало, что воля партии ставилась выше закона и конституции, что стиралось различие между партийным правительством и партийным государством. Представление о парламентском правительстве как о неограниченной власти большинства... было связано с самооценкой партии как единственной “народной”, а следовательно, и единственной легитимной»²³.

В условиях национальной, социальной, культурной и религиозной однородности довоенной Сербии, единства интересов практически всего ее населения реализация «народнических» амбиций крупнейшей партии не только не наносила вреда интересам государства, но и способствовала его внутреннему и внешнеполитическому усилению. Однако в полиэтническом Королевстве СХС использование сразу несколькими «племенными» партиями, присягавшими на верность западническим политическим идеалам, шкалы «народности — антинародности» в качестве единственного критерия самоидентификации и оценки окружающих могло быть только фактором государственной нестабильности и обострения многовековых противоречий.

Несоответствие политической этики государственных деятелей 20-х гг. уровню стоявших перед ними задач проявилось в облике государственных институтов. Слабое укоренение в их умах либеральных идейных ценностей — отсутствие «политического плюрализма, толерантности и уважительного отношения к меньшинству» — лишило «парламентский механизм» его имманентного свойства — способности нивелировать общественные противоречия и вырабатывать внятный государственный курс. В ноябре

1927 г. серб Драголюб Аранджелович констатировал: «Налицо настоящий государственный кризис. Причина его в том, что наши политики не знают, как надо управлять государством. Хотя в конституции написано, что у нас парламентская монархия, парламентаризм им не нужен. Однако, что еще опаснее, неизвестно, чего они хотят... Из-за этого нет стабильности в администрации, из-за этого каждый час правительственные кризисы... из-за этого откладывается решение самых важных государственных проблем, от которых зависит будущее страны... Хочется бережливости и бездефицитного бюджета, но никак не принимаются законы о центральной администрации и налогах. Хочется выравнивания законодательства, но скупщина совсем этим не занимается. Хочется упрощения государственной администрации и честного чиновничества, но ничего для этого не делается... Нужно наконец выяснить, как надо управлять страной... Но, если не хочется парламентаризма, нужно определиться в пользу других методов правления...»²⁴

Ответственность за будущее страны взял на себя Александр Карагеоргиевич. Оценка последствий принятого им решения — предмет следующих исследований.

Примечания

¹ Регентство принца Александра Карагеоргиевича продолжалось с 1914 по 1921 г., когда умер его отец — король Петр Карагеоргиевич.

² Сербиянец — серб из Сербии южнее Дуная. «Сербянский» политик — политик из Сербии во границах до Первой мировой войны.

³ Драгиша Цветкович — премьер-министр югославского правительства. Владимир Мачек — председатель Хорватской крестьянской партии.

⁴ Димић Љ. Историја српске државности. Књ. 3. Србија у Југославији. Пета глава «Дезинтеграција Југословенске државе и идеје о државно-правној посебности Србије». Нови Сад, 2001. С. 154.

⁵ Глигоријевић Б. Основе и карактер личног режима краља Александра Карађорђевића // Српска политичка мисао. 1, 1995. С. 45; *Meštrović I. Uspomene na političke ljude i događaje. Zagreb, 1969. S. 237.*

⁶ Степан Радич — лидер Хорватской народной крестьянской народной партии (ХНКП), переименованной в 1920 г. в Хорватскую республиканскую крестьянскую партию (ХРКП), а в 1925 г. — в Хорватскую крестьянскую партию.

⁷ Службене новине Краљевине СХС, бр. 6, 6. 1. 1929.

⁸ Опубликование манифеста сопровождалось изданием законов, служивших правовому оформлению «диктатуры». «Закон о королевской власти и верховной государственной администрации» провозглашал короля носителем всей власти. Королю

принадлежало право издания законов, назначения правительства, ответственного лично перед ним. Были упразднены все гражданские права: свобода слова, собраний и организаций и т. д.

⁹ Архив Југославије (далее — АЈ), ф. 335 (Војислав Јовановић-Марамбо), хартије двора, фасцикла 18, «Краљевска диктатура у Југославији».

¹⁰ Провизорни (нем. *provisorisch*) — предварительный, временный.

¹¹ Термин «пречанин», «пречанский» используется нами не в узком оригинальном его смысле (серб из Австро-Венгрии), а в широком для обозначения югославян новоприсоединенных в 1918 г. территорий в целом.

¹² *Popović O. Stojan Protić i ustavno rešenje nacionalnog pitanja u Kraljevini SHS. Beograd, 1988.*

¹³ *Јовановић С. Уставно право Краљевине СХС. Београд, 1924. С. 43. (Слободан Ђовановић употребљава термин «државица».)*

¹⁴ Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. I. Београд, 1921. XXI редовни састанак. С 5, XXVIII редовни састанак. С.10.

¹⁵ *Žutić N. Ministarski savet Kraljevine Jugoslavije. Obrazovanje, organizacija i pravni položaj u sistemu vrhovne državne uprave // Istorija 20 veka. I. 1998. S. 29.*

¹⁶ *Ribar I. Politički spisi. Beograd, 1948. S. 30.*

¹⁷ Цит. по: *Matković H. Svetozar Pribičević i Samostalna demokratska stranka do Šestojanuarske diktature. Zagreb, 1972. S. 167.*

¹⁸ *Јовановић С. Уставно право Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 1995. С. 369, 386, 113, 398, 196, 202, 322.*

¹⁹ Устав Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд 28 јуна 1921 // *Petranović B., Zečević M. Jugoslovenski federalizam. Ideje i stvarnost. Tematska zbirka dokumenata. Prvтом. 1914–1943. Beograd, 1987. S. 129.*

²⁰ *Димић Љ. Срби и Југославија. Београд, 1998. С. 121.*

²¹ *Belić I. Finansijske prilike u Kraljevini SHS 1918–1923 (магистерска дисертација, заштитена на Филозофском факултету Белградског универзитета у 2002 г.).*

²² *Шемякин А. Л. Обреченная конституция: Сербский устав 1888 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 69.*

²³ *Ћоповић-Обрадовић О. Парламентаризам у Србији 1903–1914. Београд, 1998. С. 424.*

²⁴ *Аранђеловић Д. Наша политичка криза // СКГ. Књ. 22. Број 6. С. 449–450. 16 новембар 1927.*

Косово: «Радость в силе»/ «Сила в радости»

I

Появление Королевства СХС означало объединение в одном государстве почти всех сербов. Исключения составляли лишь небольшие колонии сербов в Венгрии и Румынии. С одной стороны, фактически была решена задача, поставленная И. Гарашаниным и его предшественниками. С другой стороны, сербство растворялось в «море» других национальностей и народов, вошедших в новое государственно-политическое объединение. Если же говорить о сербской идее в ее югославском обличье, о ее проводниках-сербах, стоявших у руля королевства, надо прежде всего подчеркнуть ту мысль, что само объединение югославских земель вокруг Сербии надо рассматривать как сложный и противоречивый процесс. Путь был определен, но он проходил, образно говоря, в таком дремучем лесу, что благополучный исход был под вопросом. Принцип самоопределения наций, благополучно перебравшийся из XIX в. в XX столетие, имел определенные шансы стать для нового королевства тем детонатором, с помощью которого можно было взорвать в нем порядок и расчленить страну, скроенную на скорую руку Западом. В сущности, Версаль решал прошлое, но не хотел просчитывать вперед, а может быть, и просто знал будущее. Если не ошибаюсь, у Бертольда Брехта есть такие слова: «Плодоносить еще способно чрево, которое вынашивало гада». И разве не Версаль «родил» Гитлера, был одной из его мамок? Относительно сербства можно утверждать, что у него был уже традиционный набор врагов, бывало, становившихся интеллигентами, но не интеллигентными людьми. Нож, веревка, бомба, револьвер — обычный набор национального революционера. У диссидента — перо, бумага, готовность к жертве, в основном к чужой. Понятие блага у всех них подменялось категорией свободы.

Итак, албанцы. Это племя, насчитывавшее около полумиллиона людей, жившее по обычаям родового строя, населяло «обширные» пространства Косово, Метохии и Македонии. Идея Великой Албании, включавшей сербские и македонские территории, была движущей силой, которая двигала албанцев на восстания и теракты против сербов. В свою очередь православные не забывали албанцам плату в 150 тыс. жизней за возвращение на исторические земли в годы балканских войн и имели все основания не считать шиптаров (презрительная кличка потомков Скендербега) даже национальным меньшинством. Их как бы просто не существовало: были албанцы — чистильщики улиц, старьевщики, барахольщики и пр. Не было, грубо говоря, албанской нации. Даже в многочисленных книгах по истории югославского государства чрезвычайно редко можно встретить хотя бы какое-либо упоминание аб албанцах. Соответственной была и политика сербского Белграда, для которого было легче «закрыть глаза» и не трудиться там, где нужна лишь сила.

В сложившейся ситуации очень легко во всем обвинить Белград, который действительно не смог расчистить исторические завалы. Но, оставляя в стороне иронию, следует подчеркнуть, что мира и не могло быть между сербами, считавшими себя цивилизованным народом, и «дикарями-шиптарами». Национализм победителей мог подчинить иные народы, но не мог нейтрализовать национализм, зачастую только тлеющий, иных народов. Как известно, под пеплом угли гораздо дольше сохраняют свой жар: именно таким был и албанский сепаратизм/национализм.

II

По переписи 1939 г., проведенной срезскими начальниками, Косово насчитывало 645 017 жителей, что превышало на 92 943 человека результат переписи 1931 г. При этом неславянских жителей было 422 827 человека (65,6%), славянских 162 896 (25,2%), переселенцев — 59 294 (9,2%)¹. По другим данным, приведенным в докторской диссертации М. Обрадовича «Аграрная реформа и колонизация в Косово. 1919–1941», в Косово до 1939 г. переселилось 11 383 семьи (53 884 человека). Больше всего было из Черногории — 7432 семьи (53, 32%), потом — из Сербии, Герцеговины, Лики и пр. До 1936 г. с помощью государства было построено новыми землевладельцами 8 700 домов. У албанцев было откуплено или отнято 228 080 га земли².

Безусловно и то, что колонизация и насилия над «шиптарами» толкали многих на эмиграцию. Так, начальник Звечанского среза П. Кузманович в письме к королю (10 марта 1930 г.) сообщал, что за время его начальства выселилось невозвратно в Азию 32 тыс. арнаутов, «опасных для нашей страны», и около 6 тыс. выехало в Албанию³.

Конечно, проблема Косова увязана с революцией, национально-освободительным движением, с мечтой о создании Великой Албании. И здесь главную роль, как мне представляется, играли не столько более или менее организованные силы албанского сопротивления, сколько сама албанская «почва», на которой в то смутное время особенно пышным цветом возрастали «свободные» «главари», испытывавшие «радость» от «поэзии собственной силы», позволявшей творить суд и расправу во время набегов на сербские территории и схваток с противником.

Революционеры были представлены такими личностями, как Хасан Приштина и Байрам Цури. Первый в 1924 г. выступал в Лиге Наций о терроре над албанцами белградского режима. Написал две книги об этом. Второй — Б. Цури — переписывался с Лениным, а С. Радич характеризовал его как «неустрасимого защитника албанской независимости»⁴. Эти борцы за новую Албанию, за права албанского населения в королевстве Александра Карагеоргиевича были в числе тех, кто играл видную роль в основании и руководстве Комитета национальной обороны Косова (далее — КК), который был основан в Албании в начале XX в.

Достижение своих целей, судя по всему, увязывалось ими с разрушением власти Белграда в многонациональной стране, где было много недовольных сербской властью. Так, ВМРО поддерживало дружественные отношения с КК, «закрепленные договором о взаимной поддержке»⁵.

Теперь о «почве», рождавшей качаков, этих своеобразных албанских роингулов, но без романтического ореола. Качак — это и мятежник, и грабитель, и защитник. Это — и профессия. Все вместе — гремучая смесь, угрожавшая сербскому миру в Косово и не раз его взрывавшему. При этом надо прежде всего знать, что нападения и убийства, чинимые качаками или немирными албанцами, были зачастую не столько мщением тому или иному личному врагу, сколько средством сопротивления племенному неприятелю — государству, персонализированному в сербстве, в органах власти, жандармах, армии.

Период первых послевоенных лет характерен не только качакскими акциями, но и их так называемой «пацификацией». В 1921 г. МВД объявило им общую амнистию, но качаки сдавались трудно. Большинство их перебежало в Албанию. Потом последовала операция по зачистке, во время которой было много невинных жертв. По сути, это была акция по разоружению населения. Но она не дала немедленных результатов⁶. С целью «умиротворения» населения власти шли даже на введение своеобразного заложничества всей семьи, села за «антиправительственные действия» одного из членов семьи или жителя деревни.

Качаки были почти везде, больше всего в Печском срезе, Джаковице и окрестностях, в Метохии и других местах. При этом жандармы, набранные

из арнаутов, сами занимались грабежом. Так, один из районных начальников писал: «Таф Казия, майор и командир одного батальона, собрал около себя всех разбойников и грабителей... при этом все они собрались под его начало, чтобы избежать наказания за преступления»⁷. Только летом 1924 г., когда был принят очередной декрет об амнистии, охватывавшей широкий ряд преступлений, качакское движение пошло на спад. Этому содействовали и корректные отношения с Албанией, ликвидация нейтральной зоны на границе с Албанией, в которой укрывались качаки, а также жесткая, грубая политика властей, имевшая свои методы борьбы с врагами государства.

Неприятелей Королевства СХС поддерживали только коммунисты, но само их влияние в Космете было незначительным: патриархальность жизни, замкнутость устоев, определенная ксенофобия плохо уживались с коммунистическими идеями. Сербь-коммунисты воспринимались албанцами прежде всего как соплеменники их угнетателей.

Одним из тех, кто остро негодовал против террора над албанцами, был и небезызвестный Пуниша Рачич, который в 1928 г. убил Степана Радича⁸. Для него тогда, в 1921 г., «дикий» албанец был менее опасен, нежели «культурный» хорват.

Но у «дикого арнаута» тоже были свои причины для недовольства своим положением в новом государстве сербов, хорватов и словенцев. Напомню, что Белград, для того чтобы «разбавить» концентрацию албанского населения, «дал добро» на переселение тысяч сербских крестьян в Вардарскую Македонию и в Косово с Метохией, где они получили землю и небольшую финансовую помощь и другие льготы. Однако желаемого результата получить не удалось уже по той причине, что власти не были в состоянии проводить сколько-нибудь долгосрочную программу по поддержке колонистов, вынужденных хозяйствовать дедовскими методами. Колонизационная политика, связанная с «обрезанием» земли, рождала только ненависть к власти Белграда. Спустя почти двадцать лет в докладе министерства армии и морского флота Королевства Югославии (апрель 1939 г.) констатировалось: «... ситуация могла бы быть нейтрализована двумя способами: скорейшим выселением с нашей территории или удовлетворением их требований в материальной сфере». Однако ни один из этих методов так и не был реализован по причинам внешне- и внутривластных характера. Соответственно проблема оставалась. Спустя год генерал Б. С. Илич в своем докладе от 10 сентября 1940 г. мягко писал, что «недовольство» этого народа в основном вызвано как «бессовестным, неспособным и частично коррумпированным чиновничеством», так и несправедливостями, допущенными в ходе решения аграрного вопроса⁹.

В сущности, переселенческая политика и практика послужили дополнительными импульсами к усложнению ситуации. Албанское население

так и осталось «закрытым» обществом, живущим достаточно долгое время на сербской земле, чтобы считать ее своей и смотреть на власть сербов как оккупационную.

Тем не менее у албанского населения в Космете были свои, родные по крови, духу и языку защитники. Здесь можно назвать Джемаетскую партию, которая вначале даже сотрудничала с сербскими радикалами, заинтересованными в электоральных голосах албанцев. Однако эта неестественная коалиция довольно быстро распалась, а сама партия была запрещена в середине 1920-х гг. якобы из-за своей подрывной деятельности. Один из ее лидеров Ферхат-бег Драга, резко критиковавший политику сербского Белграда по отношению к албанскому населению, был осужден на 100 лет, но все же это было угрозой, так как прошло совсем немного времени и он был выпущен из тюрьмы¹⁰. Позже он сотрудничал с итальянской тайной службой, в 1938 г. встречался в Италии с Б. Муссолини. Многие соглашались сотрудничать с ней, понимая это как патриотический поступок в борьбе за объединение Косова с Албанией.

Сами итальянские политики, в частности, министр иностранных дел Чиано, полагали, что Косово — это «нож, нацеленный в хребет Югославии».

Связанный с итальянскими «рыцарями плаща и кинжала» албанский дипломат в Белграде Ш. Джеджули в 1935 г. инициировал создание в Белградском университете (в нем училось тогда около 20 албанцев) тайной организации «Беса» с оказанием ей материальной поддержки. Ее активисты Ш. Мустафа и И. Лютвич имели задачу наладить связь со студентами-коммунистами¹¹. После оккупации в 1939 г. Албании Италией Рим через разведслужбу использовал членов «Бесы» для сбора информации из Космета¹². В 1941 г. «Беса» распалась, надобность в тайне и тайной организации миновала: на сцену выступили мощные национальные силы.

По сути дела «Беса», судя по имеющимся сведениям, все же не представляла собой серьезной политической силы. Да и не могла быть таковой по той причине, что Белград все же был сербским городом, а Белградский университет не был албанским. В подтверждение сказанного можно привести небольшой сюжет о том, что во время прославления 550-летия годовщины Косовской битвы («Князь Лазар 1389 — Король Петр 1939») раздавали листовку «Наше слово обществу», подписанное «Арнаутская молодежь». На самом деле ее составили студенты-коммунисты Белградского университета (Л. Рибар, Р. Бурджевич, С. Джакович и др). В листовке упоминалось о репрессиях над албанцами, говорилось об отнятии земли, о конвенции с Турцией по насильственному выселению арнаутов¹³.

На тайном совещании в Сербском культурном клубе 7 марта 1937 г. о «выселении арнаутов» историк В. Чубрилович, встревоженный тем, что с 1921 по 1931 г. прирост албанцев — «самой живучей и плодovитой ра-

сы» — составил 68 060 человек, а сербов 58 745, пришел к выводу, что власть может добиться успеха в своей колонизационной политике, если будет применять суровые меры. Для «исправления» создавшегося положения и была заключена конвенция от 11 июля 1938 г. между Стамбулом и Белградом по выселению в Турцию 40 тыс. мусульманских семейств из южной Сербии в течение 1939–1944 гг. При этом за каждую семью югославское правительство обязывалось выплачивать 500 турецких лир, из которых 30% в валюте. По конвенции не только турки, но и албанцы, примерно из 50 мест Косова и Метохии могли быть выселены. Конвенция не была ратифицирована в турецком парламенте вследствие смерти Кемаля Ататюрка¹⁴.

Оставалось традиционное, испытанное средство — просвещение. Именно оно должно было помочь Белграду создать свою элиту в албанской среде. Однако они не учитывали фактора времени и опасности соединения фанатизма с книгой. Враги великосербства получали образование в соседней Албании. Никакие меры запретительного характера не давали результатов. Надо, видимо, вспомнить и то обстоятельство, что для тех же городских сербов работа среди албанского населения воспринималась, мягко говоря, как ссылка.

Ситуация была чрезвычайно тяжелой и запутанной: великоалбанские настроения можно было нейтрализовать только предоставлением определенных льгот и вкладыванием средств в просвещение — и одно и другое не вызывало доверия.

В то же время нельзя говорить, что власти ничего не делали: открывались школы, библиотеки, читальни.

Однако гораздо успешнее шла работа мусульманских учебных заведений, учителя которых не владели свободно сербским языком, а их воспитательная работа могла быть означена как антисербская. В сущности, те же медресе служили рассадниками албанского национализма, но отнюдь не югославизма в его сербском обличье. Так, в 1924/25 учебном году в Скопле (совр. Скопье) было открыто государственное медресе «Король Александр» в ранге гимназии, в которую был откомандирован сильный состав преподавателей с целью воспитания преданных государству людей. Однако случилось обратное ожиданиям: многие ученики этой школы из числа албанцев в 1930-х гг. уходили в коммунистическое подполье. Они доминировали в первом поколении интеллектуалов-албанцев в межвоенной Югославии. Большинство их участвовало в народно-освободительной борьбе против нацистов. После Второй мировой войны эти люди занимали видное положение в сферах просвещения и культуры¹⁵.

В то же время просвещение «арнаутов» в массовом масштабе не приветствовалось. В служебной записке, датированной 1938 г., подчеркивалось: «Раньше появление албанцев в гимназиях было редкостью. Но уже десять

лет как они словно пробудились от сна. Произошел наплыв албанцев в гимназии. Цель — создать кадры интеллектуалов-албанцев. Великое медресе в Скопле ежегодно выпускает 20 выпускников. Все те, кто заканчивает средние школы, идут в университет. Большое количество молодежи переместилось в Албанию, где получили стипендию Албании или Италии. Цель этого обучения состоит в том, чтобы из албанцев, рожденных на нашей территории, создать фронт борцов за освобождение арнаутов в Югославии». Поэтому власть не только запрещала книги на албанском языке, но и наказывала их владельцев. Было строго запрещено и публичное пение на албанском языке¹⁶.

Хотя политика «пряника» также не забывалась. «Приручение» Космета шло не только через молодежь со ставкой на будущее, но и через людей опытных, авторитетных, включенных в политическую жизнь Королевства, знающих историю, «связывавшую» два народа. Членом радикальной партии и личным другом Н. Пашича был глава Печской общины Неджип-бег Башич (фанатики-мусульмане его презирали за то, что позволил дочери снять зар и фередж, т. е. паранджу и чадру). С радикалами были связаны Ш. Воца, глава общины Шалье, и Ч. Цури, глава общины Джаковицы. Двор оказывал большое внимание Ш. Воце, который в 1915 г. спас короля Петра во время перехода через Албанию. Он и его отец Бечир помогали властям в отражении или обуздании качакских акций. Когда король Александр женился на румынской принцессе Марии в июне 1922 г., они послали в качестве свадебного подарка 100 баранов с золочеными яблоками на рогах. Радикалов поддерживал и депутат Народной скупщины Ченан Зия-бег из Битоли, потомок Али-паши Янинского по материнской линии. В рядах Демократической партии, а потом радикальной, был Сефедин-бег Махмутбегович, который следовал в жизни пословице «сила Бога не просит». В списке Югославского радикального объединения, созданного в 1935 г., было несколько политиков-албанцев, среди которых — А. Мармулакович из Истока, М. Дургутович из Ораховца, И. Агуши из Приштины. Они выступали против изъятия земли у албанцев, но не смогли добиться от правительства конкретных мер по изменению ситуации. «Приручали» не только должностями, но и наградами. Так, орден Югославской короны 5-й степени получили: глава общины Добре Воде Ю. Шлакович, глава общины Србица Р. Фенович, глава общины Джаковица С. Црноглавич¹⁷.

«Горячее» Косово с Метохией стали местом деятельности итальянской, немецкой, английской, советской разведслужб. Все старались «приобрести и подкупить» авторитетных албанцев, которые могли быть им полезны. Главным агентом абвера стал К. Плавшич, к которому присоединился сотрудник ведомства адмирала Канариса с 1936 г. Д. Дева из Косовской Митровицы. На службе у Великобритании состояли Чани-бег Црноглавич

и Ч. Кокоши¹⁸. И все они работали, надо полагать, за идею, которая для них, как и для многих албанцев, воплощалась в Великой Албании, новом центре мусульманского царства на Балканах.

Однако больше всех преуспела Италия, активно готовившая пятую колонну в королевстве Югославия. 7 апреля 1939 г. Италия оккупировала и аннексировала Албанию. С этого времени начинается новый этап в истории пограничного Косова с Метохией. Активизируется качакское движение. При согласии Италии проводится запись добровольцев для будущих «освободительных от сербства» походов. Так, Ахмед-ага Бериша из Джаковицы записал в Скадре и окрестностях 500 человек, М. Барьяктар собрал 700 человек, М. Биба из села Ника около 700 добровольцев. Каждый из них получал по килограмму кофе и сахара и три килограмма риса с условием, что будут готовы (в 1940 г.) выступить в поход, когда поступит приказ¹⁹.

Готовились и в Королевстве. К весне 1941 г. в Югославии находилось около 300 албанских политэмигрантов, которые в начале апреля собрались в Джаковице и Дебре. 5 и 6 апреля в Албанию было заброшено несколько групп, которым удалось поднять население на восстание против итальянской оккупации в нескольких районах. Вошедшая туда югославская армия рассматривалась своеобразной освободительницей²⁰.

Однако последовавшая вскоре повсеместная сдача страны прекратила эту трагикомедию, превратив ее в трагедию для сербства. Враги югославов — немцы и итальянцы — были встречены албанцами Космета как долгожданные освободители. Албанские «вулнетари», т. е. добровольцы, начали жечь сербские и черногорские села, прежде всего колонистские. По городам Космета прошли многочисленные демонстрации с лозунгами «Rnoft baba Hitler» («Да здравствует отец Гитлер»), «Rnoft dajka Musolini» («Да здравствует дядя Муссолини»).

Новый порядок имел ярко выраженный проалбанский характер. Немецкий спецдипломат Герман Нойбахер в своем донесении в Берлин писал, что «албанцы поспешили изгнать как можно больше сербов из страны. При этом за разрешение на выселение местные тиранчики часто брали бакшиш, точнее, взятки золотом». Из немецкой зоны «разрешение на выселение» запросило свыше 30 тыс. человек²¹. После интерpellации генерала Недича к Нойбахеру, а последнего к Дж. Деве ситуация несколько изменилась, но страдающей стороной все равно оставались сербы.

От рук простых албанцев, албанских фашистов, албанской полиции, албанских борцов за национальную идею, мусульман, партизан, болгар погибло немало и белого и черного православного духовенства. Не пощадили церкви и кладбища.

Затрагивая тему «албанского нашествия», замечу, что бытуют утверждения о переселении в Косово за время оккупации из Албании от несколь-

ких десятков тысяч до 300 тыс. человек. Однако, по данным Инспекции Союзного Секретариата внутренних дел, в Югославию за время войны прибыли 3604 лица, рожденных в Албании, 501 югослав (неалбанец) из числа еще до войны эмигрировавших в Албанию, 4 тыс. албанцев, рожденных в Королевской Югославии и перебежавших ранее в Албанию²².

Началось албанское время сторожей «Великой Албании». Так, уже Ферхат-бег в августе 1941 г. заявил, что под «косовским солнцем» больше не должно быть сербов, и если не удастся их выселить мирным путем, необходимо использовать «массовый террор»²³.

«Сторожем» должен был быть каждый албанец. Особая роль в этом предназначалась созданной в Албании после занятия ее итальянцами в 1939 г. организации Национальный фронт, или «Бали комбтар». Именно баллисты из Косова и Метохии сумели объединить вокруг себя других националистов — «вулнетаров», албанскую полицию, албанские добровольные местные вооруженные формирования и др. Свою задачу баллисты видели в охране границ «Великой Албании» со всеми соответствующими задачами. Позднее, в преддверии провала в Югославии своих «освободителей» немцев, баллисты развили активную пропаганду, говоря, что примут любую армию, кроме Народно-освободительной армии Югославии. Они уверяли население в скором нападении Англии и Америки на СССР, что обеспечит существование «Великой Албании»²⁴. Свою роль играла и албанская фашистская милиция, которая действовала в итальянской оккупационной зоне. Она производила аресты сербов и черногорцев (учителей, священников, богатых граждан, бывших чиновников, т. е. людей, пользовавшихся влиянием в обществе), отправляя многих как политически неблагонадежных в концлагеря. Из регулярных воинских частей по охране «мира и покоя» следует назвать полуторатысячный карательный полк «Kosovo», сформированный еще одним «сторожем Великой Албании» Дж. Девои, части албанской армии, десятитысячную 21-ю дивизию СС «Скендербег».

Всюду тогда развевалось албанское национальное знамя. Полному торжеству «мешала» гражданская война, шедшая одновременно с народно-освободительной борьбой. И в рядах партизан Тито были и албанцы-коммунисты. Первый албанский отряд, названный в память погибшего коммуниста-албанца «Зейнел Айдини», был основан в конце сентября 1942 г. под командованием Ф. Ходжи. В дальнейшем число партизанских отрядов увеличилось, в основном за счет сербов и черногорцев. При этом сербы и черногорцы предпочитали создавать свои отряды и не вливаться в албанские партизанские части. Стоит отметить, что сами албанцы избегали входить в другие бригады из-за страха, как пишет П. Имами, быть убитыми «сербскими и черногорскими реваншистами». Всего к концу войны в рядах Народно-освободительной армии Югославии насчитывалось свыше 50 тыс. албан-

цев. Символом совместной борьбы сербов и албанцев в Косове и Метохии стали народные герои Б. Вукмирович и Р. Садику, расстрелянные близ с. Ландовице, около Призрена. Осталась легенда, что перед казнью они так крепко обнялись, что итальянским карабинерам не удалось потом разнять их тела. Останки героев впоследствии были перенесены в Печ по просьбе семьи Вукмировича. Один похоронен на православном кладбище, другой на мусульманском²⁵. Есть и много других примеров того, как албанцы во время войны помогали сербам и черногорцам. Когда после крушения Югославии албанские «вулнетари» хотели добить находившихся в Призренской больнице раненых королевских солдат, в их спасении участвовали вместе с медицинским персоналом и некие албанцы, которые принесли им гражданскую одежду. Еще один пример связан с именем албанского национального деятеля Гани-бега Криезиа, который в июле 1944 г. обратился с воззванием к албанцам Косова, призывая их вместе с другими антифашистами вступить в борьбу против немцев и бороться за «святую албанскую землю». Титовская власть его арестовала и посадила в тюрьму в Сремской Митровице как якобы немецкого коллаборациониста, где он был убит в результате «организованного инцидента»²⁶.

Результаты развернувшейся борьбы за «святую землю» были с военной точки зрения предрешены: части народно-освободительной армии одерживали победу.

Безусловно, новая власть, понимая всю трудность ситуации, старалась показать отличие прежней политики королевских властей от своей, нацеленной на удовлетворение насущных требований албанцев, прежде всего в земельном вопросе. 6 марта 1945 г. власти приняли «решение о временном запрещении возврата колонистов на прежние места жительства», а 7 июля того же года было объявлено сходное сообщение о запрете самовольного возвращения колонистов, обращенное к тем, которые во времена королевской Югославии в запланированном порядке расселялись в Косове и Метохии на землях беглых или изгнанных албанцев. Все спорные имущественные вопросы обсуждались в аграрной ревизионной комиссии. Она признала полное право на землю 4829 сербских семейств. Согласно ее решениям, 5744 прежних владельцев частично потеряли землю. 595 бывших собственников утратили право на землю. Албанцам было возвращено 15 784 га²⁷.

В репортаже «Обещанная земля» («Борба», 20.VI.1989) революционер и бывший высокий руководитель в Косове сказал следующее: «Для нас, ради упорядочивания ситуации на Косове и Метохии, было самым важным обсудить и справедливо решить все споры вокруг земли. Все это длилось два года. Тем решением была отнята у поселенцев только та земля, которую годами обрабатывали крестьяне-албанцы... около 15–16% всей земли, которой поселенцы владели до войны... Когда были решены все эти споры во-

круг земли, были созданы благоприятные условия для нормальной жизни и работы в Области, а это, между прочим, проявилось в том, что после того быстро были в основном ликвидированы и мятежники»²⁸.

По мнению уже не политика, а сербского историка Евтича, в Косово и Метохию никогда не вернулось 1638 сербских семейств, а в Воеводину тогда было переселено 2064 семьи. По материалам Областного комитета, землю тогда в Косове потеряли частично или полностью 5744 сербских семьи (т. е. идут совершенно иные данные, чем у П. Имами!), и только некоторые из них получили назад свою кормилицу. Так началась послевоенная «этническая чистка» Косова и Метохии, которая продолжается и по сей день²⁹.

С этим выводом трудно не согласиться. В сущности, эти земли «потеряны» для сербов, превратившихся в «национальное меньшинство», в то время как «большинство» в самой «отаджбине» занято своими не менее важными проблемами по сохранению собственно Сербии. Само Косово было в очередной раз «завоевано» местным албанским населением, испытывавшем «радость» в «силе» и «силу» в «радости». И последнее. Почему случилось то, что случилось? Один из ответов кроется в тривиальном утверждении, что Югославия так и не стала отечеством для албанцев.

Примечания

¹ *Imami P.* Srbi i albanci kroz vekove. Beograd, 1999. S. 260.

² Там же. S. 263–264.

³ Там же. S. 260.

⁴ Там же. S. 251–252.

⁵ Македонский вопрос в документах Коминтерна. Скопје, 1999. Т. I. Ч. 1: 1923–1925 гг. С. 123.

⁶ *Иванов П. Ц.* Ко су и шта хоће шиптари. Београд. 1998. С. 93–94.

⁷ Там же. С. 97.

⁸ *Imami P.* Srbi i albanci... S. 253.

⁹ Там же. S. 284–285.

¹⁰ Там же. S. 253.

¹¹ Там же. S. 278.

¹² *Иванов П. Ц.* Ко су и шта хоће шиптари. С. 111.

¹³ *Imami P.* Srbi i albanci... S. 276.

¹⁴ Там же. S. 261–262.

¹⁵ Там же. S. 255, 257.

- ¹⁶ *Itami P.* Srbi i albanci... S. 267.
- ¹⁷ Там же. S. 271 — 272.
- ¹⁸ Там же. S. 278.; *Иванов П. Џ.* Ко су и шта хоће шиптари. С. 112.
- ¹⁹ *Иванов П. Џ.* Ко су и шта хоће шиптари. С. 108.
- ²⁰ *Itami P.* Srbi i albanci... S. 285.
- ²¹ Там же. S. 287–288.
- ²² Там же. S. 298.
- ²³ *Фолић М.* Окупациони систем и колаборација на Косову и Метохији 1941–1945 // Други свјетски рат — 50 година касније. Радови са научног скупа. Подгорица, 20–22 септембар 1995. Подгорица, 1997. Т. 1. С. 570.
- ²⁴ *Иванов П. Џ.* Ко су и шта хоће шиптари. С. 120.
- ²⁵ *Itami P.* Srbi i albanci... S. 289–292.
- ²⁶ Там же. S. 297.
- ²⁷ Там же. S. 288.
- ²⁸ Там же. S. 289.
- ²⁹ *Јевтић А.* Страдања срба на Косову и Метохији од 1941. до 1990. Приштина, 1990. С. 27.

СССР и «первая Югославия» накануне и в момент ее гибели

За семь с лишним десятилетий, что были отмерены его существованию историей, югославскому государству выпало рушиться дважды — в апреле 1941 г., когда в результате фашистской агрессии и оккупации погибла возникшая в 1918 г. «первая Югославия», а затем еще полвека спустя, в начале 1990-х, когда распалась «вторая Югославия», утвердившаяся при освобождении страны от оккупации в 1944–1945 гг. и просуществовавшая вдвое дольше своей предшественницы¹. Будучи одним из важнейших участников тех потрясений мировой войны, в обстановке которых пала «первая Югославия», Советский Союз имел серьезное касательство и к событиям, связанным с ее падением. Остановимся на некоторых существенных аспектах политики и роли СССР в этих событиях, опираясь главным образом на источники, которые стало возможным исследовать в течение последних лет.

Хотя и в период между двумя мировыми войнами Кремль временами проявлял в той или иной мере интерес к Югославии, однако более непосредственное внимание к происходившему в этой самой крупной балканской стране, и прежде всего к ее внешнеполитическому положению, стало характерным для советской политики как раз в последние месяцы югославской независимости, особенно с установлением в конце весны — начале лета 1940 г. сперва прямых торговых, а затем дипломатических отношений между обоими государствами. Как известно, инициатором установления отношений, вопреки своему долговому отказу от признания большевистского режима, выступил Белград, вынужденный к этому быстро нарастающей угрозой, которую несла экспансия держав «оси» в балкано-дунайском регионе. Для югославского руководства, объявившего с началом Второй мировой войны о нейтралитете и пытавшегося лавировать между великими державами, чьи интересы пересекались на Балканах, Советский Союз как новый самостоятельный игрок в этом регионе, причем с растущей там в то

время ролью, оказывался фактором, сближение с которым могло, во-первых, расширить возможности упомянутого лавирования Югославии, а во-вторых, предоставить ей независимый от «оси» источник приобретения вооружения и других материалов, столь необходимых югославской армии для усиления ее способности к защите страны. Но быстрый успех белградской инициативы был вызван тем, что сама Москва нетерпеливо ждала такого шага югославы. Еще в начале января 1940 г. в МИД Югославии пришло донесение о высказываниях полпреда СССР в Анкаре А. В. Терентьева, в которых давалось понять, что советская сторона хочет этого². Соответственно на югославские предложения в конце марта — начале апреля 1940 г. об установлении официальных экономических отношений и заключении торгового договора, а в июне — об установлении дипломатических отношений следовало немедленное советское согласие³.

Советская позиция была обусловлена стремлением к получению возможностей оказать свое влияние на Югославию, воспрепятствовать подчинению ее, как и других балканских стран, державами «оси» и вместе с тем противостоять англо-французскому, а когда Франция потерпела поражение — британскому воздействию на югославскую политику, равно как в целом на развитие ситуации на Балканах, в регионе, который руководство СССР считало сферой своих особых интересов⁴. Однако при этом отношении к Югославии было в Москве двойственным.

С одной стороны, Югославия вместе с Болгарией рассматривались как страны, которые в силу того, что являются славянскими, причем с традиционно сильными прорусскими настроениями, могут стать главной сферой советского влияния на Балканах. Это шло в русле постепенно происходившего тогда прагматического поворота Кремля к использованию в качестве политического инструмента для реализации своих задач, в том числе во внешней политике, некоторых прежде отвергавшихся большевиками национально-традиционных идей и символов, в частности, и так называемой «славянской взаимности».

В. М. Молотов, тогдашний глава правительства и нарком иностранных дел СССР, в первом же своем контакте с официальными югославскими представителями при встрече 8 мая 1940 г. с делегацией, приехавшей в Москву для заключения экономических соглашений, делал акцент на тезисе о важности сближения между славянскими народами для противодействия тому, чтобы за счет славян расширились территории других народов, среди которых он прежде всего называл немцев и итальянцев⁵. В этом духе он на той же встрече, а затем при первом посещении его 17 июля югославским посланником М. Гавриловичем, только что приступившим к своим обязанностям, настойчиво поднимал вопрос о возможностях урегулирования югославо-болгарских отношений и даже превращения их в более тесные, при-

чем достаточно явно выражал советскую заинтересованность в таком развитии событий⁶. Повторявшееся обращение Молотова к данной теме дает основание полагать, что в Кремле тогда раздумывали, в качестве одного из желательных вариантов, над идеей образования некоего альянса между Югославией и Болгарией, который был бы как-то связан с СССР, а то и находился бы под эгидой последнего, тем самым способствуя обеспечению советских интересов на Балканах в противовес европейским державам «оси», а также западным державам. Болгарии, занимавшей особенно важное для Советского Союза геополитическое положение одного из «ключей» от Проливов, еще осенью 1939 г. было предложено советской стороной заключить с СССР пакт о взаимопомощи. А в ответ на отклонение этого Софией Москва, не отказываясь от своего замысла, решила подождать до более подходящего момента⁷. И год спустя, в ноябре 1940 г., возобновила свою попытку, на сей раз очень настойчиво, как на переговорах Молотова в Берлине, где шла речь о разделе сфер влияния между Советским Союзом и «осью», в том числе применительно к Балканам, так и непосредственно в советском обращении к болгарскому руководству. Причем в Кремле имели в виду, что Болгария станет частью сферы влияния СССР, вплоть до его военного присутствия в этой стране⁸. Вполне вероятно, что в советских верхах, проявляя весной — летом 1940 г. заинтересованность в югославо-болгарском сближении, рассчитывали тем самым подключить со временем и Югославию к той комбинации «славянского» блока, которую хотели осуществить в отношении Болгарии. В распоряжении исследователей пока, однако, нет документов, которые бы позволяли судить об этом с большей определенностью.

Но во всяком случае, когда еще в начале мая 1940 г., во время советско-югославских переговоров в Москве об установлении официальных экономических отношений, югославская делегация подняла перед А. И. Микояном, членом Политбюро ЦК ВКП (б) и наркомом внешней торговли, вопрос о возможности приобретения у СССР вооружения, советская сторона отреагировала более чем позитивно. Молотов на уже упомянутой встрече с делегацией 8 мая, делая вид, что ему еще не известно об этом югославском запросе Микояну, демонстративно говорил о том, сколь важно, чтобы Югославия была хорошо вооружена, особенно тяжелой артиллерией и авиацией. А три дня спустя Микоян, давая официальный положительный ответ на югославское обращение, многозначительно указал на то, что Советский Союз производит поставки вооружения, во-первых, в страны, связанные с ним пактами о взаимной помощи, а во-вторых, в страны, с которыми у СССР имеются нормальные дипломатические отношения, и как пример, относящийся ко второй из упомянутых категорий, назвал как раз Болгарию. Хотя об установлении таких же советско-югославских отношений тогда еще ре-

чи не шло, он тут же заявил, что «СССР мог бы допустить поставки военного снаряжения в Югославию»⁹. А в сентябре 1940 г., уже после установления дипломатических отношений, как только в Москве приступил к работе югославской военной атташе Ж. Попович, он был принят на самом высоком военном уровне — наркомом обороны С. К. Тимошенко вместе с начальником Генштаба К. А. Мерецковым, которые также выразили стремление к тому, чтобы пойти навстречу югославским нуждам по поводу поставок вооружения. После этого начались практические переговоры на сей счет между наркоматом обороны и Поповичем¹⁰. Таким образом, Кремль сразу же проявил не только готовность, но фактически и заинтересованность в установлении определенного военного сотрудничества с Югославией, которое могло усилить ее оборонный потенциал для противостояния угрозе со стороны «оси», а вместе с тем, естественно, стать фактором, способным в итоге серьезнее связать ее с СССР.

С другой стороны, в Москве вместе с тем сохраняли глубокое недоверие к югославскому руководству, к его курсу, даже более того — испытывали склонность в той или иной мере по-прежнему смотреть на Югославию как государство, проводящее политику, враждебную Советскому Союзу. Такое отношение было обусловлено рядом причин. Сказывался сложившийся в предшествующий период имидж правителей Югославии, которые сами многие годы занимали позицию не только социальной враждебности большевистскому режиму, но еще и специфического его неприятия (и потому почти самого долгого в тогдашней Европе непризнания), вызывавшегося особенно тесными узами Карагеоргиевичей со свергнутым российским императорским домом. Возбуждала подозрения политика лавирования, проводившаяся Белградом в обстановке войны: заигрывание то с Берлином, то с Римом, но особенно — связь с франко-британской коалицией, а после разгрома Франции — с англичанами. Ибо советское отношение к последним было тогда еще более негативным, нежели к нацистскому рейху, пока что считавшемуся партнером СССР в своеобразном советско-германском альянсе на основе договоренностей августа — сентября 1939 г., или к фашистской Италии, когда осложнения с ней, возникшие в конце 1939 г., были в июне 1940 г. преодолены при германском посредничестве. Наконец, все это значительно стимулировалось и усиливалось характерным для советской номенклатуры того времени очень идеологизированным мировосприятием, которое больше или меньше, но почти неизменно накладывалось на любые, даже казалось бы самые прагматические по своим целям калькуляции, касавшиеся конкретных внешнеполитических задач СССР. И Югославия через призму такого мировосприятия представляла как творение Версаля, реакционное буржуазное государство, покровитель белогвардейской эмиграции и т. п.

Все еще пока сохраняющаяся значительная недоступность архивного материала, который бы отражал процесс рассмотрения связанных с Югославией вопросов и принятия по ним решений на самом высоком советском уровне, крайне затрудняет возможность судить о том, в какой мере эта тенденция присутствовала при расчетах, делавшихся в Кремле, как влияла на определявшуюся там политику, касавшуюся югославских проблем. Однако из документов, которые в последние годы стало возможным исследовать, видно, насколько подобный подход был характерен этажом ниже — в НКВД, где непосредственно и проводилась политика, намеченная кремлевскими директивами.

Показательно, например, какие оценки содержались в информационно-аналитических материалах, составленных в аппарате НКВД по заданию руководства наркомата специально в связи с установлением сначала экономических, а затем дипломатических отношений между Советским Союзом и Югославией. Один такой материал под названием «Югославия (справка)», приуроченный к советско-югославским переговорам начала мая 1940 г. об установлении экономических отношений и заключении торгового договора, был составлен в 3-м Западном отделе, который ведал тогда работой на югославском направлении, временно исполняющим обязанности заведующего этого отдела М. А. Костылевым и референтом В. М. Сахаровым и представлен замнаркома В. Г. Деканозову, курировавшему деятельность отдела, а также в секретариат Молотова¹¹. Другая справка, озаглавленная «Взаимоотношения Югославии с СССР» и датированная 9 июля 1940 г., была подписана Костылевым и направлена Молотову, Деканозову и замнаркома С. А. Лозовскому в связи с происшедшим двумя днями раньше обменом первыми дипломатическими представителями между СССР и Югославией — прибытием советского полпреда В. А. Плотникова в Белград и югославского посланника Гавриловича в Москву¹². В первом из названных материалов, содержавшем некоторые фактические данные о государственном устройстве, географических и демографических характеристиках Югославии, структуре и уровне развития ее экономики, оснащении югославских вооруженных сил, само образование этого государства было изображено исключительно как перекройка политической карты Европы, произведенная после Первой мировой войны по воле Англии и Франции с целью не допустить на Балканы Италию вместо разгромленных Германии и «Австрии», как именовали авторы справки бывшую Австро-Венгрию. Ни о каком внутреннем движении на территории будущей Югославии за создание югославского государства не было в справке ни слова, за исключением фразы: «Сербские буржуазные политики в течение многих лет, предшествовавших первой мировой империалистической войне, вынашивали идею “Великой Сербии”». В сущности, это являлось хотя и несколько

приглушенным, но все еще довольно ощутимым отголоском прежде активно использовавшегося большевистского тезиса о Югославии как «искусственном детище Версаля», возникшем вследствие «империалистического диктата» и отвечавшем лишь захватническим целям «великосербской буржуазии». Во второй справке две ее трети были посвящены истории негативной, как усиленно подчеркивалось, политики правящих кругов Югославии по отношению к СССР, а последняя треть занята в основном постулированием того, что данные круги, оказавшись вынужденными пойти на установление отношений с Советским Союзом, тем не менее продолжают занимать враждебную ему позицию. Особенно, говорилось в справке, это касается королевского двора, покровительствующего белогвардейской эмиграции. Из этого следовал итоговый вывод всего документа: «Нет оснований надеяться на прочность новой линии двора (т. е. линии установления отношений с Советским Союзом. — Л. Г.). Следует считать, что двор и дальше будет пытаться вести интриги против СССР». Таковы были ориентиры, с которыми в аппарате НКВД приступили к начавшейся практической работе с югославской стороной.

Вполне вероятно, что на самом верху советской пирамиды власти вопрос о Югославии рассматривали не со столь узкой идеологической заданностью, несколько более прагматично. В пользу этого свидетельствует сама проявленная Кремлем заинтересованность в установлении дипломатических отношений и даже определенного военного сотрудничества с Белградом. Однако в целом подход к югославским проблемам, характерный для аппарата НКВД, жестко контролировавшегося Кремлем (напомним, что наркомат возглавлял сам Молотов), должен был отражать установки, исходившие сверху, возможно, лишь отчасти утрируя некоторые присутствовавшие в них более привычные, традиционно советские элементы. Сохранение этих элементов как ощутимой составной части политики Москвы на югославском направлении видно из того обстоятельства, что традиционный советский подход продолжал сказываться и в дальнейшей деятельности аппарата НКВД после установления дипломатических отношений.

Так, буквально с первых же дней, последовавших за обменом дипломатическими миссиями с Югославией, особое внимание в упомянутом выше 3-м Западном отделе сосредоточилось на составлении справки о том, как сербские воинские части, сформированные на российской территории во время Первой мировой войны, принимали участие в Гражданской войне в России на стороне противников советской власти. Для этого собирался материал в советских архивах и различных публикациях, давались поручения полпредству в Белграде достать в Югославии «издания, отражающие сербскую интервенцию в СССР». Экземпляры справки, подготовленной в конце

августа 1940 г. под названием «Некоторые данные об участии Сербии в интервенции», были в начале сентября представлены в секретариат Деканозова и одновременно посланы в полпредство «для сведения». Причем указывалось, что это пока неполный вариант и работа по сбору материалов будет продолжена для составления окончательной редакции справки¹³. Смысл подобных усилий никак в исследованных нами документах НКВД не объяснялся, кроме одного упоминания, сделанного в данной связи в письме Костылева Плотникову от 24 июля: «Особо нас интересует вопрос, нет ли в составе югославской миссии в Москве лиц из числа интервентов»¹⁴. Принимая во внимание, что со времени Гражданской войны прошло к тому моменту уже два десятилетия, такой вопрос едва ли мог иметь действительно реальное значение. И если, однако, он всерьез рассматривался как очень актуальный, это, как и вся бурная деятельность по написанию справки, о которой идет речь, было следствием сильнеешего влияния идеологических стереотипов, свойственных мышлению тогдашних советских функционеров.

Той же сильнейшей идеологизированностью была вызвана негативная реакция НКВД, когда полпред Плотников пару недель спустя после приезда в Белград возложил венок к монументу-мавзолею неизвестному солдату на горе Авала, символизировавшему память о погибших как в Первой мировой войне, так и в вообще в длительной истории борьбы за национальную свободу. Как только из сообщения, напечатанного в белградской газете «Политика», об этой церемонии узнали в аппарате НКВД, в 3-м Западном отделе было составлено резюме упомянутого сообщения, и Костылев 9 августа 1940 г. направил его Деканозову, а также в секретариаты Молотова и Лозовского, отметив в сопроводительной записке, что посещение подобных памятников беспрецедентно в советской дипломатической практике. Костылев предложил немедленно запросить Плотникова о мотивах его поступка, а по получении объяснений полпреда вернуться к этому вопросу. Деканозов занял ту же позицию, что и проявивший бдительность Костылев. И после получения запрошенных у Плотникова объяснений заместитель наркома указал 30 августа полпреду, что тот не осознал ошибочность своего шага, между тем как советские дипломаты таких шагов не делают из-за «отрицательного отношения к той шовинистической и империалистической пропаганде, которая разворачивается во всех странах вокруг этих памятников»¹⁵.

Впрочем, сам Плотников и возглавляемое им полпредство, в свою очередь, руководствовались теми же гипертрофировано идеологизированными ориентирами. От почти курьезных случаев, когда, к примеру, Плотников беспокоился по поводу того, что фасад здания, арендуемого для полпредства, украшен «чуждым» символом — скульптурой Георгия Победо-

носа, и запрашивал НКВД, как быть, а его оттуда успокаивали, что этому не стоит придавать значения и скульптура может оставаться на своем месте¹⁶. И до куда более серьезных вопросов, когда, например, полпредство с самого начала своей работы стало придавать непомерное политическое значение «белоэмигрантским организациям» в Югославии и в середине августа 1940 г. даже предлагало Москве потребовать от югославской стороны чуть ли не немедленного прекращения их деятельности¹⁷. Либо в своих донесениях, направляемых в НКВД, нередко проявляло склонность к неадекватно односторонним характеристикам ряда югославских государственных деятелей и ведущих политиков, то упрощенно разделяя их исключительно на сторонников проанглийской или прогерманской ориентации¹⁸, то чохом зачисляя в идеологически привычные трафаретные категории «профашистов», «фашистов», «немецкой агентуры» как тех, кто действительно были таковыми, вроде Д. Лётича с его движением «Збор», так и тех, кто вовсе такими не являлся, но открыто занимал жесткую и активную антикоммунистическую позицию, подобно А. Корошецу и возглавлявшейся им (до его кончины в декабре 1940 г.) Словенской народной партии, в то время одной из главных внутривнутриполитических опор существования тогдашнего югославского государства¹⁹. Да и политики, проявлявшие даже некоторые левые тенденции, стоило им повести себя неблагоприятно для компартии Югославии (КПЮ), оказывались для полпредства «демагогами» либо вообще «реакционерами», как были, например, охарактеризованы в одной из справок земледельческие деятели Б. и В. Чубриловичи²⁰.

Конечно, деятельность как аппарата НКВД, касавшаяся Югославии, так и полпредства в Белграде отнюдь не сводилась лишь к перечисленному. Относящаяся к рассматриваемому периоду документация каждого из этих звеньев советского дипломатического ведомства, оказавшаяся в последнее время доступной для исследования, включает в себя также целый ряд материалов, содержащих немало точных наблюдений и достаточно адекватных оценок по поводу внутривнутриполитического развития Югославии, ее международного положения и внешней политики. Но то, о чем шла речь выше, во многом влияло на общий взгляд в отношении страны и ее проблем. И соответственно серьезно сказывалось на характере значительной, если не преобладающей части информации и предложений, поступавших руководству НКВД, а в какой-то мере и дальше — в Кремль.

Почти нет пока документальных данных о том, каким образом воспринимались там информация и предложения подобного характера, ибо, как правило, все еще недоступны архивные источники, которые бы отражали рассмотрение соответствующих вопросов и принятие по ним решений как раз на этих уровнях советской иерархии. Буквально единичное исключение — письмо Деканозова Плотникову от 9 октября 1940 г., являвшееся не-

сколько запоздалой реакцией руководства НКВД на упомянутое выше предложение полпредства потребовать от правительства Югославии прекращения деятельности «белоэмигрантских организаций» в стране. В письме выражалось согласие с постановкой полпредством проблемы деятельности подобных организаций и отношения к ним югославских властей, но указывалось, что пока следует воздержаться от такого требования, так как в данный момент оно вряд ли выполнимо и «может создать трудности в наших отношениях с Югославией, в чем мы, только что установив дипломатические отношения с ней, не заинтересованы»²¹. Ответ Деканозова важен как непосредственное документальное свидетельство того, что, когда дело касалось проведения практической политики на югославском направлении, чем выше был иерархический уровень того или иного звена советской системы, занимавшегося этой политикой, тем в большей мере там могли принимать во внимание соображения прагматического характера. Однако речь идет, хотя и о симптоматичном, но все-таки лишь одном конкретном случае. В более же общем плане отсутствие необходимой документации, доступной для исследования, оставляет пока открытым вопрос, насколько возникавшие у руководства НКВД или в Кремле соображения, даже те, что выглядели прагматичными, были подвержены или нет влиянию идеологизированных компонентов информации, поступавшей от полпредства и наркоминдельского аппарата.

Но еще большее влияние на практическую позицию Кремля в отношении Югославии оказывали факторы, вовсе не связанные с оценкой характера югославского государства, внутренней и внешней политики Белграда, а обусловленные сталинскими калькуляциями по поводу общего развития международной ситуации и расстановки основных сил на европейской и всемирной сценах в условиях развертывавшейся мировой войны. Ключевую роль здесь играли расчеты, касавшиеся отношений между СССР и нацистской Германией. Ибо если, как уже говорилось, советское руководство было заинтересовано в том, чтобы поддержать Югославию, в том числе и содействием усилению ее оборонного потенциала, для противостояния угрозе ее подчинения «осью», то, с другой стороны, оно пыталось совместить это с сохранением советско-германского взаимодействия, основанного на договоренностях 1939 г. Отсюда возникало постоянное советское опасение, как бы не обнаружить себя перед Берлином в качестве противовеса немцам в Югославии и не поставить под угрозу отношения с Германией.

На практике это вело к тому, что на предпринятые вслед за установлением советско-югославских дипломатических отношений попытки посланника Гавриловича и советника югославской миссии в Москве В. Марковича прояснить в контактах с руководящими работниками НКВД, начиная с Молотова, какова может быть позиция СССР при том или ином критиче-

ском обороте событий в балкано-дунайском регионе, а особенно при возникновении непосредственной угрозы независимости или территориальной целостности Югославии, советская сторона неизменно предпочитала уклониться от ответа²². А в посланной 17 октября 1940 г. Молотовым Плотникову установке о том, какой линии поведения следует придерживаться полпредству в Белграде в его отношениях с югославским руководством, указывалось, что советское правительство сочувствует делу независимости Югославии, но если речь идет об отношениях СССР с Германией, то, поскольку последняя выполняет августовский договор 1939 г., у советского правительства нет оснований для вмешательства в ее действия²³. Таким образом, Москва в реально проводимой ею политике избегала ангажироваться и ободрять Белград перспективой оказания ему какой-либо советской поддержки на международной арене.

Остались безрезультатными и упомянутые выше переговоры о советских поставках вооружения для югославской армии, тянувшиеся с перерывами до февраля 1941 г. Советская документация о переговорах все еще недоступна, ввиду чего об их ходе можно пока судить лишь на основе материалов, отложившихся в архивной коллекции военного атташе Поповича²⁴. Из этих источников видно, что, несмотря на достигнутые договоренности об объеме, ассортименте, а также о способах поставок и неоднократные обещания Москвы начать их осуществление, она так к ним и не приступила. Причем то вообще не давала этому подолгу никаких объяснений, то вдруг задним числом ссылалась на подписание в октябре 1940 г. югославо-германского хозяйственного протокола, а в декабре — югославо-венгерского договора как на признаки отдаления Югославии от СССР, то снова намекала на предстоящие поставки, но опять ничего не делала. Без необходимых советских источников отсутствуют и документальные данные о том, каковы были действительные причины такого поведения. Но, судя по непрерывно высказывавшемуся при этом Поповичу советскими представителями опасению, как бы обязательная тайна поставок не была нарушена при их осуществлении, главным в советской позиции оставалась боязнь нанести ущерб отношениям СССР с Германией.

Между тем такое положение объективно способствовало ослаблению позиции Югославии и сужению для нее поля внешнеполитического маневрирования. Это, в частности, дало о себе знать в тот момент, когда в феврале — марте 1941 г. давление Берлина резко возросло и достигло критической отметки с предъявлением Белграду фактически ультиматума о скорейшем присоединении к Тройственному пакту. В начале февраля, перед поездкой югославского премьер-министра Д. Цветковича и министра иностранных дел А. Цинцар-Марковича к Гитлеру, была через Гавриловича предпринята попытка выяснить советскую позицию в связи с происшед-

шим новым витком германского военно-политического наступления на Балканах (наращиванием войск в Румынии и подготовкой к их вступлению в Болгарию) и опасностью, непосредственно складывавшейся для Югославии. Но на вопросы Гавриловича принявший его первый заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский продолжал прежнюю линию, уклоняясь от определенного ответа, в результате чего посланник сообщил в Белград о своем впечатлении, что СССР, несмотря на свою заинтересованность в Балканском регионе, пока все еще предпочитает выжидать и не вступать из-за Балкан в прямой конфликт с Германией²⁵. Вывод Гавриловича был верен, но подобная информация не могла стимулировать Белград к противостоянию германскому нажиму. То же касалось и неполучения вооружения из СССР. Оценки о неготовности югославской армии к противостоянию «оси» были выдвинуты как важный фактор, когда руководству Югославии пришлось решать, подчиниться ли требованию о присоединении страны к Тройственному пакту. Можно только гадать, повлияли бы советские поставки на решение или нет. Но несомненно, что их отсутствие скорее усиливало тенденцию к принятию диктата Берлина.

Вместе с тем некоторые из имеющихся источников ставят исследователя перед загадкой, не изменилась ли позиция Кремля в начале марта 1941 г., когда столь важная для СССР Болгария, уступив гитлеровскому нажиму, последовала за Румынией и присоединилась к Тройственному пакту, а Югославия все еще колебалась перед тем, как сделать окончательный выбор. Загадка порождена тем, что, с одной стороны, в телеграфной переписке с Белградом 9–14 марта Гаврилович сообщал, что какие-то — не названные им — советские военные представители дали понять: желательно заключение военного пакта между СССР и Югославией, но с такой инициативой должны выступить сами югославы²⁶. А с другой стороны, среди ставших доступными советских материалов есть телеграмма Молотова полпредству в Белграде от 14 марта, что всякие слухи по поводу якобы переговоров с югославами о военном союзе — вымысел²⁷. И никакие другие документы — ни советские, ни югославские, которые бы подтверждали то, о чем говорилось в телеграммах Гавриловича, не известны. Возникает вопрос, что же достоверно — его ли сообщения или утверждение Молотова.

Еще до того как стала известна телеграмма Молотова, в историографии при упоминании о сообщениях Гавриловича уже высказывалось сомнение, не были ли они мистификацией, то ли предпринятой им самим, то ли иницированной кем-то в югославских верхах, то ли организованной англичанами, по чьим каналам связи велась часть этой его переписки с Белградом. Целью мистификации называлась заинтересованность в том, чтобы организовать соответствующее обращение югославского правительства к Кремлю, способное, быть может, все-таки побудить СССР к активному вме-

шательству на Балканах для противостояния Германии, в частности, в случае с Югославией, что усилило бы позиции последней перед лицом давления Берлина. Но все версии на сей счет, даже те, что выдвигались довольно безапелляционно, были на самом деле не более чем предположениями, ибо их авторы не располагали конкретными документально подтвержденными данными²⁸. Дополнительную загадочность этой истории придавала личность того, кому, согласно сообщениям Гавриловича, анонимные советские военные и сделали упомянутые предложения. Речь шла о Б. Симиче, который не раз фигурировал в историографии как неофициальный югославский эмиссар, приехавший перед тем в Москву. Отставной полковник, некогда являвшийся участником небезызвестной национально-радикальной сербской конспиративной организации «Объединение или смерть» («Черная рука»), а в ходе Первой мировой войны и сразу после нее некоторое время находившийся в России, он был в начале 1940-х гг. связан с патриотически и славянофильски ориентированными кругами сербских политиков и военных. В историографии постулировалось, хотя и без каких-либо доказательств, что он контактировал с советской военной разведкой²⁹. Не раз упоминалось и о его миссии в Москву, однако о ней фактически ничего не было известно: кто, когда и с какой целью его туда послал, что и с какими результатами он там делал.

В некоторых документах, которые оказалось возможным исследовать в последние годы, содержатся крайне скудные отрывочные сведения, что Симич был секретно послан с неким «специальным заданием» по решению, принятому еще в декабре 1940 г. принцем-регентом Павлом Карагеоргиевичем, фактическим правителем страны при еще не достигшем совершеннолетия короле Петре II, прибыл в Москву в январе 1941 г. и имел полномочия для ведения переговоров с советским правительством³⁰. В чем состояла суть задания, остается неизвестным. О деятельности Симича в Москве тоже никаких конкретных данных пока так и нет. Согласно неопубликованным воспоминаниям военного атташе Поповича, сам Симич говорил тогда, что «имеет прочные связи в высших военных кругах Советской России». Попович считал это выдумкой³¹. Однако из отдельных упоминаний в некоторых ставших известными в последние годы советских документах, относящихся к событиям, которые происходили уже после военного переворота в Югославии, совершенного 27 марта 1941 г. противниками присоединения к «оси», следует, что Симич действительно имел довольно серьезные связи с советской стороной. Так, 31 марта, при подготовке поездки в Москву делегации нового югославского правительства, Молотов телеграфировал советскому полпредству в Белграде о желательности включения Симича в состав делегации. А когда, таким образом, в начале апреля тот вновь оказался в Москве, то, помимо переговоров делегации в НКВДе, отдельно

встречался с начальником разведуправления советского генштаба Ф. И. Голиковым³².

Подобные сведения должны скорее свидетельствовать в пользу того, что для советской стороны Симич был лицом, которому и в начале марта могли делать доверительные предложения. Но предлагалось ли через него то, о чем сообщал в Белград Гаврилович, выяснится лишь при обнаружении советских документов, которые бы это конкретно подтверждали, или каких-то югославских либо (если имела место мистификация с английским участием) британских документов, которые бы это столь же конкретно опровергали.

Пока же версии как Гавриловича, так и Молотова, каждая по-своему, способны внушать определенные сомнения. Так, в случае с телеграммами Гавриловича обращает на себя внимание, что хотя в них фактически ничего не говорилось о тех, кто, по его утверждению, выдвинул негласное советское пожелание, посланник настойчиво рекомендовал своему правительству откликнуться на это пожелание, обратившись к правительству СССР с предложением о заключении военного пакта, а пока не соглашаться на требование Берлина. И вместе с тем заранее предупреждал Белград, что не исключена возможность отрицательного ответа советского правительства на такое югославское обращение. Данное обстоятельство, учитывая, что Гаврилович являлся решительным противником присоединения к Тройственному пакту, дает основания для подозрения, не были ли сообщения посланника выдумкой, которая была призвана подвигнуть югославское руководство на подобное обращение к СССР и запущена в надежде добиться таким способом либо советского согласия, либо, если получить его не удастся, хотя бы отсрочки принятия Югославией решения, навязываемого Гитлером. А Симич, стоявший на тех же позициях, что и посланник, вполне мог быть соучастником подобной мистификации. Что же касается телеграммы Молотова от 14 марта, то следует иметь в виду, что она представляла собой установку, адресованную полпредству в ситуации, когда вслед за первым из упомянутых сообщений Гавриловича, посланным 9 марта, в западных средствах информации появились известия о готовящемся военном союзе между СССР и Югославией. Факт такой утечки сведений, отправленных Гавриловичем в Белград, был отмечен в переписке между посланником и Цинцар-Марковичем³³. Не известно, была ли утечка случайной или намеренной, а если намеренной, то кем и для чего инспирировалась. Но очевидно, что распространение подобных известий, независимо от того, делалось ли Симичу такого рода предложение или нет, должно было восприниматься советским руководством очень болезненно ввиду его опасения по поводу советско-германских отношений. А это значит, что в любом случае, даже если Симичу соответствующее предложение и дела-

лось, Москва скорее всего оказывалась заинтересованной все отрицать. Установка полпредству в Белграде едва ли могла быть тут исключением.

Выраженная телеграммой Молотова от 14 марта реакция на распространение упомянутых известий позволяет судить о том, как могла повлиять возникшая ситуация на позицию советского руководства по поводу Югославии. Если никакого предложения Симичу не делалось, а оно было выдуманно им и (или) Гавриловичем, то власти в Белграде должны были после этих известий выглядеть в глазах Кремля прямым провокатором. Если же предложение действительно имело место, то югославское правительство представало в качестве такого, с которым нельзя вести никаких дел. В любом из этих случаев какие-либо дальнейшие переговоры между Москвой и существовавшим югославским режимом, очевидно, исключались.

Впрочем, и сам Белград предпочел переговоры с Берлином о более приемлемых условиях присоединения к Тройственному пакту, которое в итоге состоялось 25 марта. А для позиции СССР в связи с этим характерны два момента. Во-первых, когда 22 марта, в соответствии с указанием из Лондона, британский посол в Москве С. Криппс и, по его предложению, Гаврилович, действовавший без ведома Белграда, обратились к Вышинскому с запросом, не может ли все-таки правительство СССР как-либо выступить против предстоящего присоединения Югославии к Тройственному пакту, оба — после доклада Вышинского советскому руководству — получили отказ³⁴. Во-вторых, в тот же день из Исполкома Коминтерна была отправлена радиошифровка генсеку КПЮ Й. Брозю Тито с директивой «занять решительную позицию» против капитуляции перед Германией, поддержать движение за «всенародный отпор» военной угрозе и требовать установления дружбы с СССР³⁵. Очевидно, советское руководство решило ориентироваться на организацию широкой внутриюгославской борьбы против правительства и подчинения гитлеровскому диктату. Более того, согласно воспоминаниям П. А. Судоплатова, тогда замначальника разведуправления НКГБ, Москва стала планировать военный переворот в Югославии.

Традиционно считалось, что организаторы переворота, произведенного 27 марта 1941 г., были связаны с британской разведкой. В югославской историографии и публицистике время от времени появлялись отдельные соображения о том, что советские спецслужбы, возможно, тоже были в курсе подготовки переворота, а то и повлияли в известной мере на нее. Однако никаких конкретных фактов и источников при этом не приводилось³⁶. По утверждению Судоплатова, представители советских разведслужб «активно поддержали» переворот в соответствии с решением, принятым Сталиным и Молотовым. Но ни о том, какую конкретную роль советская разведка при этом играла, ни о том, с кем именно она была связана в Белграде, Судоплатов даже не упомянул³⁷. Между тем никакие другие источники, в кото-

рых бы содержались какие-либо данные о советской причастности к перевороту, не известны. И до тех пор, пока не станут доступными советские документы на сей счет, судить о действительной степени этой причастности невозможно.

Что же касается советских действий после переворота, то в последние годы база для их исследования существенно расширилась благодаря ряду ставших доступными материалов, главным образом дипломатических. Они позволяют в гораздо большей мере проследить ход советско-югославских контактов, активно развернувшихся после переворота и прихода к власти правительства Д. Симовича.

Из этих документов, в частности, выясняются многие важные моменты того, как шла подготовка к московским переговорам о заключении договора между двумя странами, начало которой было фактически положено встречей 30 марта между руководителями советского полпредства в Белграде с югославским военным министром Б. Иличем. На ней Илич поставил от имени Симовича вопрос о желательности военно-политического союза Югославии с СССР, ибо это, с одной стороны, вынудит Германию и ее союзников по «оси» воздержаться, хотя бы на время, от нападения на Югославию, а с другой стороны, обеспечит получение необходимого вооружения для югославской армии, в результате чего повысится обороноспособность страны. Уже через несколько часов последовала просьба от Симовича о немедленном назначении представителей обеих сторон для переговоров о заключении договора и практических шагах для быстрой организации переговоров в Белграде или Москве. И на следующий же день Молотов телеграфировал о согласии на немедленное прибытие югославской делегации в Москву³⁸. То, что не только югославская, но и советская сторона очень торопилась, свидетельствует об обоюдном стремлении упредить возможное нападение «оси» на Югославию и поставить Берлин перед совершившимся фактом. По той же причине вся подготовка переговоров и сами они шли в обстановке строжайшей секретности. С момента получения Москвой югославского предложения о договоре вся информация по этому поводу, в отличие от обычной практики рассылки узкому кругу членов Политбюро (так называемой «пятерке»), стала поступать лишь Сталину и Молотову, а также отряженному для переговоров с югославами Вышинскому³⁹. Весь остальной состав Политбюро познакомили лишь 4 апреля с уже выработанным текстом договора, т. е. в тот же день, когда договор должен был быть подписан и когда о нем было сообщено Молотовым германскому послу в Москве⁴⁰.

При характеристике той позиции, которую занимало советское руководство, пойдя на переговоры с югославами, в историографии была распространена версия, будто в ответе Молотова о согласии на прибытие югослав-

ской делегации в Москву говорилось о готовности к заключению военного союза, а на самих переговорах советская сторона изменила свою позицию, предложив лишь договор о дружбе и ненападении. Однако доступный теперь текст этой телеграммы Молотова свидетельствует, что там вообще не упоминалось, о чем будут вестись переговоры. На самом деле Кремль оставлял себе руки свободными, чем и воспользовался, когда начались переговоры: отверг представленные югославами проекты договора и дружбе и военного соглашения⁴¹, предложив взамен комбинацию, предусматривавшую заключение лишь договора о дружбе и ненападении, но с одновременной негласной договоренностью о снабжении югославской армии вооружением. Рассекреченные советские записи переговоров, а точнее — бесед, которые вел Вышинский с членами возглавлявшейся Гавриловичем югославской делегации 3–5 апреля⁴², вместе с телеграфными донесениями, посылавшимися Гавриловичем в Белград⁴³, дают довольно полную картину того, как именно все происходило, как югославские участники приняли это без возражений и как затем согласились даже тогда, когда советская сторона изменила свой собственный проект договора, понизив предусмотренные в нем обязательства вообще до уровня нейтралитета. И как лишь чуть позже, спохватившись, югославская делегация заняла позицию несогласия с формулой о нейтралитете, ввиду чего подписание договора, назначенное Кремлем на вечер 4 апреля, пришлось отложить, а состоялось оно только под утро 6 апреля.

В итоге, однако, советское руководство пошло на то, чтобы договор был подписан в варианте, где отсутствовала формула о нейтралитете, и в историографии, главным образом под влиянием американского исследователя Дж. Хоптнера, который ссылаясь на сведения, будто бы сообщенные ему Гавриловичем⁴⁴, получила хождение версия о том, что к этому Кремль вынудила неуступчивость Гавриловича, в противном случае категорически отказывавшегося от подписания. Между тем в служебной справке, составленной по следам событий заведующим отделом НКВД Н. В. Новиковым и излагавшей как результаты телефонных переговоров Вышинского и Новикова с Гавриловичем 5 апреля, так и обстоятельства самого подписания договора, говорится, что, хотя посланник действительно долго упорствовал, однако ночью с 5 на 6 апреля все-таки согласился на подписание даже варианта с формулой о нейтралитете. Но этого не пришлось делать, ибо вслед за тем Сталин и Молотов заявили об исключении упомянутой формулы⁴⁵. Вполне очевидно, что советское решение прибегнуть к ней было обусловлено опасением, как бы не обострить отношения с Берлином до слишком опасного уровня. Причины же последующего отказа от нее не совсем ясны. В телеграмме Вышинского полпредству в Белграде отказ объяснялся как намерением не создать впечатления, что если Югославия подвергнется на-

падению, то СССР умоет руки, так и решением учесть пожелания югославского правительства⁴⁶. Но для уточнения того, как было дело в действительности, необходимы отсутствующие пока у исследователей рабочие документы советского руководства или НКВДа, которые бы непосредственно отражали процесс принятия этого решения и его мотивы.

Однако еще важнее вопрос о том, какие цели вообще преследовало заключение договора с Югославией с точки зрения основных в тот момент внешнеполитических устремлений Кремля. Но никакие документы советского руководства, в которых бы раскрывались его планы на сей счет, до сих пор не известны. И это порождает в историографии различные версии, не имеющие достаточно бесспорной источниковой базы. Если верить мемуарным утверждениям Судоплатова, в планы Сталина входило установление взаимодействия Югославии и Греции против Германии и Италии, которое задержало бы и продлило военные операции «оси» на Балканах, отсрочив таким путем надвигавшееся нападение на СССР⁴⁷. Проверить эти утверждения пока невозможно. Но обращает на себя внимание то обстоятельство, что 5 апреля Вышинский с ведома советского руководства, вопреки всей прежней политике Москвы, посоветовал югославам пойти на получение британской военной помощи⁴⁸. Естественно, возникает вопрос, значит ли это, что Кремль оказался заинтересован, чтобы военная операция в Греции при поддержке англичан в итоге распространилась и на Югославию. И если да, то каковы могли быть причины такой заинтересованности. Рассчитывал ли Сталин, что это на время отодвинет германское нападение на СССР? Или хотел, как полагают некоторые авторы, путем осложнений для Германии на Балканах вынудить Гитлера к новым переговорам с Москвой и новому советско-германскому соглашению? Подобные вопросы вряд ли могут быть решены без исследования новых, необходимых для этого, но пока отсутствующих источников.

Во всяком случае, каковы бы ни были расчеты Сталина при заключении советско-югославского договора, они оказались нереальными, что продемонстрировала начавшаяся почти в те же ранние часы 6 апреля 1941 г. гитлеровская агрессия против Югославии.

Позиция, занятая Москвой после того, как стало известно о нападении на Югославию, была противоречивой. С одной стороны, центральные советские газеты вышли 6 апреля с шапками на первых полосах о подписании советско-югославского договора, а на следующий день — со статьями об этом событии. Утром 6 апреля в советском генштабе состоялись переговоры с Симичем, где были достигнуты конкретные договоренности об отправке для югославской армии вооружения и боевой техники, ставших сразу готовиться к переброске в Югославию⁴⁹. С другой стороны, по свидетельству упоминавшегося выше Новикова, тем же утром 6 апреля Сталин решил от-

менить назначенный на вечер этого дня официальный дипломатический прием по случаю подписания советско-югославского договора, считая, что возникшая обстановка требует всемерной осмотрительности, чтобы еще больше не осложнить и без того напряженные советско-германские отношения⁵⁰. Не последовало никаких публичных советских демаршей с осуждением нацистской агрессии или с выражением поддержки Югославии. Только в качестве ответа на информацию венгерского посла в Москве о присоединении Венгрии к вторжению в Югославию Вышинский заявил; что советское правительство не может этого одобрить⁵¹. На большее советская сторона не считала возможным решиться. К тому же события развивались стремительно: уже 14–15 апреля король и правительство Югославии покинули страну, а 17 апреля была подписана капитуляция югославской армии.

Примечания

¹ Так называемая «третья Югославия», как стала в современной публицистике и историографии нередко обозначаться Союзная Республика Югославия, оформившаяся в 1992 г. и впоследствии трансформировавшаяся в государство, именуемое ныне «Сербия и Черногория», явилась лишь одним из постюгославских осколков прежней страны.

² Архив Југославије (Београд) [далее — АЈ]. Фонд 370 (Посланство Краљевине Југославије у Турској). Фасц. 34. Арх. јед. 95. Без број а, Шуменковић — Цинцар-Марковићу, 8.01.1940.

³ Об обмене предложениями и ответами на них, происходившем через дипломатические представительства обеих стран в Турции, см.: Советско-югославские отношения 1917–1941 гг.: Сборник документов и материалов / Отв. ред. В. В. Зеленин, С. Цветкович. М., 1992 [далее — СЮО]. Док. 254, 255. С. 308; АЈ. Фонд 370. Фасц. 34. Арх. јед. 95. Стр. Пов. Бр. 432, 456, 551, 570, 987, 1051.

⁴ Подробнее см., например: *Волков В. К.* Советско-югославские отношения в начальный период Второй мировой войны в контексте мировых событий (1939–1941 гг.) // Советское славяноведение. 1990. № 6; *Решетникова О. Н.* Из истории советско-югославских отношений в начале Второй мировой войны // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939 — август 1940) / Отв. ред. Л. Я. Гибианский. М., 1990; *Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг.* / Отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. М., 1999. С. 405–501 (глава Л. Я. Гибианского «Югославия перед лицом фашистской агрессии и Советский Союз»).

⁵ Архив внешней политики Российской Федерации [далее — АВП РФ]. Ф. 06. Оп. 2. П. 2. Д. 11. Л. 120–121.

- ⁶ Там же. П. 28. Д. 364. Л. 1, 5.
- ⁷ Советско-болгарские отношения и связи: Документы и материалы. Т. I: Ноябрь 1917 — сентябрь 1944 / Отв. ред. Л. Б. Валев, В. Хаджиниколов. М., 1976. Док. 506. С. 464–465; Док. 510. С. 468–469; Документы внешней политики [далее — ДВП]. Т. XXII: 1939 год. Кн. 2. М., 1992. Док. 769. С. 279–280.
- ⁸ ДВП. Т. XXIII: 1940 — 22 июня 1941. Кн. 2 (Ч. 1). М., 1998. Док. 491. С. 31; Док. 509. С. 61; Док. 511. С. 70; Док. 512. С. 76; Док. 532. С. 109–111; Док. 549. С. 137–138; Док. 564. С. 158–161.
- ⁹ СЮО. Док. 261. С. 315; АВП РФ. Ф. 012. Оп. 2. П. 17. Д. 173. Л. 34.
- ¹⁰ Hoover Institution Archives (Stanford). Collection: harko Popović Papers [далее — НИА-Pop.]. Box 1. Folder 12. P. 1–2; Folders 14, 18, 21.
- ¹¹ АВП РФ. Ф. 012. Оп. 2. П. 17. Д. 173. Л. 9–24. Материал не датирован, но приложенные к нему биографические данные о руководстве югославской делегации, подписанные Костылевым, помечены 22 апреля (Там же. Л. 25–27). Возможно, эта датировка относится и к самой справке.
- ¹² АВП РФ. Ф. 012. Оп. 2. П. 17. Д. 173. Л. 40–45 (другой экземпляр — Ф. 144. Оп. 2а. П. 3. Д. 3. Л. 1–6).
- ¹³ АВП РФ. Ф. 144. Оп. 2а. П. 3. Д. 2. Л. 13–14, 28; Ф. 012. Оп. 2. П. 17. Д. 173. Л. 60–65.
- ¹⁴ Там же. Ф. 144. Оп. 2а. П. 3. Д. 2. Л. 14.
- ¹⁵ Там же. Ф. 012. Оп. 2. П. 17. Д. 173. Л. 51–52 (см. также Ф. 144. Оп. 2. П. 3. Д. 6. Л. 6); Ф. 144. Оп. 2а. П. 3. Д. 2. Л. 25–26.
- ¹⁶ Там же. Ф. 144. Оп. 2а. П. 3. Д. 2. Л. 41.
- ¹⁷ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. М., 1995. Док. 423. С. 656.
- ¹⁸ См., в частности, АВП РФ. Ф. 144. Оп. 3а. П. 4. Д. 2. Л. 1–3.
- ¹⁹ Например: Там же. Ф. 144. Оп. 2а. П. 3. Д. 2. Л. 66, 73–74; Оп. 3. П. 4. Д. 8. Л. 4; Оп. 3а. П. 4. Д. 2. Л. 4. После смерти Корошеца резко негативные характеристики давались и его политическим наследникам (Там же. Ф. 144. Оп. 3. П. 4. Д. 8. Л. 24; Оп. 3а. П. 4. Д. 2. Л. 2).
- ²⁰ АВП РФ. Ф. 144. Оп. 3а. П. 4. Д. 2. Л. 2.
- ²¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 423. С. 656.
- ²² См., например: Там же. Док. 257. С. 425–426; Кн. 2 (Ч. 1). Док. 485. С. 24; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 28. Д. 364. Л. 1–5 (частично см. также СЮО. Док. 273. С. 333–334); Ф. 012. Оп. 2. П. 17. Д. 173. Л. 74, 79, 81–82, 90, 94; Hoover Institution Archives. Collection: Milan Gavrilović Papers (далее — НИА-Gav.). Box 31. Folder 2. Gavrilović — MIP, 22.08.1940.
- ²³ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 450. С. 687.
- ²⁴ НИА-Pop. Box 1. Folders 18; 21; 23; 24; 26; 27; 28; 30; 32; 33; 35; 36. P. 2–3; Box 2. Folder 28. P. 4–5; Box 3. Folder «Др Гавриловић, Москва». P. 6, 7.
- ²⁵ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 673. С. 387–389; Aprilski rat 1941: Zbornik dokumenata. Knj. 2 / Prired. A. Miletić. Odg. ured. F. Trgo. Beograd, 1987. S. 62, 74–76.

²⁶ HIA-Gav. Box 32. Folder 2. Gavrilović, Moskva, 9.03.1941. Str. Pov. Br. 111; Односи Југославије и Русије (СССР) 1941–1945: Документи и материјали. Београд, 1996 (далее — ОЈР). № 3. С. 12–15 (не вполне точный перевод на русский язык см. в: Отношения России (СССР) с Югославией 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1998 (далее — ОРЮ). № 2–3. С. 9–11).

²⁷ ОРЮ. № 3. С. 11.

²⁸ Некоторые из версий историографии специально рассматривались нами в: Точная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 446–452.

²⁹ См., например: *Petranović B., Dautović S. Jugoslovenska revolucija i SSSR (1941–1945)*. Beograd, 1988. S. 16, 28, 41, 43, 49, 95.

³⁰ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 591. С. 200; ОРЮ. № 1. С. 9; HIA-Pop. Box 1. Folder 58. P. 15; Box 2. Folder 28. P. 5.

³¹ HIA-Pop. Box 1. Folder 58. P. 15–17; Box 2. Folder 28. P. 6, 8.

³² ОРЮ. № 13. С. 20; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). М., 1998. Док. 751. С. 531, 532.

³³ ОЈР. № 3. С. 12–13 (см. также ОРЮ. № 3. С. 10).

³⁴ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 730. С. 490; Док. 731. С. 493–494; Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина: Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924–1953 гг. / Публ. подг. А. В. Коротков, А. Д. Чернев, А. А. Чернобаев // Исторический архив. 1996. № 2. С. 43; HIA-Gav. Box 32. Folder 2. Gavrilović — MIP, 23.03.1941, Str. Pov. Br. 133; *Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. Vol. I. L., 1970. P. 539.*

³⁵ *Broz Tito J. Sabrana djela. Knj. 6. Beograd, 1977. S. 213; Vujošević U. Prepiska (radiogrami) СК КПЈ — ИККИ (Jun 1940 — decembar 1941) // Vojnoistorijski glasnik (Beograd). 1992. Br. 1/3. S. 327.*

³⁶ См., например: *Petranović B., Dautović S. Op. cit. S. 16; Terzić V. Slom Kraljevine Jugoslavije: Uzroci i posledice poraza. 2 izd. Knj. 1. Ljubljana; Beograd; Titograd, 1984. S. 460–461.*

³⁷ *Судоплатов П. А. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 136–137; Он же. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 г. М., 2001. С. 129–130.*

³⁸ ОРЮ. № 10–11. С. 17–19; № 13. С. 20.

³⁹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 740. С. 510, 511; Док. 742. С. 512; Док. 743. С. 514; Док. 745. С. 516; Док. 751. С. 531; Можно ли было предотвратить апрельскую войну? (Новые документы о советско-югославском договоре о дружбе и ненападении 1941 г.) / Публ. подг. И. В. Бухаркиным, О. В. Лозинским // Вестник Министерства иностранных дел СССР. № 15 (49), 15 авг. 1989 г. С. 56.

⁴⁰ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 744. С. 515; Док. 745. С. 516; Док. 746. С. 518.

⁴¹ Оригиналы проектов см.: АВП РФ. Ф. 07. Оп. 2. П. 13. Д. 77. Л. 1–5.

⁴² ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 743. С. 514–515; Док. 745. С. 516–518; Док. 751. С. 531–532.

⁴³ HIA-Gav. Box 32. Folder 3. Gavrilović — MIP, 4.04.1941, Str. Pov. Br. 169, 170.

⁴⁴ *Hoptner J. Yugoslavia in Crisis, 1934–1941. N. Y.; L., 1962. P. 278–280.*

⁴⁵ ОРЮ. № 30. С. 33–34.

⁴⁶ Там же. № 28. С. 32.

⁴⁷ Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. С. 136–137.

⁴⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 751. С. 532.

⁴⁹ НИА-Рор. Вох 3. Folder «Др Гавриловић, Москва». Гавриловић — Симвићу, 28.07.1941; ОЈР. № 29. С. 49–50.

⁵⁰ Новиков Н. В. Воспоминания дипломата: Записки о 1938–1947 годах. М., 1989. С. 81.

⁵¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 769. С. 553.

Некоторые аспекты проблемы национального государственного устройства межвоенной Югославии (1918–1945)

Значительный импульс к обсуждению государственно-правовой структуры будущего единого югославянского государства дала Первая мировая война, когда идея его создания постепенно стала воплощаться в конкретные программы. На этот процесс оказывал влияние обширный комплекс внутренних и внешних причин и обстоятельств, достаточно подробно исследованный в литературе. Возникшее в 1918 г. в результате слияния Сербского королевства и населенных югославянами земель Австро-Венгрии, оно стало неустойчивым компромиссом сербских и хорватских политиков, в котором первые рассчитывали на решение «сербского вопроса» за счет подобного расширения Сербии, а вторые — на обретение государственного статуса и сохранение территорий от притязаний соседей.

Между тем уже у истоков формирования объединенного Королевства сербов, хорватов и словенцев возникло большое количество проблем, которые впоследствии стали подрывать его стабильность. История Югославии между двумя войнами была в значительной степени продолжением конфликтной борьбы между сербами и хорватами за утверждение своего взгляда на устройство страны. Сербская политическая элита отстаивала примат централизованной монархии, управляющей «треименным», но единым народом, в то время как хорватская, не отвергая монархического принципа, на который она соглашалась, настойчиво стремилась к максимально возможной автономии или федерации (в радикальных вариантах — к полному отделению) в рамках единого государства. Исследование комплекса этих проблемы, включающих также перманентную дискуссию между различными национально-политическими группировками по вопросу о выборе

в пользу централизации или федерализации после принятия в 1921 г. Конституции и до окончания Второй мировой войны, дает также возможность лучше понять причины распада в конце XX в. послевоенной коммунистической Югославии. Постановка вопроса о соотношении таких элементов, определявших тип государственного устройства, как федерализм (конфедерализм) и централизм (унитаризм), анализ борьбы национальных элит за ту или иную форму сосуществования близких по национальной принадлежности народов, позволяет дополнительно осветить комплекс затрагиваемых проблем.

Порабощенные двумя империями — в Средневековье Османской, а затем и Австро-Венгерской, славянские народы на Балканах, лишенные собственной государственности на протяжении многих веков не оставляли все же надежд на ее восстановление в будущем. Представители сербской и хорватской общественности с разных сторон и позиций приходили к мысли о необходимости создания в будущем единого югославянского пространства. Интеллигенция Хорватии в 30–40-е гг. XIX в. шла к ней, опираясь на идеологию иллиризма, говорила об этнической близости славянских народов, родстве их языков, тесной связи их исторического развития. Сербский государственный деятель Илия Гарашанин в своем программном сочинении «Начертание» рисовал перспективу создания на освобожденных Балканах сильного независимого южнославянского государства, в котором Сербия должна была играть лидирующую роль. Однако центральной проблемой для всех южных славян на протяжении всего XIX в. было завоевание национальной независимости.

В начале XX в. в Европе происходил процесс постепенного усиления Германии, давший толчок к переделу сфер влияния между великими державами, а в дальнейшем и границ на континенте. На европейском юго-востоке все более заметной коррозии подвергались две «уставшие» империи — Османская и Австро-Венгерская. Складывавшаяся ситуация вызывала брожение на их балканской периферии, способствовала усилению национально-освободительных движений. В результате Балканских войн на большей части полуострова образовались независимые государства, а к концу Первой мировой войны, завершившейся крахом двух доминировавших в регионе империй (а если говорить и о России, то трех), актуализировались старые и новые идеи объединения.

Сербия к началу Первой мировой войны прошла долгий путь от вассального княжества до независимой парламентской монархии, увеличив в десять раз свой людской потенциал и в два раза территорию, составлявшую после 2-й Балканской войны почти 90 тыс. кв. км. Очевидное влияние этого государства на Балканах заставляло его руководство совершенно определенно говорить о том, кто должен возглавить общеславянское объедине-

ние. Значительное влияние на сербские правящие круги по этому вопросу оказывала Россия, двор и политическое руководство которой считало, возможно, с долей провидения, что совместное государство сербов и хорватов, частично православное, частично католическое, будет слабее привязано к Петербургу, чем православная Сербия. В Белграде постепенно приходили к мнению, что вариант расширения Королевства на сербские районы Австрийской империи был бы предпочтительнее так называемого «большого решения» — создания единого югославянского государств¹. Помимо прочих соображений, правящая сербская группировка исходила из того, что таким путем будет урегулирована проблема сербского населения в «диаспоре», за присоединение которого к сербскому «ядру» изначально шла постоянная внешняя борьба, то есть так будет решен «сербский национальный вопрос».

Международный фактор, в первую очередь политика великих держав, оказал существенное влияние на ускорение процесса создания югославянского государства в период войны. Для того чтобы объединить усилия всех политических сил из Сербии и Австро-Венгрии, ознакомить союзников с этим вопросом и получить их одобрение, сербский премьер и лидер Радикальной партии Н. Пашич решил сообщить о своих планах сербским политикам из Боснии и сербо-хорватским из австрийских областей, которые находились в эмиграции. В декабре этот план объединения всех югославян был озвучен в скупщине (так называемая Нишская декларация), а в августе следующего года сербский парламент еще раз одобрил положения этой декларации, но союзники отнеслись к сербским схемам без одобрения. Для организации этого государства Антанте необходимо было решить вопрос о дальнейшей судьбе Австро-Венгрии, ее сохранении или ликвидации. Вплоть до весны 1918 г. союзники не могли решить эту проблему. Англия в годы войны была за сохранение монархии, а кроме того не желала расширения Сербии и усиления влияния России на Балканах, с которой та была тесно связана. Неопределенной была позиция Петербурга, вынужденного учитывать влияние династических аспектов распада Габсбургской монархии, а также опасавшегося за судьбу православия в Сербии в случае объединения сербов с католическим славянством. Последовательно в этом вопросе выступала лишь Франция, видевшая в сильном славянском государстве барьер немецкому проникновению в Юго-Восточную Европу, зону своих постоянных интересов.

В начальный период войны, когда союзники были озабочены привлечением в свой лагерь нейтральных Италии, Болгарии и Румынии, началось обсуждение со всеми заинтересованными сторонами, в первую очередь с Сербией, условий территориальных уступок и обменов. Это обстоятельство в определенном смысле подтолкнуло сербских политиков к обсуждению

«югославского вопроса», ускорило процесс принятия решения по нему. Предполагалось передать Италии Далмацию и Истрию, Болгарии — Македонию, а Румынии — весь Банат. В апреле 1915 г. союзники заключили с Италией тайный договор в Лондоне о передаче ей после войны означенных земель, а на Сербию, которая после военного поражения осени 1915 г. оказалась в значительной зависимости от стран Антанты, продолжалось давление по другим направлениям. Ситуация стала меняться с весны 1918 г., когда усилился процесс внутреннего распада австрийской монархии. Позиция США и ее президента Вильсона, заявившего о необходимости самоопределения народов, входивших в Австро-Венгерскую империю, оказала воздействие на внутривосточное оформление югославянского государства. Для Антанты и США после революции в России основным мотивом становилось противодействие распространению большевизма, а образование монархической Югославии должно было этому способствовать.

На начальном этапе войны вопрос об объединении Сербии и югославян из Австро-Венгрии как «югославянский вопрос» обсуждался также между сербскими политиками и российской дипломатией. Толчок этой дискуссии был дан предложением Петербурга Белграду передать Македонию Болгарии. В ответ в начале сентября 1914 г. у сербских политиков возник план создания после войны большого сербского или югославянского государства, которому союзники обеспечили бы передачу всех сербо-хорватских территорий в Австро-Венгрии с тем, чтобы из Сербии создать сильную юго-западную славянскую державу, в состав которой вошли бы все сербы, хорваты и словенцы. Уже этот акцент в постановке вопроса на данном этапе показывал, какая идея была доминировавшей в сербских политических кругах. Характерно, что еще в XIX в. Н. Пашич задавался вопросом о народе — лидере такого объединения. В своей работе «Сербо-хорватское (объединение)» (рабочие гипотезы), размышляя на эту тему, он писал, что главный спор будет идти именно о том, кто поведет «коло» собирания сербских и хорватских земель и под влиянием чьей традиции должно произойти объединение сербов и хорватов². Согласно его представлениям, сербы имели в некоторых позициях ряд преимуществ перед хорватами. Хорваты «как меньшее и более слабое племя искали себе помощь и защиту у иных государств и много потеряли с переменой веры и союзом с Венгрией», а сербы, отмечал Пашич, «высоко несли знамя сербского государства и сербской церкви и никогда не шли по пути торговли и добровольного отказа от тех атрибутов, которые делают народ народом»³.

Постоянное соперничество за роль лидера югославянского объединения между сербскими и хорватскими политиками продолжалось на протяжении всей войны. Хорваты в 1916 г. пытались легитимизировать созданный Югославянский комитет, обосновывая свою позицию тем фактом, что

и оккупированная Сербия, и югославянские области Австро-Венгрии приобрели равный политико-правовой статус. Само содержание переданного французскому правительству 13 марта «Дополнительного меморандума» говорило о стремлении его авторов оспорить роль Белграда в качестве единственного представителя объединительного движения всех югославян, «балканского Пьемонта» и заявить о Хорватии как равном политическом игроке⁴. Декларация показала еще до объединения, что существуют два разных подхода к этому проекту: сербский, трактующий процесс как включение в состав Сербского королевства австрийских югославян и его расширение до «Великой Сербии» под названием Югославия с сохранением жесткой централистской монархии, и хорватский, предполагающей скорее конфедеративное устройство будущего государства. Как заявил 20 апреля 1916 г. престолонаследник Александр Карагеоргиевич в своей первой публичной речи, выражая мнение сербской политической элиты, «мы будем бороться за Великую Сербию, которая объединит всех сербов и югославян»⁵. Российские дипломаты лучше, чем западные, знакомые с взглядами сербских политиков, описывали установки Белграда в тех же фразах, указывая в то же время на инструментальный характер подходов хорватских политиков к проблеме, рассматривавших Сербию как важный фактор, который должен был им позволить «оторваться» от гибнущей империи. По мнению российского посланника в Сербии князя Трубецкого, после преодоления этой ситуации возможно возникновение присущего «каждому маленькому племени стремления утвердить свою самостоятельность»⁶. Подходы сербов и хорватов к проблеме организации совместного государства практически не менялись в ходе войны и процессе обсуждения проблемы, за отдельными исключениями. Так, Югославянский комитет «соглашался» на сербскую монархию, но постоянно подчеркивал, что в будущем совместном государстве Хорватия будет занимать равное с Сербией место в государстве. В то время Белград активно сопротивлялся подобным заявлениям хорватов, указывая на вспомогательную роль комитета и других политических и общественных институтов австрийских славян в начатом сербами объединительном процессе.

Изменение военной ситуации на Балканах, успехи Антанты на русском и итальянском фронтах способствовали появлению Корфской декларации, подписанной между Югославянским комитетом и сербским правительством 20 июля 1917 г. Как считал известный сербский политик Слободан Йованович, Н. Пашич принял окончательное решение по югославскому вопросу только на Корфской конференции, после смены режима в России. До тех пор он избегал о чем-то конкретно договариваться и что-либо подписывать с Югославянским комитетом⁷. Один из участников этой конференции Б. Вошньяк отмечал, что в разговоре с ним С. Йованович высказывал со-

мнения в том, что Хорватия сможет «смириться» с единым государством и будет настаивать на некоем сербо-хорватском дуализме. Продолжая эту тему, он указывал на то, что сербы не имеют представления о федерализме, поскольку он чужд их политическому менталитету, ориентированному на представление о Сербии как централизованном государстве, со строго выраженной партийной системой. С. Йованович в 1918 г. с согласия Н. Пашича планировал подготовку монографии с анализом проблем, которые должны были встать перед союзным государством, рассказать политикам о федерализме и децентрализации. Он полагал, что основная задача хорватов в будущем совместном государстве — это защита северных границ от немцев⁸.

Между тем вплоть до конференции на Корфу летом 1917 г. вопрос о соотношении унитарного и федерального принципов в будущем едином государстве, где он вызвал острую полемику, подробно не обсуждался. Сербский премьер Н. Пашич убеждал своих оппонентов в том, что только унитарное государство может быть сильным, способным противостоять внешнему давлению. Лидер Югославянского комитета А. Трумбич и некоторые его коллеги были за федерацию, но по ряду соображений не очень «громко» выступали в тот момент за его практическое применение. Значительным было влияние внешних обстоятельств — хорватам необходима была поддержка Сербии в условиях, когда Италия все более настойчиво (Лондонский договор с Антантой 1915 г.) выступала с территориальными претензиями в отношении Истрии и Далмации. Помимо этого открытое и напористо прокламируемое требование федеративного устройства было бы чревато тем, что в процессе мирного урегулирования и разграничения федеральных единиц, неизбежно проходившем в условиях объективно существовавшей сербской доминации, права и претензии Хорватии могли бы быть проигнорированы. Исходя из этого, Трумбич на Корфу поддерживал лозунг унитаризма, но боролся за самую широкую децентрализацию, подразумевающую создание особых законодательных и исполнительных органов, которые обеспечили бы Хорватии внутреннюю самостоятельность⁹. Фактически это было завуалированное предложение федерации, поскольку создание подобных органов было бы не чем иным, как формированием по вертикали второго, по сути федералистского, уровня власти.

В Корфской декларации для хорватских политиков наиболее существенными были те статьи, в которых говорилось о принципе свободного народного самоопределения. Опираясь на него, Трумбич делал заключение, что объединенное югославское государство будет создано не путем аннексии бывших славянских территорий Австрийской империи со стороны сербского государства, но на основе принципа равенства и равноправия (свободная воля народа) всех ее составляющих частей. Создаваемое объедине-

ние также будет новым государством, а не расширенным Сербским королевством, то есть, следовательно, не Великой Сербией, но реально Югославией. В декларации этот момент получил ясное отражение — общее государство югославянских народов, а не расширенная Великая Сербия¹⁰.

Весной 1918 г. в Загребе, в последние месяцы существования империи, был создан комитет, в который вошли представители Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины и Далмации, поддерживавшие принципы, изложенные в Корфской декларации, включая концепцию единого треименного народа. Этот комитет находился под влиянием Хорватской старчевичевой партии права, которая защищала идею федерации и подчеркивала, что лишь годы совместной жизни с сербами и словенцами смогут создать «единый национализм»¹¹. В течение весны—лета 1918 г. встречи представителей хорватов, сербов и словенцев из австрийских земель проходили под лозунгами создания единого государства. В Хорватии в условиях скорого краха империи активизировалась влиятельная хорвато-сербская коалиция, занимавшая ранее выжидательную позицию, а теперь выступившая за создание единого унитарного государства. 8 октября 1918 г. в Загребе было основано Народное вече сербов, хорватов и словенцев как политическое представительство югославянских народов в Австро-Венгрии. В конце этого месяца Хорватский сабор заявил о формальном отделении от Австро-Венгрии и создании нового самостоятельного государства словенцев, хорватов и сербов. Народное вече провозглашалось верховным органом этого государства. Следуя логике создания федералистского государства, вече, спустя несколько дней, приступило к формированию областных правительств в Словении, Боснии и Герцеговине и Далмации¹².

С первых дней своего существования новое государство, еще никем не признанное, столкнулось с серьезными внешнеполитическими проблемами. Италия, апеллируя к Лондонскому договору с Антантой, приступила к аннексии обещанных ей территорий, населенных в основном славянами. 4 ноября Народное вече направило делегацию в Сербию с просьбой о военной помощи (у него еще не имелось вооруженных сил и фактически государственного аппарата) для обороны сначала Рашки, затем Загреба, Любляны и других городов¹³. В стране усиливался хаос как следствие распада империи. В этой обстановке представители Далмации и Боснии и Герцеговины заявили о готовности этих областей присоединиться к Сербии. Выступавшие ранее против этого решения сторонники сохранения самостоятельного государства вынуждены были снять свои возражения. По словам лидера старчевичевой партии права Анте Павелича, хорватские политики оказались перед выбором: либо сохранить самостоятельную Хорватскую республику, состоящую всего из четырех областей вокруг Загреба, либо присоединиться к Сербии¹⁴.

Вопросы объединения и формы будущего государственного устройства обсуждались представителями сербских политических партий и деятелями Народного веча и Югославянского комитета. Хорватские политики, стремясь сохранить элементы федерализма в будущем государстве, добились от Пашича создания общего министерства с целью рассмотрения вопросов, связанных с объединением, половину членом которого назначало сербское правительство, а половину Народное вече СХС. Это министерство должно было функционировать до созыва Учредительного собрания, в задачу которого входила подготовка конституции. При этом сохранялись правительства королевства Сербии и Народного веча. 24 ноября Народное вече приняло декларацию об объединении с Сербией, а через три дня направило в Белград делегацию, которая 1 декабря на аудиенции у регента Александра зачитала ему этот документ. Тогда же он провозгласил «объединение Сербии с землями независимого государства словенцев, хорватов и сербов в единое Королевство сербов, хорватов и словенцев»¹⁵. Таким образом, в жизнь было проведено так называемое большое решение из программы объединения, разработанное сербскими политиками и Радикальной партией во главе с Пашичем еще осенью 1914 г. — создана Югославия. Малое решение (великосербская программа), как известно, предполагало расширение Сербии на соседние, населенные сербами территории, в первую очередь Боснию и Герцеговину. Тем не менее двор, влиятельные сербские политические круги, крупная буржуазия рассчитывали, что и в этом политическом варианте в управлении государством сербам будет отдан приоритет, обеспечена сербская гегемония¹⁶. Однако последующее развитие событий показало, что югославы из австрийских земель, в меньшей степени сербы и словенцы, а в большей — хорваты, имевшие определенную автономию в Австрии, не были готовы безоговорочно поддерживать сербскую концепцию организации единого государства.

Созданное в декабре 1918 г. Королевство сербов, хорватов и словенцев объективно должно было, по замыслу его создателей, обеспечить всем входящим в него народам равноправное и суверенное развитие. Тот же Пашич говорил о наступлении века больших и сильных государств, неспособности малых стран выдержать борьбу в политическом, экономическом и культурном соревновании¹⁷. В действительности этот скороспелый союз под эгидой сербского двора и правящего класса уже с первых дней стал вызывать недовольство оказавшихся в нем славян бывшей австро-венгерской империи, стремившихся оградить свои национальные пространства от избыточной опеки со стороны Белграда. Этот аспект объединения — перманентный хорватский сепаратизм оказался в перспективе губительным для судьбы страны. Несмотря на все преимущества, которые, как казалось представителям всех основных народов, они получили, объединившись

в единое государство, фактором, который эти плюсы перевешивал, стал латентный национализм, из года в год подрывавший государственное единство, а значит, внутреннюю стабильность и внешнюю безопасность страны:

Вопрос, как нам кажется, заключался в том, что хорватам и словенцам после освобождения был необходим достаточно длительный период государственной и национальной самоидентификации, освоения опыта самостоятельного развития, который Сербия уже успела накопить за несколько десятилетий независимости. Те несколько месяцев существования Государства словенцев, хорватов и сербов в 1918 г., в условиях свободы, но в окружающем хаосе завершающего этапа войны и агонии Австрии, никак не могли этого восполнить. Сербия же, оставшись унитарной монархией, и получив, возможно, как страна-победитель значительную часть сербских территорий империи, смогла бы успешно реализоваться в последующий период как страна с определенными геополитическими преимуществами (выход к морю обеспечивала Черногория), экономическим потенциалом и человеческими ресурсами, известным политическим авторитетом. То есть если бы сербские политики во главе с Пашичем сумели бы в чрезвычайно сложных внешнеполитических условиях того периода ограничиться «малым решением», то в перспективе оно стало бы судьбоносным, ведущим к сохранению сербского государства и государственности, к его спасению и позитивной эволюции. Увлечшись же «прелестью» большого решения, Сербия, измотав себя «хорватским вопросом» в межвоенный период, фактически исчезла после апреля 1941 г. в качестве самостоятельного государства (если не рассматривать режим Недича как некий ее субститут) до конца XX в. В этом отношении все планы бывших имперских югославян, хорватов и словенцев, убеждавших Белград в необходимости создания не унитарного, а федеративного государства, не были лишены трезвой перспективы, поскольку такая форма сосуществования скорее всего могла быть жизнеспособной, дав возможность «единому», но все же «трехплеменному» народу решить значительную часть собственных проблем рядом, но как бы на некотором отдалении друг от друга. Установка монархических кругов Сербии на «интегральный югославизм», особенно усилившаяся после 1929 г., в условиях постоянно действующего центробежного хорватского фактора показала свою бесперспективность и, возможно, оказалась роковой ошибкой.

В конце ноября 1920 г. состоялись выборы в Учредительное собрание, задачей которого было принятие Конституции нового государства. Значительная часть избранных хорватских партий в ходе подготовки и выдвижения проектов Основного закона заявили о себе как сторонники федеративного устройства. Группы посланников хорватских Народного и Югославянского клубов предлагали, не оспаривая принципа конституционно-пар-

ламентарной монархии, разделить страну на шесть областей с тем, чтобы каждая область имела свой парламент и правительство. Хорватская народная крестьянская партия, руководимая С. Радичем (переименована вскоре в республиканскую крестьянскую партию — ХРКП), опубликовала свой проект (депутаты этой партии бойкотировали парламент в знак протеста против принципов объединения), в котором предлагалось организовать государство на основе конфедерации (союза государств) и в республиканской форме, причем крестьянской, поскольку большая часть населения принадлежала к этой социальной группе. Государствообразующими признавались только три нации — сербы, хорваты и словенцы. Все остальные области — Черногория, Босния и Герцеговина и Македония относились к «полуисторическим полунациям», их население в ходе плебисцита должно было определиться к какому из «народных» государств оно готово присоединиться. Совместным в этой конфедерации республик был бы некий представительный орган, составленный из соответствующего числа делегатов¹⁸. Децентрализаторский проект премьер-министра сербского правительства С. Протица предоставлял историческим областям (их предполагалось создать десять) довольно значительную самостоятельность. Намечалось создать областные скупщины и комитеты во главе с областным наместником, имеющим, однако, лишь надзорные функции. Коммунистическая партия не выдвинула своего проекта Конституции, но решила, в соответствии с идеологией и партийной программой использовать парламент для популяризации своей программы в массах.

Выбор монархо-унитаристской формы правления в Югославии стал окончательным с завершением провизорного периода и принятием в 1921 г. Видовданской конституции, в первой главе которой говорилось, что созданное государство является «конституционной, парламентарной и наследственной монархией». Коммунисты, социал-демократы, хорватские и словенские партии голосовали против конституции. Все десять последующих лет существования этого основного закона длилась упорная борьба партий Хорватского блока, в первую очередь самой крупной Хорватской республиканской крестьянской партии С. Радича, в парламенте, вне его, за границей, за решение «хорватского вопроса», фактически за отделение Хорватии. Тема великосербского гегемонизма в новом государстве была поднята хорватскими политиками и интеллектуалами почти сразу же после его образования и не исчезала на протяжении всего межвоенного периода, используемая как политический инструмент.

Между тем правящие сербские партии — Радикальная и Демократическая вместе с монархическими и военными кругами не были готовы к поиску компромисса с хорватами, а видели перспективу лишь в усилении давления на «пречанцев», в ужесточении внутренней политики. Переворот 6 ян-

варя 1929 г., когда король решил «вывести» Югославию из тупика, в которой ее завел, как говорилось в изданном им манифесте, «конституционно-парламентский строй», стал логичным следствием планомерных действий хорватской оппозиции и неспособности власти найти выход из сложившейся ситуации. Хорватская программа отделения от Сербии через автономию, федерацию и конфедерацию вновь актуализировалась после гибели в 1934 г. короля Александра, а с приходом в 1935 г. правительства М. Стоядиновича, желавшего прилечь в свой кабинет представителей ХРКП, все активнее стал обсуждаться вопрос о предоставлении Хорватии автономии. Это и было реализовано в августе 1939 г. в соглашении («споразуме») между Д. Цветковичем и В. Мачеком. Этот договор представлял собой попытку решения хорвато-сербского вопроса не только в политико-правовой, но и в конституционно-правовой плоскости. Распоряжение об образовании Хорватской бановины от 26 сентября 1939 г. означало, по мнению сербского политолога Д. Суботича, ревизию «дарованной сверху» (октроированной) конституции 1931 г., государственно-правовое переустройство и начало конца Югославии¹⁹.

Коммунистическая партия Югославии, несмотря на негативное отношение к парламентаризму, использовала его возможности в легальный период своей деятельности для агитации в массах, сбора голосов на выборах в Учредительную скупщину, на которых 28 ноября 1920 г. она получила четвертое место после демократов, радикалов и партии С. Радича. Гражданская позиция компартии, в том числе отношение к государственному устройству, почти полностью определялась программными установками, идущими от ВКП(б). В период обсуждения проекта конституции коммунисты использовали парламент для пропаганды государственных принципов, изложенных в советской конституции 1918 г., говоря о ней с жаром как о «нашей конституции»²⁰. Неудивительно, что основным мотивом властей, принявших 30 декабря 1920 г. административное постановление о запрете для КПЮ пропагандистской деятельности («Обзнана») было то, что она — часть зарубежной партии и ее целью является разрушение государственно-го порядка по директивам из-за границы²¹.

На первом этапе КПЮ положительно оценила образование нового государства, как и избранную формулу объединения трех народов. Изменение позиции произошло после 3-го пленума Коминтерна в июне 1923 г. и 5-го конгресса, состоявшегося летом 1924 г., на котором в «Резолюции о национальном вопросе в Югославии» югославянская государственная идея о «триедином народе» была оценена как прикрытие «велико-сербского империализма»²². На расширенном 5-м пленуме Коминтерна, на заседаниях комиссии по решению югославского вопроса, которую возглавлял Коларов, были подвергнуты критике взгляды С. Марковича о возможности со-

хранения югославского государства, о прогрессивном характере объединения югославянских народов, как и мнение о том, что отделение от сербского пролетариата не в интересах хорватского и словенского рабочего класса²³. Критика Марковича была связана с появлением осенью 1923 г. его работы «Национальный вопрос в свете марксизма», в которой отстаивалась возможность решения национальной проблемы в стране конституционным путем. Эта позиция автора на 3-й конференции КПЮ в январе 1924 г. была осуждена как реформистская. На ней же была принята резолюция, содержащая положение о праве наций на самоопределение.

Один из руководителей КПЮ Ф. Филипович до 5-конгресса Коминтерна занимал по отношению к единому югославянскому государству те же позиции, что и Маркович, считая, что решение национального вопроса возможно и при капитализме. Он выступал за систему широкой областной автономии и ревизию конституции в направлении максимальной автономизации. После конгресса он воспринял ленинскую теорию об «угнетаемой» нации и стал поддерживать линию Москвы в отношении югославского вопроса, утверждая, что представление о том, что «сербы, хорваты и словенцы представляют собой одну нацию — есть не что иное, как обман со стороны сербского империализма»²⁴.

Вслед за этим конгрессом перед КПЮ была поставлена задача борьбы за освобождение угнетенных народов Хорватии, Словении и Македонии и признание их права на национальное самоопределение с выделением из состава Югославии²⁵. Компартия взяла на вооружение следующую тактику: лозунг о территориальной автономии следовало менять на лозунг о федерации, а лозунг о федерации — на лозунг об отделении от государства²⁶. Одним из этапов этой тактической линии было образование в 1934 г. в составе КПЮ компартий Хорватии и Словении, с перспективой создания и македонской компартии. Как отмечают сербские историки, сведение всей борьбы югославских коммунистов к национальной оправдывалось идеологическим определением (категоризацией) главного объекта этой борьбы — «великосербской буржуазии» в качестве классового и национального врага²⁷. Для развала Югославии коммунисты использовали национальные и религиозные конфликты, отдельные оппозиционные партии. Отправной точкой взаимодействия была степень отрицания государства. Поэтому контакты устанавливались и со сторонниками реставрации Габсбургов, франковцами, усташами, косовскими, венгерскими, болгарскими и черногорскими сепаратистами. Со всеми, кто считал это государство темницей народов, созданием Версаля, страной сербского империализма.

С изменением установок Коминтерна после 7-го конгресса и переориентацией национальных партий на создание народных фронтов и борьбу с фашизмом меняется и позиция КПЮ по отношению к судьбе Югославии и на-

циональному вопросу. Теперь задача тотального разрушения государства (в смысле создания на его месте независимых образований) снимается, так как считается, что это «в нынешних международных условиях будет на руку фашизму и его военным приготовлениям»²⁸. Руководство югославской компартии также более четко обозначило и свою позицию в отношении федерализации. В 1936 г. И. Броз Тито в письме В. Маслеша указывал на необходимость выработки единого взгляда на проблему федеративного государства и количество его субъектов. По его мнению, их могло быть семь, и соответственно, согласно этим планам, должны будут самоопределиться сербы, хорваты, словенцы, македонцы, черногорцы, жители Воеводины и Боснии и Герцеговины²⁹. Эти ориентиры сохранились у партийного руководства до периода Второй мировой войны и начала борьбы за власть в ходе освобождения от фашизма. Можно сказать, что коммунисты и хорватские партии были едины в отношении судьбы Королевства. И те и другие выступали за его федерализацию, то есть все-таки за его ликвидацию в существующем виде, причем хорваты говорили о создании модели с меньшим числом единиц. Главное различие состояло в том, что коммунисты были интернационалистами, и создание федерации было для них лишь формальным прикрытием жесткой тоталитарной модели государственного устройства с господством одной партии и ее постоянной императивно-арбитражной функцией в национальной политике.

В годы Второй мировой войны КПЮ в вопросе об организации югославского государства исходила из ранее принятой стратегической линии Коминтерна, текущих его инструкций, отчасти корректируемых собственным опытом и видением проблемы. Апрельская катастрофа 1941 г. не привела к активизации компартии, не вывела ее из подполья даже в период июньского геноцида сербов в Хорватии. Руководство компартии призвало народ к восстанию после нападения Германии на Советский Союз. К осени 1941 г. началось постепенное складывание новой революционной власти через образование главных штабов в национальных областях (Сербии, Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговине, Черногории и Македонии), а затем наряду с местными народно-освободительными комитетами и главные комитеты национальных областей. Восстание с самого начала приобрело характер не только «антифашистской войны», а и народно-освободительной борьбы не только с оккупантами, но и «различными народными выродками». Кто были эти последние, вскоре стало известно. Помимо квислинговского режима М. Недича в Сербии и усташского А. Павелича в Хорватии, главным врагом становится сербское национальное «четническое» движение сопротивления, охватившее ряд районов Сербии, Боснии, Герцеговины и Черногории, которым руководил полковник сербского генштаба Драголюб Михайлович. В апрельской войне он был начальником оперативного отдела

2-й армии, которая затем решила уйти в горные районы Сербии и там продолжить борьбу против оккупантов.

Стратегия КПЮ в гражданской войне была направлена на ликвидацию монархического строя и преобразование Югославии в федеративную народную республику по советскому образцу, что Иосип Броз Тито и его соратники последовательно реализовывали. Сначала это было образование общегославского политического органа под названием Антифашистское вече народного освобождения Югославии в ноябре 1942 г., а затем через год, осенью 1943 г., учреждение Национального комитета освобождения Югославия на 2-й сессии АВНОЮ в качестве высшего исполнительного и административного органа народной власти. На этой сессии было принято решение о том, что Югославия будет построена на федеративной основе. Королю было запрещено возвращаться в страну, а вопрос о монархии должен был быть решен после освобождения страны. Легитимность своей власти в стране коммунисты пытались обеспечить революционным путем, а не с опорой на послевоенное общенародное волеизъявление. Последующая политика руководства КПЮ в вопросе строительства новой Югославии хорошо исследована в отечественной историографии.

Позиция сербского, так называемого «равногорского» четнического движения относительно будущего устройства Югославии формировалась под влиянием ряда факторов. Поскольку это движение представляло в стране вооруженные силы короля и эмигрантского правительства (Д. Михайлович был их главнокомандующим), то и политический орган этого движения — Святосавский конгресс (съезд), который был проведен в конце января 1944 г., должен был отражать установки тогда еще легитимного югославского руководства в эмиграции. На форуме, председателем которого избрали лидера югославской социалистической партии Ж. Топаловича, были осуждены решения 2-й сессии АВНОЮ и было подчеркнуто, что никто не имеет права свергать короля пока идет война, а после ее завершения это может сделать только законно избранное народное представительство. Осуждены были попытки коммунистов, опираясь на собственные вооруженные силы, сломать конституционный порядок, захватить власть и ввести диктатуру в Югославии. В принятой резолюции весь народ призывали собраться в Югославский демократический народный союз (ЮДНС) и способствовать борьбе за обновление Югославии и победу демократии в мире.

На съезде говорилось о том, что югославское государство будет построено на федеративной основе (об этих планах лондонского правительства писал в конце 1942 г. Д. Михайловичу его премьер-министр Сл. Йованович) в составе Сербии, Хорватии и Словении. Как указывал председатель эмигрантского правительства, это должно быть сделано как в связи со стремлением хорватов к такому устройству, так и для того, чтобы избежать в бу-

душем кровавых событий, случившихся в 1941 г. Территория государства будет расширена (как минимальное условие) до размеров, представленных в проекте югославской делегации на Мирной конференции в Париже в 1919 г., Ж. Топалович в период подготовки к съезду предлагал, чтобы четвертой федеральной единицей стала Босния, против чего резко возражали Драгиша Васич и Стеван Мольевич, считавшие, что все движение потеряло бы практический смысл, если бы Босния не была в составе сербской федеральной единицы. Предполагалось, что в Сербии должен быть собран демократическим путем весь сербский народ на своей территории, что было бы гарантией прочности и основательности будущей Югославии. Тот же принцип применялся бы и по отношению к Хорватии и Словении. Внутри федераций каждый народ строил бы экономическую, социальную и культурную жизнь по собственному усмотрению.

Равногорская программа государственного и общественного устройства будущей Югославии в значительной степени основывалась на идеях Сербского культурного клуба и проекте Ст. Мольевича о «Великой Сербии». Однако план Святосавского съезда был более реальным, в нем не говорилось о включении в состав Сербии населенных сербами частей Венгрии, Румынии, Болгарии и Албании. В то же время в отношении национальных меньшинств предполагалось проводить политику выселения, переселения и колонизации (в частности, предполагалось заселять отдельные срезы черногорскими колонистами). Обмен населением с Хорватией должен был способствовать созданию этнически чистой, гомогенной Сербии. Очевидно, что эти акции в районах, где происходил геноцид сербского населения, должны были проводиться насильственным путем, так как выселялись бы хорваты — виновные в этих злодеяниях.

Примечания

¹ Подробнее об объединительной программе сербской Радикальной партии Н. Пашича и политической ситуации накануне создания Югославии см.: *Шемякин А. Л.* Первая мировая война. Рождение Югославии // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII — начало XX вв. М., 1997. С. 341–381.

² *Пашић Н.* Слога Србо-Хрвата. Београд, 1995. Приред. Ђорђе Станковић. С. 43.

³ Там же. С. 43, 92.

⁴ *Шемякин Л. А.* Указ. соч. С. 365.

⁵ Там же. С. 371.

⁶ Там же. С. 366–367.

⁷ Поповић Н. А. Слободан Јовановић и југословенска држава. Београд, 2003. С. 66–67.

⁸ Там же. С. 67.

⁹ Јанковић Д. и др. Историја државе и права југословенских народа. 1914–1946. Београд, 1970. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 9–10.

¹¹ Шемякин А. Л. Указ. соч. С. 379.

¹² Јанковић Д. Оп. cit. С. 17.

¹³ Ibid.

¹⁴ Шемякин. А. Л. Указ. соч. С. 377.

¹⁵ Шišić Ф. Документи о постанку Кралевине Срба, Хрвата и Словенаца. 1914–1919. Загреб, 1920. С. 282–283.

¹⁶ Јанковић Д. Оп. cit. С. 20.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid. С. 26.

¹⁹ Суботић Д. (Кон)федерализм у Југославији / 1918–1990. Београд, 1995. С. 20.

²⁰ Глигоријевић В. Коминтерна, југословенско и српско питање. Београд, 1992. С. 63.

²¹ Николић К. Большевизација Комунистическе партије Југославије. 1919–1929. Историјске последице. Београд, 1994. С. 47. КПЈУ била забрањена у августу 1921 г. по закону о «Заштити државе», пријато после покушења на регента Александра и убиства министра унутрашњих дела М. Драшковића.

²² Суботић Д. Оп. cit. С. 37.

²³ Глигоријевић В. Оп. cit. С. 171–172; Марковић С. Трагизам малих народа (списи о националном питању) / Приред. Д. Пешић. Београд, 1985. С. 84. Болгарска комунистичка партија, као једна од старих у Европи, користила се својим ауторитетом у Коминтерни и оказивала значајно утицај на КПЈУ и њене програмне ставове као непосредно, тако и кроз Балканску комунистичку федерацију, где она такође зајимала водеће место. Несомнено било њено дејство и на представљања руководства Југославске комунистичке партије односно државног уређења Југославије.

²⁴ Николић К. Указ. соч. С. 122.

²⁵ Суботић Д. Оп. cit. С. 37.

²⁶ Николић К. Указ. соч. С. 123.

²⁷ Весовић М., Николић К. Уједињене српске земље. Равногорски национални програм. Београд, 1996. С. 26.

²⁸ Суботић Д. Оп. cit. С. 41.

²⁹ Ibid.

Генерал Милан Недич и его правительство. Сербская историография вопроса

В отечественной историографии портрет Милана Недича традиционно рисовался самыми черными красками (предатель, сотрудничавший с оккупантами, запятнавший себя кровью борцов за народную свободу) и рассматривался в качестве зеркального отражения хорватского поглавника Анте Павелича. С другой стороны в компанию фашистских прихвостней причисляли еще и лидера четников Дражу Михайловича. Такая оценка была дана, прежде всего, советскими военными, в воспоминаниях о ходе боевых действий Второй мировой войны¹. Классический взгляд советских историков Второй мировой войны отражен в объемном труде А. М. Самсонова, который описывает «квислинговское правительство во главе с генералом М. Недичем, раболепно сотрудничавшим с оккупантами. С особой свирепостью подавлялись любые попытки сопротивления. За одного уничтоженного оккупанта расстреливали сто заложников. Однако и эта мера нацистам показалась недостаточной. Гитлер на встрече с Недичем потребовал, чтобы за одного убитого немецкого солдата расстреливали 1000 сербов»². Столь же нелестные характеристики получает Недич и в классических работах отечественных югославистов³. Особняком стоит статья С. А. Романенко «Между национальной и пролетарской диктатурой (Милан Недич — Дража Михайлович — Анте Павелич — Йосип Броз Тито)», в которой автор, среди прочего, рассматривает идеологический аспект деятельности М. Недича и частично отходит от шаблонного подхода к оценке его личности⁴.

Сербская историография вопроса, по понятным причинам, значительно рельефнее и глубже. Оценка деятельности Милана Недича и его правительства является частью одной более крупной темы, исключительно важной для сербской историографии — «народно-освободительная револю-

ция» или гражданская война 1941–1945 гг., как в последнее время, более объективно, предпочитают называть эти события сербские истории⁵.

В этой гражданской войне, тяжесть которой была усугублена немецкой оккупацией, участвовали три стороны. Партизаны, объединенные под руководством Йосипа Броз-Тито, исповедовали идеи коммунизма и антисербского югославского федерализма, находили стабильную поддержку СССР. Четники, в значительной мере неорганизованные, но во многом ведомые Дражей Михайловичем, были инстинктивными сербскими националистами, но идеологически стояли на позициях просербского югославского федерализма под эгидой либерального парламентаризма и конституционной монархии, пытались опереться на помощь западных демократий — Великобритании и США. Наконец, третья группа — сербские националисты, которые сформировали в оккупированном немцами Белграде марионеточный режим под руководством генерала Милана Недича. Идеологически они находились под влиянием движения «Збор», созданного Димитрием Лётичем, который развивал идеи сербского национализма, базировавшиеся на православном фундаментализме, панславизме и отрицании либеральной демократии.

После окончательной победы партизан-коммунистов Тито они попытались полностью уничтожить всех своих противников в Югославии. Однако часть представителей недичевско-лётичевской и четнической группировок сумела уйти в эмиграцию, где и сохранились до сих пор. Сербские историки, работавшие в Югославии и за ее пределами, сформировали различную историографическую оценку событий 1941–1945 гг. Понятно, что неодинаковое место отводится ими и М. Недичу с его правительством. Радикальные перемены происходят с начала 90-х гг. прошлого XX в., когда фактически исчезает Югославия⁶. Новые политические реалии заставили по-новому взглянуть на события пятидесятилетней давности старое поколение историков, сформировавшееся в рамках югославского марксизма, и дали возможность свободнее (и объективнее) оценивать свое прошлое новому поколению историков, появившемуся в науке в 80-е и 90-е гг. XX в.

Труды классической историографии ученых СФРЮ рассматривают М. Недича в ракурсе, практически полностью совпадающем с воззрениями советской историографии. Единственная разница, пожалуй, в том, что доходит до более глубокой проработки деталей мрачного образа предателя и кровавого коллаборациониста⁷. В этом контексте на всем протяжении развития марксистской историографии с 1945 и до конца 1980-х гг. не происходит сколько-нибудь значительных перемен в освещении роли М. Недича и его правительства. С максимальной изошренностью этот образ бездумного квислинга воссоздан в работах, непосредственно посвященных фигурам М. Недича и Д. Лётича и написанных в классических канонах марксист-

ской историографии⁸. Особенно заметны в этом плане работы М. Борковича⁹, абсолютно идеологизированные, лишенные даже намеков на объективность. Генерал М. Недич, по мнению Борковича, был снят с должности министра, поскольку готовил государственный переворот вместе с Д. Лётичем¹⁰. Поведение в ходе Апрельской войны 1941 г. было «капитулянтское и предательское»¹¹, в том же духе оценивается и деятельность правительства М. Недича в 1941–1945 гг. Показательна в этом плане оценка деятельности М. Недича по отношению к сербским и словенским беженцам, в которой Недич предстает как пособник и помощник оккупантов из-за того, что занимался «спасением сербов»¹² (это выражение взято в кавычки самим автором как нечто предосудительное), которые могли бы уйти в лес к партизанам (если бы их не кормили и не разместили в достаточных для выживания условиях). Тем не менее интересно, что в этом вопросе даже такой откровенный противник М. Недича, как М. Боркович, вынужден признать гуманность и национальную ценность поступков генерала. Правда, делает это М. Боркович в достаточно извращенной форме, называя данную сторону деятельности М. Недича «одной из редких акций, которая бы не была направлена против интереса народа и которая имела гуманный характер»¹³.

Как мы уже отметили выше, концепция марксистского освещения Второй мировой войны начинает меняться в работах сербских авторов с началом 90-х г. прошлого столетия. Показательной фигурой в этом плане стал Бранко Петранович (1927–1994), один из самых плодовитых историков эпохи СФРЮ, настоящий патриарх историографии Югославии XX в. Б. Петранович, сам сражавшийся в Ловченском партизанском отряде, знал о событиях Второй мировой войны не понаслышке. Многолетняя работа в архивах, сочетавшаяся с преподаванием в университете, привела к появлению из-под его пера фундаментальных работ, где в форме блестящего обобщения была представлена официальная точка зрения белградских историков на события 1941–1945 гг., в том числе и на роль, мотивы и последствия деятельности М. Недича¹⁴.

Заметные изменения¹⁵ в освещении событий гражданской войны в Сербии имеют место в его обширной (793 с.) монографии, посвященной интересующему нас периоду¹⁶. В этой книге изложены и проанализированы почти все ключевые вопросы, связанные с деятельностью М. Недича во время Второй мировой войны. Констатируется тот факт, что Недич, министр вооруженных сил Королевства Югославии, был за его активность смещен со своего поста под давлением фашистской Италии — давлением, которое выразилось в бомбардировке Битоля 5–6 октября 1940 г. В то же время Б. Петранович называет «пораженчеством и недоверчивостью»¹⁷ оправдавшиеся в дальнейшем сомнения М. Недича в возможностях Югославии по организации сопротивления Германии и ее союзникам. Петранович указывает на

существенную помощь, оказанную Недичем Д. Лётичу, обвиняя последнего в «идеологической близости с идеологией национал-социализма» и в призывах спасти Югославию путем включения в Тройственный союз¹⁸. Петранович упоминает и о том, что генерал армии М. Недич руководил Третьей группой Югославской армии, которая находилась на самом ответственном направлении удара — Албания, Македония, Греция, где, по стратегическому плану, предстояло осуществить прорыв неприятельской обороны, чтобы повторить произошедший в Первую мировую войну отход с территории страны к побережью. Однако сделать это нужно было в новых условиях ведения боевых действий, при массированном применении неприятелем бронетехники и авиации, которыми противник (Германия, Италия, Болгария) располагал в несоизмеримо больших количествах, нежели Югославия. Этот план привел лишь к большим потерям и полному провалу наступления. Роль и место М. Недича в этих боевых действиях не оценивается ни положительно, ни отрицательно, что уже само по себе является новым подходом, если вспомнить более ранние высказывания историков СФРЮ по этому поводу.

Существенно глубже и объективнее, чем было принято в официальной историографии СФРЮ до этого, Б. Петранович рассматривает ситуацию вокруг решения М. Недича о необходимости встать во главе Правительства народного спасения. Хотя автор не удержался от идеологических штампов о «маске экзистенции»¹⁹, показателен сам факт того, что название правительства он использует без кавычек²⁰. Петранович объективно рисует и психологическое состояние генерала, который в то время «жил одиноко, подавленный болью из-за гибели (единственного. — А. Т.) сына, снохи и внука в смедеревском взрыве»²¹. Автор упоминает о том, что кандидатуру М. Недича поддержали «авторитетнейшие политические лидеры, представители профсоюзов, союзов, Университета...»²² и др. Автор сообщает нам и о том, что немцы, убеждая М. Недича занять место во главе сербского правительства, объяснили ему, что альтернативой такому правительству был бы окончательный «раздел Сербии между балканскими союзниками Третьего рейха... для подавления беспорядков использовались бы венгерские, болгарские и усташские силы»²³. Большое внимание автор уделяет позитивным последствиям, как политическим, так и военным, которые недичевский режим принес для германских оккупационных войск.

Идеология М. Недича достаточно подробно объяснена Петрановичем, он же дает и ее короткую формулу — создание национальной Сербии на крестьянских основах²⁴. Петранович подробно описал устройство государственного аппарата, деятельность силовых структур, экономику и общественную жизнь недичевской Сербии, тесное сотрудничество недичевского аппарата с четниками Д. Михайловича. Судя по ссылкам, в своем описа-

нии правительства М. Недича Петранович в меньшей степени опирался на источники и в большей степени дает оценочную компиляцию по работам других авторов коммунистического и некоммунистического толка. Оценивая М. Недича, Петранович отходит от классической позиции историков СФРЮ, заявляя, что деятельность сербского генерала не может даже «сравниться с квислингами из других народов бывшей Югославии, занявшими свою позицию в то время, как их народы не были под угрозой уничтожения»²⁵. Но до окончательной переоценки событий автор все-таки не доходит, на первом месте по «патриотизму» для него остаются партизаны, потом следуют четники с пятном сотрудничества с оккупантами и наконец Недич, весь замаранный открытым коллаборационизмом. Показательно, что Б. Петранович критически относится даже ко многим безусловно позитивным действиям М. Недича — помощь многочисленным беженцам из НДХ и Косово, попытка создать федерацию всех сербских земель, включая Сербию, сербские части Боснии, Черногорию и Рашку, попытка вновь открыть Белградский университет²⁶ и т. д. С осуждением Петранович отзывается об антиюгославизме М. Недича и его видении Югославии как могилы сербского народа, в которой последний растворял свою душу в бессмысленной борьбе за хорватскую и словенскую независимость²⁷. По мнению Б. Петрановича, М. Недича стоит осудить за непонимание того, что выбором сербского народа был демократический мир и антифашистский военный союз²⁸.

В отличие от прокоммунистического, антикоммунистическое направление сербской историографии в течение 50 лет развивалось в эмиграции, что, вполне естественно, наложило на него определенный отпечаток. Позитивной стороной работы в эмиграции была почти полная свобода выражения своих воззрений на события Второй мировой войны, естественным минусом — слабость источниковой базы создаваемых трудов. Почти все они носили мемуарный характер и лишь в небольшой мере подпитывались уже опубликованными источниками. Другой, не столь важный, но сразу же бросающийся в глаза минус этих работ в том, что они редко создавались профессиональными историками и носили скорее публицистический характер.

По мнению ряда эмигрантских авторов, писавших о Недиче, «в первые годы после войны было совсем непопулярно писать что-то в пользу ген. Милана Недича»²⁹. Это, вероятно, было вызвано рядом факторов. Прежде всего, охота на военных преступников была в самом разгаре. Никто не желал оправданием вчерашнего квислинга привлечь к себе негативное внимание властей на своих новых родинах. С другой стороны, не остыли еще страсти гражданской войны. Вчерашние события воспринимались еще слишком остро и толкали на создание острополемических памфлетов. Наконец, немаловажен был и тот факт, что коммунистическая Югославия попыталась

дискредитировать сербскую политическую эмиграцию массивной пропагандой (не только внутренней, но и внешней), которая повлияла на круги старой довоенной сербской эмиграции, как и вполне определенный антииндичевский взгляд югославского королевского правительства, действовавшего во время войны в Лондоне. Впрочем, непосредственно о самом М. Недиче в то время писали крайне мало, вспоминая его в публицистических статьях в политической периодике.

Одной из немногих эмигрантских книг критического направления о Недиче была книга полковника Йована Тришича³⁰, который 24 июня 1941 г. оказался на посту командира жандармерии Сербии, что, по сообщению самого автора, произошло при тайном одобрении Дражи Михайловича. В этой книге Недич представлен в крайне негативном свете. Нападения на генерала начинаются уже в самом начале книги. Якобы М. Недич из-за ожирения и геодонизма (sic!) в Первую мировую войну стремился держаться подальше от передовой и был простым тыловым генералом, угодившем на фронт лишь в 1917 г. из-за трусливого нежелания участвовать в Солунском процессе³¹. Подобное утверждение по адресу автора двух блестящих работ о событиях прорыва Солунского фронта, не понаслышке знавшего о войне, выглядит однозначным наветом³². В качестве сурового обвинения Тришич сообщает о том, что Недич с симпатиями относился к Д. Лётичу и даже помогал ему в распространении политических материалов³³. Стоит отметить, что взаимные симпатии Недича и Лётича и помощь, оказанная генералом последнему, постоянно упоминалась и коммунистической историографией в Югославии для доказательства окончательной инфериорности М. Недича. Созвучно с коммунистической историографией и мнение о том, что М. Недич саботировал оборону южных рубежей Югославии в ходе Апрельской войны.

Недич описан как злостный соратник оккупантов, вплоть до того, что неидентифицированные «недичевцы» (что в высшей мере странно, учитывая то, что Й. Тришич был все же военным и должен был различать членов различных силовых структур Сербии М. Недича) «водили на расстрел сочувствующих Д. Михайловичу, евреев и цыган, получая за каждого по 200 динар»³⁴. Якобы по личному приказу М. Недича в 1942 г. арестовали большую группу сербских офицеров (1200 человек), о чем Тришич узнал со слов немецкого офицера, пришедшего его арестовывать³⁵. Красной нитью в работе Тришича проходит мнение о конформизме М. Недича. Тот-де еще в школьные годы, когда весь класс хотел саботировать преподавание и не прийти в школу в полном составе, все же пришел в школу, чем вызвал негодование товарищей и обвинения в конформизме³⁶. По мнению Тришича, Недич даже не предатель, так как «для предательства необходимо заранее осознанное решение, то есть умысел сознательно действовать во вред сво-

ей стране. А у Милана Недича этого не было. Он настолько понимал, что он серб, что никогда бы не решился предать сербский народ. У Милана Недича был лишь ошибочный расчет. Недич, вероятно, под влиянием своего двоюродного брата Д. Лётича был уверен в том, что немецкая победа неизбежна и смирился с капитуляцией Югославии, предвидя окончательное поражение союзников, поэтому и вся его деятельность в годы оккупации была основана на ошибочных расчетах»³⁷. Последнее заключение об ошибочных расчетах является просто комическим в устах яркого приверженца четников, которые до 1946 г. ждали в Восточной Боснии высадки союзников. Впрочем, вся работа Тришича является скорее политическим памфлетом, написанным в годы, когда боль от войны, да и само ощущение вовлеченности в активное вооруженное противостояние еще не прошли.

Вскоре ситуация в эмиграции стала меняться в направлении, позитивном для оценки деятельности М. Недича. Не стоит думать, что вся эмиграция внезапно полюбила покойного генерала. Активные противники Недича и Лётича из лагеря четников, принадлежавшие к либерально-демократическому лагерю (стоявшему на позициях Югославского демократического народного союза, основанного 25–28 января на конгрессе в селе Ба) по-прежнему оставались решительными противниками генерала, не любившего либеральную демократию и предпочитавшего сербские, а не югославянские идеалы. Работ, специально посвященных М. Недичу, уже не возникало, но в общих работах о событиях Второй мировой войны на территории Югославии М. Недич получал стабильную и весьма нелестную оценку.

Одним из самых ярких защитников либерально-демократического направления четнического движения был Живко Топалович (1886–1973). Юрист по образованию, он активно занимался организацией профсоюзов в межвоенной Югославии, находился на позициях правой социал-демократии, был личным другом Карла Каутского, активным противником коммунистов и националистов, борцом за демократическую Югославию; в годы войны стал одним из идеологов движения Д. Михайловича и председателем конгресса в Ба³⁸. После войны, находясь в эмиграции, Топалович написал ряд книг, посвященных истории отрядов Д. Михайловича. Книги создавались им в форме мемуаров, причем многостраничные диалоги различных людей, приводимые Топаловичем, позволяют предположить, что мемуары эти в большей мере — плод размышлений самого автора, нежели дословное отражение реальных событий. Словами неизвестных крестьян автор явно выражает свое мнение о Недиче, его правительстве и вооруженных силах как о фантоме, которого реально не существует, который полностью подчиняется приказам Д. Михайловича. Говоря лично о Недиче, он характеризует его как человека, который даже не заслуживает народную ненависть в отличие от отвратительного всем, по его словам, Д. Лётича³⁹. Не-

дич, по мнению Топаловича, «не имел никакой поддержки в Сербии. Он лишь опирался на беженцев из хорватских и боснийских земель и на небольшое число сербских политиков»⁴⁰.

Вскользь упоминая о некоторых фактах, которые могли бы быть внесены в актив положительных и гуманных действий правительства М. Недича (например, предоставление убежища хорватам, бежавшим из НДХ), Топалович не признает их важными и достойными похвалы, считая их само собой разумеющимися⁴¹. Помощь, которую нелегально оказывали повстанцам Д. Михайловича, сербский Красный Крест и подразделения сербской Государственной стражи, не была никоим образом связана в сознании Ж. Топаловича с самим фактом существования режима М. Недича⁴². С большим удовлетворением Ж. Топалович сообщает о неприятностях и проблемах, которые его деятельность по организации конгресса в Ба якобы причиняла М. Недичу и его правительству⁴³. С негодованием он отбрасывает мысль о потребности прямых переговоров М. Недича или Д. Лётича и Д. Михайловича⁴⁴ и с сожалением констатирует желание ряда ведущих командиров Д. Михайловича провести подобные переговоры⁴⁵. Интересно отметить, что о попытках Д. Михайловича вступить в переговоры о военном союзе с поглавником НДХ А. Павеличем, на руках которого была кровь 700 тыс. сербов, Ж. Топалович говорит как о «разумном решении», «которого не стоит стесняться», причем он даже горько сожалеет о том, что это сотрудничество почему-то не осуществилось⁴⁶. Когда в конце войны все-таки дошло до открытого взаимодействия и полного взаимопонимания между четниками и подразделениями М. Недича, Топалович пытается это отрицать или говорит о случайности, вызванной параллельностью действий⁴⁷. Важно отметить, что при всем своем презрительном отношении к М. Недичу и его правительству Ж. Топалович знал из первых уст от первого неудачного правителя оккупированной Сербии М. Ачимовича о проектах немецкого командования, альтернативных существованию марионеточного правительства в Сербии, то есть об окончательном разделе сербских территорий между хорватами, болгарами, венграми и албанцами⁴⁸. Ж. Топаловича можно признать классическим примером отношения прочетнической историографии в эмиграции к М. Недичу. Похожее отношение к генералу Недичу можно обнаружить в трудах и мемуарах и других участников движения Д. Михайловича, стоявших на позициях конгресса в Ба⁴⁹.

Появлялись в эмиграции и публикации, полностью противоположные вышеприведенным. Они создавались в лагере бывших членов государственного и силового аппарата Сербии М. Недича. Стоит отметить, что в рамках этого историографического направления еще в 1949 г. возникла одна из первых детальных историй гражданской войны в Сербии 1941–1945 гг. Это была книга секретаря Д. Лётича Б. Костица.

Ярая приверженность Б. Костица мировоззрению Д. Лётича и политическим решениям М. Недича выражена уже в предисловии книги, в котором автор выражает твердое желание развенчать «выдумки и... искажение фактов»⁵⁰. Больше внимание в своей работе он уделяет Лётичу, считая его последовательным проводником политики М. Недича. Описание событий 1941–1945 гг. Костиц начинает с констатации тяжелого положения сербов и фактически возникшей угрозы биологическому существованию сербского народа после распада Югославии в 1941 г. Главу об усташских зверствах Костиц дополнил и фотографиями жертв террора в НДХ⁵¹. Костиц констатировал, что в Сербию прибыли и сербские беженцы из Южной Сербии, Косово, Санджака, Воеводины, словенцы из тех областей Словении, которые Гитлер собирался ассимилировать и превратить в часть Рейха, а также небольшое количество хорватов, оставшихся верных королю и Югославии⁵². Детально освещены им и события, предшествовавшие развязыванию гражданской войны в Сербии, в том числе трагические события 7 июля 1941 г.; позднее провозглашенные коммунистической пропагандой началом «народно-освободительной борьбы против оккупантов». В тот день два серба, служившие в жандармерии в городке Бела-Црква, поддерживали порядок на славе (празднике святого патрона) местной церкви и были внезапно, к ужасу присутствовавших прихожан, застрелены коммунистами⁵³. Описаны и первые кровавые карательные акции гитлеровцев, последовавшие за первыми акциями Сопротивления, когда в ответ на несколько выстрелов из винтовки по немецкому танку, не причинивших ему никакого вреда, было расстреляно 132 человека из этого района и сожжено целое село.

Автор описывает и возникшее в это время у немцев желание, поделив Сербию между Хорватией, Венгрией, Болгарией и Албанией, вывести свои войска из-под удара и поручить другим заставлять местное население уважать условия капитуляции. Под контролем немцев оставались бы лишь линии коммуникаций и Белград как крупный коммуникационный узел, которому предстояло изменить свое имя на Евгенштадт в честь принца Евгения Савойского. Такое окончательное решение сербского вопроса на Балканах могло быть чревато полным исчезновением сербского народа: геноцид, проводимый над сербами в пограничных областях сербских этнических территорий, мог бы быть распространен на всю территорию проживания сербского народа. Эта мрачная перспектива, живо нарисованная немцами, вынудила значительную часть сербской элиты (представителей политических партий, профсоюзов, Университета и др.) начать поиски человека, который взял бы на себя неприглядную роль организации правительства в оккупированной Сербии. Когда выбор пал на М. Недича, президент Сербской академии наук, выдающийся сербский ученый Александр Белич обратился к премьер-министру от лица сербской интеллигенции со следующи-

ми словами: «Господин министр, Вы в свободной нашей стране занимали самые высокие должности... Сегодня пришло время, чтобы Вы приступили к по-настоящему тяжелой и неблагодарной деятельности под оккупацией. Сегодня речь идет о биологическом спасении сербского народа, который Вы не можете покинуть...»⁵⁴

Восстание в Сербии не прекращалось, и гитлеровцы продолжали свои кровавые карательные экспедиции, в ходе которых расстреливали по 50 человек за раненого солдата и по 100 за убитого, причем заложников для расстрела выбирали совершенно произвольно из местного сербского населения. Костич считает, что вина за жертвы в Крагуеваце и в других городах Шумадии, пострадавших от расстрелов, лежит не на Недиче и Лётиче, ставшихся, по его словам, смягчить жестокость оккупантов, а на тех, кто в погоне за дешевым авторитетом подставлял мирное население под удар⁵⁵. Костич пытается отмежеваться и от наиболее «прославленного» военного преступника недичевской Сербии — Страхины Янича, известного своими бандитскими вылазками и суровым обращением с мирным сербским населением. Автор говорит, что немцы непосредственно сами поддерживали Янича и его группу, несмотря на протесты М. Недича и Д. Лётича, увенчавшиеся успехом лишь в 1943 г., когда отряд Янича был распущен, а сам он переведен в Германию⁵⁶. Сообщает Костич и о твердой негативной позиции М. Недича, несмотря на весь его антикоммунизм, по вопросу о применении сербских частей на Восточном фронте, где, как известно, в репрезентативных целях сражались части почти всех сателлитов Германии, от Бельгии до Хорватии⁵⁷.

Костич сообщает и любопытную информацию о Заведении по принудительному воспитанию молодежи, основанному в 1942 г. в Смедеревска-Паланке, которое в коммунистической историографии освещалось чуть ли не как концентрационный лагерь для детей. Учитывая значительную популярность коммунистических идей среди сербской молодежи и школьников того времени, определенная часть наиболее радикально настроенных подростков должна была столкнуться с суровыми реалиями военного времени. Б. Костич не без основания утверждал, что уж лучше им было оказаться в Заведении для трудных подростков, нежели в лагере Баница или перед стволами расстрельного взвода гитлеровцев. В этом Заведении обеспечивалось достаточное питание, действовали различные секции (литературная, театральная, музыкальная, футбольная и т. д.), воспитанники получали образование по программам гимназии, педагогического и торгового училищ⁵⁸.

В том же 1942 г. по инициативе М. Недича были предприняты первые, не очень удачные попытки переговоров между ним и Д. Михайловичем, без особого успеха продолженные и в 1943 г.⁵⁹ Б. Костич сообщает и о попыт-

как М. Недича вступить в переговоры с королем Югославии и его правительством в эмиграции. Эмиссаром М. Недича был сам Б. Костиц, вручивший югославским дипломатам в Стамбуле его письмо Петру II. Недич выражал в письме свою преданность и готовность передать власть в руки Михайловича сразу же после ухода немцев. По словам Костица, Недич в этом обращении признавал, что 80% офицеров его вооруженных сил находятся в подчинении Д. Михайловича и являются вооруженным резервом, который, когда это потребуется, поможет освободить свою родину. Недич пытался оправдать свое сотрудничество с немцами тем, что «каждую немецкую голову надо оплатить сотней сербских. А для меня одна сербская голова важнее ста немецких»⁶⁰.

В 1943 г. состоялось заключение важного договора между командантом четников Черногории и Санджака Павлом Джуришичем, с одной стороны, и Недичем и Лётичем — с другой. Согласно этой договоренности, на территории Черногории дошло до формального формирования трех полков сербских вооруженных сил, и до конца 1944 г. неофициально действовали миссии М. Недича и Д. Лётича. В 1943–1944 гг. в Санджаке имело место также и прямое боевое взаимодействие отрядов сербских добровольцев и черногорско-рашских четников в борьбе против коммунистов. В то же время были установлены связи между четниками Боснии, Герцеговины, Далмации и Лики и правительством М. Недича, которое пыталось оказать посильную помощь и этим соединениям⁶¹. С другой стороны, при наличии контактов с отдельными полевыми командирами М. Недичу так и не удалось создать устойчивых связей со всем четническим движением в целом, что и проявилось 9 марта 1944 г., когда в центре Белграда по пути на работу выстрелом в спину боевиками четников был убит М. Масалович, глава кабинета Милана Недича⁶². Лишь в августе 1944 г. после многочисленных неудач и затяжек со стороны руководства четнического движения все-таки состоялась встреча М. Недича и Д. Михайловича, на которой было достигнуто соглашение, о характере которого Б. Костиц упоминает лишь мимоходом⁶³. Наконец, 2 сентября 1944 г. генерал Михайлович обратился с призывом ко всем командирам «легальных отрядов (националистов. — А. Т.)» прислать своих представителей в штаб Верховного командования Югославской армии на Родине, что и было выполнено всеми воинскими подразделениями, существовавшими в Сербии М. Недича, после чего они формально были включены в состав югославской армии под командованием Дражи, что можно считать завершением миссии генерала Недича, который вскоре при приближении фронта распустил правительство и покинул Белград⁶⁴.

Книга Б. Костица заслуживает большого внимания, несмотря на то, что она в значительной степени сконцентрирована на деятельности Д. Лётича и сербского Добровольческого корпуса. Все же это первая книга, вышед-

шая в эмиграции и подробно описывающая Сербию М. Недича. Она содержит в большей или меньшей степени, все классические тезисы, которые в дальнейшем входили во все труды этого направления, созданные в эмиграции.

Следующая значимая книга в русле положительной эмигрантской историографии о М. Недиче появилась спустя несколько лет⁶⁵. Ее написал П. Мартинович-Байица, бывший майор сербской Государственной стражи (то есть армии М. Недича), который, кроме того, был еще и офицером разведки Д. Михайловича, уполномоченным по Южной Сербии, Македонии и Болгарии. Мартинович искренне уважал М. Недича и даже участвовал в организации мемориального общества М. Недича, основанного в 1959 г. Фактически именно Мартиновичу принадлежит пальма первенства в написании биографии М. Недича. Хотя эта биография несколько идеализирована, она содержит много немаловажных подробностей, как, например, часто цитированный впоследствии ответ М. Недича своему приятелю и сослуживцу Д. Димитриевичу-Апису. Когда тот предложил ему участие в заговоре, Недич заявил: «Я не убиваю своих королей»⁶⁶. Мартинович отмечает и то, что Недич не захотел участвовать в Солунском процессе, не желая отречься от Аписа, из-за чего пал в немилость в глазах Александра, бывшего тогда регентом. Можно сразу заметить, что в своей работе, опираясь на устные воспоминания современников, Мартинович пытается опровергнуть высказывания Тришича о конформизме М. Недича. При описании событий 1941–1945 гг. Мартинович обращает большое внимание на причины, вызвавшие катастрофу 1941 г., и вслед за Миланом Недичем приходит к выводу о том, что причиной этого в первую очередь стал путч 27 марта — «безумное событие, выполненное горсткой офицеров»⁶⁷. Значительную часть своей книги Мартинович посвятил главным действующим силам на сербской политической арене в 1941–1945 гг.: четникам, коммунистам, Лётичу.

Биография, вышедшая из-под пера Мартиновича, была не единственной книгой, посвященной Милану Недичу и его деятельности в годы Второй мировой войны. Беллетризованная биография М. Недича в двух томах вышла из-под пера талантливого сербского публициста Станислава Кракова, редактировавшего в годы войны несколько периодических изданий недичевской Сербии. Его книга по-семейному близко (мать Кракова была родной сестрой М. Недича) описывает деятельность генерала до Второй мировой войны⁶⁸. С. Краков одним из первых в рамках эмигрантской литературы о М. Недиче вынес хотя и мягкую, но все-таки критику по адресу Д. Михайловича, обвинив именно его в нежелании вовремя создать крепкий фронт всех национальных сил Сербии для борьбы с коммунистами, а также в пассивном согласии на террористические выпады (и провозглашение по Лондонскому радио слова «З» — зарезать при первой возмож-

ности) против лиц, поддерживавших М. Недича. Это обвинение, ставшее в дальнейшем обычным тезисом для пронедичевской эмигрантской историографии, отличает книгу Кракова от биографии, написанной Мартиновичем, перекалывавшим ответственность за раздоры между четниками и недичевцами на анонимных агентов влияния — коммунистов в рядах четников, агентов, всеми силами пытавшихся не допустить создания единого фронта антикоммунистов.

Следующую биографию М. Недича написал Б. Костич, пытаясь в этой книге подробнее осветить те детали деятельности М. Недича, которые мало были затронуты в его более ранней книге⁶⁹. В приложении к своему труду он приводит работу Р. Милковича, посвященную немецкой оккупации о-ва Джерси. Этот английский остров в Ла-Манше, попал под немецкую оккупацию в 1940 г. Британское правительство обратилось к населению острова с призывом мирно воспринять оккупацию, чтобы избежать ненужного кровопролития. В течение войны бейлифы острова и местный государственный аппарат были абсолютно лояльны по отношению к немцам, а после окончания войны ведущие чиновники острова не только не были смещены, но даже получили ордена (вплоть до шефа полиции) за сохранение жизней британских подданных. С большой горечью эта политика сохранения жизней своих соотечественников сравнивается с призывами Лондона, обращенными к сербам, бросаться с голыми руками на танки и уничтожить предателя М. Недича⁷⁰.

Свой вклад в жизнеописание М. Недича внес и Лазо Костич — известный сербский публицист, плодovито работавший в эмиграции и осветивший в своих многочисленных работах множество актуальных вопросов сербской политической жизни и межнациональных взаимоотношений между народами бывшей Югославии. Его книга содержит первую попытку создания историографии вопроса о М. Недиче. Сама работа в основном является сборником иностранных источников и высказываний о режиме М. Недича. Причем особо интересными стоит признать многочисленные мнения его немецких современников, которые полностью разрушают ярлык обычного квислинга, наклепленный коммунистической историографией на М. Недича⁷¹.

Последней объемной биографией М. Недича стала вышедшая в 1990 г. книга И. Павловича, который с гордостью назвал себя во введении офицером недичевской Сербии. Эта книга фактически стала самой полной компиляцией предыдущих книг о М. Недиче с более детальными объяснениями вопросов, имеющих косвенное отношение к его биографии (о сербско-хорватских отношениях, о Воеводине и т. д.)⁷². Кроме подробного разбора биографии генерала, Павлович приводит и множество стихов, написанных различным авторами и посвященных М. Недичу⁷³.

Кроме этих работ, непосредственно рассматривавших биографию М. Недича в рамках упомянутого историографического направления эмигрантской литературы, позитивно оценивавших деятельность генерала, имеется и ряд других книг, несомненно, заслуживающих внимания исследователя. Прежде всего, это две полноценные истории всех событий Второй мировой войны в Сербии и Югославии, дающие исчерпывающее представление о взглядах сербских эмигрантов, положительно относившихся к деятельности М. Недича и Д. Лётича. Причем истории эти написаны профессионально, по канонам классической исторической науки, с опорой на источники и без мемуарных обобщений авторов⁷⁴. С другой стороны, в то же время возникает и ряд работ, рассматривавших отдельные, самые острые моменты кризиса 1941–1945 гг., связанные прямо или косвенно с именем Милана Недича: путч 27 марта 1941 г., деятельность сербского Добровольческого корпуса, попытки М. Недича помочь национальным силам сербов Черногории, боровшимся против коммунистов, массовые расстрелы заложников, проводившиеся немцами в Крагуеваце в 1941 г., и казни без суда и следствия пленных солдат и офицеров недичевской Сербии, осуществленные партизанами в Словении в местечке Кочевье⁷⁵. В заключение необходимо отметить, что недичевско-лётичевское направление историографии не заглохло в эмиграции, продолжателями традиций этого историографического направления в современное время стали периодические издания, выходящие с 90-х гг. прошлого века на территории Сербии — «Видело» и «Нова искра».

Нового же официального взгляда канонической исторической науки на деятельность генерала М. Недича в новой, свободной от коммунистов Сербии пока нет. За последние 15 лет историография Сербии значительно изменилась, перейдя от коммунистической одноцветности к многогранному разнообразию мнений. Свобода проявилась как в неограниченном и не обязательно жестко критическом использовании эмигрантской литературы, так и в форме значительного ослабления стороннего давления и цензуры. Переиздания эмигрантских авторов на родине расширило круг читателей книг двадцатипятилетней и более давности. Некоторые современные авторы стоят на позициях модернизированного партизанского мировоззрения (в основном старшее поколение), другие пытаются создать свой взгляд на вещи, сочетая национально-эмигрантскую историографию с дозированным либерализмом. Как бы то ни было при значительном количестве работ, посвященных Второй мировой войне, всеобъемлющего и фундаментального исследования деятельности и личности М. Недича так пока и не появилось, а упоминающие его авторы в основном оперируют тезисами *pro et contra*, возникшими в эмигрантской литературе.

Впрочем, показателем глобального «потепления» общественного климата по отношению к Милану Недичу может быть названа драма талантливой

вого сербского режиссера либеральных взглядов Д. Ковачевича «Генерал Милан Недич», в которой выражено сочувствие к трагической судьбе генерала. Вот уже несколько лет эта драма идет в одном из ведущих театров сербской столицы. Стоит отметить и тот факт, что в новом учебнике истории для старших классов, с симпатией повествуя о четниках и с плохо прикрытой антипатией о партизанах, генералу Недичу воздано по заслугам как противоречивой фигуре, запятнавшей себя сотрудничеством с немцами, и в то же время человеку, в трагические годы войны попытавшемуся спасти как можно больше жизней сербов⁷⁶. Право сербов на этот подход и оценку деятельности Милана Недича с позиции этнического выживания никто не может оспаривать, ведь этот народ уже в третий раз за последние 100 лет заглянул в бездну биологического уничтожения, вызванного геноцидом.

Примечания

¹ Например, такое мнение высказывал в своих мемуарах генерал армии С. М. Штеменко, в 1943–1945 гг. начальник Оперативного управления Генштаба. *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1989. С. 394. Похожее воззрение выражал в своих книгах, содержащих большую долю биографичности, П. П. Вершигора, бывший в годы войны одним из командиров партизанского соединения С. А. Ковпака. *Вершигора П. П.* Люди с чистой совестью. М., 1950.

² *Самсонов А. М.* Крах фашистской агрессии 1939–1945. М., 1980. С. 352.

³ История Югославии. Т. I–II. М., 1963; *Славин Г. М.* Освободительная война в Югославии (1941–1945 гг.). М., 1965; Фашизм и антидемократические режимы в Европе. Начало 20-х годов — 1945. М., 1981; *Гибианский Л. Я.* Советский Союз и новая Югославия, 1941–1947. М., 1987; Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 — июнь 1941). М., 1992.

⁴ *Романенко С. А.* Между национальной и пролетарской диктатурой (Милан Недич — Дража Михайлович — Анте Павелич — Йосип Броз Тито) // Международный исторический журнал. 1999. № 5, сентябрь—октябрь. В этой работе, пожалуй, впервые в отечественной историографии мы сталкиваемся с ссылками на труды пронедечевских историков, таких как С. Краков «Milan Nedić» (München, 1968); И. М. Павлович «Милан Недич и његово доба. Књига I–II». (Београд, 1994).

⁵ Термин «гражданская война» применительно к событиям 1941–1945 гг. прочно занял свое место даже на страницах школьных учебников, что показывает общепринятость этого выражения. См.: *Коста Николић* и др. Историја за III разред гимназије природно-математичког смера и IV разред гимназије општег и друштвено-језичког смера. Београд, 2002.

⁶ Образование, существовавшее под названием Союзной Республики Югославии, вряд ли может быть названо Югославией в полном смысле этого слова и фактически являлось сербской федерацией в составе Сербии, Черногории, Республики Сербской и Республики Сербской Краины, сохранившее старое название лишь в качестве метода борьбы за международную легитимность.

⁷ В этом духе сформирован грандиозный и многотомный *Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu naroda Jugoslavije*. Beograd, 1949–1980. Эта же концепция продолжается в обобщающих сборниках работ и монографиях отдельных авторов: *Oslobodilački rat naroda Jugoslavije 1941–1945*. Beograd, 1957; *Strugar V. Rat i revolucija naroda Jugoslavije*, Beograd, 1962; *Он же. Jugoslavija 1941.–1945*. Beograd, 1969; *Hronologija oslobodilačke borbe naroda Jugoslavije*, Beograd, 1964; *Dru-gi svetski rat*. Beograd, 1974 и т. д.

⁸ Включая ссылки на умерших задолго до Второй мировой войны Маркса, Энгельса, Ленина. Этот ритуал сохранился даже в относительно поздних работах, где, впрочем, имена классиков пишутся не всегда правильно. См., например: *Стевановић В. Збор Димирија Љотића. 1934–1945*. Beograd, 1984... С. 343.

⁹ *Борковић М. Контрареволуција у Србији 1941–1945*. Књ. 1 и 2. Beograd, 1979; *Borković M. Milan Nedic*. Zagreb, 1985.

¹⁰ *Борковић М. Контрареволуција у Србији 1941–1945*. Књ. 1. С. 87.

¹¹ Там же. С.88.

¹² Кроме сербов, спасавшихся от уничтожавших их в целях осуществления своих национальных идей хорватами, албанцами, венграми и болгарями, в Сербию прибывали и словенцы в соответствии с идеями вождей третьего Рейха о том, что Словения должна превратиться в «Südsteiermark». Словенские беженцы находили в Сербии М. Недича такую же помощь и поддержку, какую имели и сербские беженцы. Интересно, что католических священников из Словении выселяли не в Сербию, а в Хорватию, где они должны были занять места изгнанных православных священников. Подробнее о беженцах из Словении и НДХ см.: *Milolević S. Izbeglice i preseljenici u Srbiji / ija u Srbiji 1941–1945*. Zbornik radova sa naučnog skupa. Beograd, 1972. *Живковић Н. Ратна штета коју је Немачка учинила Југославији у другом светском рату*. Beograd, 1975.

¹³ *Борковић М. Контрареволуција у Србији 1941–1945*. Књ. 1. С. 205.

¹⁴ Кроме обширной монографии о событиях 1941–1945 года (*Petranović B. Révolucija i kontrarevolucija u Jugoslaviji 1941–1945*. Beograd, 1983), необходимо упомянуть и его же несколько раз переиздававшийся учебник (*Petranović B. Istorija Jugoslavije: 1918–1878*. Beograd, 1980).

¹⁵ Стоит отметить, что концептуальные изменения в работах маститого ученого произошли не за один день, в течение 80-х гг. в его взглядах происходили подвижки, отразившиеся в ряде опубликованных трудов. *Петрановић Б. Балканска федерација*. Beograd-Шабац, 1991; *Петрановић Б. Зечевић М. Агонија две Југославије*. Beograd-Шабац, 1991.

¹⁶ *Петрановић Б. Србија у другом светском рату 1939–1945*. Beograd, 1992. Интересно, что книга вышла в военно-издательском центре Югославской армии, который обычно издает историческую литературу, остро отвечающую потребностям момента.

¹⁷ Там же. С. 53.

¹⁸ Там же. С. 68. Подобные обвинения в адрес Д. Лётича не отражают реального положения вещей. Д. Лётич был критичен по отношению и к итальянскому, и к немецкому движениям. См.: *Љотић Д.* Сабрана дела. Београд, 2003. Књ. II. С. 93–96. («Ни фашизам, ни хитлеризам!»). Он призывал к «политике нейтральности» и укреплению Балканской системы безопасности // Там же... Књ. VI. С. 102. «Прво писмо» (открытое письмо князю Павлу).

¹⁹ *Петрановић Б.* Србија у другом светском рату 1939–1945. С. 203.

²⁰ Там же. С. 217.

²¹ Там же. С. 218. Смедеревский взрыв — одна из глобальных катастроф, постигшая Сербию после поражения в войне. Огромные запасы боеприпасов, захваченных немцами у югославской армии, свозились оккупантами в средневековую крепость, расположенную в центре г. Смедерево. Рядом с крепостью находилась железнодорожная станция, на которую прибывали гражданские поезда и поезда с боеприпасами. Взрыв, произошедший на станции, привел к тому, что сдетонировали и уже складированные боеприпасы. Взрыв разрушил часть крепости, уничтожил поезд с боеприпасами, гражданский поезд, находившийся в это время на станции, и весь центр города. Во взрыве погибло множество гражданских лиц (по различным оценкам, от 450 до 4000), в том числе все выпускники Смедеревской гимназии этого года, вся приехавшая на гастроли труппа сербского театра из Воеводины. До сих пор не известно, была ли это диверсия или результат немецкой неосторожности, но в любом случае эта трагедия черными буквами вписана в сердца горожан Смедерево и всего сербского народа. Подробнее об этом событии см.: *Станковић Б. М.* Трагање за истином. Шездесет година после експлозије немачког ратног плена у Смедеревској тврђави 5. јуна 1941. године. Смедерево, 2001; *Милановић М.* Смедерево — српска Хиросима. Смедерево, 1998; *Домазет С.* Од оних који су остали. Смедерево, 1991.

²² *Петрановић Б.* Србија у другом светском рату 1939–1945. С. 219.

²³ Там же. С. 219.

²⁴ Там же. С. 220.

²⁵ Там же. С. 227.

²⁶ Там же. С. 228, 610, 144.

²⁷ Там же. С. 746.

²⁸ Там же. С. 228.

²⁹ *Костић Ј.* Армијски ђенерал Милан Недић. Његова улога и деловање у последњем рату. Претежно према странам изворима. Мелбурн, 1976. С. 20. Та же мысль в несколько иной формулировке высказана 20 годами ранее и в другой эмигрантской книге, посвященной Недичу. См.: *Мартиновић-Бајица П.* Милан Недић. Чикаго, 1956. С. 13.

³⁰ *Тришић Ј.* О Милану Недићу. Париз, 1956.

³¹ Там же. С. 14.

³² *Недић М.* Српска војска и солунска офанзива. Београд, 1932; *Он же.* Српска војска на Албанској Голготи. Београд, 1937.

³³ *Тришић Ј.* О Милану Недићу. С. 60.

³⁴ Там же. С. 61.

³⁵ Там же. С. 64.

³⁶ Истины ради стоит отметить, что подобное поведение скорее свидетельствует о неконформизме и стремлении отстаивать свои собственные взгляды, а не стадный инстинкт, так как в этом возрасте конформизм обычно связывают с соотношением поведения подростка с поведением большинства одноклассников.

³⁷ *Тришић Ј.* О Милану Недићу. С. 67.

³⁸ *Топаловић Ж.* Драћа Милајловић и енглеска војна мисија. Парис, 1980.

³⁹ *Топаловић Ж.* Борба за будућност Србије. Л., 1967. С. 145; *Он же.* Србија под Дражом. Л., 1968. С. 35, 38; *Он же.* Југославија — хртвовани савезник. Л., 1970. С. 26.

⁴⁰ *Топаловић Ж.* Борба за будућност Србије. С. 53.

⁴¹ Там же. С. 72.

⁴² *Топаловић Ж.* Србија под Дражом. С. 53, 71, 139.

⁴³ Там же. С. 71.

⁴⁴ Там же. С. 71.

⁴⁵ Там же. С. 100–101.

⁴⁶ *Топаловић Ж.* Драћа Милајловић и енглеска војна мисија. С. 148.

⁴⁷ *Топаловић Ж.* Србија под Дражом. С. 139.

⁴⁸ Там же. С. 117.

⁴⁹ *Бакочевић В.* Комунисти и нацифашисти — они су исти. Милвоки, 1983. С. 21; *Сотировић Д., Јовановић Б.* Србија и Равна гора. Босолеј, 1991. С. 449.

⁵⁰ *Костић В.* За историју наших дана. Лиле, 1949. С. 7.

⁵¹ Там же. С. 25–27.

⁵² Там же. С. 29–30.

⁵³ Там же. С. 41.

⁵⁴ Там же. С. 44–46.

⁵⁵ Там же. С. 56.

⁵⁶ Там же. С. 61–62.

⁵⁷ Там же. С. 70.

⁵⁸ Там же. С. 93–99.

⁵⁹ Там же. С. 110, 130.

⁶⁰ Там же. С. 116.

⁶¹ Там же. С. 134–139.

⁶² Там же. С. 150.

⁶³ Там же. С. 157.

⁶⁴ Там же. С. 164–165.

⁶⁵ Возможно, в описываемом интервале стоило бы отметить и сборник мемуарных рассказов бывших членов сербского Добровольческого корпуса, вышедших с начала 50-х гг. в Мюнхене. Записи из добровольческой борбе. Минхен, 1953–1959.

⁶⁶ *Мартиновић-Бајица П.* Милан Недић, Чикаго, 1956. С. 35.

⁶⁷ Там же. С. 117.

⁶⁸ *Краков С.* Генерал Милан Недић: На оштрици ножа. Минхен, 1963. Књига прва; *Он же.* Генерал Милан Недић: Препуна чаша чемера. Минхен, 1968. Књига друга.

⁶⁹ *Костић Б.* Истина о Милану Недићу. Milwaukee, 1965.

⁷⁰ Там же. С. 117–134.

⁷¹ *Костић Л.* Армијски ђенерал... С. 45–62.

⁷² *Павловић И.* Милан Недић и његово доба. Књ. I и II. Саутпорт, 1990.

⁷³ Там же. Књ. I. С. 175–222.

⁷⁴ *Карпанџић Б.* Грађански рат у Србији 1941–1945, Кливленд, 1958; *Slijepcević Р.* Jugoslavija uoči i za vreme Drugog svetskog rata.

⁷⁵ Переиздания 90-х гг. в Белграде не содержат полных выходных данных первых изданий. *Павловић И.* 27. март 1941. критички осврт на књигу Ж. Л. Кнежевића. Београд, 1997; *Парежанин Р.* Моја мисија у Црној Гори. Београд, 1991; *Карпанџић Б.* Истина о крагујевачкој трагедији 21. октобра 1941. Cleveland, 1989; *Карпанџић Б.* Кочевска споменица 1945–1995. Београд, 1995.

⁷⁶ *Николић К. Жужић Н. и др.* Историја за III разред гимназије природн-математичког смера и IV разред гимназије општег и друштвеног смера. Београд, 2002. С. 173.

Празднование 150-летия Первого сербского восстания в коммунистической Сербии (1954): власть и научное сообщество

К началу 1950-х гг. сербское национальное сознание начало преодолевать последствия потрясений 1940-х гг. Сербские элиты (как новая, коммунистическая, так и патриотическая часть элиты межвоенной) были вовлечены в естественный процесс осознания ситуации и своего места в новых исторических условиях. Попытки коммунистического руководства заняться обоснованием модели «аутентичного социализма» при постоянном выделении в ней тех элементов, которые отличали ее от модели советской, сталинско-ленинской, взяв за основу некоторые ранние рассуждения основоположников марксизма о коммунах и самоуправлении трудящихся, дополнялись и чисто утилитарным интересом к отечественной истории. До определенной степени эти попытки содержали в себе стремление совместить идеи марксизма с национальной традицией народов Югославии, в том числе и историей сербов. Эти задачи югославские лидеры предполагали решать с использованием созданных во второй половине 1940-х гг. научных институтов на страницах соответствующих научных изданий.

Однако республиканские ассоциации историков и научные учреждения, задумывавшиеся как «приводные ремни» КПЮ в руководстве страной, так и не стали инструментом тотального контроля над наукой. Особо ярко это проявилось в Белграде на примере Исторического института, создававшегося с 1947 г. по инициативе Комитета по научным учреждениям, университету и высшей школы по решению правительства Сербии о создании в рамках Сербской академии наук (САН) 19 научных центров. Уже на подготовительной стадии реализацией этой идеи стали заниматься сами представители исторической науки в лице членов САН и профессоров философ-

ского факультета Белградского университета. 15 июля правительственным комитетом были утверждены руководство института (управляющим стал В. Новак, его заместителем — Г. Острогорский) и временный научный совет. Одним из их первых шагов института стала покупка библиотеки историка Станое Станоевича (1874–1937), которая и стала ядром книжной коллекции нового центра исторической науки в Сербии¹. Основой его архивной коллекции, подбираемой специальным редакционным комитетом², стало выкупленное рукописное наследие яркого сербского публициста и исследователя истории Сербии XIX столетия Гргура Якшича³, взгляды которого были не менее далеки от марксизма-ленинизма, чем у С. Станоевича. Сам Г. Якшич был принят в состав сотрудников института. Еще один удар по тоталитарному замыслу нанесла сама компартия: в 1949 г. историческое отделение ЦК КПЮ передало в дар институту огромную архивную коллекцию (55 ящиков, содержащих 14 тыс. документов) историка, дипломата и лидера Либеральной партии Сербии Йована Ристича (1831–1899)⁴.

К началу 1950-х гг. историко-философская мысль в Сербии представляла весьма пеструю картину, развиваясь по трем основным линиям. В публиковавшейся литературе бросался в глаза догматический поиск социалистических корней в историческом прошлом сербского народа. Наиболее ярким гротесковым примером этого направления стала монография Д. Недельковича «Наша философия в борьбе за социализм»⁵, вызвавшая критику даже у такого весьма гибкого в теории коммунистического новатора, как М. Джилас. По ехидному замечанию одного из эмигрантских авторов лондонского журнала «Порука» — органа Югославского народного комитета, по прочтении монографии напрашивался вывод о том, что вся история сербов еще до прихода на Балканы являлась стремлением к коммунизму в его титовском варианте, а вся философская мысль Сербии развивалась по направлению социализма югославского образца как предшественника философской мысли самого Недельковича⁶.

Наряду со своего рода последовательным романтико-коммунистическим догматизмом в Сербии в это время был замечен рост внимания к ключевым моментам и фигурам сербской истории. Их стремились соотнести как с господствующей идеологией, так и идеей единого югославского государства. Ярким примером подобного подхода была публикация статей в ознаменование 50-летия со дня смерти и 125-летия со дня рождения «народного борца и вождя воеводинских сербов во второй половине XIX в. Светозара Милетича»⁷. Другим таким примером стала реабилитация летом 1953 г. участников Солунского процесса 1917 г. во главе с полковником Д. Димитриевичем-Аписом. Полуофициальным обоснованием реабилитации стали взгляды на организацию «Млада Босна» как на одну из ступеней движения сербского общества к социализму⁸. Однако вместе с их реабили-

тацией в сербское общество неминуемо должен был вернуться интерес к идеям «Млады Босны» о необходимости единства сербов Боснии с сербами в собственно Сербии, которых придерживались видные деятели сербского народа XIX столетия, начиная с вождей Первого сербского восстания. Проведенная реабилитация, таким образом, становилась звеном в цепи возвращения элиты к традиционным идеям сербского национального самосознания. Столь своеобразные в рамках левототалитарной общественной модели исторические экскурсы в прошлое были связаны и с конкретными политическими фигурами правящей элиты титовской Югославии. В частности, реабилитация Дмитриевича-Аписа была инициирована А. Ранковичем, а М. Пьяде, перед Первой мировой войной бывший членом редколлегии «Пьемонт», с энтузиазмом воспринял это событие⁹.

Несмотря на все перипетии борьбы за социалистическое направление развития Югославии, тема Первого сербского восстания не исчезла из поля зрения историков-профессионалов, являясь во многом той отдушиной, где исследователи немарксистской, «критической школы» могли предаться своей профессиональной деятельности без особой оглядки на основоположников марксизма и ленинизма, отдавая лишь формальную словесную дань идеям о смене общественно-экономических формаций и роли народных масс. Традиция освещения этой темы прервана не была. Ее систематическое изучение было продолжено Д. Пантеличем¹⁰, опубликовавшем в 1949 г. солидную монографию о Белградском пашалыке накануне восстания, которая явилась продолжением его книги, изданной в 1927 г.¹¹ В этот раз автор сконцентрировался на условиях, царивших в этой части Османской империи в десятилетие, предшествовавшее Первому сербскому восстанию, когда сербский народ под янычарским господством был поставлен перед необходимостью бороться за свое выживание¹². В изданной тогда же небольшой по объему работе «Привилегии крайны»¹³ Д. Пантелич вернулся к уже описанному в его книге сюжету о ситуации накануне сербской революции и подробно остановился на вопросе привилегий, которыми обладали в рамках Видинского пашалыка два северо-восточных района Сербии¹⁴. Фундаментальные исследования предыстории событий в Сербии начала XIX в., проведенные Пантеличем на богатом материале зарубежных и отечественных архивов, подталкивали остальных историков к изучению последующих событий, а вместе с этим и помогало созданию в научном сообществе единой системы взглядов на корни и причины освободительного движения.

Непререкаемый авторитет Пантелича среди коллег (с февраля 1932 г. он являлся член-корреспондентом Сербской королевской академии наук¹⁵) и влияние, которое он оказывал не только собственными исследованиями, но и участием в различных сферах общественной и научной деятельности,

благоприятно воздействовали на все историческое сообщество в Сербии. Его огромный опыт был востребован и во второй половине 1940-х гг., когда после выхода на пенсию в 1946 г. Пантелич вернулся к живой научной деятельности в качестве «оплачиваемого научного сотрудника САН». В 1951 г. он стал хранителем рукописной коллекции в архиве САН, а с 1952 г. занял место управляющего этим архивом. Среди его многочисленных общественных нагрузок (основной из которых было место председателя в Союзе архивных работников ФНРЮ и издание журнала «Архивист», с 1951 г. органа Главного архивного совета Югославии, с 1953 г. — органа Союза архивных работников Югославии), были и членство в ряде редакционных комитетов по изданию архивных документов из сербской истории, в том числе о Первом сербском восстании. Именно Пантелич вместе с коллегами стал эпицентром взрывной энергии и осью притяжения разносторонних усилий преподавателей и общественных мыслителей младшего поколения — историков, литературоведов и юристов, обучавшихся в Белградском университете в межвоенный период и продолживших свою деятельность после 1945 г. Особое место среди них занимал легендарный человек, участник знаменитого покушения в Сараево 1914 г., историк Васа Чубрилович, профессионально сформировавшийся в межвоенный период как ученик и последователь Владимира Чоровича (1885–1941)¹⁶. До 1952 г Чубрилович совмещал правительственный пост с преподаванием на философском факультете в Белграде.

При очевидной и весьма заметной роли в юбилейных событиях 1954 г. В. Чубриловича¹⁷ именно академик Д. Пантелич являлся неформальным лидером тех комитетов и комиссий, которые системно влияли на общую атмосферу и определяли весь ход подготовки сербского общества к 150-летнему юбилею Первого сербского восстания. Сам Пантелич сознательно стремился провести единую линию в изучении этих событий от публикаций в журналах «Даница» (1826–1829 и 1834 гг.) и «Голубица» (в 1840-х гг.), создания в Белграде Общества сербской словесности (впоследствии Сербского научного общества) до деятельности Сербской академии наук при коммунистическом режиме 1950-х гг.¹⁸

В юбилейном 1954 г. Д. Пантелич внес и печатный вклад в освещение событий начала XIX в. двумя небольшими работами. Первая из них, описывавшая отношение народа к поэме «Начало буны против дахийев», написана народным сказителем Филиппом Вишничем на сюжет необычных астрономических событий, которые были замечены накануне восстания¹⁹. Пантелич указал, что описываемые в поэме события являются подлинными, а сама поэма уже была распространена среди сербов в начале 1804 г.²⁰ Вторым печатным и на первый взгляд незаметным вкладом стала его рецензия (подписанная «Д. П.»), в которой академик с исключительной профессиональ-

ной добросовестностью показал своим молодым коллегам образец рецензирования труда по сложной обзорной теме международной истории Сербии XIX в., особо блестяще осветив сюжеты, посвященные событиям Первого сербского восстания²¹.

Среди других пламенных просветителей событий сербской истории начала XIX в. был Душан Перович. Он изучал общую историю и историю литературы на философском факультете Белградского университета, а после его окончания в 1929 г. преподавал в Валево, Дубровнике и Сараево. Д. Перович попал в плен во время Апрельской войны 1941 г. и до мая 1945 г. содержался в офицерском лагере в Оснабрике. После освобождения он преподавал на философском факультете Белградского университета, а с 1948 г. одновременно работал и в Историческом институте. В это время увидела свет его книга «Тезисы по сербской истории»²². Перович стал одним из основателей Исторического общества Сербии и его печатного издания журнала «Историски гласник», являясь в 1948–1950 гг. его ответственным редактором. Вместе с братом Р. Перовичем и Д. Прлевичем он готовил к печати тексты для «Исторической читанки» — популярной хрестоматии по истории Сербии. Впоследствии Д. Перович стал первым директором Музея Первого сербского восстания и учредителем Сборника музея Первого сербского восстания. В 1954 г. он внес посильный вклад в популяризацию событий начала XIX в. в научной и периодической печати.

Еще одним ученым, посвятившим свою деятельность теме Первого сербского восстания, был упоминавшийся родной брат Д. Перовича Радослав. По образованию филолог-литературовед, окончивший философский факультет в Белграде в 1927 г., он с июня 1934 г. после принятия на службу на тот же факультет в Сербский семинар С. Станоевича связал свою судьбу с исторической наукой. Став в 1949 г. научным сотрудником Исторического института САН, Р. Перович нес основной груз по подготовке к изданию архивных документов, не публиковавшихся мемуаров и записок лиц, связанных с событиями первой трети XIX столетия. Несмотря на то что за это время он был понижен до должности специального сотрудника института, а в январе 1953 г. лишен работы и пенсии, этот подвижник-просветитель не прекратил подготовку запланированных публикаций. В 1954 г. свет увидели два сборника документов (один — под эгидой Исторического общества Сербии, второй — в издательстве «Народная книга»)²³, подготовленных при его непосредственном участии²⁴. И в последующем Р. Перович продолжал заниматься этой темой²⁵.

К профессиональным историкам тесно примыкала и литературовед Божидар Ковачевич, который также внес существенный вклад в изучение Первого сербского восстания. Как и братья Перовичи, он также получил образование на философском факультете в Белграде (1921–1927). В 1946–

1948 гг. Ковачевич служил референтом по литературе в Министерстве просвещения Сербии, а после этого (1948–1954) являлся научным сотрудником Института по изучению литературы, перейдя после его закрытия в архив САН. В 1955 г. он стал его управляющим, пробыв в этой должности до 1968 г.²⁶ Еще в 1940 г. Ковачевич подготовил к печати книгу «Первое сербское восстание по рассказам повстанцев и современных наблюдателей», а в 1953 г. из печати вышла его книга «Досифей Обрадович в Первом сербском восстании»²⁷.

В числе узкого, но весьма активного и влиятельного ядра подвижников изучения событий начала XIX в. были и представители правового направления сербской науки, которые постоянно проявляли интерес к историческим сюжетам. Наиболее яркими из их числа был Драгослав Янкович, закончивший юридический факультет Белградского университета в 1936 г. и принятый туда на службу в апреле 1940 г. В 1945 г. Янкович вернулся на факультет, где в конце 1940-х гг. после защиты диссертации о политических партиях в Сербии XIX в. (ее текст был опубликован в 1951 г.) получил звание доктора исторических наук²⁸. Именно после этого он, помимо преподавательской деятельности, стал заниматься изучением Первого сербского восстания, опубликовав статью «Кодекс Карагеоргия»²⁹. По его мнению, документ был важен для изучения социальных обстоятельствах Сербии того времени, ибо составлялся в целях соблюдения интересов «формирующийся новой крестьянской буржуазии».

Наиболее плодовитым по числу опубликованных работ (включая статьи в периодической печати) был еще один представитель юридической школы, более молодой преподаватель М. Джорджевич, развернувший свою деятельность в рамках юридического факультета Сараевского университета, на который он вместе с Б. Недельковичем и А. Соловьевым перешел после его создания. К 1954 г. он получил известность после публикации (в 1949 и в 1951 гг.) работ, содержащих сюжеты из истории Первого сербского восстания³⁰. В 1952 г. Джорджевич защитил докторскую диссертацию «Вопросы самоуправления в Сербии 1791–1830 гг.», а в 1953 г. издал еще одну монографию³¹. Столь солидная подготовка позволила Джорджевичу в юбилейный год активно заниматься публицистической деятельностью. В 1954 г. он опубликовал шесть работ, пять из которых — в периодической печати³².

Усилия двух довоенных поколений сербской интеллигенции были поддержаны и теми, кто был включен в сообщество исследователей отечественной истории уже после Второй мировой войны, сохраняя, в отличие от ожиданий коммунистических конструкторов нового общества, традиции прошлых поколений вплоть до повторения их жизненных и профессиональных зигзагов. Одним из представителей «новой волны» стал Владимир Сто-

янчевич, который в 1948–1950 гг. работал библиотекарем в Семинаре общей истории средних веков, одновременно изучая историю на философском факультете Белградского университета (1945–1950), специализируясь по национальной истории Нового времени. В феврале 1950 г. после защиты диплома он был принят ассистентом Исторического института САН, где первоначально главные силы отдавал изучению Первого сербского восстания и времени правления князя Милоша. В 1956 г. он защитил докторскую диссертацию «Князь Милош и Восточная Сербия (1833–1838)³³. Еще один представитель историков новой волны Войслав Вучкович вместе с Г. Якшичем в 1950-е гг. был занят публикацией французских документов о Первом и Втором сербских восстаниях 1804–1930 гг., которая увидела свет в 1957 г.

Общий уровень понимания событий конца XVIII — начала XIX столетий был заявлен в опубликованном в первом номере «Исторического журнала» выступлении директора Исторического института В. Новака, в котором он указывал на необходимость внимательного отношения к трудам предшественников. «Время перед великим национальным освобождением и сербской революцией в начале XIX в., — считал он, — освещено и архивными документами, и исследованиями Д. Пантелича». Следующий исторический период Новак назвал сербской революцией во главе с Карагеоргием и постепенным достижением свободы, падением и новым подъемом, как и культурным возвышением. Эти события, по его мнению, были рассмотрены в межвоенный период в ряде работ историков, среди которых Новак назвал Ст. М. Димитриевича, Т. Джорджевича, А. Ивича, Сл. Йовановича, Г. Якшича, Р. Перовича, П. Поповича, В. Чоровича, В. Чубриловича³⁴. Столь подробное упоминание прежних авторов означало снятие табу с их работ для историков-профессионалов.

Рассуждения о Первом сербском восстании были актуализированы уже в начале 1950-х гг. Сделал это Д. Перович, который весной 1950 г. организовал на философском факультете Белградского университета дискуссию о характере Первого сербского восстания и первым употребил по отношению к нему термин «социальная революция»³⁵. Хотя эти рассуждения во многом явились лишь продолжением размышлений традиционной критической сербской историографии, при их формулировании во внимание принимались и некоторые новые моменты, вносившиеся под влиянием марксистской идеологии и обстоятельств развития страны в последние несколько лет. В дальнейшем интенсивность обсуждения проблем Первого сербского восстания в общественной мысли заметно возросла, а большинство работ увидело свет в 1954 г. Среди научных специализированных журналов не было таких, которые не посвятили бы этой теме один или два номера. Статьи публиковались как в специальных изданиях, так и в СМИ³⁶.

Среди многочисленных публикаций 1954 г. главной связывающей нитью стало обсуждение самого понятия Первого сербского восстания и его основного содержания. Публикации порой не были лишены известного налета официальной идеологии, а молодые историки допускали неизбежные «перегибы» (с иронией воспринимавшейся старшим поколением) в стремлении угодить господствующей идеологии. В частности, в одной из своих многочисленных статей, опубликованных в 1954 г.³⁷, В. Винавер писал о том, как руководители повстанцев проявили живой интерес к историческим традициям сербского средневекового государства и восстановлению государственности как продолжению Сербии Неманичей³⁸. Современники же с иронией констатировали, что он силился увидеть в событиях того времени буржуазно-демократическую революцию³⁹.

В исследовании, названом «Характеристики сербского государства во время Первого восстания»⁴⁰, Д. Янкович отмечал, что «сербское государство было построено на руинах феодальной турецкой системы и основах капиталистической экономики и правовых буржуазных отношений». Новое государство не обладало четко определенной формой власти и колебалось между олигархической республикой и абсолютистской монархией, склоняясь ко второму варианту. В то же время «его характер и организация испытали влияние буржуазной идеологии». В исследовании, названном «Первый год Сербского восстания; вклад в изучение характера и целей восставших. 1804–1805 гг.» М. Джорджевич в полемике с теми, кто считал, что восстание против дахийцев имело ограниченные цели и восставшие не имели далеко идущих планов, ограничиваясь обретением автономии, утверждал, что восстание с первых же его дней было началом войны против турок, за свободу и обретение независимости Сербии⁴¹.

В своей статье «Первое сербское восстание и его место в истории»⁴² Р. Самарджич включил Первое сербское восстание в цепь других революций, которые после 1879 г. решительно опрокинули феодальные режимы в Европе и закончились созданием целой группы национальных и свободных государств. При этом он полагал, что восстание должно носить название «сербской революции». Он считал, что элементы буржуазно-демократической революции, которые можно обнаружить уже в начале восстания в ходе событий, стали очевидны. По его мнению, «начатое как бунт против дахийцев восстание в скором времени принял размеры революции, которая имела целью полностью уничтожить феодальные турецкие власти в Сербии и создание национального сербского государства»⁴³. Не ограничившись этим, Самарджич назвал «события, начатые в Шумадине в февральские дни 1804 г. ...началом революционной борьбы балканских народов за получение своих национальных прав и демократических свобод, важным моментом завершающего периода решительных усилий свободомыслящей Евро-

пы разрушить последние ограды феодального Средневековья». В данной статье автор также вернул в научный оборот имя профессора истории философского факультета Белградского университета, ведущего семинар по всеобщей истории Нового времени В. Поповича, среди работ которого был и обобщающий труд 1940 г. «Европа и сербский вопрос в период освобождения (1804–1812)». В. Попович также считал, что события начала XIX в. являлись не «Первым сербским восстанием», а «сербской революцией»⁴⁴.

Ярким явлением юбилея стали тезисы статьи Ф. Слипчевича «Первое сербское восстание как составная часть Восточного вопроса»⁴⁵. Автор писал о том, что «сербское восстание в Восточном вопросе предложило новое решение», показав, что этот запутанный мировой вопрос может и должен быть решен на национальном принципе посредством национально-революционной борьбы на новой, более высокой общественной и политической основе». Слипчевич указывал, что «Первое сербское восстание открыло балканскую революцию, отбрасывающую уже изживший себя легитимистско-империалистический принцип великих держав». «Большую историческую и международную заслугу сербского народа» автор видел в том, что он «первым поставил и выдвинул этот (национальный. — А. Е.) принцип и первым среди всех югославских и балканских народов с успехом боролся за его решение»⁴⁶. Отрицая спонтанный характер событий 1804 г., он считал, что восстание было обусловлено прогрессом общественно-экономических и военно-политических сил в Белградском пашалыке уже в конце XVIII в., когда сербы, считая, что они доросли до своих врагов, горели желанием окончательно сбросить иноземное ярмо и освободиться от векового рабства». Слипчевич полагал, что еще до начала вооруженного восстания влиятельные представители сербов совершали политический зондаж в этом отношении. Он привел ряд примеров, в том числе и миссию 1803 г. в Петроград архимандрита монастыря Пиве А. Гаговича, который поставил русских в известность о том, что «народ в Герцеговине, а также и все христиане, которые мучаются под турецким ярмом, считают, что пришло время для их освобождения»⁴⁷.

Несмотря на неизбежную дань господствующей идеологии и известной моде на марксизм в мировой исторической науке в это время, сербские историки в своем большинстве стремились уйти от определяющего влияния марксистской схемы на понимание событий XIX в., считая, что развитие отношений новой формации в начале столетия не было определяющим. Характерная оценка Первого сербского восстания, сделанная на основе статей, появившихся в 1954 г., была дана в обобщающем труде по историографии за 1945–1955 гг., вышедшем под эгидой Национального комитета исторических исследований под редакцией Й. Тадича в официальном издании «Югославия». В нем говорилось, что «Первое сербское восстание, ко-

торое Л. Ранке назвал «сербской революцией», было «не только началом финальной стадии борьбы, которую сербский народ вел за освобождение от турецкого ига, но явилось началом решения Восточного вопроса тем единственно правильным и эффективным способом, каким является революционная борьба балканских народов за свою национальную свободу и процветание»⁴⁸.

Среди ярких событий юбилейного 1954 г. было и переиздание (при самом непосредственном участии В. Чубриловича) двух книг буржуазного сербского историка и известного дипломата С. Новаковича, изданных в начале XX в. после его службы сербским посланником в Петербурге. Переиздание его работ показало, что сербские историки последовательно придерживались курса, очерченного директором Исторического института В. Новаком о необходимости бережного отношения к трудам предшествующих поколений и учета результатов их исследований. Появление работ буржуазного историка при новом режиме было делом непростым, и книге «Возрождение сербского государства», вышедшей из печати в июне 1954 г., было предпослано объемное предисловие В. Чубриловича, который с известной долей критики последовательно разобрал труд Новаковича. В стремлении сохранить академический подход к изучению истории Чубрилович отметил, что только после публикации всех источников историки получают возможность основательно изучить Первое сербское восстание. По его мнению, «только строгим критическим анализом старых и новых документов наши историки смогут откорректировать взгляды Новаковича и прежних исследователей Сербской революции 1804 г.», а до тех пор работа Новаковича «наряду со всеми односторонностями в показе и устарелых концепциях сможет очень хорошо послужить читателю получить объективное введение в обзор революции 1804–1813 гг.»⁴⁹.

Характерной особенностью многих газетных публикаций того времени явилось то, что статьи писали не только журналисты, но и весьма часто профессиональные историки. При этом за счет характерной особенности югославской прессы того времени, продолжавшей публиковать многополосные заметки, авторы имели достаточно места как для пространного цитирования источников, так и для выражения своей точки зрения. Еще одной особенностью стала публикация в СМИ материалов современников или участников восстания. Среди многочисленных сюжетов о Первом сербском восстании югославские СМИ не обошли вниманием российскую политику на Балканах в начале XIX в. Ей были посвящены как отдельные сюжеты в появлявшихся материалах, так и специальные газетные публикации, во многом носившие отпечаток недавнего советско-югославского конфликта.

Наиболее характерной стала статья М. Джорджевича, который, как уже отмечалось, в отличие от своих старших коллег, профессионально сформи-

ровался в годы советско-югославского конфликта. В статье «Революционное дело сербских повстанцев»⁵⁰, он указывал на «тяжелый опыт сербско-русских взаимоотношений» и на «неоправданно большие надежды, возлагавшиеся восставшими на «единоверных и единоплеменных братьев». Оценивая действия представителей российской стороны, автор отмечал, что «братья... руководствовались своими потребностями, как до этого соседняя Австрия, и всегда были готовы ради своих небольших барышей пожертвовать великими завоеваниями восстания». Джорджевич отмечал, что «в то время как повстанцы не имели иллюзий в отношении Австрии, Турции и Франции, они забыли, что по сходным причинам таким же образом должна поступать и феодальная, абсолютистская, захватническая Россия»⁵¹. Он подчеркивал, что «русские представители не стремились добиться поставленных целей исключительно путем переговоров с восставшими. Противоречия между политикой восставших и русскими действиями они хотели снять изменением отношений внутренних сил в самой Сербии, которое должно было привести и к изменению политических и военных целей восставших». Автор считал, что «российским интересам не отвечала революционная борьба поработанных балканских народов, ибо ее поддержка со стороны России, с одной стороны скомпрометировала бы российскую политику на Балканах, а с другой — привела бы к превращению революционных сил в этом регионе в самостоятельный фактор».

По мнению Джорджевича, «Карагеоргий был должен посредством уставных актов 1808 и 1811 гг. консолидировать внутреннюю ситуацию с тем, чтобы обеспечить единство управления страной в своих руках, сведя отношения с Россией к военному союзу, исключая все возможности ее вмешательства во внутренние дела Сербии». Эту же стилистику автор сохранил в утверждении о том, что в 1812 г. выход из войны Россия «использовала для того, чтобы самовластно и без предварительных переговоров с восставшими решать сербских вопрос в мирном договоре с Турцией. Она согласилась подписать статью о возвращении Сербии под турецкую власть с тем, чтобы в ответ получить известные права в дальнейшем решении вопроса Сербии». По его мнению, это и было последним словом России в деле сербского восстания, «конечным смыслом ее отношений с восставшими». Свой материал Джорджевич завершил словами о том, что «в 1813 г. восставшие, отбрасывая все компромиссы, последовательно остались на своем революционном пути, указывая, что только бескомпромиссная борьба может принести свободу поработанным балканским народам».

Если в статье Джорджевича отношения повстанцев с Россией были лишь одним из сюжетов, то 7 марта 1954 г. газета «Борба», официальное коммунистическое издание, опубликовала материал, специально посвященный этой теме⁵². Наряду с приведением в хронологической последовательности

фактов взаимоотношений в нем делались и оценочные выводы. В частности, указывалось, что Тильзитским миром предусматривалось прекращение войны между Россией и турками, вывод русских войск из Валахии и Молдовы. Поскольку в документе не было ни единого слова о восставших, то делался вывод, что «сербы были полностью брошены русскими». Изменение позиции России в дальнейшем автор связал с тем, что «условия перемирия между Россией и Турцией вызвали взрыв общественного мнения в Петрограде, ибо предусматривали уничтожение всех русских кораблей в Черном море. После этого царь Александр отказался согласиться с такими условиями, и война между Россией и Турцией была продолжена». По словам автора, данный «поворот и продолжение войны между русскими и турками способствовали тому, чтобы сербы не подверглись немедленному нападению со стороны турецкой армии». Мало известный в профессиональной среде историков, но хорошо информированный в событиях, предшествовавших советско-югославскому конфликту 1948 г., автор статьи не стеснялся и прямых сравнений между событиями начала XIX в. и недавним конфликтом с Москвой. Он указывал, что российский представитель Родофиникин «плел интриги среди старейшин восстания с тем, чтобы расколоть их единство». Материал завершался напоминанием о том, что «последователь политической школы Родофиникина» появился в Белграде через 140 лет, проводя прямую аналогию с действиями советских послов в Югославии после 1944 г.

* * *

Юбилей Первого сербского восстания получил широкое освещение в Сербии помимо желания высшего югославского руководства, которое было вынуждено уделять ему внимание в диалоге с научной общественностью, ибо уже в новогодних выпусках СМИ эта тема была заявлена как приоритетная. Читатели газеты «Политика» — самого популярного в Сербии ежедневного издания — могли убедиться в этом, взяв в руки номер за 1 января. Если на первой полосе было опубликовано новогоднее послание Тито, то на пятой — статья Д. Перовича «Накануне юбилея Первого сербского восстания»⁵³. Уже через неделю слова заголовка этой статьи редакция «Политики» использовала в качестве постоянной газетной рубрики, под которой появлялись все последующие материалы⁵⁴.

Есть все основания полагать, что тяжелейший кризис в общественно-политической жизни ФНРЮ в начале 1954 г., получивший у современников название «дело Джиласа», в результате которого до этого ведущий идеолог СКЮ и глава скупщины, высшей представительной власти ФНРЮ, М. Джилас был подвергнут резкой критике и подал в отставку со всех занимаемых постов, а затем вышел из рядов партии, вывели юбилейные собы-

тия из-под пресса идеологии. Отсутствие доступных документов высшего руководства СКЮ⁵⁵ оставляет единственную возможность применить к изучению позиции высшего руководства ФНРЮ методов советологии, анализируя доступные материалы печати, делая неизбежные допущения.

Согласно практике, сложившейся в югославском руководстве до 1953 г., вопросы, связанные с юбилеем, входили в компетенцию М. Джиласа. Впрочем и он после VI съезда КПЮ—СКЮ вслед за Б. Кидричем, проведшим экономическую реформу, занимался реформой политической как ее естественным продолжением. Во второй половине 1953 г. Джилас, согласившись якобы с решениями июньского (1953 г.) пленума ЦК, на самом деле был занят подготовкой к борьбе за отстаивание своих взглядов и самой экономической реформы⁵⁶. Если принять версию о том, что в это время Тито сблизился с Ранковичем и готовил отставку Карделя, то можно предполагать, что Джилас, действовавший в начале 1950-х гг. в унисон с Карделем в деле реформирования политической системы ФНРЮ, мог быть против любых символических акций сербского возрождения. Он должен был опасаться их прежде всего как фактора, усиливавшего позиции куратора кадровой политики СКЮ А. Ранковича и соответственно партаппарата и партийной бюрократии — главной угрозы предполагаемых Джиласом реформ. К тому же во второй половине 1953 г. ближайший сотрудник Джиласа В. Дедиер уже выступил с косвенной критикой Ранковича, осуждая его действия по реабилитации осужденных на Солунском процессе⁵⁷.

«Дело Джиласа» в январе 1954 г. дезорганизовало всю идеолого-политическую работу СКЮ, ибо и он сам, до этого курировавший данный сегмент общественной жизни по линии ЦК, а вслед за ним и все его ближайшее окружение, в том числе и В. Дедиер, особо занимавшийся вопросами историографии, и так называемая историческая группа редакции журнала «Новая мысль» больше не имели влияния на формирование позиции официальных югославских властей. Само руководство СКЮ и ФНРЮ было вынуждено заниматься юбилейными событиями в Сербии спонтанно, без заранее спланированной схемы действий. Это наложило отпечаток на позицию СКЮ, но в то же время выявило в «чистом виде» отношение югославских лидеров к сербскому юбилею.

Героическая борьба сербского народа против турецкого господства в начале XIX в. являлась неудобным местом в концепции «братства и единства», проповедовавшей КПЮ, ибо за всю предыдущую историю ни у одного из народов, входящих в ФНРЮ, не было подобного самоотверженного эпизода в национальной истории. События 1804 г. самым естественным образом выдвигали сербов в центр внимания среди других народов Югославии, а чрезмерное празднование этих событий в 1954 г. вносило разлад в классовые установки о борьбе в XX в. трудящихся Югославии против бур-

жуазии (преимущественно сербской), а также о борьбе всех народов во главе с КПЮ против оккупантов в годы Второй мировой войны, привлекало внимание к «табуированной теме» о равногогорском движении Д. Михайловича. Чрезмерное будирование сербского вопроса могло быть спроецировано и на федеративную конструкцию коммунистической Югославии, ставя под сомнение созданный *status quo* в Боснии и Герцеговине, Хорватии, Македонии и Черногории.

При рассмотрении деятельности югославского руководства заметна главная особенность — сохранение Тито за кулисами событий. Югославский лидер нигде не принимал непосредственного участия в празднованиях. Эту позицию повторял и весь ЦК СКЮ в целом: ни один из членов высшего югославского руководства не был задействован в юбилейных торжествах напрямую. Этой линии следовал главный официоз югославский властей газета «Борба»⁵⁸, которая обратилась к теме Первого сербского восстания значительно позже «Политики», введя рубрику «Празднуя 150-летие»⁵⁹ со значительным опозданием. Общей линии следовал и ЦК СК Сербии. Такой вывод можно сделать на основе изучения имевших в первые месяцы 1954 г. трех эпизодов участия высшего партийно-государственного руководства Югославии в юбилейных мероприятиях: 13 февраля на торжественном заседании в Народном театре, 14 февраля в памятном митинге в Орашаце, а также в начале апреля на открытии выставки, посвященной Первому сербскому восстанию в здании Скупщины Сербии.

Во всех трех мероприятиях ни Союз коммунистов, ни Й. Броз Тито не были непосредственными участниками. На первом из этих событий — торжественном заседании в Народном театре в Белграде югославский лидер лишь присутствовал. Сообщение об участии высшего руководства страны содержалось в начале всех репортажей (среди многочисленных титулов Броз Тито пресса приводила лишь звание маршала). В частности, в «Борбе» была опубликована фотография «маршала Тито» в окружении ближайших соратников. С основным докладом на заседании выступил П. Стамболич как председатель Скупщины Сербии. На организованном 14 февраля митинге основное выступление сделал М. Тодорович как член общегосударственного правительства Югославии, а П. Стамболич и Р. Чолакович участвовали в митинге (но не выступали) как заместители председателя правительства ФНРЮ.

При широком освещении торжественного заседания 13 февраля в Народном театре газетные заголовки лишь помогали понять общий смысл выступления Стамболича, размещенного (и в «Борбе», и в «Политике») на двух газетных полосах, акцентируя внимание на ряде наиболее важных, по мнению редакции, тезисах. В частности, в «Борбе» на первой полосе был материал под заголовком «Первое сербское восстание нанесло удар фео-

дальной системе и национальному рабству», а вторая часть материала (на внутренней полосе) была названа «Победы в Первом сербском восстании вызвали целый ряд движений в соседних странах».

Само выступление Стамболича представляло собой полномасштабный доклад по проблеме Первого сербского восстания, в котором оратор представил нетрафаретный взгляд на события, включив в текст большинство из имевшихся к этому времени оценок современной исторической науки, достижения различных исторических школ⁶⁰. Стамболич попытался увязать в единую историческую линию прошлые и современные события, указав, что 1804 г. начал новую эру в истории сербского народа и эта борьба задавала основные направления историческим событиям всех последующих лет. События в Шумадии он назвал рубежом «начала национальной гражданской демократической революции». В дальнейшем Стамболич раскрыл эту интегральную формулировку, заметив, что «борьба велась за независимость нарождающейся нации», «борьба за освобождение от турецкого рабства слилась с борьбой против феодальных отношений». Вслед за этим появилась еще одно определение — «восстание было революцией, в которой перед народом стоял обычный вопрос — быть или не быть». Эта серия определений завершалась тезисом о том, что «борьба за национальную независимость сербского народа и развитие новых общественных отношений являлись основным содержанием восстания и всего XIX столетия».

Анализ событий Стамболич вел по классической марксистской схеме, упуская порой лишь некоторые его традиционные формулировки. Он указал, что «сербская революция» своеобразна по внутренним силам, ибо в ней не было развитого буржуазного класса. Турецкий режим мешал как тесная рубашка, но не было сил, которые могли радикально покончить с захватчиками и остатками феодализма. По его мнению, «недостаточная экономическая и социальная развитость — слабые силы нового, наложили печать на все события». Вместе с тем он заметил, что восстание началось во время, «когда капиталистические отношения в мире уже развились». Он отметил также своеобразные движущие силы восстания: сербские крестьяне под руководством кнезов, торговцев, гайдуков и попов. Оно не может быть отнесено к восстаниям крепостных крестьян, ибо это не борьба за мелкие права, а движение против феодального гнета. И хотя борьба развивалась в условиях недостаточно развитых отношений для буржуазной революции в классическом, европейском смысле, Первое сербское восстание обладало «неудержимой силой» в значительной мере потому, что носителями феодальных отношений были иностранцы — турки, люди иной народности и адепты другой веры.

Традиционная дань (три абзаца) была отдана в выступлении Стамболича и козням великих держав. Докладчик указал, что они действовали «в ло-

гике собственных интересов». В частности, Франция противилась восстанию, а «Россия начала действовать по логике собственных завоевательных интересов, как только поняла национально-освободительную суть Первого сербского восстания». Оратор охарактеризовал весь XIX в. как вмешательство великих держав, использовавших династическую борьбу в Сербии для борьбы за каждую пядь оставленной турками территории.

Значительную часть своего выступления (около трети) Стамболич посвятил современности, постаравшись связать (порой весьма неуклюже) исторические сюжеты и идеологию коммунистов. Начав с тезиса о том, что «все усилия последующих поколений отталкивались от завоеванных Первым сербским восстанием позиций», он отметил, что именно «современные поколения как свидетели социальной революции в Югославии» могут понять события начала XIX в. В подтверждение своих слов он привел и декларации о целях и задачах ССТНЮ, где говорилось о том, что современная Югославия является «делом многих поколений» и берет начало от Первого сербского восстания. После этого Стамболич напомнил и о том, что многонациональный характер восстания позволил повстанцам усилить свои ряды, узрев в этом подтверждение тому, что победы можно достичь только объединением югославских народов. Далее оратор остановился и на истории создания Югославии, упомянув о событиях Первой мировой войны, о потерях сербами четверти населения, когда героический сербский народ, истекая кровью, реализовал идею югославянства как единственную гарантию против порабощения.

Связывая события начала XIX в. с современностью, Стамболич заявил, что только то поколение, которое пережило социалистическую революцию, может по достоинству оценить Первое сербское восстание, ибо связывающей нитью стали жертвы, понесенные в обеих революциях и сходство событий: «Мы, обретшие вождя в крестьянском сыне и рабочем Тито, лучше всего понимаем то мрачное время, когда в торговце скотом и гайдуке Карагеоргии повстанцы получили полководца». На примере начала XIX в. докладчик попытался оправдать жестокости поведения КПЮ в 1941–1945 гг.: «Мы не порицаем людей Первого сербского восстания и суровое время». Вслед за этим Стамболич выделил свое поколение как «освобожденное от давления династических интересов и буржуазной ограниченности».

Не менее неуклюжи были и другие сравнения Стамболича. Он указал на необходимость занести «славные дела Первого сербского восстания в ризницу для использования их как пример для воспитания». Помимо этого он говорил и «об общности внешних условий Первого сербского восстания и нашей освободительной борьбы». Указав, что хотя они «разные по сути и по форме, но и сейчас Югославия должна бороться за независимость. Сегодня это не только условие прогресса, но и национального выживания». Среди

остальных тезисов Стамболича были и слова о миролюбии югославского руководства, выраженные в абзаце, где он, отметив славные подвиги военного прошлого, заявил о стремлении Югославии к миру, ибо мы «знаем, что означает война», и должны устранить ее причины.

Особенностью выступления Стамболича, не бросавшейся в глаза, но очевидной для современников, было то, что в скрытой форме оратор полемизировал и с теми, кто способствовал переизданию книги С. Новаковича «Воскресение сербского государства». Он, в частности, заметил, что «мы не мистифицируем прошлое. Для нашего времени Первое сербское восстание — не воскресение феодального сербского государства, а отрицание Средневековья и феодализма». Следующая фраза Стамболича о том, что «нам не надо как гражданскому классу защищать прошлое» вместе с предыдущей об уровне развития исторической науки, явилась, по сути, скрытой критикой исторической науки в прошлом и завуалированным укором ее современному состоянию.

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что на этом же заседании после Стамболича выступил именно тот, кто был объектом критики в прозвучавших высказываниях. Вышедший на трибуну после Стамболича профессор философского факультета Белградского университета В. Чубрилович как раз и был среди тех, кто способствовал переизданию в юбилейном году книг С. Новаковича и кто был автором предисловия к книге «Возрождение сербской государственности».

Выступление В. Чубриловича было помещено на следующий день на той же полосе официозной газеты «Борба», где находилось окончание речи П. Стамболича. Редакция озаглавила его просто как «Доклад Васы Чубриловича»⁶¹, выделив в нем два раздела: «Революция разбила старые общественно-политические отношения в Сербии» и «Поражение Сербии в 1813 г. замедлило ее развитие на следующие полвека»⁶². В самом тексте выступления Чубриловича редакция обратила внимание читателей на некоторые характеристики восстания. Во-первых, это — чудовищная динамика (наблюдавшаяся вплоть до его разгрома в 1813 г.), которую внесли в восстание его участники, повторенная только в 1941 г. с началом народно-освободительной борьбы, жертвенность и воодушевление, проявленные в ходе борьбы со стороны народных масс. Второй характеристикой событий был «его географический охват», вызвавший «целый ряд движений у народов в соседних странах под турецким и австрийским гнетом, особенно у сербов, что, по мнению докладчика, придало событиям характер общей сербской революции. По его словам, «это будут сознавать не только сами восставшие в Сербии, которые с 1807 г. будут открыто ставить как свою военную цель освобождение и объединение всех сербов, но и великие державы, заинтересованные в решении Восточного вопроса». Третьей характеристикой восста-

ния стало то, что оно «вошло в политические и военные планы государственных деятелей и военачальников этого времени, а сами повстанцы — неопытные патриархальные крестьяне — бросились в водоворот международной политики». Четвертой особенностью восстания профессор назвал «социальный характер и демократические устремления движения»⁶³.

События следующего дня стали яркой иллюстрацией сделанной властями попытки совместить историческую традицию с современностью. 14 февраля в собственно юбилейную дату был организован митинг в Орашаце. На нем выступили два главных оратора — М. Тодорович и генерал ЮНА Р. Йованович-Брадоя. Как сообщала «Политика» в репортаже с места событий, «с самого раннего утра к Орашацу двинулись колонны, составленные из народа повстанческой Шумадии, пробивавшегося по тропинкам, утопавшим в глубоком снегу». В газете сообщалось о том, как к месту митинга «в живописных шумадийских одеждах подходили крестьяне и крестьянки из Орашачкого, Опленацкого и Космайского срезов вместе с большим числом рабочих промышленных предприятий из Младеноваца и Аранжеловаца, прибывали гости из Белграда, Крагуеваца и других мест». В репортаже сообщалось, что появление главного оратора, члена правительства М. Тодоровича носило отпечаток недавних событий народно-освободительной борьбы 1941–1945 гг.: «Товарищ Тодорович был встречен криками “Синий! Синий!”⁶⁴, что означало скандирование его партизанского псевдонима. Из СМИ также можно было узнать, что в числе представителей высшего государственного и партийного руководства на митинге присутствовали председатель Народной скупщины Сербии П. Стамболич, член ИК ЦК СКЮ Ф. Лескошек, зампреда Союза исполнительного веча Р. Чолакович, член Союзного исполнительного веча М. Тодорович, зампреда Народной скупщины Сербии Д. Петрович-Шане, председатель Исполнительного веча Сербии Й. Веселинов, генерал-полковники О. Креачич, П. Якшич и Р. Йованович, а также член Исполнительного веча Сербии Р. Гркович, секретарь Народной скупщины Сербии С. Хашимбегович, Д. Маркович, П. Перович и другие⁶⁵. Характерно, что неброская позиция СКЮ в отношении сербского юбилея была сохранена: там, где представитель высшей бюрократии имел и партийный и государственный посты, печать приводила только государственные, а партийные функции давались СМИ лишь там, где чиновник (в данном случае Лескошек) не имел государственной должности⁶⁶.

Тенденции на сохранение СКЮ в стороне от юбилея была продолжена и при открытии выставочной экспозиции о событиях начала XIX в. 5 апреля 1954 г. «Борба» сообщила о торжественном открытии в субботу вечером в здании Исполнительного веча Сербии в Белграде выставки, посвященной 150-летию Первого сербского восстания⁶⁷. Сообщалось, что она продлится

около двух месяцев, а затем экспозиция будет перенесена в отреставрированную резиденцию князя Милоша в отдаленном от центра Белграда районе Топчидер. В статье подробно описывалась экспозиция выставки. Она начиналась с установленных при входе двух пушек повстанцев. В первом помещении в витринах были выставлены: «символы рабства и страдания сербского народа под турецким ярмом», включая кол с черепом одного из участников восстания, найденный в 1905 г. в Белградской крепости; личное оружие Карагеоргия; печать «Верховного вождя народа Сербского»; а также личные знамена руководителей отрядов повстанцев. В то же время в тексте репортажа не сообщалось о том, что высшие югославские лидеры посетили выставку, но в газете был опубликован снимок партийно-государственных руководителей, среди которых можно было узнать и президента Й. Броз Тито. Под этой групповой фотографией была поставлена самая нейтральная подпись: «С позавчерашнего открытия выставки»⁶⁸.

В последующем официальные юбилейные мероприятия продолжались, но их размах и освещение в СМИ значительно уступало первым трем, а сами они носили более формальный характер. 5 мая на пленарном заседании Первого конгресса историков Югославии первое выступление было посвящено вопросу характера начальной стадии в формировании современного сербского государства⁶⁹. 10 июня было организовано торжественное заседание в Сербской академии наук, сведенное к трем докладам ее членов⁷⁰ и не получившее широких откликов в СМИ.

* * *

В условиях некоторых изменений в конструкции левототалитарной модели Югославии, случившихся в начале 1950-х гг., кропотливым трудом немарксистских историков были возвращены к жизни многие документы из истории сербского народа начала XIX в., в общественное сознание современников, новых поколений внесены идеи сербского восстания, получили распространение яркие героические эпизоды из деятельности его руководителей и участников, было поднято на должный уровень и само событие. Кипучая энергия сербских историков довоенной и межвоенной подготовки заставила югославское руководство обратить внимание на юбилей и побудила его к действиям по инкорпорации Первого сербского восстания в официальную господствующую идеологию.

В то же время активность ученых в 1954 г. и предшествовавшие годы позволила им в открытую заявить о необходимости пересмотреть те рамки, в которые они были поставлены коммунистическим руководством во второй половине 1940-х гг. Атмосфера 1954 г. была настолько благоприятной, что один из авторитетов исторической науки того времени хорват Я. Шидак, освещая научно-педагогическую деятельность обществ историков,

заявил о том, что их задачей является создание совместно с существующими академиями «еще одного самостоятельного центра научной работы» и предотвращения «ее концентрации в одном месте». Это, по его мнению, сделает возможным более свободное развитие научных исследований и станет «основным предварительным условием для любой плодотворной творческой работы»⁷¹.

Деятельность представителей «критической школы» исторической мысли Сербии в 1954 г. и предшествовавшие годы дала научному сообществу ценный опыт самоорганизации, показала, что, несмотря на однопартийный режим в стране, для научной элиты сохранялись возможности оказывать влияние на развитие общественного сознания через активную научную и научно-просветительскую деятельность. Сами памятные даты подталкивали научную и творческую элиту сербского народа к осмыслению его судьбы, подводили к выводу о необходимости сохранения его единства, несмотря на разбросанность по отдельным республикам коммунистической Югославии, и в то же время давали возможность обсуждать его историю по отдельным республикам в рамках единой страны.

В 1954 г. сербские историки «критической школы» не могли выковать некую альтернативную коммунистической идеологии (да это и не могло быть их профессиональной задачей), но в условиях прекращения в январе 1954 г. после расправы над Джиласом намечавшихся тенденций к либерализации общественной жизни в югославской федерации подтолкнули сербское общество к националистическому пути развития, романтизации прошлого, возрождению идей о сербской исключительности. В руках менее подготовленных ученых и шаблонных марксистско-ленинских схем этот вопрос мог привести к деградации исторических исследований за счет вытеснения немарксистского подхода на периферию официальной общественной мысли, ибо даже сама возможность непредвзятого обсуждения внутри руководящей элиты титовской Югославии необходимости либерального пути развития после января 1954 г. была отброшена более чем на три десятилетия.

В то же время партийному и государственному коммунистическому аппарату при весьма осторожном подходе высшего руководства к юбилейным событиям, а также при бросавшемся в глаза отстранению СКЮ от активного участия в официальных торжествах и юбилейных мероприятиях удалось справиться с первой волной романтического национализма и достаточно успешно инкорпорировать возникавшие в процессе обсуждения Первого сербского восстания идеи в идеологические построения компартии, использовать их как для дополнительной легитимации однопартийной монополии в стране, так и для подкрепления официальных установок по внешнеполитическим и внутренним проблемам.

Примечания

¹ *Сечански Ж.* Хроника Историског института САН // Историски гласник. Орган Историског друштва НР Србије. 1948. № 1. С. 403–405.

² Группа по сбору архивных документов была названа редакционным советом в связи с тем, что предполагалась их публикация. Она состояла из Р. Перовича как главного редактора, Й. Радонича, Н. Радойича, М. Костица, Д. Пантелича, Н. Шкевовича, Д. Перовича и В. Богданова.

³ В 1907 г. в Сорбонне Г. Якшич защитил докторскую диссертацию на тему «Европа и возрождение Сербии. 1804–1844 гг.» В 1921 г. он был избран профессором юридического факультета Белградского университета. Во Франции им были изданы две монографии, связанные с изучением сюжетов начала XIX в.: «La Russe a la Porte Ottomane de 1806–1827» (Paris, 1906) и «L'Europe a la Serbie 1804–1834» (Paris, 1907). Несколько позднее появилась книга «Le Banat» (Paris, 1915). После мировой войны Якшич был членом делегации Сербии на Парижской мирной конференции. В 1933 г. его диссертация «Европа и воскресение Сербии (1804–1834)» была переведена на сербский язык. Несмотря на то что в 1937 г. Якшич вышел на пенсию, он продолжал активную научную деятельность. После 1945 г. он был редактором и составителем нескольких книг архивных материалов: «Переписка Или Гарашанина, 1, 1839–1848» (Белград, 1950), «Письма Филиппа Христича Йовану Ристичу (1868–1880)» (Белград, 1953). В 1957 г., уже после ухода Якшича из жизни, вышел подготовленным им совместно с В. Вучковичем сборник «Французские документы о Первом и Втором восстании (1804–1830)» (Белград, 1957).

⁴ Хотя основная сфера научной деятельности Ристича лежала в изучении сербской истории второй половины XIX в., он сохранил символическую связь с Первым сербским восстанием, выбрав тему «Лепольд Ранке и освобождение Сербии» для вступительной лекции в Сербской королевской академии в 1892 г.

⁵ *Nedeljković D.* Naša Filozofija u Borbi za Socijalizam, Beograd, 1952.

⁶ Spog oko tumačenja srpske istorije // Poruka (London). Br. 15. 16 septembar 1953. S. 10–11.

⁷ Воеводинская секция Исторического общества Сербии в своем журнале поместила ряд статей о связях Милетича со всеми югославянскими народами (Годишњак Историског друштва Војводине. Нови Сад, 1951. С. 54–118). Рецензию на него см.: *Сечански Ж.* Годишњак Историског друштва Војводине. Нови Сад, 1951. С. 5–166 // Историски часопис. 1952–1953. № 4. С. 330–331.

⁸ В. Дедиер, в то время официальный биограф Броз Тито и активный участник заседаний идеологических органов ЦК СКЮ и ССТНЮ, возглавляемых М. Джиласом, указывал, что в ответ на его сетования в отношении этой реабилитации Тито 15 июля 1953 г. заметил: «Не знаю, зачем нам это сейчас! Получается, что они — какие-то предвестники социализма» (*Dedijer V.* Novi prilozi za biografije Josipa Broz Tito. Knji-ga treća. S. 529).

⁹ Isto. S. 528–529, 622.

¹⁰ По завершении обучения в гимназии г. Заечар в 1897 г. Пантелич поступил на философский факультет Венского университета, где в 1902 г. защитил диссертацию

«Osterreich und das Papptum. 1655–1667». После возвращения в Сербию он преподавал историю в гимназии Заечара. В Высшей педагогической школе (1923–1946) служил профессором общей и национальной истории.

¹¹ До Первой мировой войны Д. Пантелич постоянно работал в архивах Вены и Берлина: в 1908–1910 гг. он выезжал туда на три-четыре месяца в период каникул, а в 1913–1914 провел в Вене весь учебный год (Енциклопедија srpske istoriografije. Beograd, 1997. S. 58).

¹² *Пантелич Д.* Београдски пашалук пред први српски устанак. 1794–1804. Београд, 1949.

¹³ *Pantelić D.* Oko krajinskih povlastica // *Historijski glasnik*. 1949. № 1. S. 62–82.

¹⁴ Ten years of Yugoslav historiography 1945–1955. National Committee for Historical Studies. Ed. by J. Tadić. Beograd, 1955. P. 283.

¹⁵ Подвижническая деятельность Д. Пантелича была признана и в коммунистический период: в июне 1955 г. за несколько месяцев до своей кончины он стал действительным членом САН.

¹⁶ В 1929 г. после защиты работы «Босански устанак 1875–1878». В. Чубрилович был принят ассистентом в семинар по общей истории нового века профессора В. Чоровича.

¹⁷ В. Чубрилович в 1954 г. трижды самым непосредственным образом затрагивал сюжеты Первого сербского восстания. Помимо доклада на торжественном заседании в присутствии высших руководителей Югославии и Сербии, он опубликовал пространную статью о Первом сербском восстании (*Prvi srpski ustanak // Istoriski glasnik*. № 1–2, S. 3–14), подготовленную во многом на основе доклада, а также подготовил пространное критическое предисловие к переизданию книги С. Новаковича «Воскрешение сербского государства».

¹⁸ *Pantelić D.* Prvi Srpski ustanak i Srpska akademija nauka // *Arhivist*. (Beograd, 1954). God. IV. Sv. 2. S. 3–4.

¹⁹ Početak bune na dahije // *Historijski glasnik*. 1954. № 1–2. S. 89–102.

²⁰ Ten years of Yugoslav historiography. P. 284.

²¹ Раздел по восстанию 1804–1815 гг. рецензент под инициалами «Д. П.» назвал самым слабым, полным пропусков и небрежностей из всей объемной работы составителей сборника (*Д. П. Приказ... // Исторически гласник*. 1955. № 2. С. 137–145).

²² *Perović D.* Teze za srpsku istoriju. Beograd, 1948.

²³ Gradja za istoriju prvog srpskog ustanka. Beograd, 1954. S. 371; «Prilozi za istoriju Prvog srpskog ustanka: neobjavljena građa. Beograd, 1954. S. 168.

²⁴ В Историческом институте издательской деятельностью занимался и секретарь Научного совета Ж. Сечански. В юбилейном 1954 г. (уже после увольнения Р. Перовича) он стал редактором сборника документов и автором предисловия к нему.

²⁵ После нескольких (с 1958 по 1961 г.) проведенных в заключении лет Р. Перович продолжил просветительскую деятельность. В 1981 г. он издал книгу о Первом сербском восстании. См.: *Перовић Р.* Прилози за историју Првог српског устанка. Београд, 1981.

²⁶ В 1928–1946 гг. (с перерывом на стажировку во Франции (в Сорбонне) в 1930–1931 гг.) Ковачевич был преподавателем и профессором в гимназии. (Энциклопедија... С. 438.)

²⁷ *Ковачевић Б.* Доситеј Обрадовић у Првом српском устанку. Београд, 1953.

²⁸ Энциклопедија... С. 403–404.

²⁹ *Karapogrev zakon // Historijski glasnik.* 1948. № 2. С. 10–20.

³⁰ *Ђорђевић М.* Погледи Вука Караџића на национално-ослободилачку борбу српског народа и стварање српске државе. Сараево, 1949; Чланци и есеји. Огледи са историјском тематиком. Сараево, 1951.

³¹ *Ђорђевић М.* Ђакова буна. Политичко-историјска студија. Београд, 1953. С. 226.

³² *Ђорђевић М.* Прва година српског устанка // ГИДБИХ, 1954. С. 5–27; *Ђорђевић М.* Револуционарно дело српских устаника // НИИ. 1954. 14-П; *Ђорђевић М.* Балкан u evropskoj strategiji početak XIX veka // Pregled. 1954. № 6. С. 467–474; *Ђорђевић М.* Bosna i Hercegovina u strateskim planovima srpskih ustanika // Pregled. 1954. № 1. С. 1–9; *Ђорђевић М.* Februarski dani 1804 // Oslobođenje. 1954. 15-II; *Ђорђевић М.* О устанничкој војној мисли // Народна армија 1954. 4-II.

³³ Энциклопедија српске историографије... С. 657.

³⁴ *Новак В.* Југославенска историографија између два светска рата и њени савремене задаци // Историски часопис. 1948. № 1–2. С. 211.

³⁵ *Јанковић Д.* О Душану Перовићу // Перовић Д. Из историје Првог српског устанка. Београд, 1979. Цит. по: *Белов М. В.* Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. События, документы, историография. Н. Новгород, 1998. С. 148. Сн. 18.

³⁶ Прилог библиографији Првог српског устанка // Историски часопис. 1954. № 1; *Стефановић Р.* Библиографија за 1954 годину // Историски гласник. 1955. № 3–4. С. 237–253.

³⁷ *Винавер В.* Друга политика Карађорђева // Република. 1954. 2 и 9-П; *Винавер В.* Карађорђе и Дубровник // НИИ. 1954. 1–1; *Винавер В.* Први српски устанак и Енглеска // Република. 1954. 13–1У; *Vinaver V.* Služba bezbednosti u Prvom srpskom ustanku // Narodna milicija. 1954. N 4. С. 20–23.

³⁸ *Istorijska tradicija u Prvom srpskom Ustanku // IG.* 1953. N 1–2. С. 103–119.

³⁹ *Ten years of Yugoslav historiography 1945–1955.* National Committee for Historical Studies. Ed. by J. Tadić. Beograd, 1955. P. 282.

⁴⁰ *Karakteristike srpske države u doba Prvog Srpskog uстанка // Anali Pravnog Fakulteta.* 1954. N 2. С. 142–155.

⁴¹ *Ђорђевић М.* Прва година српског устанка: прилог проучавању карактера устаничких циљева 1804–1805 // *Godisnjak.* 1954. VI. С. 5–27.

⁴² *Самарџић Р.* Место Првог српског устанка у светској историји // *Historijski pregled.* (Beograd). 1954. № 3. С. 32–39.

⁴³ Исто. С. 37.

⁴⁴ Исто. С. 38–39.

⁴⁵ *Šlipuević F.* Први српски устанак као саставни део Истоног питања // *Historijski pregled.* 1954. N 2. С. 47 — 56.

⁴⁶ Ibid. S. 56.

⁴⁷ Ibid. S. 48–49.

⁴⁸ Ten years of Yugoslav historiography... P. 279.

⁴⁹ Чубриловић В. Предговор изданью // Новаковић С. Васкрс државе српске. Београд, 1954. С. 39.

⁵⁰ Борђевић М. Революционарно дело српских устаника // Неделјне информативнее новине. 1955. С.1, 5.

⁵¹ Исто. С. 5

⁵² Четковић Јован. Односи српских устаника са Русијом // Борба. 1954. 7 март.

⁵³ «Наши народи могу бити спокојни и мирно усредити своје напоре за оставрење своих тежњи. Новогодишна честитка председника републике грађанима Југославије» // Политика. 1954. 1, 2 и 3 јануар С.1; Перовић Д. Уочи Првог српског устанка // Исто. С.5.

⁵⁴ В тот день также была опубликована статья В. Купрешанина (*Купрешанин В.* Казиванье о хильаду осамсто трећей // Политика. 1954. 8 фебруар.

⁵⁵ В результате проведенных расследований и последующих преследований сторонников Джиласа из общего архива ЦК СКЮ исчезли документы, которые были созданы в предшествующий этому период. В частности, в фонде ЦК СКЮ среди материалов «Идеологической комиссии» имеется существенная лакуна между 1952 и 1955 гг. Документы за 1953–1954 гг., которые могли бы пролить свет на отношение югославского руководства к подготовке юбилея Первого сербского восстания, отсутствуют.

⁵⁶ Шта после свега каже Темпо. Разговарао Милан Вучинић. Нови Сад, 1997. С. 99–101.

⁵⁷ Дедијер В. Нови прилози за биографију Јосипа Броз Тито. Книга трећа. Београд, 1991. С. 529.

⁵⁸ Ее обычный тираж в 300 тыс. экземпляров во время издания статей Джиласа в последние месяцы 1953 г. увеличивался до полумиллиона.

⁵⁹ Јовановић Ј. Црногорско-српске везе и односи за време устанка // Борба. 1954. 21 фебруар; Јанковић Д. Организација власти у Правом устанку // Борба. 1954. 2 март.

⁶⁰ Таким, в частности, явилось равнозначное использование терминов «гражданский» и «буржуазный», связанное с начавшимися после советско-югославского конфликта 1948 г. попытками отхода югославских теоретиков от советской модели развития и взглядов обслуживавших ее теоретиков, использовавших термин «буржуазный» как исключительно негативный, заменяя его термином «гражданский», что в определенной мере сближало их с последователями «критической школы» в исторической науке.

⁶¹ В газете «Политика» выступление В. Чубриловича было размещено на двух полосах (Политика. 1954. 14 фебруар).

⁶² «Революцијом су разбиени стари друштвени и политички односи у Србији» и раздел «Слом Србије 1813 успорио је њен развитак за читави пола века» // Там же. С. 3.

⁶³ Исто.

⁶⁴ У историјском Орашцу // «Политика», 15 фебруар 1954.

⁶⁵ Исто.

⁶⁶ Исто.

⁶⁷ Први српски устанак. Каталог изложбе. Београд, 1954.

⁶⁸ Историски документи о борби и животу устаника // «Борба», 5 април 1954.

⁶⁹ *Станковић Ђ., Димић ЈБ.* Историографија под надзором. Књ.1. С. 35–36.

⁷⁰ На седанци било заслушано три доклада: «Вук Караџић о вођах Првог сербског восстанија» А. Белича, «Досифеј Обрадовић и Првог сербског восстанија» Н. Радојичића и «О Сербској академији и њеној раду по изучавању Првог сербског восстанија» Д. Пантелића. См.: Свечана Академија у Српској академији наука // «Политика», 11 јун 1954.

⁷¹ Историјски гласник, № 3, 1954 С.163. Цит по: *Станковић Ђ., Димић ЈБ.* Историографија под надзором. Књ.1. С. 240.

Сербы на Балканах в прошлом и настоящем

Размышления о судьбах одного из современных славянских этносов

В V и VI вв. н. э. на Балканы переселилось множество родственных, но не одинаковых по своим этническим характеристикам славянских племен. Вполне допустимо предположить, что среди них была и группа таких этнически однородных племен, которая по своим социокультурным характеристикам (общий этнический язык, определенные своеобразные культурные комплексы, свои особые традиции, историческая память, нормы поведения) выделялась как особый этнос, за которым с течением времени утвердился этноним «сербы».

Когда племена сербов пришли на Балканы, они были, как и другие славянские племена, в значительной степени военизированными коллективами людей, очевидно, с военно-племенной организацией совместной жизни, позволявшей им совершать оперативные набеги на другие территории, прежде всего в целях их ограбления. Но по некоторым косвенным свидетельствам допустимо предположить, что славянские племена эпохи их расселения уже были этносами с немалым опытом оседлого образа жизни и что в их коллективах присутствовала и племенно-территориальная организация и система управления в сочетании с племенно-военной. Какова была их численность и на каких территориях они первоначально расселились, компактно или разрозненно — об этом, к сожалению, историческая наука не располагает практически никакими достоверными данными.

О расселении сербов имеются некоторые данные из византийских источников IX в., то есть более чем через три столетия после их появления на Балканах. Три столетия — это немалый период времени, в течение которого происходили большие изменения в жизни переселившихся славянских племен, в том числе и тех, из которых сформировался средневековый сербский этнос с существенно иной, чем при переселении, социальной структу-

рой, с иными формами организации совместной жизни и во многом изменившимися базовыми социокультурными характеристиками.

Поселившись на Балканах, сербский этнос обрел себя на обитание в географическом регионе, отнюдь не благоприятствующем спокойной жизни и нормальному мирному развитию. Этот регион, соединяющий Запад и Восток, Север и Юг Европы, испокон веков, так же как и сегодня, служил проходной дорогой для всех тех, кто из Европы стремился осуществлять завоевательные походы на Восток и Ближний Восток, и тех, кто из Азии рвался завоевывать Европу. Как географическое пространство Балканы являются одним из важнейших геостратегических регионов, который соединяет три континента — Европу, Азию, Африку. К тому же это еще и регион, обладающий немалыми природными ресурсами. Народы, которые обитают в этом регионе, являются перманентными жертвами внешней агрессии. Их судьба во множестве случаев определялась не их, а чужими интересами в регионе.

После переселения на Балканский полуостров (по некоторым данным, в его центральную часть южнее Дуная и до берегов Адриатического моря) сербские племена окончательно перешли от кочевого к оседлому образу жизни и от родоплеменных и военно-племенных к территориально-племенным и территориально-государственным формам организации и управления совместной жизни. Этот сам по себе сложный переход длился несколько веков и происходил в далеко не простых обстоятельствах.

Сохранившиеся исторические свидетельства о жизни сербов в этот период и о тех переменах, которые тогда совершались в сербском этносе, крайне скудны и не позволяют воссоздать даже в самых общих чертах некую целостную картину. А этот период, несомненно, был временем колоссальных изменений бытия этноса, его образа жизни и самой его этничности, временем перехода этноса от первобытных родоплеменных форм к новым, характерным для эпохи европейского Средневековья. Изменения касались численности его демографического корпуса, его культуры, религии, системы организации совместной жизни, внутренней социальной дифференциации, отношений с другими этносами — славянскими и неславянскими. Происходили очень сложные перемены во взаимоотношениях с существовавшими в это время государствами на Балканах и в соседних регионах.

Несомненным является то, что в годы своего переселения на Балканы сербы, как и другие славянские племена, не были в составе государственных коллективов и жили в коллективах догосударственного типа. Попав на территорию ослабевшей Византийской империи и поселившись в областях, опустевших вследствие многочисленных войн, славянские племена, видимо, какое-то время (кое-где, может быть, и довольно продолжительное) жили в рамках своих племенных организаций, не подчиняясь никакой государственной власти как таковой. Но в течение первых четырех-пяти

столетий после переселения славян на Балканы, хотя ослабевшая и раздираемая внутренними противоречиями, византийская имперская власть постоянно пыталась подчинять те или иные славянские племена. И это ей довольно часто удавалось, и многие территории обитания балканских славян, в том числе и сербских племен, снова входили с тем или иным статусом в состав империи. Кроме Византии, в те века с целью захвата земель, уже заселенных славянскими племенами, на Балканы рвались и другие государства. Им тоже удавалось осваивать те или иные территории обитания славян и подчинять их своей власти.

Таким образом, первоначальное «огосударствление», то есть подчинение какой-то государственной власти сербского этноса и других славянских этносов на Балканах, было результатом захвата чужеземными войсками их территории обитания и навязывания им государственной иноземной власти. Обычно иноземные завоеватели не были в состоянии непосредственно управлять покоренными славянскими племенами и территориями их обитания — жупами. Поэтому завоеватели (не только византийцы) осуществляли свое управление славянскими племенами и территориями через руководство их военно-племенных или территориально-племенных организаций, включая его в систему своей государственной власти и стимулируя его превращение из органов этнического самоуправления в органы управления над своим этносом.

Более документированный исторический рассказ о сербах как этносе, среди других славянских этносов переселившихся на Балканы, начинается с момента их «этнического огосударствления», то есть от времени окончательного оформления в рамках сербского этноса феодального верхушечного слоя, который разными способами и путями заменил родоплеменную организацию совместной жизни сербов государственной организацией.

В исторической науке принято считать, что первыми сербскими «этическими государствами» были Дукля и Рашка, две небольшие по территории смежные области, заселенные преимущественно славянскими племенами одинаковой или весьма близкой этничности. Согласно сохранившимся историческим свидетельствам, в IX и X вв. в этих областях на место традиционной племенно-территориальной организации совместной жизни уже пришла государственная организация феодального типа.

Ко времени, о котором имеются такие свидетельства, в рамках сербского этноса в основном уже закончился процесс выделения особого правящего слоя, сумевшего прибрать власть в свои руки. Еще до переселения на Балканы в сербских, как и других славянских племенах, постепенно выделились племенные верхушки, как особые социальные прослойки по своему имущественному положению, статусу и влиянию. На Балканах эти племенные верхушки превратились в новый социальный слой славянских фео-

далов, который при поддержке правителей Византии или соперничавших с ней соседних государств (Болгарией, Венгрией и др.) узурпировали насильственным путем власть над территорией обитания сербского и некоторых других этносов. Феодалный верхушечный слой в племенно-территориальных коллективах (жупах) не только подчинял сербский этнос своей власти, но и превратил подавляющее большинство свободных до этого земледельцев и скотоводов в бесправных крепостных «себров». Таким образом, власть в формировавшихся «сербских государствах» была не властью этноса как такового, а властью феодалного слоя над сербским этносом или частью сербского этноса, оказавшегося на территории, которую в то или иное время сумела захватить и подчинить себе та или иная группировка сербских феодалов.

Создававшиеся государства на территории обитания сербов имели разные официальные названия без четкого указания о том, что они именно этнически «сербские». И на самом деле в них жили отнюдь не одни сербы, ни в начальный период их формирования, ни потом. А в период достижения апогея феодалной «сербской государственности» при царе Душане (время правления 1331–1355 гг.) его государство и официально именовалось как государство разных этносов. Царь Душан, как известно, именовал себя царем «сербов и греков», без упоминания других этнических групп — болгар, албанцев и прочих.

Наиболее полными данными о средневековых государствах, основную массу населения в которых составляли сербы, историческая наука обладает применительно к периоду династии Неманичей. Именно государство, возглавляемое династией Неманичей и просуществовавшее с начала XII до середины XIV в., именуется по традиции «сербским государством», что должно означать: «государство, состоящее из индивидов сербской этнической принадлежности, с властью, принадлежащей сербскому этносу». Иными словами создание «сербского государства» как бы означает, что сербский этнос, вырвавшись из когтей чужестранных правителей, создал систему своего этнического государственного самоуправления. На самом деле ничего такого не произошло. Власть иностранной правящей верхушки была заменена властью верхушки феодалного слоя, сформированного внутри сербского этноса из бывших этнических верхушек догосударственного периода. Не большинство сербского этноса, и не сам сербский этнос, который стремился освободиться от власти иноземцев, явился государствообразующим фактором, а слой феодалов сербского этнического происхождения. Средневековые «сербские государства» были полиэтническими государствами феодалов и феодалных правителей, небольшого по численности правящего слоя сербского этнического происхождения. А подчиненное этому слою население государства состояло из связанного узами фео-

дальной зависимости подавляющего большинства сербского и других этносов, обитавших на его территории.

В сербском этносе четко выделился и оформился слой феодалов как господствующий слой в коллективной жизни и правящая группировка в государственной структуре. Правящий феодальный слой был внутренне дифференцирован по роли в системе власти, по объему владений, по статусу в общественной жизни и разделялся на крупных, средних и мелких феодалов. Это был сравнительно небольшой по численности слой привилегированных и лично свободных людей.

Основную же массу сербского этноса этой эпохи составляли люди под общим названием «себры» (в официальных документах их часто называли «сербли»). Они были лишены прав лично свободных людей, имели очень ограниченные имущественные права и были обременены огромным количеством налогов и обязанностей перед своими феодальными господами и перед государственными правителями и их чиновниками. Эта часть сербского этноса тоже была социально, юридически и статусно дифференцирована. Подавляющее большинство составляли крестьяне-земледельцы («мерпохи» или «парики»), которые были обязаны работать 106 дней в году на имении феодалов (или на церковных имениях) и отдавать десятую часть урожая с полученного ими на личном участке, а также были обложены рядом других государственных налогов. Немалую часть этноса составляли крестьяне, занимавшиеся полукочевым скотоводством (так называемые «влахи», славянизированные коренные жители этих территорий). Они тоже были лишены многих прав и тоже были обложены налогами, но не были привязаны к земле, находившейся в собственности того или иного конкретного феодала. Кроме этих категорий зависимых людей сербский этнос включал в себя и другие, гораздо меньшие по численности группы: ремесленников, сокольников и других категорий бесправных людей, в том числе и рабов, обслуживавших феодальный класс и самого правителя и его семью. Именно в неманичевском «сербском» государстве такое социальное положение огромного большинства индивидов сербской этнической принадлежности было и юридически зафиксировано знаменитым «Законом царя Душана» (1349).

В тогдашних процессах феодализации произошли значительные изменения исторического типа этничности сербских племен, то есть их культурных характеристик, традиций поведения, верования. На Балканы славянские племена поселились будучи еще язычниками, с соответствующими верованиями, символами, обычаями, нормами поведения и образа жизни. Поселившись на Балканах, сербские и другие балканские племена в силу складывающихся обстоятельств и контактов с коренным населением меняли свой прежний образ жизни, свои верования. К тому времени, когда

славяне переселялись на Балканы, коренные жители Балкан в основном приняли христианство. Церковные иерархии двух центров христианства — Рима и Константинополя вели ожесточенную борьбу за обеспечение своего влияния в балканских землях. И те и другие, пользуясь всеми доступными средствами, в том числе и насилем, с самого начала прилагали усилия для обращения славян в христианскую религию и навязывания им своей организации религиозной жизни.

По сохранившимся сведениям, христианизация сербских племен особенно усиленно проводилась в те времена, когда византийским царям удалось восстановить свою власть на территории их обитания (во время царя Ираклия, 610–641; царя Василия I, 867–888). Тогда в христианство переходили в первую очередь те этнические верхушки, которые сотрудничали с византийскими властями и при их поддержке устанавливали свою наследственную власть над сербским населением. Это порабощение сербских крестьян (основной части сербского этноса) феодалами и их внешними патронами христианская церковь не только благословляла, но и сакрализовала власть феодальных правителей, провозглашая их правителями «по милости и воли бога», возводя даже некоторых в ранг «святых», как, например, известного своей жестокостью самого основателя неманической династии Стефана Неманю. Основная масса сербского народа с большой неохотой отказывалась от традиционных славянских верований и во многом после принятия христианства сохраняла их либо в чистом виде, либо в той или иной христианской оболочке. В целом процесс изменения исторического типа этничности сербов в период становления и развития феодализма длился несколько веков и по-разному происходил в различных социальных слоях.

Формирующийся феодальный слой резко менял не только свои былые этнические верования, ценности и символы. Правители и феодальная этническая верхушка стремились внедрить у себя как можно скорее образ жизни правителей и феодалов Византии и других соседних государств. Это привело к формированию в сербском этносе двух социально различных этнокультурных комплексов: этнокультурный комплекс правящих слоев и этнокультурный комплекс простого народа.

В этнокультурном комплексе сербской феодальной знати вместе с принятием христианства формировался литературный (письменный) язык на древнеславянской основе и в так называемой «сербской редакции». Этот язык стал своего рода разговорным языком правящих кругов и официальным государственным и церковным языком. Основная же масса сербского этноса — земледельцы и скотоводы использовали свой естественно развивавшийся (тоже на древнеславянской основе) этнический язык с его местными диалектами, отличавшимися в значительной степени от литератур-

ного языка. На естественном этническом языке сербов развивалось богатое народное творчество. Оно базировалось на практическом опыте жизни крестьян и на многих традиционных или смешанных с ними христианских верованиях. Народное устное литературное творчество было намного богаче по темам, по жанрам, по формам выражения, чем литература на тогдашнем письменном языке. И его значимость в культурной жизни сербского народа того времени и в последующем развитии сербской культуры ничуть не меньше, если не больше значимости тогдашнего литературного и этнокультурного комплекса правящих слоев.

В наборе социокультурных характеристик, определявших исторический тип сербской этничности периода феодализма, одним из новых важнейших компонентов стала христианская религия. В наиболее догматической форме христианство внедрялось в правящем феодальном слое. Но, как известно, официальный христианский догматизм формулировался в те времена в двух вариантах — византийско-греческом (православном) и римско-латинском (католическом) и распространялся среди сербов из двух центров — Цариграда и Рима. Сербские правители и сербская знать в зависимости от тех или иных обстоятельств, руководствуясь в первую очередь своими личными и групповыми интересами, ориентировались то на один, то на другой центр. Однако те же личные и групповые интересы и цели в конечном счете привели их к принятию догматов византийско-греческого происхождения, то есть принятию православных догматов и богослужения.

Слой руководящих священнослужителей рекрутировался из правящей династии и феодальной верхушки. Сама же церковь получала из рук правителей и вельмож огромные материальные средства — большие земельные владения с соответствующими зависимыми крестьянами и другим рабочим людом, с великолепно построенными храмами и монастырскими зданиями. Всем этим распоряжалась высшая церковная иерархия, являвшаяся (не только по происхождению, но и по имущественному положению и привилегиям) составной частью правящего феодального слоя. Сербские феодалы, руководствуясь известным принципом «*cuius regio, eius religio*» («чья власть, того и религия»), добились, используя ослабление Византийской империи, отделения церковной организации на территории их государства от византийской церковной иерархии и полного подчинения церкви своей власти, превращения церковной организации в один из инструментов этой власти.

После смерти Душана (1355) его царство распалось на несколько небольших феодальных государств. В течение следующего столетия эти «сербские государства» то воевали друг с другом, то создавали между собой те или иные временные союзы. Эти союзы иногда заключались и для борьбы с турками и другими завоевателями, а во многих случаях и для того, чтобы захватить или ограбить какие-то населенные сербами земли, находившиеся

во владении сербских же феодалов. В результате двух тяжелых поражений объединенной армии сербских феодалов в битвах с турками (на реке Марице, 1371 г., и на Косово поле, 1389 г.) эти государства были либо сразу оккупированы турками, либо превращены временно в вассальные государства. В середине XV в. (1459) турками было захвачено и ликвидировано последнее из средневековых государств сербских феодалов на Балканах.

Наступило новое «огосударствление» сербского этноса опять под игом иноэтнических феодалов, которые к тому же были и иной религии. Большой своей частью сербский этнос оказался в составе Османской империи. Турки уничтожили или прогнали феодальную знать сербской этнической принадлежности. Какая-то часть сербских феодалов приняла ислам и вошла в турецкий феодальный слой. Простых сербов — крепостных крестьян-земледельцев, полукочевых крестьян-скотоводов («влахов») и других турецкая власть (определив им статус бесправной «райи») передала в распоряжение своих феодалов. Захватывая во время тех или иных налетов отдельные территории на Балканах, турецкие войска беспощадно истребляли местное население, убивая мужчин и угоняя в рабство женщин и детей. Кстати, в этих злодеяниях над сербским населением принимали очень часто участие и военные отряды сербских феодалов, являвшихся либо вассалами, либо союзниками турок.

Перед нашествием жестоких иноверных захватчиков многие сербы, спасая жизнь, бежали в соседние христианские страны и там обосновались на века. В 1479–1483 гг., по некоторым свидетельствам, из сербских земель в южную часть Венгрии переселилось под натиском турок около 200 тыс. человек. Многие, спасаясь от террора турецких захватчиков, бежали в Боснию, Черногорию, Далмацию. Эти переселения продолжались и потом и иногда принимали массовый характер, как это было в конце XVII столетия, когда около 100 тыс. сербов перешли в Венгрию, а некоторая часть из них переселилась в Россию. В течение трех с половиной веков (середина XV — конец XVIII в.) сербский этнос проходил через тяжкие испытания. Он во многом изменился. В результате многочисленных миграций сербский этнос оказался разбросан по разным территориям и расселен часто вперемежку с другими славянскими и неславянскими этносами. Изменилась и социальная дифференциация сербского этноса, причем далеко не одинаково в разных местах обитания и на территориях разных государств (Османской империи, Венгрии, Австрии и прочих).

На территории Османской империи среди сербов уже не было феодальной знати, фактически не было ни городских жителей, занимавшихся разными видами городской деятельности. Изменился даже социальный состав священнослужителей православной церкви. Фактически исчезла руководящая феодальная прослойка, сформированная во времена Неманичей. Ко-

роче говоря, та часть сербского этноса, которая находилась на территории Османской империи, стопроцентно состояла из сельских жителей, обращенных в христианство, но сохранивших свою фольклорно-этническую культуру и старинный патриархальный уклад жизни. Основная масса сербов, обитавших на территориях Венгрии и Австрии, тоже состояла из крестьян. Однако социальная и профессиональная стратификация сербов на этих территориях была в значительной степени иной. Там среди сербов имелась и небольшая по численности прослойка феодалов, которые, влившись в состав феодального слоя этих стран, оказывала большое влияние на судьбу тамошних сербов, особенно посредством сербской церковной иерархии. Некоторая часть сербов жила в городах, занимаясь торговлей и ремеслом. Немалая часть сербов была поселена вдоль границ с Турецкой империей и использовалась не только для защиты от турецких набегов, но и в военных действиях по ту сторону границы, иногда просто для грабительских нападений на территории, находившиеся под турецкой властью. Эта часть сербов получала от правителей Австрии и Венгрии некоторые привилегии за своеобразную пограничную службу.

В конце XVIII в. усилился кризис Османской империи, появились признаки начала ее распада. В результате беспорядков власть в ряде ее балканских областей перешла в руки янычар-бунтовщиков, которые не подчинялись центральной власти империи и при этом беспощадно терроризировали и грабили местное население. В условиях ослабления центральной власти и возрастающего возмущения населения в одной из частей Османской империи — Белградском пашалыке, основную часть населения которого составляли сербские крестьяне, — создались условия для активизации борьбы не только за освобождение от янычарского террора, но и в перспективе от турецкого ига вообще. Центральная власть империи, не будучи в состоянии справиться с янычарами, вынуждена была обращаться за помощью к местному христианскому населению, то есть сербам, создавая из них вспомогательные вооруженные отряды. В 1804 г. под руководством Карагеоргия вспыхнуло самостоятельное восстание сербских крестьян в Белградском пашалыке против террористической и грабительской власти янычар, захвативших в 1801 г. Белград и большую часть пашалыка. В дальнейшем, когда янычарская власть была уничтожена, повстанцы отказались подчиняться власти Турецкой империи и повели борьбу за ликвидацию турецкой имперской власти и турецкого феодализма на территориях обитания сербского этноса.

С тех пор вот уже в течение двух столетий идет процесс нового огосударствления сербского этноса, создания нового «сербского» государства, или, как это принято говорить, — «национального государства сербов», что тоже следует понимать как государство, население которого сербы, а власть

принадлежит сербскому этносу. Но и на этот раз большинство сербского этноса на освобожденной от турок территории оказалось не во власти, а под властью сформировавшейся в течение нескольких десятилетий новой этнической правящей верхушки. И на этот раз в формировании государственности сербов большую роль играл внешний фактор. В новейшую эпоху начала формироваться и сформировалась в рамках сербского этноса совсем иная этническая правящая верхушка, чем та, которая правила сербами в период средневековой «сербской государственности». В процессе освобождения от турецкого ига и после освобождения этот правящий слой формировался из двух новых социальных прослоек в сербском этносе — численно постоянно растущей бюрократии и все отчетливее выдвигавшегося слоя крупных частных собственников.

Проблема освобождения и «огосударствления» сербского, как и остальных балканских народов, в XIX в. решалась в контексте так называемого Восточного вопроса, то есть в контексте борьбы крупных европейских государств (Австрии, России, Англии, Франции, Германии) за раздел Османской империи, за влияние и доминирование на Балканах. Многие, что происходило тогда в жизни сербов, было связано с соотношением сил европейских государств в их соперничестве за реализацию своих интересов в процессе решения Восточного вопроса. Ни одна из тогдашних великих европейских держав не была заинтересована в том, чтобы на Балканах образовалось на моноэтнической или полиэтнической основе достаточно большое государство, способное вести независимую политику. Поэтому процессы огосударствления балканских этносов и степень их освобождения от турецкого ига всегда зависели и от конкретной ситуации на европейской политической арене.

На окончательное высвобождение формирующегося этнического («национального») сербского государства из-под власти Османской империи ушло почти восемь десятилетий. На Берлинском конгрессе 1878 г. была признана и «гарантирована» европейскими державами формальная независимость Княжества Сербии. Оно охватывало только ту часть сербского этноса, которая находилась на территории бывшего Белградского пашалыка и нескольких смежных с ним областей. Все остальные сербы как на территории Османской империи, так и на территории Австро-Венгрии оставались вне пределов этого государства. Историческая задача освобождения сербов от иностранного ига на протяжении всего XIX в. оставалась нерешенной. В правящих кругах нового государства, которое в 1882 г. было переименовано в Королевство Сербия, в среде сербских политиков и общественных деятелей разрабатывались две модели решения сербского этнического («национального») вопроса. Первая модель — объединение (путем военного захвата) всех территорий, на которых обитают сербы, в одно серб-

ское государство — «Великую Сербию». Вторая модель — объединение всех территорий обитания южных славян или по крайней мере их большую часть в единое югославянское государство — «Югославию».

«Политическая элита» тогдашнего государства Сербии, раздираемая внутренними противоречиями и ожесточенной борьбой за власть (в течение неполных ста лет несколько раз сменяли друг друга у власти две династии — Обреновичи и Карагеоргиевичи), претендовала на роль лидера всех частей сербского народа, находившихся на территориях нескольких государств. И более того, на роль лидера всех южных славян и даже всех балканских народов. Решение «сербского вопроса» виделось правящим кругам в реализации идеи великодержавности (великосербской или югославской), причем обязательно под эгидой новой сербской этнической верхушки и той династии или той системы власти, которая защищает ее интересы. Стремясь реализовать идею создания «Великой Сербии», правящие круги осуществляли весьма противоречивую внешнюю политику и вели ряд войн — удачных и неудачных. В результате двух Балканских войн (1912, 1913) территория королевства была несколько увеличена за счет отнятых от Турции территорий, которые были населены отнюдь не одними сербами. Увеличение «сербского» государства было и фактически увеличением его полиэтничности.

Освобождение части сербского этноса от турецкого ига и формирование «новой сербской государственности» без феодалов и феодализма объективно должно было стать начальным этапом перехода сербов из эпохи доиндустриального в эпоху индустриального развития. Другой исторической перспективы перед сербским народом не было. Альтернативная возможность возвращения к феодализму и феодальной государственности была и объективно и субъективно абсолютно исключена. Таким образом, первый этап нового «этнического» огосударствления сербов стал для них первым этапом их перехода к современному индустриальному развитию с соответствующими переменами не только в производстве материальных средств существования, но и необходимыми изменениями культуры и всего образа жизни, то есть новыми изменениями бытия этноса.

В силу действия множества факторов этот переход осуществлялся крайне медленно. Дело было не только в том, что его на данной государственной территории пришлось начинать фактически с нуля, не имея необходимых для этого финансовых, технических, технологических, общекультурных заделов, какие имелись во многих странах, когда они вступали на путь индустриального развития. Очень сильным тормозом развития в Сербии явились еще два фактора: во-первых, политика крупных европейских государств на балканском геополитическом и военно-стратегическом пространстве; и, во-вторых, эгоистическая групповая и грабительско-эксплу-

таторская политика новых правителей, бюрократических структур и всего формирующегося нового правящего социального слоя в сербском народе.

Вследствие действия этих факторов первый этап перехода, длившийся целое столетие, не вывел Сербию в разряд даже слабо развитых аграрно-промышленных стран. Перед Первой мировой войной Сербия все еще была крайне отсталой сельскохозяйственной страной с минимальной (да и то доиндустриальной) урбанизацией (городское население составляло всего 9%) и весьма низким жизненным уровнем. Городское население в тогдешней Сербии было не только малочисленно, но и полиэтнично. Численность сербов-горожан за весь этот столетний период увеличивалась очень медленно. Освобожденное от турецкого феодализма сербское крестьянство попало в долговую и другую зависимость от торговцев и ростовщиков и к тому же было обременено всяческими налогами. Само же государство изнемогало под тяжестью иностранных долгов.

Поскольку идеи создания системы власти по феодальным образцам оказались неприемлемыми, правящий слой пошел по другому пути. В целях обеспечения своих экономических интересов и общего статуса в новом государственном коллективе сербов в течение всего XIX столетия сербские правители пытались соединить некоторое подобие средневекового монархизма с некоторым подобием европейской конституционности и европейского парламентаризма Нового времени, а то и другое — с подлинно турецкими методами правления. В результате получилась чудовищная по жестокости полицейская система с внешним фасадом парламентаризма, к которой народ относился с крайним возмущением и которую сербские писатели того времени — особенно поэт Йован Йованович-Змай (1833–1904) и сатирик-прозаик Радое Доманович (1873–1908) — беспощадно высмеивали.

Если в области экономики сербский этнос до конца XIX в. оставался на доиндустриальном уровне и если в сфере государственного устройства ему навязали наиболее уродливые формы конституционности и парламентаризма, то в сфере культуры он в течение этого столетия, вопреки всем обстоятельствам, все же сделал серьезный прорыв. В истории сербской культуры этот период по традиции принято называть периодом сербского «культурного» или «национально-культурного возрождения». На самом деле это был период зарождения и первоначального развития нового комплекса в культуре сербского этноса — комплекса городской культуры новой эпохи. Этот новый сегмент в культуре сербского народа должен был стать и на самом деле становился одним из важнейших факторов осуществления перехода из доиндустриальной в индустриальную эпоху развития. В тогдешней Сербии этот комплекс создавался на базе синтеза народной руральной (сельской) культуры и некоторой части достижений европейской и мировой культуры, транслируемых в этническую среду сербов.

Начало этому процессу положила знаменитая языковая реформа Вука Караджича (1787–1864) и формирование нового литературного языка на основе сложившейся стабильной системы естественного разговорного языка крестьянских масс народа. Эта реформа сделала письменным языком подавляющего большинства сербского народа — язык сербских крестьян. Языковая реформа В. Караджича и его сторонников открыла возможность для осуществления широкого просвещения почти полностью неграмотного сербского народа и развертывания системы образования (всех видов и уровней) для самых широких слоев сербского населения на понятном ему «родном языке». Реформа также послужила толчком для развития в Сербии новой литературы и современной науки.

Однако появившиеся возможности в течение XIX в. были реализованы в Сербии в весьма ограниченном масштабе. В последнем десятилетии века из 200 000 детей школьного возраста в начальные школы ходило 28 000 (14%), да и то по большей части дети горожан. В примитивной системе сельского хозяйства даже элементарная грамотность не требовалась. В первом десятилетии XX в. после свержения последнего из королей династии Обреновичей и некоторых изменений методов действия власти положение в сфере образования и культуры в целом несколько улучшилось. В те годы увеличилось количество начальных школ, расширилась сеть средних школ, а в 1905 г. был открыт Белградский университет, в котором в 1910 г. училось около 1000 студентов. Таким образом, только в начале XX в. в Сербии была сформирована основа современной системы образования, хотя охват ею детей и молодежи школьного возраста оставался крайне низким.

Наиболее значительный прорыв в этот период был сделан на поприще художественной литературы, где трудилась плеяда талантливых сербских поэтов и писателей как в самой Сербии, так и за ее пределами. С большим трудом шел процесс становления науки. В стране не было никакой традиции научной деятельности, ни подготовленных профессиональных научных работников. На территории вне Сербии было некоторое число образованных людей, которые чаще всего в одиночку занимались научной деятельностью, в основном в области гуманитарных наук. С этого уровня, собственно, и началось развитие научной жизни в Сербии. Организация науки началась с создания Общества сербской словесности (1841) и в основном оформилась созданием Сербской королевской академии наук и искусств (1886).

Следует отметить одну особенность городской культуры, развивавшейся тогда на территории Сербии. В ней в это время не было сегментов плебейской культуры и аристократической (патрицийской) культуры привилегированных и богатых слоев градского населения, как это имело место в доиндустриальную эпоху во многих странах. Традиционных патрициев в Сербии не было, а формирующийся правящий слой в культурном отноше-

нии только-только начинал менять традиционный руральный образ жизни. Это придавало тогдашней сербской городской культуре характер демократизма, но лишало ее во многом элементов высокого изящества и рафинированности.

Однако все эти значительные изменения в культуре сербского народа, происшедшие на первом столетнем этапе модернизации жизни сербского этноса, не привели к существенному изменению общего уровня культурности этноса в целом и коренному изменению исторического типа этничности основной части сербского народа ни и в Сербии, и на территориях других государств. Большая часть сербского народа жила своей традиционной культурой — фольклорным творчеством, привычными знаниями и верованиями, этическими ценностями и нормами поведения. Обстоятельства их тогдашней жизни, а не какой-то консерватизм, лишали их возможности усваивать новые достижения в сфере культурного творчества в собственной этнической среде, а тем более достижения мировой культуры.

Просуществовав всего три десятилетия, Королевство Сербия в начале Первой мировой войны в 1914 г. было оккупировано австро-венгерскими и немецкими войсками. После окончания войны и в результате ее на Балканах в 1918 г. было создано новое государство — Королевство сербов, хорватов и словенцев, переименованное в 1929 г. в Королевство Югославия. В его состав вошли земли двух бывших балканских монархий — Королевства Сербии и Королевства Черногории и часть земель, принадлежавших окончательно распавшимся Австро-Венгерской и Османской империям. Создание Югославии было еще и результатом сложившейся особой ситуации в Европе и на Балканах, возникшей как следствие подъема революционной волны после революции 1917 г. в России. Правящие круги держав Антанты поддержали создание Югославии отнюдь не из-за доброжелательства к своим союзникам сербам и тем более не из-за бескорыстной заботы о благе югославянских народов. Каждая из этих держав имела свои особые интересы на Балканах. Но в те годы их общим интересом было не допустить развертывания революционных событий в этом регионе. Объединенное югославское государство под эгидой сербской монархической династии могло послужить в качестве определенного барьера на пути распространения революции на Балканах и стать одним из звеньев создаваемого ими «санитарного кордона» вокруг Советской России.

Создание нового государства на Балканах явилось как бы реализацией «югославянской идеи», возникшей несколько веков до этого и ставшей в XIX — начале XX в. одной из моделей решения как южнославянского, так и сербского вопроса на Балканах. Суть этой идеи состояла в том, чтобы, учитывая небольшую численность каждого из этносов южных (балканских) славян, объединить их все или хотя бы часть из них в достаточно

большое государство, имеющее на своей территории необходимые природные и людские ресурсы для самостоятельного развития и достаточные силы для успешной защиты от агрессоров. В качестве главного интеграционного фактора рассматривалось этическое родство югославян и осознание этого родства. Был и еще один очень важный фактор их политической интеграции на этнической основе. Территория объединенного государства была заселена несколькими этносами южных славян (сербами, хорватами, черногорцами, славянами-мусульманами, македонцами, словенцами) и большими или меньшими неславянскими этническими группами (албанцами, венграми, немцами и др.). Славянское население, вошедшее в состав Югославии и составлявшее более девяти десятых всех жителей нового государства, хотя и было полиэтнично, но в своем большинстве (более чем на 70%) было одноязычным. Язык, на котором говорят и повседневно общаются сербы, хорваты, черногорцы, славяне-мусульмане, несмотря на множество диалектов (какие имеются в любом живом языке), по своим основным лингвистическим параметрам представляет собой один естественный язык.

В течение XIX и XX вв. на базе разговорных вариантов этого языка сформировался единый литературный язык, который до Первой мировой войны назывался в Сербии и Черногории «сербским языком», а в Хорватии — «хорватским языком». После Первой мировой войны в государстве Югославии вплоть до ее распада официальное название языка было «сербско-хорватский» или «хорватско-сербский» язык. Традиционно в употреблении находятся два алфавита — кириллица (преимущественно в Сербии и Черногории) и латиница (в Хорватии и отчасти Боснии). В течение всего XX в. сам по себе двойной алфавит не был никакой помехой для языковой консолидации на данном языковом пространстве и не мешал культурному сотрудничеству и процессам культурной интеграции народов Югославии. Книги и газеты печатались обоими шрифтами и были доступны всем носителям языка независимо от того, к какому этносу они себя причисляли.

В югославском государственном коллективе, объединившем несколько этносов балканских славян, с разной исторической судьбой, различной культурой и неодинаковым уровнем социально-экономического и общекультурного развития, с самого начала неизбежно возникло множество сложнейших политических, экономических и культурных проблем. Это вовсе не значит, что сама идея создания государства южных славян и любая ее реализация представляет собой какую-то «историческую» ошибку, а тем более «фатальную» ошибку. Это значит только то, что Королевство Югославия было наименее удачной моделью объединения южных славян в общий государственный коллектив.

Для сербского этноса период существования Королевства Югославии стал вторым этапом на пути его перехода от доиндустриального к индустри-

альному развитию и своеобразным вторым вариантом его «огосударствления» в новейшую историческую эпоху. В Королевстве Югославии сербы были самым многочисленным этносом, но в период создания государства они составляли не более 39% населения. Почти две трети населения составляли другие народы: хорваты (27%), словенцы (8%), македонцы (5,5%), черногорцы (около 3%), немцы (4%), венгры (3,7%), албанцы (3,5%), румыны (около 2%) и другие. Впервые в своей истории сербский этнос почти целиком оказался в одном государстве, причем в государстве, в котором правили не чужеземные, иноэтнические, а «свои», славянские правители, а в качестве ведущих — были сербские (по этнической идентификации) правители во главе с «сербской» королевской династией.

Объединение разобщенных в течение веков разных частей сербского этноса в одном государстве как будто бы открывало большие и радужные перспективы для его дальнейшего успешного культурно-цивилизационного развития и для улучшения качества жизни. Однако ситуация, в которой оказались сербы в этом государстве, была далека от того, о чем мечтали многие сербские деятели и народные массы. Сербские крестьяне, которые жили в тяжелейших условиях как в самой Сербии, так и в других областях, вошедших в состав югославского государства, ждали обещанной правящими кругами аграрной реформы и такой политики, которая бы помогла им выбраться из бедственного положения. Однако аграрная реформа была проведена отнюдь не в интересах крестьян, а начиная с 1926 г. в результате правительственной политики в стране разразился тяжелый аграрный кризис, который, слившись с мировым экономическим кризисом (1929–1932), продолжался практически до начала Второй мировой войны. Это привело к разорению и пауперизации огромной массы крестьян-сербов, «от имени» которых, как основной части сербского этноса, якобы правили страной сербские господствующие круги. Не осуществились ожидания и неимущих, и малоимущих, и даже средних слоев сербского городского населения.

Во внутренней политике правящая сербская этнократическая верхушка, которая временами вступала в союзы с теми или иными политическими лидерами других этносов, оказалась совершенно неспособной решить ни «сербский вопрос», ни вопросы других югославских народов; так же как и комплекс общих проблем взаимоотношений этносов и этнических групп в созданном государстве. С одной стороны, правящие круги придерживались концепции «интегрального югославянства», согласно которой славянские народы на территории Югославии представляют собой один народ, состоящий из трех славянских племен — сербов, хорватов и словенцев (черногорцы рассматривались как часть сербского этноса, а этнические особенности македонцев просто не принимались во внимание). Исходя из этих идейных постулатов, правящие круги изображали тогдашнюю Юго-

сลาвию как моноэтническое, единое «национальное» государство, несмотря на вопиющие реалии, постоянно опровергавшие эту демагогию. С другой стороны, правящая сербская этнократическая верхушка, которая выступала в качестве гегемона в системе власти, придерживалась и известных идей знаменитого «Начертания» («национальной программы») И. Гарашанина, сербского политического деятеля XIX в., мечтавшего об объединении всех земель, где проживали сербы, и создании «Великой Сербии». На основе этой концепции «великосербизма» многими сербскими деятелями создание югославского государства рассматривалось как реализация идей «Великой Сербии», поскольку в нем были объединены все территории с сербским населением и тем самым образовано сербское «национальное государство», в котором сербский этнос является государствообразующим, а его правителям по праву принадлежит роль гегемона.

Этнократические верхушки других несербских этносов, стремясь тоже обеспечить свои интересы в сложных обстоятельствах, возникших в связи с окончанием Первой мировой войны, пошли на компромисс с правящими кругами Сербии. Они согласились на объединение с Сербией и признали власть сербского монарха в обмен на обеспечение их имущественных интересов, сохранение их социально-привилегированного положения и право на участие в общегосударственном управлении. Но и сербская этнократия и этнократы других югославских народов общим интересам созданного государства предпочли свои групповые интересы, интересы этнических верхушек, которые в их пропаганде преподносились как интересы соответствующих этносов (сербского, хорватского, словенского, черногорского и др.).

Период существования Королевства Югославии был заключительным этапом полутора вековых (с начала XIX и до середины XX в.) попыток осуществить в новую эпоху «огосударствление» сербского этноса на принципах монархизма и в рамках такого государственного устройства совершить переход к индустриальному обществу. Каковы были результаты? В области экономики с точки зрения ее модернизации и процесса индустриализации страны результаты были более чем скромные. Перед началом Второй мировой войны Югославия в целом оставалась неразвитой аграрной страной с небольшими очагами индустриального производства. Ее население, в том числе и сербское, и далее оставалось на более чем 80% крестьянским, с мало в чем изменившимися традиционными методами хозяйствования. Сербь, как и прежде, были малоурбанизованным этносом и в собственно Сербии, и на других территориях обитания. Сербский народ, как и все остальные народы Югославии, страдал от произвола монархистского полицейского режима того периода. Полицейские методы правления на территории Сербии были временами даже более суровыми, чем на территориях обитания некоторых других югославских народов.

Для развития сербской урбанистической культуры создание единого югославского государства имело, без всякого сомнения, большое положительное значение. Во-первых, оно объединяло культурные силы практически всех сербов, что само по себе было весьма важным фактором для развития их культуры. Во-вторых, в новом государстве оказались под одной государственной крышей деятели науки и культуры ряда родственных одноязычных и не одноязычных славянских этносов, что облегчало их связи, сотрудничество и обмен идеями. А это способствовало увеличению культурного потенциала каждого из народов Югославии и ускорению развития их культуры. Белград, ставший столицей всей Югославии, стал центром урбанистической культуры, где собирались многие выдающиеся деятели всех югославских народов и из всех областей страны.

Правящие круги поддерживали в сфере культуры то, что могло способствовать их власти, и терпимо относились ко всему, что не было направлено против существующего режима. Такая политика властей способствовала тому, что в этот период в урбанистическом сегменте культуры, особенно в области художественного творчества, четко обозначились два противоположенных по идеологической ориентации направления — оппозиционно левое и консервативно правое, борьба между которыми наложила определенную печать на культурную жизнь того времени. У правящих кругов не было никакой четко сформулированной политики в области развития науки. На науку, культуру, просвещение правительства этого времени выделяли финансовые средства не только намного ниже реальных потребностей, но и ниже тех возможностей, которые в стране имелись. Все это отрицательно отражалось на культурном развитии страны в целом, включая и культуру сербского народа. Перед началом Второй мировой войны более половины сербов (в том числе и немалая часть горожан) оставались неграмотными, то есть полностью отключенными от достижений современной науки и культуры.

Королевство Югославия было тоже недолговечным образованием. В 1941 г. оно было оккупировано войсками гитлеровской Германии, а его территория разделена. По сценарию немецких оккупантов было создано марионеточное государство «Независимая Держава Хорватия» (НДХ), в состав которой вошли «исконные хорватские земли» плюс Босния и Герцеговина. Италия, как союзница Германии, оккупировала Черногорию, Адриатическое побережье и часть земель, населенных словенцами. Венгрия получила часть Воеводины (территории на севере от Дуная, принадлежавшие до Первой мировой войны Австро-Венгрии). Болгария оккупировала южные территории страны (Македонию). Область Косово, где большинство населения составляли албанцы, была присоединена к Албании, находившейся под оккупацией Италии. На оставшейся территории — к югу от Ду-

ная на севере и до Македонии на юге и от реки Дрины на западе до болгарской границы на востоке было создано государственно-административное образование «Сербия», которым под непосредственным руководством немецких оккупантов управляло марионеточное «сербское правительство».

Разгром гитлеровской Германии и ее союзников во Второй мировой войне, вклад в который внесли сербы и другие народы Югославии своим участием в народно-освободительном антифашистском движении и вооруженной партизанской борьбе против оккупантов и их марионеток, привел к восстановлению югославского государства. Но это уже не была «единая и неделимая» монархия, а федеративная республика. В ее составе находилось шесть союзных республик — Сербия, Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Македония, Черногория и две автономии — Автономный край Воеводина и Автономная область Косово и Метохия (Космет) в составе Сербии.

Югославия как федеральное государство (официальное название — сначала Демократическая Федеративная Республика Югославия, ДФРЮ, потом — Социалистическая Федеративная Республика Югославия, СФРЮ) просуществовала четыре с половиной десятилетия — до начала 90-х гг. XX в. Период существования этого государства был третьим этапом на пути индустриального развития сербского этноса и вторым вариантом его «огосударствления» в новейшую эпоху его истории, причем вариантом, принципиально отличным от предыдущего монархистского.

Послевоенная, так же как и довоенная Югославия была государством, в котором сербский народ снова оказался под одной общегосударственной «славянской» крышей. В отличие от монархистских принципов «интегрального югославянства» и «великосербизма», которые в Королевстве Югославии придавали сербскому этносу то статус только «одного из трех племен», то статус гегемона, строительство послевоенной республиканской и федеративной Югославии начиналось под лозунгом «братства и единства» ее народов с декларированием принципа их равноправия. Другими словами, сербскому этносу в новом государстве официально был определен статус «равного среди равных». Это равенство этносов должно было быть обеспечено федеративным устройством государства, в котором каждый этнос имел бы свое государство либо в виде союзной республики (с названием по соответствующему этнониму), либо в виду автономий с названиями территорий (топониму). Помимо пяти «этнических» союзных республик (Сербии, Хорватии, Словении, Черногории, Македонии), была создана еще и Республика Босния и Герцеговина, в которой имелось смешанное население, состоявшее из сербов, славян-мусульман (боснийцев) и хорватов.

В этом «этническом» (этнически территориальном) федерализме изначально было заложено подрывное устройство длительного действия, на-

правленное, в сущности, на взрыв всей созданной государственной конструкции. Дело в том, что границы созданных этнических («национальных») республик никак не совпадали с границами между этносами, которые жили (в том или другом соотношении) попеременно на всех республиканских и автономных территориях. А это привело к такому парадоксу, что части этноса, которые остались вне границ «своих» этнических («национальных») республик, как бы превращались в этнические меньшинства на территориях чужих этнических республик. При той системе власти, которая была установлена в стране и в союзных республиках, эти «меньшинства» в определенном смысле были лишены равенства с «титовым» этносом. В практической жизни республик это с течением времени стало все явственнее обнаруживаться во все более острых проявлениях. Для правящих политиков как федерального, так и республиканского уровня подобные явления создавали возможность самого циничного манипулирования людьми в своей личной или групповой борьбе за власть и влияние. Они демагогически сваливали вину друг на друга за ущемление тех или иных этнических интересов, подогревая этим межэтническую нетерпимость и сепаратистско-националистические настроения практически во всех республиках, особенно сильно — в Сербии и Хорватии.

На территории Союзной Республики Сербии, кроме славянских, имелись и большие по численности неславянские этнические меньшинства — албанцы, венгры, румыны, турки и другие. Самыми крупными из них были албанцы в Автономной области Косово и Метохия (Космет) и венгры в Автономном крае Воеводина. Албанцы были самым многочисленным этническим меньшинством на территории СФРЮ. По переписи 1948 г. в стране проживало 750 тыс. человек албанской этнической принадлежности на территориях трех республик — Сербии, Македонии и Черногории. Создатели югославской федерации, руководствуясь политиканскими соображениями, дали статус этнического меньшинства албанскому населению, которое по численности было больше, чем весь черногорский этнос, получивший свою «национальную» республику, причем сделали албанцев «этническими» меньшинствами сразу трех союзных республик. Чтобы парадокс стал еще большим, сербы на территории Косово и Метохии (в 1948 г. около 24% населения) были превращены, с одной стороны, в чужеродное «этническое меньшинство» данной автономии, а с другой стороны — в меньшую по численности, но доминантную по статусу этническую группу. Для создания взрывоопасных межэтнических отношений ничего более эффективного нельзя было и придумать.

В созданном федеративном югославском государстве новое «сербское» государство — Сербия с ее автономиями была не только полиэтничным государством, но и своего рода федерацией в федерации. Согласно стати-

стическим данным 1948 г., сербов в Сербии было 4 159 000, то есть они составляли 63,5% населения, а 36,5% населения «сербской» республики относилось не к сербской этничности. В то же время немалая часть сербского этноса, проживавшего в Югославии, а именно 2 388 000 человек, или 36,5%, от общей численности сербов находились на территориях других союзных республик. Сербь как этнос были объединены в одном союзном государстве, но остались разъединенными республиканскими границами. Таким образом, при новом решении «сербского вопроса» более трети населения «национального» (этнического) «сербского государства состояло из «меньшинств» других этносов. В то же время более чем треть самих сербов была превращена в этнические меньшинства на территории других республик. Так была реализована модель решения «сербского вопроса» и этнических («национальных») вопросов других народов в федеративной Югославии после Второй мировой войны.

Новый исторический этап на пути в индустриальное общество в первые послевоенные годы ознаменовался большими изменениями в имущественных отношениях в стране и внутри каждого из ее этносов. Сначала была проведена без компенсации аграрная реформа и определен земельный максимум (первоначально 35 га, а потом — 10 га), было конфисковано имущество людей, осужденных за коллаборационизм, а потом была проведена и общая национализация промышленных и других частных предприятий и создан государственный сектор экономики. Это не только изменило унаследованную социально-экономическую структуру в стране, но и социально-имущественную структуру этносов в ней. Согласно официальной идеологии, все эти действия должны были позволить Югославии перейти в разряд промышленно развитых стран и обеспечить создание в ней новой общественной системы, в которой не будет эксплуатации и угнетения человека человеком. В реальности получилось совсем не так, как декларировалось.

Сначала под вывеской «народной», а потом «социалистической» демократии в стране был установлен авторитарный бирократическо-полицейский режим. В дальнейшем во всех «субъектах» югославской федерации (в союзных республиках) властные структуры все явственнее превращались в новые этнократические верхушки «титовых» этносов. Центральная власть страны сформировалась как верхушка авторитарного режима в целом. В течение четырех с половиной десятилетий полностью оформился и занял свое место в социальной структуре страны новый разноэтничный по составу правящий слой. Новый правящий слой в СФРЮ, в отличие от правящего слоя королевской Югославии, не имел в своем составе крупных частных собственников и не являлся итогом союза власти и крупного частного капитала. Новый правящий слой образовался и состоял исключительно из руководящих кадров трех больших социальных прослоек, сформирован-

ных в послевоенном югославском обществе, — политократии, бюрократии и технократии. В условиях «национализированной», то есть огосударственной основной части экономики страны, этот правящий слой получил в свое коллективное распоряжение огромный производительный потенциал, материальные ресурсы, финансовые средства. Иными словами, он имел в своих руках не только всю политическую власть, но и все рычаги управления экономикой страны. Поскольку федерация была построена на принципах «этнического» («национального») федерализма и каждая республика являлась республикой «титального» этноса, а не республикой всех ее граждан, то и властные структуры в них формировались по этническому принципу, а это означало, что и правящие слои в республиках неизбежно превращались в новые правящие верхушки соответствующих «титальных» этносов.

Каждая из прослоек нового правящего слоя и каждая из властвующих этнических верхушек законодательно получила определенные полномочия и определенную долю выгод и привилегий. Персонально каждый участник правящего слоя получал ту долю выгод и тот вид и размер привилегий, какие соответствовали его положению на республиканской или федеральной лестнице. Естественно, возможности федеральной системы властных структур в этом смысле были большими. Они давали более широкие полномочия, более высокий статус и больше привилегий. А это внутри правящего слоя неизбежно инспирировало борьбу за места в федеральных структурах, с одной стороны, а с другой — борьбу республиканских правящих структур за увеличение их привилегий до федерального уровня и за получение больше прав во властвовании (больше «суверенитета») на своем республиканском уровне. Эта борьба за власть, за статус, за привилегии, явная и скрытая, приобретала с течением времени все более острые формы и все большие масштабы. Центральные органы авторитарной власти, боясь, что нарастающий республиканско-этнический национализм приведет к развалу федерации, что означало бы и ликвидацию их как властных структур, принимали как жесткие полицейские меры принуждения, так и проводили те или иные частичные реформы — под лозунгами «демократизации, децентрализации, деэтактизации» и под демагогической популистской вывеской «самоуправленческого социализма». На самом деле это были попытки добиться консенсуса в разделении властных полномочий между центральной авторитарной властью и правящими этническими верхушками республик. Результатом этих поисков примирения интересов разноуровневой «новой буржуазии» (как в народе называли привилегированные прослойки) было принятие последней (1974) конституции СФРЮ, которая давала больше полномочий республиканским «элитам» и управленческому аппарату в сфере экономики и одновременно утверждала И. Броз Тито в качестве пожизненного президента. Это временно приглушало остроту противоре-

чий внутри правящего слоя и несколько притормозило разрастание общего кризиса.

В плане внешних отношений правящая верхушка пыталась придать Югославии статус «неприсоединившейся» ни к одному из двух существовавших мировых блоков, между которыми велась так называемая «холодная война». Но для того чтобы покрыть расходы на содержание громадного государственного бюрократического аппарата, полиции и армии и как-то продолжить индустриализацию, без чего стране грозила бы экономическая катастрофа, правители Югославии прибегали к иностранным займам, под очень невыгодными не только экономическими, но и политическими условиями. Во второй половине 60-х и до конца 70-х гг. страна была обременена огромными долгами, ежегодная выплата которых (вместе с процентами) съедала половину годовых валютных поступлений от экспорта. Западные иностранные кредиторы и инвесторы (Международный валютный фонд и другие) потребовали в конце 70-х гг. от югославского правительства регулярную и полную выплату всех долгов и набежавших процентов (общая сумма более 20 млрд долларов) и пригрозили жесточайшими санкциями, вплоть до полной экономической блокады. В течение 80-х гг. эти выплаты осуществлялись согласно продиктованным условиям. Для выплаты долгов приходилось не только «затягивать ремень», но и все время залезать в новые долги. Практически вся экономика страны работала тогда для того, чтобы выплачивать иностранные долги, а правительство превратилось в службу по обслуживанию иностранных кредиторов. Это не только практически остановило процессы индустриализации и модернизации экономики, но и привело страну на грань экономической катастрофы. В стране разразилась невиданная инфляция, увеличилась безработица, резко обострились все внутренние противоречия, в том числе и этнические. Для всех тех (и в стране, и за границей), в чьих интересах было ликвидировать Югославию как государство, наступил как нельзя более благоприятный момент. С 1991 г. начался распад югославского государства, сопровождаемый многими трагическими событиями, кровавыми межэтническими войнами, иностранными вооруженными интервенциями, колоссальными разрушениями и многочисленными человеческими жертвами.

Тот отрезок исторического пути, который сербском народу пришлось пройти в составе югославской федерации, был очень трудным. Он был связан со многими лишениями и страданиям. Но и в этих условиях сербский народ не только выжил, но и сделал, с большим трудом и жертвами, некоторые важные шаги в направлении модернизации своей жизни. На этом витке истории в труднейших условиях происходили процессы превращения сербского этноса, состоявшегося на три четверти из сельских жителей, в урбанизированный этнос — этнос, большинство которого состоит из городских

жителей с иными видами занятий, иным образом жизни и уже значительно изменившимися социокультурными характеристиками. В момент образования СФРЮ на территории Республики Сербии и ее автономий 72,3% населения были жителями деревень. В начале 90-х гг. XX в. на территории республики сельскохозяйственной деятельностью занималось 24,5% населения.

Процессы индустриализации, процессы деаграризации и урбанизации этносов в Югославии во второй половине XX столетия не только были связаны с громадными трудностями, но и имели весьма сложные и своеобразные проявления. Одним из них было образование большого по численности демографическо-социокультурного массива населения, который состоял из бывших крестьян («горожан-новичков», «крестьян-полугорожан»). Они, переменяя сферу занятий, и дальше (до конца своей жизни) во многом еще оставались в рамках традиционной культуры и традиционного крестьянского образа жизни. В этом демографическом массиве, охватывавшем чуть ли не половину населения Сербии, причудливо сочетались элементы традиционной сельской культуры и «массовой» культуры современного города с определенным поверхностным или более глубоким усвоением тех или иных высших культурных достижений своего этноса и мировой культуры. Эта часть населения сыграла большую роль в происходивших в Югославии событиях не только потому, что она представляла собой многомиллионную массу сербского этноса, но и потому, что она легко поддавалась политическим манипуляциям ввиду своей многогранности и неустойчивости идеологической, ценностной и политической ориентации.

В этот период происходил и сложный процесс изменения уровня и структуры образованности сербского этноса. В Сербии после окончания войны почти половина (46,9%) населения старше 10 лет была полностью неграмотна, а 41% населения имел только начальное образование (трехлетнее или семилетнее). Лиц с высшим образованием было всего 0,9%. Среди сербских крестьян процент полностью неграмотных и полуграмотных был намного выше. Акции по ликвидации неграмотности в 1946–1948 гг. дали некоторые результаты, но такими акциями решить проблему было невозможно. Проблема образования решалась с большим трудом в течение 45 лет существования СФРЮ и в последующие десять и более лет после ее распада. В Центральной Сербии в 1981 г. среди лиц старше 15 лет все еще имелось более полумиллиона (11%) полностью неграмотных, а всего 31% населения имел образование выше начального. По переписи 2002 г., среднее образование имело 40% взрослого населения, а высшее — 12%. Изменение образовательного уровня сербского этноса повлекло за собой и изменение других его социокультурных характеристик, которые формируют этничность эпохи индустриального развития. Индустриализация по-

влекла за собой более масштабную урбанизацию сербского этноса. Статистические данные свидетельствуют о том, что на рубеже XX и XXI вв. более 55% сербов жило в городах, около 15% — в поселках городского типа и уже менее 30% — в селах.

В настоящее время ведутся и, наверное, будут еще долго вестись дискуссии о том, была ли Югославия как государство изначально обречена на гибель и произошел ли ее распад именно из-за полиэтнического состава ее населения, то есть по чисто внутренним причинам? Когда установится «дистанция времени», когда станут доступными многие закрытые для научного изучения документы, связанные с событиями в Югославии, тогда, очевидно, будет гораздо легче разобраться в том, кто, как и в чьих интересах, по чьей подсказке, при чьей политической, финансовой и прямой военной помощи осуществил поэтапно это разрушение. Но даже то, что сейчас известно и доступно изучению, никоим образом не говорит о том, что существовала фатальная «историческая необходимость и неизбежность» уничтожения югославского государства. Необходимость изменения системы власти была. Нужны были и существенные реформы экономики. Но это была только определенная очень сложная историческая ситуация, из которой, как и из любой ситуации, имелось несколько альтернативных путей выхода. На путь развала страну толкнули не только сложившиеся объективные обстоятельства, но в первую очередь субъективные интересы и действия как внутренних, так и внешних заинтересованных сил.

Внутри страны новые правящие верхушки республиканских «титовых» этносов после принятия конституции 1974 г. сильно укрепили свои позиции в федеративном государстве, превратив его в своего рода конфедерацию. Югославия еще временно держалась как государственная целостность только благодаря сохранившемуся режиму личной власти президента и наличию в его руках мощных силовых структур — армии и полиции. Первый и важнейший интерес этих верхушек состоял в том, чтобы любой ценой и любым способом приобрести полный суверенитет своей власти над населением подвластных республик. Вторая, не меньшая по важности, заинтересованность правящих верхушек состояла в изменении собственного имущественного положения. Их уже не удовлетворяли размеры привилегий, получаемых при наличии государственной собственности на основные средства производства. Все более привлекательной для них становилась идея превращения государственного сектора в частный и присвоения львиной доли государственного имущества. Эти две категории реальных интересов республиканских правящих верхушек и были направлены против Югославии как государства. В этом они оказались солидарны с остатками националистических движений и бывших богатых слоев довоенного и военного времени. Но этот общий фронт борцов за «национальный суверени-

тет» и «рыночную экономику» изначально был разорван всевозможными внутренними противоречиями — имущественно-социальными, политическим, идейными. Суть всей так называемой «трансформации», которая осуществляется после развала югославского государства, состоит, независимо от идеологических маскировок, в формировании новых правящих верхушек из разнородных общественных элементов и в их борьбе за кусок приватизируемого государственного имущества и за место на новой иерархической лестнице власти.

Внешний фактор был связан с политикой и действиями крупных государств, которые играли огромную роль в самом развале Югославии и продолжают играть важнейшую роль в процессах «трансформации» на постюгославском пространстве. Эти страны преследовали и преследуют, несмотря на новую идеологическую оболочку, в основном свои традиционные интересы на Балканах: приобретение и сохранение определенных стратегических, политических и военных позиций в регионе, обеспечение достаточно емкого рынка для своих товаров и использование имеющихся в регионе природных и трудовых ресурсов в интересах собственной экономики. С точки зрения обеспечения этих интересов в современных условиях существование югославского государства было нежелательным. И каждое из крупных государств по-своему способствовало ликвидации Югославии как государства, занимавшего центральное место на Балканах. На позиции раздробления Югославии сошлись интересы правящих кругов крупных западных государств и новых этнических верхушек в югославских республиках. В процессе осуществляемой в настоящее время «трансформации» эти интересы и далее, хотя не во всех деталях, совпадают. Правящие слои в государствах на постюгославском пространстве видят в доминировании великих держав гарантию для сохранения своей власти и для реализации своих эгоистических интересов. Правящие круги великих держав со своей стороны видят в правящих верхах новых государств не только реальных пособников в осуществлении их доминирования на постюгославском и балканском пространстве, но и партнеров в дележе государственных богатств стран региона. Таков реальный смысл интегрирования народов бывшей Югославии в современное «европейское цивилизованное сообщество».

В 1991 г., когда начался распад Югославии, на всей ее территории сербов было, согласно официальным статистическим данным, 8140 тыс. человек. Они составляли тогда одну треть (36,3%) населения СФРЮ. На территории Республики Сербии и ее автономий проживало 6192 тыс. лиц сербской этнической принадлежности. Это составляло 75,9% всех сербов, проживавших в тогдашней Югославии. Около двух миллионов, или одна четвертая часть, сербов в Югославии проживала в других югославских республиках. Процесс распада Югославии, представлявший для сербов нача-

ло еще одного своеобразного этапа «огосударствления» их как этноса, не закончен. Сначала после отделения Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины и Македонии было провозглашено создание Союзной Республики Югославии (СРЮ), в состав которой вошли Республика Сербия с ее автономиями и Республика Черногория. Это государство просуществовало одно десятилетие и в 2003 г. было превращено в союз двух государств — Сербия и Черногория. Косово фактически уже отделено от Сербии (находится под иностранным управлением), а в Воеводине все сильнее проявляются сепаратистские тенденции и разворачивается политическая борьба за ее отделение. Если в ближайшие годы произойдет окончательное разделение Черногории и Сербии, к чему идет дело, то в качестве «сербского государства» может остаться территория так называемой Центральной Сербии, то есть территория к югу от рек Дуная и Савы и до границ с Косово и Македонией на юге и от реки Дрины на западе и до границы с Болгарией на востоке.

По переписи 2002 г., на территории Центральной Сербии, которую, как видно, хотят превратить в единственную государственную («моноэтническую») территорию сербов, проживало 5 454 333 жителей. Из них почти 90% (4907 тыс.) идентифицировали себя в качестве сербов. В Воеводине было 2 024 487 жителей, из которых 1315 тыс. (64%) самоидентифицировались как сербы. Следует отметить, что вследствие трагических событий и войн, организованных этническими верхушками на территориях Хорватии, Боснии и Герцеговины и самой Сербии (в Косово), многие сербы, и не только сербы, стали вынужденными и долгосрочными беженцами. Перепись 2002 г. зафиксировала, что на территории Сербии и Воеводины живет 380 тыс. беженцев, среди которых 353 тыс. — сербы. Эти данные говорят и о том, что если и Воеводина будет отделена от Сербии, то вне сербской территории останется не менее 40% сербов, то есть столько же, сколько было сто лет назад перед началом Первой мировой войны. Таков итог решения «сербского вопроса», «модернизации» и «интеграции», которые проводились и проводятся под нажимом, по указке и под прямым руководством западноевропейских и американских правителей на пространстве Югославии. Те же силы, которые всячески стимулировали и осуществляли развал Югославии, осуществляют теперь и развал Республики Сербии, возвращают ее как государство в границы, существовавшие сто лет назад в Королевстве Сербии.

* * *

Сербский народ, насчитывающий в настоящее время более 8 млн человек, вступил в XXI столетие в тяжелейших для себя обстоятельствах. Он снова разделен границами разных государств, в которых его различные части имеют разный статус. Он оказался опять политически дезинтегриро-

ванным и под властью новых этнических верхушек правящих прослоек предшествующего режима и вновь формирующегося слоя крупных частных собственников. Его теперешнее «огосударствление» происходит под контролем и по прямой указке из вне. Его судьбу кроют правящие круги других государств по меркам собственных экономических, политических и военно-стратегических интересов на Балканах, на постюгославском пространстве и в самой Сербии.

Прогнозировать в сложившейся и быстро меняющейся ситуации в мире и на Балканах, на постюгославском пространстве и в Сербии будущее сербского народа, как в ближайшей, так и в отдаленной перспективе, крайне трудно. Одно, безусловно, ясно: сербский народ в самой Сербии и вне ее ждут нелегкие испытания. Сербам снова предстоит трудный участок исторического пути, новые хождения по мукам под властью навязанных ему режимов. Нынешним и новым поколениям сербского народа предстоит в наступившем XXI в. ответить на многие новые вызовы. В борьбе за существование им придется определяться:

- ◆ быть ли им просто периферийным населением на юго-восточной окраине европейского континента, вечно догоняющими «европейцами второго сорта», находящимися под чужой опекой, или, сохраняя свою этническую идентичность, отстаивать свое право на полноценное существование наравне с другими народами;
- ◆ находиться ли им и далее в непрерывных конфликтах с другими славянскими и неславянскими народами Балкан или, преодолевая разжигаемую внутренними и внешними силами этническую нетерпимость, объединять свои усилия с усилиями этих народов, чтобы отстаивать свои фундаментальные жизненные интересы и свои человеческие и этнокультурные права;
- ◆ подчиняться ли им безропотно тем режимам и формам власти, которые им навязывают правящие олигархические круги крупных государств и претенденты на мировую гегемонию, или самым определять, как организовать свою совместную жизнь и управление ею;
- ◆ осуществлять ли объективно необходимую модернизацию своей экономики и образа жизни и участвовать в интеграционных процессах современного мира, находясь под властью собственной олигархии и под контролем олигархии наиболее развитых стран, или вместе с другими народами Балкан, Европы и мира искать иные способы решения этой общей исторической задачи.

Сербская государственность в начале XXI в.

О первых годах XXI в. уже можно говорить как о самостоятельном этапе в развитии сербской государственности, поскольку начало нового столетия почти совпало с очередным крупным поворотом в истории Сербии. Точнее, это произошло 5 октября 2000 г., когда от власти был отстранен президент Союзной Республики Югославии и главное действующее лицо сербской истории 90-х гг. прошлого века Слободан Милошевич. Одновременно так называемая «малая октябрьская революция» стала для Сербии и завершением длительного процесса расставания с коммунистическим прошлым.

Правление Милошевича завершилось полным крахом. Ему не только не удалось решить задачи переходного периода, такие задачи в полном объеме он даже не ставил. Но ему не удалось решить и другие задачи, выдвинувшиеся в конце 80-х — в 90-е гг. на первый план: сначала сохранить Югославию, став своего рода новым Тито, а затем объединить всех сербов в одном государстве, решив тем самым возродившийся в конце прошлого века сербский вопрос.

В результате сербский народ, во-первых, на десятилетие отстал от своих соседей в проведении необходимых преобразований, а скорее всего — еще больше, если учитывать огромный ущерб, причиненный экономическими санкциями и прямой агрессией НАТО в 1994–1995 гг. против Республики Сербской в Боснии и в 1999 г. против Союзной Республики Югославии в связи с событиями в Косово.

Во-вторых, к началу XXI в. сербская государственность существовала фактически в трех формах. Прежде всего — как Республика Сербия (которая вместе с Черногорией составила Союзную Республику Югославию, преобразованную позже в государственное образование Сербия и Черногория). Еще одной формой государственности сербов стала Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Она сумела выжить в отличие от уничто-

женной в 1995 г. хорватскими войсками Республики Сербская Краина в Хорватии. И наконец, в определенной степени Республику Черногорию также можно считать одной из форм сербской государственности. По крайней мере, в прошлом это было именно так¹.

Другое дело, что с середины XX в. проводилась целенаправленная политика по выделению черногорцев из общесербского этноса, по созданию отдельной черногорской нации. Начавшийся во многом искусственно, сверху, в кругу руководителей коммунистического партизанского движения в годы Второй мировой войны этот процесс стал набирать со временем и собственную инерцию. Он характеризовался, в частности, ростом национального самосознания у части черногорского населения. Во второй половине 90-х гг. этот процесс приобрел новое качество, когда черногорские власти в борьбе с Белградом откровенно поставили на национальную карту. Достаточно назвать попытки создания самостоятельной церкви, Дуклянской академии наук, черногорского языка и т. п. Появились работы, объясняющие даже отличие антропологического типа черногорцев от сербов. Чем этот процесс завершится, покажет будущее².

Так или иначе, но мы остановимся только на ситуации в Республике Сербия (без автономного края Косово и Метохия). И потому, что Сербия остается и останется, конечно, ядром сербской государственности, и потому, что именно в Сербии, как мы упомянули, начало нового века стало определенным этапом в ее развитии. Ничего подобного ни в Республике Сербской, ни в Черногории не было.

* * *

Десятилетие от введения в Югославии многопартийности и до «малой октябрьской революции» (1990–2000) в Сербии существовал режим личной власти С. Милошевича с элементами парламентаризма. На политической сцене присутствовали в основном три течения с различными оттенками и переходными формами: социалистическое (экс-коммунистическое), демократическое и националистическое. Первое было представлено прежде всего Социалистической партией Сербии (СПС) С. Милошевича; второе — Демократической партией (ДП) З. Джинджича, Демократической партией Сербии (ДПС) В. Коштуницы, Сербским движением обновления (СДО) В. Драшковича; третье — Сербской радикальной партией (СРП) В. Шешеля.

В то же время большинство голосов в союзной и сербской скупщинах в течение всего десятилетия неизменно имела Социалистическая партия Сербии С. Милошевича. В борьбе за власть она иногда блокировалась с другими политическими силами, представлявшими все оттенки политического спектра: от Югославских левых (ЮЛа), которых возглавляла жена

Милошевича — Мирьяна Маркович, Сербской радикальной партии В. Шешеля и до Новой демократии Д. Михайловича³. Все это не имело большого значения. Сербская парламентская система фактически была полупартийной, где «единицей» всегда была Социалистическая партия Сербии. Конечно, такая система была все же лучше однопартийной коммунистической, но назвать ее подлинно многопартийной тоже было нельзя. Любопытно, что в сербской истории подобная ситуация уже встречалась, в частности, в начале XX в., когда системообразующую роль в парламенте играли радикалы Н. Пашича⁴.

Казалось, что режим Милошевича может просуществовать еще какое-то время, что самые тяжелые времена — экономические санкции и агрессия НАТО — для него уже позади. В это уверовал и сам Милошевич. С одной стороны, он пытался еще жестче «закрутить гайки»: по крайней мере, в тот период в Сербии стали с пугающей периодичностью физически устраняться или пропадать без вести его политические противники⁵. С другой стороны, Милошевич вновь решил несколько изменить «условия игры», что уже много раз позволяла ему сохранять ведущие позиции на сербском и югославском политическом Олимпе.

В июле 2000 г. парламент Югославии принял ряд поправок в Конституцию СРЮ и, в частности, изменил порядок выборов президента страны. Теперь вместо парламента его должны были избирать в ходе всеобщих, прямых выборов. Президент мог пребывать на своем посту три срока. Кроме того, 40 депутатов верхней палаты парламента (Вече республик) также должны были избираться прямым голосованием (до этого парламента Сербии и Черногории делегировали туда по 20 депутатов). Внешне демократические изменения, по сути, преследовали совсем иные цели. Этими изменениями парламента фактически открывал С. Милошевичу путь к несменяемой власти (переизбранию на посту президента Югославии еще дважды, каждый раз — на четыре года) и резко ослаблял позиции 650-тысячной Черногории по сравнению с 7,5-миллионной Сербией⁶.

Президентские и парламентские выборы в Югославии состоялись 24 сентября 2000 г. Главными конкурентами были Социалистическая партия Сербии С. Милошевича и Демократическая оппозиция Сербии (ДОС), состоявшая из 18 партий различной, но преимущественно демократической направленности. Правда, в ДОС не вошла некогда самая большая оппозиционная партия — Сербское движение обновления В. Драшковица. Своим кандидатом в президенты Югославии оппозиционный блок выдвинул лидера Демократической партии Сербии Воислава Коштуницу. Всего за 138 мест в нижней и 40 — в верхней палатах парламента боролись представители 21 партии. В знак протеста против изменения конституции выборы бойкотировали власти Черногории.

Итоги выборов оказались сенсационными. Демократическая оппозиция Сербия получила преимущество в 600 тыс. голосов при избрании депутатов в верхнюю палату скупщины Югославии (Вече республик) и почти в 500 тыс. — при голосовании в нижнюю палату (Вече граждан), обогнав блок, состоявший из Социалистической партии Сербии, ЮЛа и двух оппозиционных в Черногории партий — Социалистической народной и Народной. Еще уверенней выступил ДОС на президентских выборах. В. Коштуница победил уже в первом туре, набрав 50,24% голосов при 37,15% у С. Милошевича. Правда, эти данные были подтверждены позже, а до этого Центризбирком заявлял о неизбежности проведения второго тура, так как В. Коштуница получил якобы только 48,96%, то есть немногим меньше необходимых 50% голосов плюс один.

Против фальсификации результатов выборов в Белграде и других городах начались массовые волнения. Они закончились отстранением С. Милошевича от власти (5 октября) и инаугурацией четвертого президента Югославии В. Коштуницы (7 октября)⁷. Премьер-министром Югославии стал З. Жижич, представитель Социалистической народной партии Черногории, входившей в бывший правящий блок. Союз сербских демократов с этой партией был предопределен позицией президента Черногории М. Джукановича и его Демократической социалистической партии, которые продолжали не признавать новое югославское руководство. Джуканович прямо заявил, что для него Коштуница является лишь лидером демократического большинства Сербии.

Вскоре, в конце декабря 2000 г., состоялись выборы и в парламент Сербии. Они принесли уже безоговорочную победу объединенной сербской оппозиции. ДОС получила свыше 64% голосов, или 174 из 250 депутатских мест в парламенте, СПС — 14%, или 37 мест, Сербская радикальная партия В. Шешеля — 8%, или 23 мандата, Партия сербского единства убитого незадолго перед этим криминального авторитета Ж. Ражнатовича-Аркана — 5%, или 14 депутатских мест. Не преодолели 5-процентный барьер и не попали в парламент Сербское движение обновления и ЮЛ. Премьер-министром Сербии был назначен лидер крупнейшей в ДОСе Демократической партии Зоран Джинджич, который был недостаточно популярным, чтобы победить на всенародных выборах, но считался главным менеджером избирательной кампании ДОСа. Он и сформировал правительство, в которое впервые с 1990 г. не вошли социалисты. Любопытно, что оно было 110-м сербским правительством со времен Карагеоргия⁸.

«Октябрьская революция» 2000 г. в Сербии по типу была схожа с «бархатными революциями» 1989 гг. в Центральной Европе и на Балканах. В этом смысле ничего особенно в этих событиях не было⁹. Однако приход сербской демократической оппозиции к власти оказался растянутым на це-

лое десятилетие, омраченное распадом единой страны, санкциями, войнами, полной экономической разрухой. Естественно, что стартовые позиции у сербских демократов оказались намного хуже, чем у оппозиции в других бывших социалистических странах.

Нельзя сказать, что чем-то уж совсем особенным был и сербский национализм, за который сербы подверглись сильнейшим гонениям со стороны так называемого «мирового сообщества». Национализм существовал во всех странах Центральной и Юго-Восточной Европы, во всех бывших югославских республиках, был присущ всем народам и народностям Югославии. И везде он стал средством борьбы с коммунизмом. Вот здесь Сербия оказалась исключением. Ее лидер С. Милошевич с помощью национализма попытался, наоборот, сохранить некое подобие коммунизма у себя в республике и в том, что еще оставалось от Югославии¹⁰. Возможно, только в России коммунисты также попытались разыграть национальную карту, но они к тому времени уже не были у власти.

Приведя ДОС к победе, ее лидеры — избранный президентом Югославии Коштуница и назначенный премьер-министром Сербии Джинджич сразу же стали выяснять отношения между собой. В этой ситуации лучшим аппаратчиком показал себя Джинджич. Тем более что он и так, получив пост сербского премьер-министра, сконцентрировал в своих руках основные рычаги власти. Он же стал проводником новой линии сербской власти.

Эта линия, к сожалению, повторяла многие ошибки, свойственные радикальным либерально-демократическим силам в бывших социалистических странах, особенно их российским коллегам. Это и правовой нигилизм, основанный на формуле «цель оправдывает средства», и махинации с приватизацией, и пренебрежительное отношение к собственному народу, и в значительной степени отказ от национальных интересов. Это и стремление к монопольному управлению страной. Фактически парламентская система в Сербии осталась полупарламентской, где «единицей» вместо соцпартии стала ДОС и ее ядро — Демократическая партия. По словам того же Коштуницы, внутри правящей коалиции «все подчинено интересам одной Демократической партии, а сама ДОС была современным вариантом Народного фронта, в котором подобным же образом доминировала КПЮ»¹¹.

В конце июня 2001 г. правительство Сербии во главе с З. Джинджичем с нарушением югославских законов и против воли Конституционного суда выдало Гаагскому трибуналу арестованного ранее С. Милошевича (югославское руководство обвиняло его в коррупции и расправах над политическими оппонентами, а западные страны — в геноциде, развязанном против косовских албанцев; затем добавились обвинения и за войны в Хорватии и Боснии). За «голову» Милошевича Югославии было обещано более 1 млрд долларов финансовой помощи, однако вместо денег его выдача спровоци-

ровала первый внутренний кризис в новом демократическом руководстве. Премьер-министр Югославии З. Жижич в знак протеста ушел в отставку. Его заменил другой представитель Социалистической народной партии Черногории Д. Пешич. Несогласие с противозаконной выдачей экс-президента заявил и президент Югославии В. Коштуница, а возглавляемая им Демократическая партия Сербии вышла из единой парламентской фракции ДОСа в сербском парламенте.

Однако кризис этим не закончился. В августе 2001 г. он затронул уже правительство Сербии, возглавляемое З. Джинджичем. Из него также вышли представители Демократической партии Сербии. Поводом стала «неспособность кабинета справиться с организованной преступностью». Конфликт между З. Джинджичем и В. Коштуницей набирал обороты. Несколько позже члены ДПС были полностью отстранены от власти, в частности, многие ее представители лишились мандатов в сербском парламенте. Это происходило при многочисленных нарушениях законов.

Пути Демократической партии Сербии во главе с президентом Югославии В. Коштуницей и остальной ДОС во главе с премьер-министром Сербии З. Джинджичем окончательно разошлись. Иначе и быть не могло. Два лидера были абсолютно разными людьми. В отличие от бессребреника и идеалиста, зачастую нерешительного «консервативного демократа» Коштуницы, непопулярный в народе «радикальный демократ» Джинджич был чрезвычайно динамичен и по-западному прагматичен. Он всеми силами подстегивал преобразования, как будто знал, что ему отпущено очень мало времени. Результаты тем не менее были скромными, хотя Сербия и сделала определенные шаги в достижении макроэкономической стабильности и уменьшении инфляции. За борьбой двух личностей за власть стоял и выбор между двумя внешнеполитическими концепциями развития сербской государственности — национально ориентированной или ориентированной на Запад, прежде всего на США и Германию¹².

Именно при Джинджиче с многих постов были уволены не только сторонники Милошевича, но и просто национально ориентированные деятели. Их место занимали политические выдвиженцы ДОСа, нередко с крайне низким профессиональным уровнем подготовки. Страну наводнило множество «западных советников». По словам заместителя Шешеля по радикальной партии Т. Николича, в министерстве обороны, например, были «советники» из Англии, США, Испании и Израиля, а в министерстве образования «было засилье норвежцев»¹³. Одновременно сербские СМИ начали активно скупаться иностранцами. В частности, эссенский медийный концерн во главе с Бодо Хомбахом (бывшим руководителем Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы) установил контроль над влиятельным издательским домом «Политика»¹⁴.

И если ДОС проводил ярко выраженный прозападный курс, то Коштуница больше опирался на традиционные сербские ценности. Он сам так определял свою позицию: «Внешняя политика Милошевича всегда металась между излишней жесткостью и излишней уступчивостью... Мы должны найти третий путь между излишней жесткой позицией Милошевича ... и излишней попустительской политикой некоторых его политических оппонентов... Мой ответ — и сопротивление, и сотрудничество»¹⁵. Многие на Западе поспешили за это назвать Коштуницу «умеренным националистом». Но он «едва ли был большим националистом по сравнению с большинством западных политиков и был меньшим националистом, чем многие западные консерваторы»¹⁶.

Тем не менее В. Коштуница все больше превращался в «свадебного генерала» — популярного в стране, но ничего не решающего. В этой ситуации он дважды пытался поменять свой пост президента Югославии на пост президента Сербии. Оба раза Коштуница с большим преимуществом лидировал в президентской гонке, но оба раза выборы были признаны несостоявшимися из-за недостаточной явки избирателей. В неуспехе выборов больше всех был заинтересован его главный соперник, сербский премьер З. Джинджич. Однако уже на этих несостоявшихся выборах стала раскалываться и главная опора Джинджича — ДОС, из которой вышли некоторые партии, например Новая Сербия В. Илича, и такие лидеры, как М. Лабус, возглавивший преобразованную в партию группу экономических экспертов — «Г-17 плюс».

Тем временем произошло определенное урегулирование отношений между двумя республиками, входившими в Югославию. 14 марта 2002 г. под руководством Хавьера Соланы от Европейского союза было подписано соглашение об основах переустройства отношений между Сербией и Черногорией. Согласно подготовленной в ЕС конституционной хартии, новое государственное объединение состояло из двух равноправных членов — Черногории и Сербии с двумя автономными краями. Совместными органами объявлялись однопалатный парламент (скупщина), президент, совет министров и суд.

Президент, которого избирает скупщина, предлагает состав совета министров и руководит им. Правительство состоит из пяти министерств: иностранных дел, обороны, внешних и внутренних экономических отношений, а также защиты прав человека и национальных меньшинств. Единой армией командует Верховный совет обороны, в который входят президент государственного образования и два республиканских президента. Решения Верховного совета обороны принимаются на основе консенсуса. Призывники служат на территории республик, откуда они призываются. Некоторые институты правительства могут находиться в Подгорице.

Суд Сербии и Черногории выполняет функции конституционного суда и занимается приведением к единым нормам судебной практики. В органах исполнительной и судебной власти обеспечивается равное представительство двух республик. В международных организациях — ООН, ОБСЕ, Совете Европы и других — такое равноправие обеспечивается с помощью ротации.

Стороны договорились о беспрепятственном функционировании общего экономического рынка, включая свободное перемещение людей, товаров, услуг и капитала. Имеющиеся здесь расхождения в области торговой и таможенной политики должны были разрешаться в процессе гармонизации экономических систем республик с экономической системой Европейского союза. Последнее положение реализовано не было, и существование двух фактически самостоятельных экономических систем было продолжено.

На три года вводился мораторий на проведение референдума о самостоятельности. В случае выхода Черногории из общего государства Сербия должна была стать правопреемницей единого государства, в том числе и в отношении Резолюции СБ ООН № 1244, которой определяется статус Косово и Метохии.

На переговоры между представителями Сербии и Черногории, на подписание конституционной хартии и ее ратификацию сербским, черногорским и союзным парламентами ушел еще почти целый год. 4 февраля 2003 г. Союзная Республика Югославия, функционировавшая почти 11 лет и прочно связанная с именем С. Милошевича, перестала существовать. Милошевичевская Югославия повторила судьбу титовской. Ушло в историю и само название Югославия. На месте СРЮ возникло мало жизнеспособное государственное образование Сербия и Черногория. Согласно конституционной хартии, республиканские парламенты делегировали своих представителей в совместный однопалатный парламент (скупщину). Парламент избрал президента (он же премьер-министр) нового государственного образования, которым стал черногорец Светозар Марович.

После конституирования нового государственного образования В. Коштуница остался без своего поста. Казалось, все решено — Джинджич может поживать на лаврах. Но уже через пять недель, 12 марта 2003 г., снайперские выстрелы в Белграде оборвали эту идиллическую для Демократической партии и ДОСа в целом картину. В убийстве Джинджича была обвинена группировка, состоявшая из откровенных уголовников, входивших в так называемый «Земунский клан», и членов элитного спецподразделения «Красные береты», во главе с М. Луковичем (Улемеком) по кличке Легия. Кстати, немногим раньше, в 2000 г. во время «октябрьской революции» Легия оказал Джинджичу немалые услуги при отстранении С. Милошевича от власти.

Через несколько часов после убийства Джинджича в Сербии было введено чрезвычайное положение (которое длилось 40 дней) и проведена широкомасштабная полицейская операция «Сабля», направленная против организованной преступности, но частично использовавшаяся и в политических целях, для борьбы с противниками режима¹⁷. Всего было задержано почти 12 тыс. человек. В их числе были не только уголовники, но и партийные функционеры, высшие военные чины, судьи, эстрадные звезды. Однако это не помогло правящей коалиции. Правда, посмертный рейтинг популярности Джинджича резко вырос, но позиции созданной им ДОС начали быстро слабеть. Лидера подобного масштаба у досовцев в тот момент не оказалось. Не был таковым и Зоран Живкович, который занял место Джинджича как на посту премьер-министра, так и лидера Демократической партии.

Фактически ничего нового в реформировании сербской экономики З. Живкович предпринять не сумел. Не смог он и завершить работу по разработке новой сербской конституции. А ведь принятие новой конституции — было важнейшим делом для всех стран, которые решали задачи трансформации¹⁸. Попытки разработать конституцию в Сербии делались. Но они вновь были направлены в основном на закрепление монопольного положения ДОС. Как точно подметил В. Коштуница, говоря о последнем периоде истории своей страны: «Республиканская конституция 1990 г. была конституцией Соцпартии Сербии, федеральная конституция 1992 г. была конституцией Соцпартии Сербии и Демократической партии социалистов Черногории. Новая республиканская конституция (которая разрабатывалась в Сербии в первые годы XXI в. — К. Н.) грозит стать конституцией ДОСа»¹⁹.

Экономическое положение Сербии оставалось плачевным. Не было предпринято никаких мер по борьбе с безработицей. Из 4 млн трудоспособных в Сербии 1 млн не мог найти работу. Не принес никаких дивидендов и безоглядный прозападный курс. Вместо обещанной помощи Сербия все больше попадала в финансовую и даже политическую зависимость от Запада. Проблема Косово также не решалась, и только перед самой смертью Джинджич стал более активно ею заниматься. Республику еще больше потрясали коррупционные скандалы, в которые были замешаны и члены кабинета министров²⁰. В разных уголках Сербии проходили массовые акции протеста, перекрывались дороги. Правительство потеряло всякий авторитет, а ДОС — большинство в парламенте. В ноябре 2003 г. скупщина была распущена. Оказалась без должности и исполняющая обязанности президента, спикер парламента Н. Мичич. Сербия осталась не только без парламента, но и без президента и даже без исполняющей его обязанности.

Тогда же, в ноябре 2003 г., третья попытка избрать сербского президента опять была сорвана из-за недостаточной явки избирателей. На этот раз

к их бойкоту призывал уже и лидер Демократической партии Сербии В. Коштуница. В то же время выборы показали заметный рост в стране радикальных настроений. В отсутствие добровольно предавшего себя в руки Гаагского трибунала В. Шешеля его преемник на посту лидера Сербской радикальной партии Томислав Николич получил более 46% голосов. Тем самым был развеян миф и о том, что радикальная партия является партией одного человека. Сразу после выборов состоялось последнее заседание президиума ДОС, на котором было объявлено о ее роспуске.

Досовский этап в развитии сербской государственности занял ровно три года. Его наивысший расцвет пришелся на начало 2003 г., когда произошло официальное конституирование нового государственного образования Сербия и Черногория. После убийства Джинджича правящая коалиция стала разваливаться, и в конце 2003 г. она перестала существовать.

Этот трехлетний этап был связан с начавшимися демократическими преобразованиями и с почти монопольным правлением в Сербии бывшей демократической оппозиции и ее главной силы — Демократической партии. Из правящей коалиции были фактически изгнаны даже сторонники В. Коштуницы, благодаря популярности которого оппозиция во многом и пришла к власти. Но в этом плане ничего принципиально нового в Сербии не произошло. Право меньшинства в Сербии и Югославии, в том числе в рамках парламентской системы, как правило, не учитывалось. Парламентаризм часто понимался лишь как неограниченная власть большинства. Национальная идеология — будь то местный национализм, «интегральный югославизм» или «самоуправление» — сразу же превращалась в догму и насаждалась силовыми методами. Власть ДОСа также не была чужда навязыванию обществу только своих идеологических построений. В то же время ДОС не смогла воспользоваться своим монопольным положением для решения наиболее болезненных точек сербской государственности.

Распад ДОС фактически предопределил приход к власти в Сербии новых сил. К тому же медвежью услугу прежней правящей коалиции оказал Запад. Как раз в канун новых парламентских выборов были выдвинуты обвинения еще четырем сербским генералам со стороны Гаагского трибунала. Экономические трудности и национальное унижение не могли не сказаться на настроениях избирателей, привели к росту популярности сербских радикалов.

Выборы нового состава парламента Сербии состоялись 28 декабря 2003 г. В них участвовало 18 партий или избирательных блоков. Первое место заняла Сербская радикальная партия, получившая 27,6% голосов избирателей (81 место из 250 в скупщине)²¹. Второе место досталось Демократической партии Сербии В. Коштуницы с 17,7% голосов (52 места). (Характерно, что в то же время в Белграде Демократическая партия Сербии на несколько

тысяч голосов избирателей опередила Сербскую радикальную партию). Демократическая партия, которую вел на выборы министр обороны Борис Тадич, получила 12,5% (38 мест), «Г-17 плюс» — 11,5% (34 места). Преодолели 5-процентный барьер и вошли в парламент блок партий, состоявший из «Новой Сербии» В. Илича и Сербского движения обновления В. Драшковича (23 места), и Социалистическая партия Сербии (22 места). Председателем нового состава сербского парламента стал член ДПС Драган Маршичанин. Позже его заменил представитель «Г-17 плюс» Предраг Маркович.

Переговоры о создании нового правительства длились несколько месяцев. Оно было создано только 3 марта 2004 г. В центре всех комбинаций оказался В. Коштуница, который, с одной стороны, не мог единолично и даже вместе с союзниками создать правительство парламентского большинства, а с другой — не мог по принципиальным причинам блокироваться ни с социалистами, ни с радикалами, ни с Демократической партией — своим главным конкурентом из прошедшего трехлетия. Так как участники переговоров отказались сформировать так называемое «концентрационное правительство» с пропорциональным представительством всех партий, прошедших в парламент, Коштуница был вынужден сформировать правительство парламентского меньшинства из собственной Демократической партии Сербии, партий «Г-17 плюс», Новой Сербии и Сербского движения обновления. Причем за создание такого правительства проголосовала и социалистическая партия, что породило многочисленные слухи о сговоре новых властей со сторонниками Милошевича.

Став премьер-министром, Коштуница вновь вернулся в большую политику, откуда был вынужден уйти в результате упразднения Союзной Республики Югославия. Его единственным заместителем был назначен М. Лабус из «Г-17 плюс». Остальные посты были распределены между членами новой коалиции, а В. Драшкович стал министром иностранных дел государственного содружества Сербия и Черногория.

Парламентские выборы в конце 2003 г. были первыми «настоящими» выборами после Милошевича. И они показали, что глубокий раскол сербского общества не преодолен, что консенсуса в общества по поводу путей развития сербского государства по-прежнему нет. Правительство парламентского меньшинства — крайне неустойчивое. Наблюдатели единодушно пророчат ему недолгую жизнь. С самого начала Коштуницу стали шантажировать возможным выходом из правительства или отказом ему в поддержке то социалисты, то Драшкович, а то даже «Г-17 плюс». Кроме того, уже и кабинет Коштуницы начали потрясать коррупционные скандалы, а страну — массовые акции протеста, столь характерные для предыдущих нескольких лет. Кризис сербской государственности после этих выборов выглядел даже глубже, чем к моменту свержения Слободана Милошевича²².

Не принесли Сербии стабильности и состоявшиеся 13 июня 2004 г. очередные выборы президента. Во второй круг вышли два представителя новой оппозиции — Томислав Николич от Сербской радикальной партии (30%) и Борис Тадич от Демократической партии (27%). Кандидат правящей коалиции Драган Маршичанин от Демократической партии Сербии получил всего 14% и занял четвертое место. Тут же Лабус от «Г-17 плюс» заявил, что не сможет работать в правительстве, чей кандидат получил так мало голосов и необходима либо реконструкция правительства, либо — новые парламентские выборы.

Во втором круге президентских выборов уверенную победу одержал Борис Тадич, набравший 53,5% голосов против 45% голосов, собранных Томиславом Николичем. Причем во втором круге выборов явка избирателей была даже несколько выше, чем в первом. На этот раз Тадица поддержали все демократические силы Сербии — Коштуница, Лабус, Драшкович и др. По некоторым данным, частью пакета договоренностей между Коштуницей и Тадичем было непроведение новых парламентских выборов до конца 2004 г. с тем, чтобы за это время можно было принять новую сербскую конституцию.

* * *

Главные характеристики сербской государственности в начале XXI в. — незавершенность преобразований и нестабильность. Похоже, что Сербия вступила в череду постоянных выборов. Достаточно сказать, что за три с половиной года два раза проходили парламентские выборы и четыре раза президентские. Страна живет по старой, еще милошевичевской конституции, лишь в июне 2004 г. правительство Коштуницы передало в парламент проект новой конституции. Но это было сделано без широкого обсуждения и вызвало недовольство других политических сил. Новый президент Сербии Борис Тадич, представляющий находящуюся в оппозиции Демократическую партию, скорее всего тоже не добавил стране стабильности.

Расклад сил на сербском политическом поле еще раз подтвердили муниципальные выборы, состоявшиеся в конце сентября 2004 г. В крупных городах, включая Белград, тенденция была такой же, что и на президентских: две оппозиционные партии — Демократическая и Радикальная — занимали соответственно первое и второе место и побеждали остающуюся на третьем месте правящую Демократическую партию Сербии. Но ни одна из партий самостоятельно сформировать местную власть не могла. Партия В. Коштуницы по-прежнему занимает фактически центр политического спектра, а население Сербии все еще — крайне поляризовано. В такой ситуации страна вряд ли может рассчитывать на устойчивое развитие.

Остались и все разделительные линии, деление на серблянцев (жителей собственно Сербии) и пречан (прежде всего жителей Республики Сербской в Боснии). Проблема Косово выглядит тупиковой, хотя Коштуница и предпринял определенные шаги по продвижению своего плана по децентрализации этого края, созданию для косовских сербов самоуправляющихся кантонов. Меньше чем через два года власти Черногории могут провести референдум и развалить нынешнее совместное с сербами государственное образование. Население расколото и в самой Сербии, в том числе и по географическому признаку. Многочисленные выборы показывали, что если Воеводина голосует преимущественно за представителей бывшей ДОС (последнее время, правда, в крае наблюдался рост радикальных настроений, в том числе и за счет сербских беженцев из других районов бывшей Югославии), то Центральная Сербия — за Коштуницу, а Южная Сербия и Косово (сербские избиратели) — за радикалов Шешеля и Николича.

После разрешения в 1990 г. многопартийных выборов Сербия с одинаковым «успехом» перепробовала разные варианты устройства государственной власти: за 10-летним периодом эры социалистов последовал 3-летний период правления радикальных демократов. Сегодня власть частично принадлежит умеренным демократам. Возможно и новое появление на сербском Олимпе Демократической партии, которую в какой-то степени сумел реанимировать Б. Тадич. Из всех основных политических течений к власти не приходили только радикальные националисты. Остаются, правда, и экзотические варианты, и в частности — монархический, который уже был апробирован в соседней Болгарии. Своего часа терпеливо ждет вернувшийся в Сербию наследник престола Александр Карагеоргиевич, а его тетя Елисавета Карагеоргиевич даже выдвигала себя кандидатом на последних президентских выборах. Но кто бы ни пришел к власти в Сербии, его ждут очень тяжелые испытания.

В 2002 г. на одной из конференций в Сербской академии наук и искусств известный писатель Добрица Чосич говорил: «Сербия вступила в XX в., развиваясь по европейскому пути, с демократическим устройством, на экономическом и культурном подъеме, одержав политические и военные победы; закончила же XX в. в национальной депрессии, с недемократическим и криминальным обществом, потерпев военные и политические поражения. В начале века мы были народом надежды, в конце века стали народом, потерявшим покой, народом изгнанников и переселенцев. В начале века у нас было государство, которое имело силу и союзников, чтобы объединить весь сербский и югославянские народы, в конце века остались без государства и без единого союзника, а мировые державы несправедливо наказали нас блокадой и международными санкциями. Блок НАТО свою чудовищную военную силу первый раз употребил против сербского народа в Боснии, а в

последний год века 78 дней бомбил Сербию. В первой половине века мир поражался сербской жажде свободы, сербскому героизму и достоинству; в конце века мир провозгласил нас военными преступниками и поджигателями. В начале века мы освободили Косово и Метохию, в конце века — потеряли Косово и Метохию. Сербский народ в первой половине XX в. Европа, Америка и весь цивилизованный мир уважали и почитали, сегодня же он, по желанию Америки и Европейского союза, посажен на черную скамью гаагского судилища, его судят за агрессию против народов, которых он освобождал во время двух мировых войн и которые ему за это освобождение ответили геноцидом»²³.

Если Д. Чосич и допускает некоторую идеализацию положения сербского народа в начале прошлого века, то, говоря о его положении в конце века, он не сгущает краски. Для преодоления такого положения сделать предстоит еще очень много. XX в. оказался для Сербии во многом веком упущенных возможностей. И теперь нерешенные в прошлом столетии задачи предстоит решать уже в XXI в. Новая сербская государственность только складывается.

Примечания

¹ Даже географическое название «Черногория» возникло лишь в XIV в.

² Согласно переписи, результаты которой были объявлены в конце 2003 г., 40% жителей Черногории определили себя как черногорцы и 30% — как сербы. См.: *Rezultati popisa u Crnoj Gori // B92. Vesti za 19.12.03.*

³ Сейчас его партия называется Либералы Сербии.

⁴ См., например, *Никифоров К. Парламентаризм в Сербии в XX в. // Славяноведение. 2004. № 3. С. 8–20.*

⁵ Так, пропал без вести, а затем уже после отстранения Милошевича от власти был найден убитым его непосредственный предшественник в сербских коридорах власти Иван Стамболич. И если в России многие относились к Милошевичу с уважением за его не зависимую от Запада позицию, то в самой Сербии жизнь при его режиме становилась все более невыносимой.

⁶ Именно таким было население Сербии без Косово и Метохии, согласно переписи 2002 г. Кроме того, в Сербии проживало еще около 380 тыс. беженцев. См.: *B92 Vesti za 28.06.2002 и za 11.06.2004.*

⁷ О личности В. Коштуницы см., например: *Гуськова Е. Воислав Коштуница — последний президент Югославии // Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе. М., 2003. С. 169–178.*

⁸ *Мијушковић Н., Булајић Ж. Нови људи нове политике // Глас јавности, 20.01.2001.*

⁹ Правда, некоторые западные эксперты и здесь поспешили заявить, что «Коштуница пришел к власти в результате не демократической, а националистической революции». См., например: *Гусейнов Э.* Демократ или националист // Известия. 2001. 8 декабря.

¹⁰ *Батаковић Д., Протић М. Ст., Самарџић Н., Фотић А.* Нова историја српског народа. Београд, 2002. С. 375–376.

¹¹ Власт замагљује атентат // Вечерње новости. 2003. 17 мая.

¹² Сербские демократы сдавали национальные позиции постепенно. Сначала с этих позиций сошел В. Драшковиц, бывший когда-то наряду с В. Шешелем одним из самых ярких националистов. Затем на полностью прозападные позиции перешел и З. Джинджич, в первой половине 90-х гг. поддерживавший отношения с лидерами Республики Сербской в Боснии. На завершающем этапе боснийского кризиса пытался заигрывать с Западом и С. Милошевич. Во многом именно такой дрейф демократов и социалистов расчистил дорогу наверх сербским радикалам и даже таким маргиналам, как Партия сербского единства.

¹³ Президента ждите через три недели. Интервью лидера Сербской радикальной партии Томислава Николича (беседовал В. Тетекин) // Советская Россия. 2004. 27 мая.

¹⁴ См.: *Григорьев Е.* Пришел, увидел, поглотил // Независимая газета. 2002. 4 сентября.

¹⁵ *Коштуница В.* Сербия и Запад // Независимая газета. 2000. 13 октября.

¹⁶ *Павловић С. К.* Србија: историја иза имена. Београд, 2004. С. 267.

¹⁷ Закон о чрезвычайном положении был принят еще С. Милошевичем в 1991 г. после известной демонстрации протеста 9 марта, но сам он к таким действиям в последствии не прибегал.

¹⁸ Достаточно вспомнить московские события в октябре 1993 г., к которым привел во многом разразившейся в России конституционный кризис.

¹⁹ *Петровская Ю.* Интервью с В. Коштуницей: «Влияние России на Балканах ослабевает» // Независимая газета. 2003. 22 апреля. Кстати, в проекте разрабатываемой конституции ДОС предполагалось избирать президента Сербии на заседании парламента, а не на всеобщих прямых выборах.

²⁰ Центр либеральных демократических исследований в Белграде в результате проведенного опроса выяснил, что взятки в Сербии регулярно дают 53% предпринимателей и что на взятки должностным лицам частный бизнес тратит 26% своей прибыли. См.: *Степанов Г.* Коррупция по-сербски // Известия. 2003. 4 сентября.

²¹ Напомним, что на предыдущих парламентских выборах в декабре 2000 г. СРП получила лишь 8% голосов.

²² *Калашников В.* Сюрпризы западных славян // Русский курьер. 2003. 30 декабря.

²³ *Ђосић Д.* Српска политика у другој половини XX века // Велика Србија. Истине. Зблуде. Злоупотребе. Београд, 2003. С. 43.

Сведения об авторах

Аникеев Анатолий Семенович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Аншаков Юрий Петрович — доктор исторических наук, профессор Самарского государственного педагогического университета.

Белов Михаил Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент Нижегородского государственного университета.

Васильева Нина Владимировна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института военной истории Министерства обороны РФ.

Вишняков Ярослав Валерианович — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел РФ.

Воробьева Ирина Геннадьевна — доктор исторических наук, профессор Тверского государственного университета.

Вяземская Елена Константиновна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Гибянский Леонид Янович — старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Грачев Виктор Петрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Достян Ирина Степановна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Едемский Андрей Борисович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Ешич Момчило Богданович — кандидат филологических наук.

Искендеров Петр Ахмедович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Карасев Александр Викторович — кандидат исторических наук, заведующий отделом Института славяноведения РАН.

- Косик Виктор Иванович** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.
- Кудрявцева Елена Петровна** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.
- Кузьмичева Людмила Васильевна** — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета.
- Лешиловская Инна Ивановна** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.
- Никифоров Константин Владимирович** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.
- Силкин Александр Александрович** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.
- Тимофеев Алексей Юрьевич** — кандидат исторических наук, профессор 1-й гимназии г. Белграда (Сербия и Черногория).
- Чуркина Искра Васильевна** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.
- Шемякин Андрей Леонидович** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.
- Ямбаев Михаил Леонидович** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Оглавление

Введение	7
Сербия — 200 лет борьбы. Вступительное слово директора Института славяноведения РАН, члена-корреспондента РАН В. К. Волкова	9
Приветствие Его Превосходительства, Чрезвычайного и Полномочного посла Сербии и Черногории в России Милана Рочена	18
Часть I. Первое сербское восстание и возрождение сербской государственности	
<i>И. И. Лещиловская.</i> Идеино-психологическая атмосфера у сербов в конце XVIII в.	22
<i>М. В. Белов.</i> Сербская повстанческая государственность и ее идейное обоснование	39
<i>В. П. Грачев.</i> План создания «нового порядка» на Балканах и негативные последствия его неудачной реализации в первой половине 1807 г.	57
<i>И. С. Достян.</i> Сербская революция и развитие русско-югославянских общественных связей	65
<i>И. Г. Воробьева.</i> Начальный этап изучения Первого сербского восстания в русской историографии: Н. А. Попов	72
<i>Е. К. Вяземская, А. В. Карасев.</i> К истории изучения Первого сербского восстания в отечественной историографии второй половины XX в.	92
Часть II. Сербская государственность в XIX — начале XX в.	
<i>Е. П. Кудрявцева.</i> Русская дипломатия и планы государственного устройства Сербии в первой половине XIX в.	100
<i>И. В. Чуркина.</i> Сербы Воеводины. Конец 40-х — начало 50-х гг. XIX в. (По запискам М. Ф. Раевского)	113
<i>Ю. П. Аншаков.</i> Русские журналы как источник изучения исторического прошлого югославянских народов и русско- югославянских связей (30-е — середина 50-х гг. XIX в.)	130

<i>Л. В. Кузьмичева.</i> Сербская государственная идея в 60–70-е гг. XIX в. (Проблема идеологического выбора)	150
<i>А. Л. Шемякин.</i> Народ и власть в независимой Сербии	175
<i>Я. В. Вишняков.</i> Майский переворот 1903 г. и развитие сербской государственности	201
<i>М. Л. Ямбаев.</i> Сербская политика в Македонии на рубеже XIX–XX вв. глазами русских консулов	214
<i>П. А. Искендеров.</i> Сербо-албанские отношения в начале XX в.: мифы и реальность	223
<i>Н. В. Васильева.</i> Роль «русского фактора» в решении югославянского вопроса в годы Первой мировой войны	240
Часть III. Эволюция сербской государственности в XX в. Три Югославии. Современные проблемы	
<i>А. А. Силкин.</i> Внутриполитические предпосылки установления режима личной власти короля Александра Карагеоргиевича. 1918–1929	254
<i>В. И. Косик.</i> Косово: «Радость в силе»/«Сила в радости»	267
<i>Л. Я. Гибиацкий.</i> СССР и «первая Югославия» накануне и в момент ее гибели	279
<i>А. С. Аникеев.</i> Некоторые аспекты проблемы национального государственного устройства межвоенной Югославии (1918–1945)	300
<i>А. Ю. Тимофеев.</i> Генерал Милан Недич и его правительство. Сербская историография вопроса	316
<i>А. Б. Едемский.</i> Празднование 150-летия Первого сербского восстания в коммунистической Сербии (1954): власть и научное сообщество	335
<i>М. Б. Ешич.</i> Сербь на Балканах в прошлом и настоящем (Размышления о судьбах одного из современных славянских этносов)	360
<i>К. В. Никифоров.</i> Сербская государственность в начале XXI в.	388
Сведения об авторах	403

ДВЕСТИ ЛЕТ НОВОЙ СЕРБСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
*К юбилею начала Первого сербского восстания
1804–1813 гг.*

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Корректор *Н. П. Дралова*

Оригинал-макет *И. А. Смаришева*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, 13.

Тел.: (812) 567-22-39, факс: (812) 567-22-53.

E-mail: aletheia@rol.ru; www.orthodoxia.org/ / [aletheia](http://aletheia.org/)

Фирменные магазины «Историческая книга»

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (095) 921-48-95

Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.

Тел. (812) 327-26-37

Подписано в печать 28.02.2005. Формат 60x88¹/₁₆.

Усл.-печ. л. 25. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 0350.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40

Printed in Russia

НОВЫЕ МАГАЗИНЫ «ИСТОРИЧЕСКАЯ КНИГА»

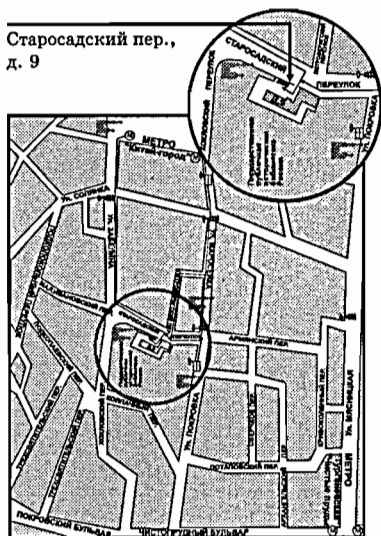
Книги издательства «АЛЕТЕЙЯ»

по отпускным ценам,

а также:

- Археология и этнография • Античность и византистика
- Средневековье и Новое время • Запад. Новейшее время • История Востока
- Славянские древности • Россия XVIII века
- Российская империя в XIX столетии • Политические партии начала XX века
- Классическая литература • Россия в изгнании • Россия периода 1917–1941 гг.
- Великая Отечественная война • Россия во второй половине XX века
- Политология и социология • Военная история • История философии
- История религий • История искусств

Старосадский пер.,
д. 9

МОСКВА,

Старосадский пер., 9

Тел. (095) 921-48-95

*ежедневно с 11 до 20 часов
без выходных*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ,

ул. Чайковского, 55

Тел. (812) 327-26-37

Понедельник — пятница

с 11 до 20 часов

Суббота с 12 до 19 часов

Воскресенье с 12 до 18 часов

Илья Гарашанин

Пован Ристич

Сборник посвящен 200-летию юбилею начала «Сербской революции» — первого национально-освободительного движения на Балканах Нового времени.

В него включены статьи российских историков-сербистов, охватывающие все периоды формирования и эволюции сербской государственности — со времен Первого Сербского восстания (1804-1813) и до начала XXI века.

Важнейшая и магистральная тема в истории Сербии исследуется впервые в отечественной науке.

Никола Пашич

